

710.05
БИБЛИОТЕКА ДЛІ САМОБРИЗОВАНІЯ

XXIX.

Г. ТАРДЪ

ПРЕСТУПНИКЪ
И ПРЕСТУПЛЕНІЕ

34
719

БИБЛИОТЕКА ДЛѢ САМООБРАЗОВАНІЯ,

ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

*А. С. Гьлкина, А. А. Кизветтера, проф. М. И. Коно-
валова, П. Н. Милюкова, проф. П. И. Новгородцева,
В. Д. Соколова и проф. А. И. Чупрова.*

XXIX.

Г. ТАРДЪ.

ПРЕСТУПНИКЪ И ПРЕСТУПЛЕНІЕ.

1911. 8190.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ САМООБРАЗОВАНИЯ,

ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. С. Бѣлкина, А. А. Кизеветтера, проф. М. И. Коновалова,
П. Н. Миллюкова, проф. П. И. Новгородцева, В. Д. Соколова и
проф. А. И. Чурова.

Изданія Т-ва И. Д. Сытина.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ:

- I. Проф. В. Минто. Дедуктивная и индуктивная логика. Перев. С. А. Котляревскаго, под редакціей В. Н. Ивановскаго. XXIV+542. Ц. 1 р. 75 к. 5-е издание (13, 14 и 15 тысячи экз.).
Перепечатано со 2-го изданія, рекомендованнаго Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ и ученыхъ (старшаго возраста) библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ — къ употребленію въ Духовныхъ Семинаріяхъ въ качествѣ полезнаго пособия при преподаваніи логики.
- II. Исторія Греціи со времени Пелопоннесской войны. Сборникъ статей. Перев. под редакціей Н. Н. Шамошина и Д. М. Петрушевскаго. Вып. I. XXVII+451+IV. Вып. II. XX+502+VI. Ц. за оба вып. 3 р. 50 к.
Оба выпуска этой книги Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія одобрены для учебныхъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній (мужскихъ и женскихъ) старшаго возраста. Учебнымъ Комитетомъ по учрежденіямъ Императрицы Маріи одобрены для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.
- III. Римская имперія. Сборникъ статей въ переводѣ А. С. Миллюковой. XX+667. Ц. 2 р. 50 к.
- IV. И. Ремсень. Введение къ изученію органической химіи. Перев. Н. С. Дренгельна, съ измѣненіями и дополненіями проф. М. И. Коновалова. XXVII+517. Ц. 1 р. 75 коп. 2-е издание.
- V. Г. Шенбергъ. Положеніе труда въ промышленності. Перев. М. Соколова, под редакціей проф. А. И. Чурова. XII+391+VI. Ц. 1 р. 60 к.
- VI. Кунъ. Новая химія. Перев. А. В. Алексина, под редакціей проф. М. И. Коновалова. XXXII+465+VIII. Ц. 1 р. 75 к.
- VII. Б. И. Черинъ. Политическіе мыслители древняго и новаго міра. Вып. I. XIV+469. Вып. II. 433. Ц. за оба вып. 3 руб. 50 коп.
- VIII. И. Ремсень. Введение въ изученіе химіи. (Неорганическая химія). Переводъ, исправленный по послѣднему нѣмецкому изданію, съ измѣненіями и дополненіями, под редакціей проф. М. И. Коновалова. XXIV+536. Ц. 1 р. 75 к.
- IX. М. Ферворнъ. Общая физиологія. Перев. проф. М. А. Мензбира и пр.-доц. Н. А. Иванцова. Вып. I. XX+518. Вып. II. VI+574. Ц. за оба вып. 4 р.
- X. Ф. Регельсбергеръ. Общее ученіе о правѣ. Перев. Н. А. Базанова, под редакціей проф. Ю. С. Гамбаровъ. XIV+295. Ц. 1 р. 40 к.
- XI. Манъ-Нендринъ и Снодрасъ. Физиологія органовъ чувствъ. Перев. Н. В. Горюновича. XX+413. Ц. 1 р. 75 к.
- XII. Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ до Смутнаго времени. Сборникъ статей, изд. под редакціей В. Н. Сторозева. Вып. I. XXVI+658. Ц. 2 р. 75 к.
- XIII. Г. Лоренцъ. Элементы высшей математики. Основаніе аналитической геометріи, дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій и ихъ приложений къ естествознанію. Переводъ съ дополненіями, измѣненіями и историческимъ очеркомъ развитія математическаго анализа В. П. Шереметевскаго. Томъ I. XXXVI+751. Ц. 3 р. 2-е издание. — Томъ II. XXIV+595. Ц. 2 р. 50 к., для покупающихъ оба тома вмѣстѣ — 5 р.
- XV. А. Р. Уоллэсъ. Дарвинизмъ. Съ портретомъ автора. Перев. проф. М. А. Мензбира, съ приложеніемъ его статьи А. Уоллэсъ и его настоящее значеніе. XL+553. Ц. 3 руб.

- XVI. **Ө. Порритъ.** Современная Англія. Права и обязанности ея гражданъ. Перев. *О. В. Полторацкой.* XVI+368+XXII. Ц. 1 р. 60 к.
- XVII. **Т. Генсли и Г. Мартинъ.** Практическія занятія по зоологiи и ботаникѣ. Съ 342 рис. въ текстѣ. Перев. *И. А. Петровскаго, П. П. Сушкина и Н. К. Колцова.* XXIV+762. Ц. 3 р. 50 к.
- XVIII. **Исторія Римской республики по Моммсену.** Перев. *Н. Н. Шамомина.* Вып. I. XXIV+529. Ц. 2 р.
Книга эта Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія рекомендована для приобретения въ фундаментальныя и ученическія (старшаго возраста) библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства.
- XIX. **Б. Н. Чечеринъ.** О народномъ представительствѣ. XXVI+812. Ц. 3 р.
- [XX. **Георгъ Майръ.** Законмѣрность въ общественной жизни. Перев. *Н. Н. Романова,* просмотрѣнный и дополненный *В. Э. Денюмъ,* подъ редакціей [проф. *А. И. Чурова.* Съ приложеніемъ диаграммъ и картограммъ. XVIII+480. Ц. въ переплетѣ 2 р. 25 к., въ обложкѣ 1 р. 50 к.
- XXI. **Н. Лоньеръ.** Спектроскопъ и его примѣненія. Перев. *С. Г. Займовскаго,* подъ редакціей и съ дополненіемъ очерка „О новѣйшемъ развитіи спектральныхъ изслѣдованій“ проф. *В. А. Мисельсона.* Съ 85 рис. въ текстѣ и 3 цвѣтными спектральными таблицами. XX+234. Ц. 1 р. 75 к.
- XXII. **М. А. Ганчъ.** Краткое руководство по стереохиміи. Перев. *З. В. Книжиной,* подъ редакціей проф. *М. И. Коновалова.* XXIV+246. Ц. 1 р.
- XXIII. **Т. Грантъ.** Греція въ вѣкъ Перикла. Перев. подъ редакціей *Н. Н. Шамомина.* Съ рисунками. XXIV+368. Ц. 1 р. 60 к.
- XXIV. **М. Фостеръ и Л. Шоръ.** Физиологія для начинающихъ. Перев. *Д. Д. Векарюкова.* Съ 111 рис. въ текстѣ. XXIII+330. Ц. 1 р. 50 к.
Книга эта Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена въ ученическія библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства и въ бесплатныя народныя читальныя и библиотеки.
- XXV. **В. Я. Желѣзновъ.** Очерки политической экономіи. 3-е издание, перепечатанное со 2-го изданія безъ перемѣнъ. XXIII+831. Ц. 3 р.
- XXVI. **Дайси.** Основы государственнаго права Англіи. Перев. *О. В. Полторацкой,* подъ редакціей проф. *П. Г. Виноградова.* XXXVI+658. Ц. 2 р.
- XXVII. **В. Ө. Икономовъ.** Наканунѣ реформъ Петра Великаго. Очерки государственнаго, общественнаго и частнаго быта Московской Руси XVII вѣка. XXIII+304. Ц. 1 р. 25 к.
- XXVIII. **А. Н. Роджерсъ.** Краткое введеніе въ исторію новой философіи. Перев. *С. С. Зелинскаго,* подъ редакціей *Ю. И. Айхенвальда.* XX+224. Ц. 1 руб.
- XXIX. **Г. Тардъ.** Преступникъ и преступленіе. Перев. *Е. В. Выставкиной,* подъ редакціей *М. Н. Гернета* и съ предисловіемъ *Н. Н. Полянскаго.* XX+324. Ц. 1 р. 25 к.
- XXX. **А. Берри.** Краткая исторія астрономіи. Перев. *Г. Займовскаго,* подъ редакціей проф. *Р. Ф. Фогеля.* Съ 112 рис. и портр. XXXIX+606. Ц. 2 р. 50 к.
- XXXI. **Д. Романсъ.** Духовная эволюція челоуѣка. Перев. *Е. И. Бошнякъ,* подъ редакціей *Н. Д. Виноградова.* XXV+618. Ц. 2 р.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

- XXXII. Проф. **Геддингъ.** Исторія философіи. Въ 2-хъ томахъ. Перев. *Д. В. Викторова.*
- XXXIV. Проф. **Ян. Самойловъ.** Введеніе въ кристаллографію.

П. **А. Бэнь.** Психологія. Томъ II. Перев. *С. И. Ершова*

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

- XII. **Ленсисъ.** Экономія торговли. Перев. *Е. Д. Богданова,* подъ редакціей проф. *А. И. Чурова.*
- XIII. Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ до Смутаго времени. Сборникъ статей, изд. подъ редакціей *В. Н. Сторожева.* Вып. II.

- XVIII. *Исторія Римской республики по Моммсену. Перев. Н. Н. Шамонова. Вып. II.*
 XXXI. *Анри Мишель. Идея государства. Перев. П. А. Рожественскаго.*

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ СЕРІЯ.

- {1. *Карль Федернъ. Данте. Перев. съ нѣм. В. М. Спасской, подъ ред. М. Н. Розанова. Съ многочисленными иллюстраціями.*

БРОШЮРНАЯ СЕРІЯ.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ.

- I. *В. Круксъ. О происхожденіи химическихъ элементовъ. Перев. А. В. Генерозова, подъ редакціей и съ предисловіемъ проф. М. И. Коновалова. XVI+49. Ц. 50 к.*
 II. *Проф. М. Н. Коноваловъ. Практическія занятія по общей химіи. XXIII+98. Ц. 50 к.*
 IV. *Г. Еллинекъ. Декларация правъ челоуѣка и гражданина. Перев. съ нѣм. подъ ред. А. Э. Вормса. 3-е издание, дополненное. XX+86. Ц. 40 к.*
 V. *Ф. Гизель. О радиоактивныхъ веществахъ и ихъ лучахъ. Перев. А. Е. Чичибабина, подъ ред. проф. М. И. Коновалова. XVI+48. Ц. 35 к.*
 VI. *И. Кантъ. Вѣчный миръ. Перев. студентовъ С. М. Роговина и Б. В. Чредина, подъ ред. проф. гр. Л. А. Камаровскаго. XXIV+73. Ц. 40 к.*

П Е Ч А Т А Ю Т С Я *

- III. *Р. Іерингъ. Общественное развитіе права и нравственности. Перев. Д. Д. Бекарокова.*

Изданія И. А. Баландина.

- I. *Е. Вармингъ. Ойкологическая географія растений. Перев. подъ ред. прив.-доцентовъ М. Голенкина и В. Анольди. Съ дополненіями по русской флорѣ и 100 рис. въ текстѣ. XXII+522. Ц. 3 р. 50 к.*
 II. *А. Бэнъ. Психологія. Перев. съ англійскаго подъ редакціей и съ предисловіемъ прив.-доцента А. Бюлкина. Томъ I. Съ 13 рис. въ текстѣ. XXII+417. Ц. 2 р.*
 III. *А. Фишеръ. Лекціи о бактеріяхъ. [Перев. А. В. Генерозова, съ предисловіемъ и статьей „Дыханіе и броженіе“ проф. Н. Н. Худякова. 29 рис. въ текстѣ. XVI+229+V+20. Ц. 1 р. 60 к.]*

КОМИССІЯ

ПО ОРГАНИЗАЦІИ ДОМАШНЯГО ЧТЕНІЯ,

состоящая при Учебномъ Отдѣлѣ О. Р. Т. З.

Удостоена серебряной медали на всемірной [выставкѣ въ Парижѣ 1900 г.

Москва, Большая Никитская, Шереметевскій пер.,
д. Рихтера, кв. № 6.

Программы домашняго чтенія на 1-й годъ систематическаго курса.

Изданіе седьмое, исправленное и дополненное.

Содержаніе: Предисловіе.—Правила для сношеній читателей съ Комиссіей.—Составъ Комиссіи и списокъ пожертвованій въ ея пользу.—Планы систематическаго чтенія на четыре года.—Программы на 1-й годъ.

1. Математика: 1) Курсъ общеобразовательный (аналитическая геометрія), 2) курсъ специальный (элементарная математика). **II. Науки физико-химическія:** 1) физика (механический отдѣлъ, ученіе о теплотѣ, звукѣ и свѣтѣ), 2) химія (введеніе и неорганическая химія). **III. Науки биологическія:** введеніе, органиграфія цветковыхъ растений и ученіе объ устройствѣ человеческого тѣла. **IV. Науки философскія:** программа первая (психологія и логика), программа вторая (логика). **V. Науки общественно-юридическія:** 1) исторія и строеніе общества, 2) политическая экономія. **IV. Исторія:** 1) первобытная культура, 2) древній востокъ, 3) Греція, 4) Римъ. **VII. Исторія литературы:** греческая и римская. **Списокъ книжныхъ магазиновъ и библиотекъ,** вошедшихъ въ соглашеніе съ Комиссіей относительно снабженія ея читателей книгами. Объявленія.

Цѣна 35 к., съ пересылкой—48 к., наложнымъ платежомъ—65 к.

Программы домашняго чтенія на 2-й годъ систематическаго курса.

Изданіе третье, исправленное и дополненное.

Содержаніе: Предисловіе.—Правила для сношеній читателей съ Комиссіей.—Составъ Комиссіи и списокъ пожертвованій въ ея пользу.—Планы систематическаго чтенія па четыре года.—Программы на 2-й годъ.

1. Математика: 1) курсъ общеобразовательный (дифференціальное и интегральное исчисленія), 2) курсъ специальный (аналитическая геометрія). **II. Науки физико-химическія:** 1) физика (ученіе объ электричествѣ и магнитизмѣ), 2) химія органическая, химія теоретическая и физическая. **III. Науки биологическія:** 1) анатомія растений, 2) споровыя растенія, 3) сравнительная анатомія животныхъ, 4) гистологія и эмбриологія животныхъ. **IV. Науки философскія:** программа первая (исторія философіи), программа вторая (психологія съ педагогикой). **V. Науки общественно-юридическія:** 1) общее ученіе о правѣ, 2) государственное право (общее западныхъ державъ и русское), 3) экономическая исторія Англіи. **VI. Исторія:** 1) всеобщая (Средніе вѣка), 2) русская (до Смутнаго времени). **VII. Исторія литературы:** 1) всеобщая литература (Средніе вѣка и эпоха Возрожденія), 2) русская литература (до XVII вѣка). **Списокъ книжныхъ магазиновъ и библиотекъ,** вошедшихъ въ соглашеніе съ Комиссіей относительно снабженія ея читателей книгами. Объявленія.

Цѣна 45 к., съ пересылкой—60 к., наложеннымъ платежомъ—77 к.

Программы домашняго чтенія на 3-й годъ систематическаго курса.

Изданіе второе, исправленное и дополненное.

Содержаніе: Предисловіе.—Правила для сношеній читателей съ Комиссіей.—Составъ Комиссіи и списокъ пожертвованій въ ея пользу.—Планы систематическаго чтенія на четыре года.—Программы на 3-й годъ.

I. Науки математическія. **II. Науки о природѣ неорганизованной (физико-химическія):** А. Астрономія. Б. Метеорологія и климатологія. **III. Науки о природѣ организованной (биологическія):** А. Общая физиологія. Б. Физиологія растений. В. Физиологія животныхъ. **IV. Науки философскія:** программа первая (исторія познаній и метафизика), программа вторая (исторія древней и средневѣковой философіи). **V. Науки общественно-юридическія:** 1) экономическая исторія Россіи, 2) экономія сельскаго хозяйства, 3) экономія промышленности, 4) экономія торговли, 5) гражданское право, 6) уголовное право. **VI. Исторія:** 1) всеобщая исторія (XVI, XVII и XVIII вв.). Программа А. Программа Б, 2) русская исторія (XVII и XVIII вв.). **VII. Исторія литературы:** 1) всеобщая литература. А. Цепанская литература (XVII и XVIII вв.). Б. Английская литература

(XVII и XVIII вв.). В. Итальянская литература (XVII и XVIII вв.). Г. Вѣкъ ложнаго классицизма во Франціи. Д. Французская литература (XVIII в.). Е. Нѣмецкая литература (XVII в.). Ж. Нѣмецкая литература (XVIII в.); 2) Русская литература XVIII в. Программы чтенія по отдѣльнымъ наукамъ. Этнографія. Чтеніе по отдѣльнымъ вопросамъ (темамъ). Отдѣльныя темы по общественнымъ наукамъ. Приложение: Параллельная программа по экономіи сельскаго хозяйства. Дополнительный списокъ пособій. Списокъ книжныхъ магазиновъ и библиотекъ, вошедшихъ въ соглашеніе съ Комиссіей относительно снабженія ея читателей книгами. Объявленія.

Цѣна 60 к., съ пересылкой—85 к., паложеннымъ платежомъ—95 к.

Программы домашняго чтенія на 4-й годъ систематическаго курса.

Изданіе второе, исправленное и дополненное.

Содержаніе: Предисловіе.—Правила для споеній читателей съ Комиссіей.—Составъ Комиссіи и списокъ пожертвованій въ ея пользу.—Планы систематическаго чтенія на четыре года.—Программы на 4-й годъ.

I. Математика (спеціальныя курсы): Теоретическая механика. II. Науки физико-химическія: Динамическая геология. III. Науки биологическія: А. Палеонтология. Б. Биогеографія. В. Теорія эволюціи и дарвинизмъ. Г. Самостоятельныя научныя работы по ботаникѣ. IV. Науки философскія: программа первая (этика), программа вторая (исторія новой философіи). Темы для письменныхъ работъ по исторіи новой философіи. V. Науки общественно-юридическія: Международное право. Соціальная политика. Финансовая наука. VI. Исторія: 1) Всеобщая исторія (эпоха французской революціи и XIX вѣкъ). Программа А. (полная). Программа Б. (сокращенная), 2) русская исторія (XIX вѣкъ). VII. Исторія литературы: Всеобщая литература. А. Нѣмецкая литература XIX в. Б. Французская литература XIX в. В. Англійская литература XIX в. Г. Итальянская литература XIX в. Д. Русская литература XIX вѣка. Списокъ книжныхъ магазиновъ и библиотекъ, вошедшихъ въ соглашеніе съ Комиссіей относительно снабженія ея читателей книгами. Объявленія.

Цѣна 60 коп., съ перес.—74 коп., налог. платежомъ—91 коп.

Эпизодическія программы.

Серія I. Содержаніе: „Пирамида“ (Древній Египетъ). М. О. Гершензона.—„Средневѣковый городъ“. А. К. Дживеллегова.—„Исторія французской революціи“. М. Н. Коваленскаго.—„Смутное время въ Московскомъ государствѣ“. Н. Н. Алябьева.—„Исторія кодификаціи гражданскаго права въ Россіи“. В. А. Краснокутскаго и К. К. Нотгафта.—„Растительныя сообщества Средней Россіи“. А. О. Флерова.—„Валленштейнъ“ Шиллера. А. О. Лютера.—„Байронъ и его время“. П. С. Когана.—„Новгородскія былинны“. Н. М. Мендельсона.—„Городское хозяйство и городскіе финансы“. П. П. Гензеля.—„Факторы преступности“. Н. Н. Полянскаго.—„Основы судебной реформы 1864 г. въ Россіи“. С. В. Позднышева.—„Вопросъ о смертной казни въ старой и новой литературѣ“. С. В. Позднышева. Изданіе 2-е. Цѣна 20 к., съ перес.—31 к., налог. платежомъ—41 к.

Серія II. Содержаніе: „Корея“. А. А. Борзова.—„Японія“. М. Н. Коваленскаго и С. Г. Григорьева.—„Право войны“. А. С. Яценко.—„Средневѣковая исторія Англии“. Д. М. Петрушевскаго.—„Горе отъ

умъ" Губоѣдова. *Ю. П. Айхсвальда*.—„Лига Каренина“, романъ гр. Л. Н. Толстого. *И. Н. Розанова*.—„Дарвинизмъ“. *И. К. Кольцова*.
Цѣна 15 к., съ перес.—19 к., налог. платежомъ—36 к.

Отчетъ Комиссіи домашняго чтенія за 1896 г. съ приложеніемъ статистическихъ матеріаловъ объ ея дѣятельности за 1895 и 1896 гг. Цѣна 30 к., съ пересылкой—43 к., налог. платежомъ—53 к.

А. В. Горбуновъ. Одинъ изъ опытовъ University Extension въ Россіи. Отчетъ о дѣятельности Комиссіи за 1897 г. Цѣна 15 к., съ перес. 17 к.

„Памяти **Ө. И. Буслаева**“. Съ портретомъ его. Изд. Учеб. Отд. Общ. Распротр. Технич. Знаній. М., 1898 г. Цѣна 75 коп.

Ученіямъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія книга эта реновирована для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для библиотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, для учительскихъ библиотекъ низшихъ училищъ и для бесплатныхъ народныхъ читаленъ.

„Тридцать лѣтъ жизни Учебнаго Отдѣла Общества Распротр. Технич. Знаній“. Съ 5 портретами и 15 біографіями. Составилъ **А. Е. Грузинскій**. М., 1902 г. Цѣна 1 р.

СИЛАДЪ ИЗДАНИЙ въ канцеляріи Комиссіи по организаци домашняго чтенія: Москва, Большая Никитская, Шереметевскій пер., д. Рихтера, кв. № 6.

~~М. В. Калашова~~
Г. ТАРДЪ.

ПРЕСТУПНИКЪ И ПРЕСТУПЛЕНИЕ.

Переводъ *Е. В. ВЫСТАВНИНОЙ*,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ **М. Н. ГЕРНЕТА**

и съ предисловіемъ **Н. Н. Полянского.**

Типографія Т-ва Н. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
МОСКВА. — 1906.

ОТЪ РЕДАКЦИИ
«БИБЛИОТЕКИ ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ».

За послѣднія десятилѣтія въ русскомъ обществѣ замѣчается несомнѣнное усиленіе интереса къ самообразованію. Оживленіе издательской дѣятельности, устройство въ провинціи курсовъ и публичныхъ лекцій, появленіе въ Москвѣ и Петербургѣ кружковъ специалистовъ, ставящихъ своей задачей помощь самообразованію, — все это дѣлаетъ очевиднымъ, что потребность въ серьезномъ чтеніи сознается у насъ все болѣе расширяющимися общественными кругами. Къ сожалѣнію, популяризація знаній, необходимыхъ для всякаго образованнаго человѣка, все еще далеко не идетъ вровень съ этимъ быстрымъ усиленіемъ спроса на чтеніе со стороны жаждущей просвѣщенія публики. Оригинальныхъ популяризаторовъ у насъ еще слишкомъ мало, а выборъ переводныхъ произведеній далеко не всегда дѣлается лицами, которыя соединяли бы въ себѣ пониманіе потребностей современнаго русскаго читателя съ хорошимъ знаніемъ иностранной популярной литературы. Отъ этого на нашемъ книжномъ рынкѣ такъ часто появляются книги, нужныя только тѣмъ, кто могъ бы прочесть ихъ и въ иностранномъ подлинникѣ, и, наоборотъ, многихъ книгъ, которыя были бы пужны всякому образованному человѣку, на русскомъ языкѣ не существуетъ. Въ результатѣ оди-

наково страдают и интересы издателей, и интересы читающей публики. Не находя въ современной популярной литературѣ того, что имъ нужно, тѣ и другіе прибѣгаютъ, наконецъ, къ помощи старыхъ любимцевъ русской интеллигенціи. Повторяющіяся перепечатки многихъ старыхъ изданій безспорно свидѣтельствуютъ какъ объ увеличеніи запроса на самообразовательное чтеніе со стороны читателей, такъ и о недостаткѣ на русскомъ языкѣ произведеній новѣйшей популярной литературы, которыя могли бы удовлетворить этому запросу.

Въ послѣднее время, однако, въ издательское дѣло замѣтно проникла свѣжая струя. Старыя и вновь возникающія фирмы принимаются за изданіе цѣлаго ряда серій популярныхъ книгъ для чтенія и самообразованія. Къ этого рода серіямъ принадлежитъ и «Библиотека для самообразованія». Но среди другихъ подобныхъ изданій она занимаетъ свое особое мѣсто въ связи съ той спеціальной цѣлью, которую она преслѣдуетъ. Эту цѣль, долженствующую сообщить всѣмъ выпускамъ «Библиотеки для самообразованія» нѣкоторое внутреннее единство, редація считаетъ нужнымъ особенно подчеркнуть.

«Библиотека для самообразованія» находится въ самой тѣсной связи съ московской «Комиссіей по организаціи домашняго чтенія», начавшей свою дѣятельность при «Учебномъ отдѣлѣ Общества распространенія техническихъ знаній» въ 1893 году, и редакторы «Библиотеки для самообразованія» всѣ состоятъ членами Комиссіи.

Составляя свои «программы» систематическаго чтенія, Комиссія, какъ видно изъ ея проспекта, имѣетъ въ виду соединить общедоступность чтенія съ его серьезностью и основательностью. Съ этой цѣлью въ каждой программѣ указанъ тотъ *необходимый минимумъ* познаній, безъ усвоенія котораго ознакомленіе съ соотвѣтствующимъ от-

дѣломъ науки нельзя признать сколько-нибудь осповательнымъ. *Всѣ* книги, необходимыя для пріобрѣтенія такого минимума познаній, указаны *на русскомъ языкѣ*, и почти всѣ онѣ доставляются читателямъ Комиссіей на льготныхъ условіяхъ (см. «Правила для сношеній съ Комиссіей», перепечатанныя въ концѣ настоящаго тома). Относительно способа усвоенія *необходимыхъ* пособій даны въ программахъ ближайшія указанія. Всѣ указанія Комиссіи дѣлаются такъ, чтобы ими могли воспользоваться лица трехъ категорій: 1) лица, вовсе не имѣвшія возможности пріобрѣсти правильнаго средняго образованія, но болѣе или мене привыкшія читать серьезныя книги популярно-научнаго содержанія; 2) лица, окончившія курсъ средней школы, но не получившія высшаго образованія, и 3) лица, окончившія высшую школу, которыя пожелали бы съ помощью Комиссіи освѣжить забытыя знанія, пополнить пробѣлы или пріобрѣсти новыя свѣдѣнія въ незнакомыхъ имъ отдѣлахъ наукъ. При составленіи «программъ», Комиссія имѣла въ виду нѣкоторый средній уровень читателей; этотъ средній уровень характеризуется въ глазахъ Комиссіи не столько количествомъ пріобрѣтенныхъ свѣдѣній, сколько извѣстной привычкой къ серьезному чтенію. Умѣнье читать серьезную книгу есть необходимое условіе успѣшности самообразованія. Къ сожалѣнію, это умѣнье принадлежитъ къ числу навыковъ, которые трудно передать съ помощью однихъ письменныхъ сношеній. Комиссіи поневолѣ приходится предполагать, что у ея читателей этотъ навыкъ уже пріобрѣтенъ.

Содержаніе книжекъ, издаваемыхъ въ «Библіотекѣ для самообразованія», находится въ прямой зависимости отъ намѣченныхъ Комиссіей цѣлей, какъ онѣ охарактеризованы въ приведенныхъ выдержкахъ изъ ея проспекта. Редакція Библіотеки для самообразованія предполагаетъ

вводитъ въ свою серію только такія книги, изъ которыхъ каждая давала бы необходимый минимумъ познаній, безъ усвоенія котораго ознакомленіе съ соответствующимъ отдѣломъ науки нельзя признать сколько-нибудь основательнымъ. Другими словами, «Библіотека для самообразованія» будетъ состоять изъ ряда пособій, признанныхъ Комиссіей «необходимыми» для усвоенія ея «программъ», но не существовавшихъ до сихъ поръ въ русской популярной литературѣ или же вышедшихъ изъ продажи, а также изданныхъ въ неудовлетворительномъ переводѣ. Съ подобными пробѣлами постоянно принуждена считаться всякая программа для самообразованія; и чѣмъ она общѣ и энциклопедичнѣе, тѣмъ пробѣловъ оказывается больше, и тѣмъ необходимѣе становится создать литературу, спеціально приспособленную для самообразовательныхъ цѣлей, какъ ихъ ставить та или другая программа. Англійскія и американскія общества содѣйствія самообразованію уже стали на этотъ путь — созданія спеціально приспособленныхъ къ программамъ пособій. Подобную же попытку предполагаютъ сдѣлать и редакторы «Библіотеки для самообразованія». Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ заграничной популярной литературѣ имѣются вполне подходящія сочиненія, редакція будетъ переводить ихъ или переиздавать уже переведенныя книги; если же подходящихъ пособій не имѣется, редакція будетъ издавать сборники, хрестоматіи, компіляціи или оригинальныя произведенія, приспособленныя къ программамъ Комиссіи. Такимъ образомъ, руководители «домашняго чтенія» и ихъ читатели не будутъ зависѣть отъ случайнаго наличнаго состава популярной литературы, имѣющейся на русскомъ языкѣ, а читающая публика, вообще, получитъ рядъ общедоступныхъ руководствъ по всѣмъ отраслямъ общесобразовательныхъ знаній.

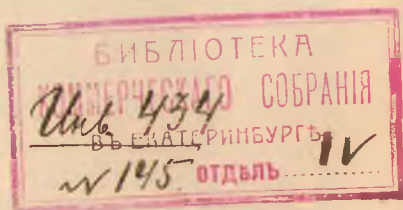
Благодаря содѣйствию издательской фирмы Т-ва И. Д. Сытина, редакція имѣетъ возможность придать книжкамъ «Библіотеки для самообразованія» внѣшній видъ, соответствующій европейскимъ изданіямъ этого рода, не поднимая въ то же время цѣны изданія выше обыкновенной. Небольшой форматъ и прочный переплетъ должны отвѣчать назначенію «Библіотеки для самообразованія», цѣль которой—дать рядъ основныхъ пособій, предназначенныхъ для постоянного употребленія.

ПРЕДИСЛОВІЕ РЕДАКТОРА.

Настоящая книга даетъ переводъ лишь двухъ главъ обширной работы Тарда *La philosophie pénale*. Эти двѣ главы представляютъ законченное и цѣльное изложенеіе взглядовъ автора на важнѣйшіе вопросы науки уголовного права—о «преступленіи» и «преступникѣ». Будемъ надѣяться, что издаваемый переводъ поведетъ къ большому ознакомленію русской пубрики со взглядами той новой соціологической школы въ криминологіи, къ числу сторонниковъ которой принадлежалъ безвременно умершій Тардъ *).

М. Гернетъ.

*) Считаю долгомъ отмѣтить, что первую редакцію перевода держалъ прив.-доц. Н. Н. Полянскій.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ.

Въ одной изъ своихъ рѣчей, произнесенной на мѣстномъ торжествѣ въ небольшомъ провинціальномъ городѣ Sarlat, въ которомъ Тардъ провелъ значительную часть своей жизни, онъ говорилъ о свободѣ. Замѣтивъ, что есть люди, которые полагаютъ свободу въ силѣ и считаютъ порабощеніемъ умаленіе престижа власти или военное пораженіе, и что для такихъ людей существуетъ выборъ только между тиранніей и рабствомъ, Тардъ закончилъ свою рѣчь слѣдующими фразами: «Я вамъ дамъ истинное опредѣленіе свободы... Видите ли вы изъ-за окутывшей васъ тьмы, тамъ, вдали, въ туманѣ прошлаго, этотъ тусклый свѣточъ, этотъ мерцающій огонекъ, эту маленькую восходящую звѣзду? Когда-то она уже свѣтила намъ. Придетъ время — она загорится съ новою силою, когда міръ устанетъ въ погонѣ за счастьемъ на всѣхъ путяхъ, кромѣ пути сердца, истомится въ поискахъ социальнаго мира посреди ожесточенной борьбы эгоизма и разнузданности интересовъ, и потеряетъ вѣру въ нечестивый парадоксъ, будто безъ любви можно достигнуть мира, счастья, равенства и свободы!.. Не считайте иллюзіей и не принимайте за падающій метеоръ эту звѣздочку, эту маленькую небесную лампаду. Не гасите ее, вы, — пастухи, рабочіе, всѣ обездоленные сего міра! По-

вѣрьте мнѣ, свобода это—братство, свобода это—любовь!» Вотъ слова, которыя, быть-можетъ, было бы достаточно привести, вмѣсто предисловія, для того, чтобы дать читателямъ представленіе о духовномъ обликѣ автора, часть сочиненія котораго предлагается ихъ вниманію. Въ нихъ, въ этихъ словахъ, сказался весь Тардъ: какъ человѣкъ, обладавшій большою нравственною чуткостью, подкупающей добротой и необыкновенно привлекательной душевной мягкостью; какъ поэтъ, умѣвшій писать только красиво, переплетая свое изложеніе то лирическими отступленіями, то смѣлыми, но всегда удачными и художественными образами, и какъ оригинальный истолкователь той общественной философіи, въ основѣ которой лежитъ оптимистическая вѣра, что основной социальный законъ есть «ассоціація для жизни», а не борьба за жизнь, и что солидарность, а не социальные противорѣчія, составляетъ залогъ прогресса человѣчества.

Тонко чувствующимъ, гуманнымъ человѣкомъ, социологомъ-оптимистомъ, поэтомъ, умѣющимъ каждой мысли придать картинную форму, Тардъ остается и тогда, когда разрабатываетъ вопросы, составляющіе предметъ науки уголовного права.

✓ Среди криминалистовъ-соціологовъ Тарду принадлежитъ такое же крупное мѣсто, какъ Ломброзо среди криминалистовъ-антропологовъ.

Въ то время, какъ Ломброзо, который признаетъ Тарда за самага остроумнаго и самага блестящаго критика своихъ теорій, создалъ взглядъ на преступника, какъ на роковое порожденіе природы, и на этомъ взглядѣ построилъ свое ученіе о прирожденномъ типѣ преступника, Тардъ видитъ въ преступникѣ прежде всего профессиональный типъ, который находитъ себѣ объясненіе, главнымъ образомъ, въ общихъ законахъ подражанія и приспособо-

бленія. Человѣкъ не рождается преступникомъ, а дѣлается имъ, сначала поддаваясь заразной силѣ примѣра и затѣмъ приспособляясь къ тому новому положенію, которое создается для него фактомъ совершеннаго преступленія.

Если Ломброзо обрекаетъ криминалиста на почти безнадежную борьбу съ органическими силами природы, то, напротивъ, у Тарда читатель найдетъ глубоко оптимистическое убѣжденіе, что цивилизація, какъ «цѣльная совокупность вѣры и знанія, всѣхъ формъ труда и власти, всѣхъ различныхъ видовъ инициативы», представляетъ собой могущественную коалицію противъ арміи преступниковъ.

Обаятельная нравственная личность Тарда выступаетъ въ характерѣ тѣхъ аргументовъ, которыми онъ нерѣдко подкрѣпляетъ свои уголовно-правовыя теоріи; эти аргументы — голосъ сердца, моральное чувство. По взгляду Тарда, необходимымъ условіемъ отвѣтственности нарушителя закона является его социальное сходство съ окружающей средой, потому что нравственный императивъ требуетъ для примѣненія наказанія установленія солидарности въ желаніяхъ и убѣжденіяхъ (*désirs et croyances*) между преступникомъ и тѣмъ обществомъ, на законы котораго онъ посягнулъ. Человѣкъ, по своеобразному воззрѣнію Тарда, только тогда вполнѣ виновенъ, когда въ глубинѣ души, въ силу тѣхъ понятій о добрѣ и злѣ, которыя воспитала въ немъ окружающая среда, онъ самъ осуждаетъ содѣянное имъ. Тардъ энергично возстаетъ противъ утилитарныхъ ученій о цѣляхъ наказанія. Онъ думаетъ, что видѣть въ наказаніи только процессъ элиминаціи преступника или возстановленіе нарушеннаго правопорядка — это значитъ хотѣть, чтобы отношеніе криминалистовъ и вмѣстѣ съ ними всего общества къ совершен-

ному преступленію имѣло чисто-интеллектуальный характеръ и было лишено всякой эмоціи. По его мнѣнію, криминалисты утилитарнаго направленія забываютъ, что разумъ самъ по себѣ инертенъ и что только чувство представляетъ собою двигательную силу человѣческой мысли и человѣческаго общества. Онъ осуждаетъ смертную казнь, потому что «сердце протестуетъ и возстаетъ противъ нея». Самымъ сильнымъ доводомъ противъ смертной казни Тардъ считаетъ не соображеніе ея бесполезности для общества, а то моральное и эстетическое отвращеніе, которое она вызываетъ. «Я долго,—признается Тардъ,—пытался преодолѣть въ себѣ чувство ужаса передъ смертной казнью и не могъ».

«Преступникъ» и «Преступленіе»—двѣ главы изъ знаменитой книги Тарда «*La philosophie pénale*». Какъ и все, что вышло изъ-подъ пера Тарда, она написана изящнымъ стилемъ, богата смѣлыми образами и переполнена примѣрами изъ самыхъ различныхъ областей знанія. Словомъ, ея изложеніе отличается тѣми же чертами, которыя свойственны всѣмъ трудамъ Тарда и которыя настолько выдѣляютъ ихъ изъ произведеній другихъ криминалистовъ и соціологовъ, что имя ихъ автора не трудно узнать, не справляясь съ подписью. Въ этомъ отношеніи Тардъ похожъ на своего славившагося энциклопедическими познаніями предка—каноника Жана Тарда, который однажды, будучи принятъ вмѣстѣ съ другими духовными лицами римскимъ папой, такъ удивилъ послѣдняго своими отвѣтами, что тотъ, не зная его, воскликнулъ: «*Tu es Tardus aut Diabolus!*» («Ты — Тардъ или сатана!»)

Н. Полянскій.

ПРЕСТУПНИКЪ.

I. Что такое преступникъ? Послѣ смерти великаго Ламы тибетскіе жрецы принимаютъ за поиски новорожденнаго, въ котораго переселилась безсмертная душа Ламы. Они узнаютъ его по нѣкоторымъ чертамъ, по вѣрному антропологическому признаку, который, какъ они увѣряютъ, никогда ихъ не обманываетъ. Такъ же поступали и египетскіе жрецы, чтобы отличить быка Аписа среди всѣхъ быковъ Нильской долины. Для нихъ существовалъ, какъ и теперь еще существуетъ для тибетскаго народа и духовенства, божественный типъ.

Такимъ же образомъ на взглядъ Ломброзо существуетъ преступный типъ, позволяющій распознать прирожденнаго преступника. Такова была, по крайней мѣрѣ, первая мысль Ломброзо, но мы знаемъ, что, развиваясь, она должна была усложниться, чтобы примѣниться къ противорѣчащимъ ей фактамъ. Что же отъ нея теперь осталось? Повидимому, немного, но нѣчто существенное; мы увидимъ это ниже. Если бы даже эта мысль послужила лишь для иллюстраціи съ большей опредѣленностью, чего нѣтъ въ преступникѣ, и не дала никакихъ указаній на то, что же именно онъ представляетъ, то и въ этомъ случаѣ она не была бы бесполезна. Но она сдѣлала больше; она собрала любопытныя наблюденія, позд-

нѣе, безъ сомнѣнія, принесшія пользу; неизгладимыми штрихами она обрисовала психологию преступнаго типа и подготовила путь къ его соціологическому объясненію.

Прежде всего, благодаря частичной удачѣ своей попытки, школа Ломброзо окончательно доказала намъ, что преступника, какъ естественной разновидности человѣческаго рода, не существуетъ; иными словами, онъ не соотвѣтствуетъ никакой естественной идеѣ въ Платоновскомъ или научномъ смыслѣ слова. Китаецъ, негръ, монголь отвѣчаютъ реальнымъ схемамъ этого рода: соедините по способу Гальтона десять или двѣнадцать фотографій китаецевъ, и вы получите родовой портретъ, гдѣ за ступевавшимися особенностями отдѣльныхъ фізіономій проявляются только ихъ общія черты, съ удивительною рельефностью, такъ сказать, въ живой абстракціи, въ индивидуальномъ воплощеніи идеальнаго типа, отъ котораго отдѣльные субъекты въ большей или меньшей степени уклоняются. Этотъ портретъ-типъ имѣетъ одну особенность: онъ улучшаетъ то, что комбинируетъ, и объясняетъ то, что резюмируетъ. Продѣлайте то же самое съ 20-ю, 30-ю другими китайцами, — новый синтетическій портретъ будетъ походить на предыдущій еще больше, чѣмъ собранныя фотографіи походятъ одна на другую ¹⁾.

¹⁾ Въ своей книгѣ: *La photographie appliquée à la production du type d'une famille, d'une tribu ou d'une race* (Paris, 1887) Arthur Batut даетъ нѣсколько образчиковъ портретовъ-типовъ, полученныхъ такимъ способомъ: не трудно констатировать, что они отличаются отъ фотографій отдѣльныхъ лицъ болѣе высокой степенью гармоніи и правильности чертъ. Но такіе портреты всегда относились къ одной и той же расѣ.

Попробуйте теперь фотографически «интегрировать» тѣмъ же способомъ нѣсколько сотенъ фотографій преступниковъ, наполняящихъ альбомъ, приложенный къ французскому переводу «Преступный человекъ» (l'Homme criminel). Это, разумѣется, возможно; способъ Гальтона всегда долженъ дать извѣстный результатъ на томъ же основаніи, на какомъ повторяющееся созерцаніе внѣшнихъ предметовъ и скопленіе воспоминаній всегда должны приводить человѣческой разумъ къ общимъ идеямъ. Только между искусственнымъ и насильственнымъ соединеніемъ разнородныхъ портретовъ, которое мы можемъ произвести въ послѣднемъ случаѣ, и взаимнымъ слияніемъ портретовъ однородныхъ, которое мы производили раньше, существуетъ такое же различіе, какъ между обобщеніемъ чисто-словеснымъ и обобщеніемъ, построеннымъ на природѣ вещей. Мы замѣтили бы то же самое, оперируя надъ различными группами этого альбома отдѣльно; сколько группъ, столько и результатовъ, которые глубоко различались бы между собой и отдѣльными портретами, насильственно собранными и искусственно скомбинированными въ нихъ. Можно ли, по крайней мѣрѣ, надѣяться, что, фотографируя отдѣльно группы преступниковъ, принадлежащихъ къ одной и той же категоріи, — ворующихъ при помощи подобранныхъ ключей (caroubleurs), опустошающихъ чужія квартиры (sambrioleurs), убійць (escarpes), мошенниковъ, насильниковъ, — мы будемъ имѣть большій успѣхъ? Отнюдь нѣтъ. Всякая нація, всякая раса имѣетъ своихъ мошенниковъ, своихъ воровъ, своихъ убійць, съ характеризующими ее антропологическими чертами. Извѣстныя соціальныя условія, черезъ

посредство нѣкоторыхъ мозговыхъ особенностей, слишкомъ глубоко скрытыхъ, чтобы проявиться анатомически извнѣ, создаютъ преступниковъ всякаго рода съ однимъ и тѣмъ же физическимъ типомъ. Существуютъ не типы, а одинъ только преступный типъ въ Ломбрововскомъ смыслѣ слова; и Марро (Магго), когда онъ пробуетъ замѣтить здѣсь единственное число множественнымъ, обнаруживаетъ не меньшую склонность къ гаданіямъ и не болѣе основателенъ, чѣмъ его учитель ¹⁾). Одно изъ двухъ: или преступникъ физически, если не психологически, нормаленъ, и въ этомъ случаѣ онъ обладаетъ типомъ своей страны, или онъ ненормаленъ, но тогда у него вовсе нѣтъ типа, и онъ характеризуется преимущественно отсутствіемъ типичности. Но говорить, что преступникъ — аномалія и что онъ въ то же время соотвѣтствуетъ естественному типу, — это значитъ противорѣчить самому себѣ. Есть и другое скрытое противорѣчіе въ этомъ взглядѣ: онъ считаетъ общественную жизнь до такой степени присущей человѣку, что антисоціальнымъ можетъ быть лишь субъектъ, утратившій человѣческой образъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, допускаетъ,

¹⁾ Школа Ломброзо дѣлаетъ иногда самыя безнадежныя признанія по этому поводу. «Несправедливо и невѣрно, — говоритъ Бенедиктъ на Римскомъ конгрессѣ, — требовать, чтобы въ каждомъ преступномъ индивидуумѣ можно было найти какую-нибудь ненормальность. Это и несправедливо, и невѣрно потому, что психологическій актъ есть отчасти продуктъ молекулярныхъ феноменовъ, и потому, что наука еще далека отъ изслѣдованія анатоміи молекулъ и молекулярной психологіи». На Парижскомъ конгрессѣ (1889) тотъ же ученый, поддерживаемый сенаторомъ Молашотомъ и многими изъ его собратьевъ, отстаивалъ то же мнѣніе.

что природа тратитъ часть своего матеріала на созданіе существа, столь ей противнаго.

По Гоппинару (Hopinard), преступникъ, если только онъ не больной, является индивидуумомъ совершенно нормальнымъ, по крайней мѣрѣ, въ физическомъ отношеніи. Онъ находитъ, что коллекція портретовъ, собранныхъ Ломброзо, напоминаетъ ему фотографическіе альбомы его друзей. «За исключеніемъ гримасы, неряшливости, усталости,—говоритъ онъ,—и значащую отпечатка лишеній на лицѣ, голова мошенника въ общемъ походитъ на голову честнаго человѣка». Я не пойду такъ далеко. Видокъ (Vidocq) тоже совѣмъ не придерживался этого взгляда, какъ и бѣлая часть ловкихъ полицейскихъ сыщиковъ. Правда, Maxime du Camp ¹⁾ передаетъ отчасти тѣ же свои впечатлѣнія. «Когда видишь этихъ людей вблизи,—говоритъ онъ о преступникахъ,—разговариваешь съ ними и знаешь ихъ прошлое, то поражаешься, видя, какъ ихъ лица похожи на лица другихъ людей». Но черезъ нѣсколько страницъ дальше, по поводу одного разбойника самаго худшаго сорта, грабившаго по большимъ дорогамъ, онъ пишетъ: «Я имѣлъ случай его видѣть; онъ очень высокъ, и его сила, должно быть, была колоссальна; его могучая нижняя челюсть, широкій ротъ, почти бѣгъ губъ, покатыя лобъ и чрезвычайно подвижные глаза придаютъ ему сходство съ огромнымъ шимпанзе, сходство, которое усиливается еще болѣе несообразной длиной его рукъ». Ломброзо не могъ бы выразиться лучше. Это одна изъ тѣхъ встрѣчъ, далеко, впрочемъ, не рѣдкихъ, которыя даютъ, пови-

¹⁾ *Paris, ses organes et ses fonctions.*

димому, нѣкоторую опору для атавистическаго объясненія преступника. Ихъ, однако, далеко не достаточно для ея прочнаго обоснованія. Вѣдь, тотъ же обезьянообразный типъ, такъ скомпрометированный въ данномъ случаѣ, служилъ иногда оболочкой для замѣчательныхъ личностей высокой нравственности. Робертъ Брюсъ (Bruce), освободитель Шотландіи ¹⁾, обладалъ, какъ извѣстно, черепомъ Неандертальскаго человѣка, наиболѣе близкаго къ обезьянамъ изъ людей доисторическаго періода ²⁾.

Преступленіе можетъ быть чудовищностью съ соціальной, но не съ индивидуальной, органической, точки зрѣнія, потому что оно есть полный триумфъ эгоизма, освобожденіе организма отъ узды, налагаемой на него обществомъ. Настоящій прирожденный преступникъ могъ бы быть только великолѣпнымъ животнымъ, виднымъ образчикомъ своей расы. Развѣ тираны и артисты эпохи Возрожденія въ Италіи, столь же склонные совершать убійства, какъ и славныя дѣянія и величайшія произведенія искусства, были чудовищами? Они, навѣрное, не были чудовищами въ физическомъ смыслѣ и едва ли были ими въ смыслѣ соціальномъ. Если соціальный харак-

¹⁾ De Quatrefages въ *Hommes fossiles Hommes sauvages* приводитъ много другихъ фактовъ въ томъ же родѣ.

²⁾ Въ полной глубокаго содержанія книгѣ (*Les criminels*, Doin, 1889) докторъ Коррѣ (Corge), какъ мнѣ кажется, благоразумно избѣжалъ двухъ противоположныхъ крайностей, только-что указанныхъ мною. Съ одной стороны, полемизируя съ преувеличеніями итальянской школы, онъ вмѣстѣ съ французской школой признаетъ перевѣсъ соціальныхъ причинъ преступленія; но, съ другой стороны, онъ умѣетъ отдавать должное предполагаемому преступному типу, разумѣя подъ этимъ выраженіемъ профессиональный типъ преступника. Въ общемъ онъ присоединяется къ точкѣ зрѣнія Лакассаня (Lacassagne)

теръ этой исторической фазы заключался, какъ доказываетъ Буркгардтъ (Burckardt), въ расцвѣтѣ индивидуализма, то для нея неизбежно было стать богатой проявленіями преступности. Борджія ¹⁾ вовсе не были исключеніями для своей эпохи. Та же безсовѣтность и отсутствіе нравственнаго чувства характеризовали всѣхъ итальянскихъ принцевъ четырнадцатаго и пятнадцатаго столѣтій, родившихся отъ преступленія, живущихъ преступленіемъ и умиравшихъ, какъ только они переставали быть преступниками. Преступленіе скрывали они подъ маской наказанія, они убивали изъ мести, ради устрашенія. Преступленіе, кромѣ того, было для нихъ правительственною необходимостью, какъ правительство для ихъ народа было необходимымъ условіемъ порядка и существованія.

Въ этомъ великолѣпномъ праздничномъ расцвѣтѣ искусствъ преступленіе имѣло свое мѣсто, и притомъ почетное. Искусство и преступленіе были связаны одно съ другимъ, какъ жемчугъ, вдѣланный въ кинжалъ.

Вотъ что и должно было убить въ самомъ расцвѣтѣ эту прекрасную эстетическую цивилизацію. Потому что цивилизація, прославляющая преступника, не болѣе жизнеспособна, чѣмъ та, которая бросаетъ въ ряды преступниковъ честнѣйшихъ людей,—зрѣлище, столь частое во времена революціи. Преступникъ, это — человѣкъ, котораго общество, если оно жизнеспособно и правильно организовано, вынуждено бываетъ удалять изъ своей среды. Преступникъ, правду говоря, продуктъ столько же со-

¹⁾ См. интересную статью Gerhard въ *Revue des deux Mondes* 10 dec. 1888.

ціальный, сколько и естественный; онъ, если мнѣ позволять такъ выразиться, социальный экскрементъ. И вотъ почему въ высшей степени интересно изучить ближе, по отношенію къ каждой эпохѣ и странѣ, какого рода люди отправляются на каторгу и въ тюрьмы, работаютъ на галерахъ и поднимаются на эшафотъ. Когда составъ этого разряда людей начинаетъ измѣняться, то это всегда бываетъ очень важнымъ симптомомъ. Если общество отбрасываетъ превосходные элементы, которыхъ оно не умѣетъ использовать, — протестанты при Людовикѣ XIV, «аристократы» въ эпоху террора, — оно страдаетъ опасной болѣзнью, подобно діабетику, и по аналогичнымъ, въ сущности, причинамъ. Въ какомъ обществѣ нельзя найти въ различной степени этого ослабѣванія? Въ идеалѣ, общество должно было бы выбрасывать изъ своей среды лишь отъявленныхъ негодяевъ, индивидуумовъ, абсолютно не поддающихся ни ассимиляціи, ни дисциплинѣ. Нужно отдать справедливость нашей современной Европѣ въ томъ, что она дѣлаетъ крупные шаги къ этой цѣли; населеніе ея тюремъ составляютъ дѣйствительно все болѣе и болѣе отвратительные отбросы ея сель и городовъ. Но до совершенства еще далеко. Если бы даже существовалъ преступный типъ, то онъ, будучи подверженъ измѣненіямъ и метаморфозамъ въ зависимости отъ эпохи и мѣста, былъ бы далеко не тождественнымъ самому себѣ. Нѣсколько череповъ, нѣсколько мозговъ убійць, свѣщенныхъ и измѣренныхъ въ теченіе нашей эпохи, — все это прекрасно; но подвергали ли тому же антропологическому изслѣдованію тысячи воровъ, которыхъ вѣшали ежегодно на англійскихъ висѣлицахъ еще только полвѣка тому назадъ; казненныхъ

на площади Montfaucon; трупы, качавшіеся по вѣтру противъ вѣрогъ феодальныхъ замковъ, на всѣхъ вершинахъ, передъ входами во всѣ средневѣковые города; двадцать тысячъ еретиковъ и колдуновъ, сожженныхъ въ теченіе восьми лѣтъ Торквемадой; римлянъ, приговоренныхъ къ растерзанію звѣрями или къ играмъ въ циркѣ; египтянъ, приговоренныхъ къ работамъ въ рудникахъ или пирамидахъ? Всѣ эти безчеловѣчные пираты, разорявшіе все на пространствѣ Средиземнаго моря до конца послѣдняго столѣтія; всѣ эти пройдохи, приводившіе въ отчаяніе Францію во время и послѣ столѣтней войны, — кто сообщитъ намъ о формѣ ихъ череповъ и о ихъ мозговыхъ и тѣлесныхъ аномаліяхъ, если эти аномаліи были? Кто провѣритъ на нихъ несомнѣнность существующихъ или предполагаемыхъ типовъ, присущихъ, говорятъ намъ, злодѣямъ всякой расы и всякой эпохи?

II. Только-что сдѣланное мною замѣчаніе содержитъ въ себѣ признаніе, что дѣйствительно существуетъ извѣстное количество преступниковъ, въ преступности которыхъ нѣтъ ничего условнаго.

Слѣдуетъ ли подразумѣвать подъ настоящими преступниками тѣхъ, которые были бы таковыми во всякомъ обществѣ, какое мы можемъ себѣ представить? Нѣтъ; такихъ навѣрное не существуетъ. Въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ ли подразумѣвать здѣсь такихъ, которые остались бы преступниками во всякомъ прочно устроенномъ обществѣ? Можетъ быть. Но объяснимся яснѣе. Я соглашаюсь, что существуютъ формы преступности, несомнѣстимыя съ устоями жизни какого-нибудь народа, таковы убійство и во-

ровство, совершенные безъ считающихся законными основаній, въ ущербъ общественному или считающемуся таковымъ благу. Но я положительно отрицаю, что существуютъ люди, которые во всякихъ соціальныхъ условіяхъ какой бы то ни было націи и въ какую бы то ни было эпоху были бы убійцами или ворами. Будемъ считать, если угодно, преступленіями абсолютными или, по выраженію Гарофало, естественными только убійство и воровство, оставивъ въ сторонѣ не только преступленія противъ нравственности, адюльтерь и даже насиліе, допускавшіеся у первобытныхъ народовъ, но и абортъ и дѣтоубійство, которые нѣкоторыя націи причисляли къ разряду похвальныхъ поступковъ. Слѣдуетъ ли изъ этого, что всѣ наши убійцы и неисправимые воры отмѣчены печатью абсолютной преступности и что только они одни ею отмѣчены? Ничуть. Ни то, ни другое изъ этихъ двухъ положеній намъ не кажется вѣрнымъ. Съ одной стороны, многіе изъ нашихъ негодяевъ и мошенниковъ никогда не убили бы и не украли, если бы они родились богатыми, если бы не выпалъ имъ на долю печальный жребій родиться и воспитаться въ грязномъ предмѣстьи и подвергаться тамъ вліянію развращенныхъ товарищей. И здѣсь вовсе не требуется строить какія-нибудь иллюзіи насчетъ жестокости преступленія. Когда представляешь себѣ какого-нибудь Пранцини, задушившаго женщину, съ которой онъ только-что провелъ ночь, затѣмъ служанку и ея ребенка, то кажется, что имѣешь дѣло съ существомъ, по преимуществу склоннымъ къ разрушенію, рожденнымъ для убійства, какъ Моцартъ для музыки. Но многочисленные казаки и пруссаки,

въ 1814 г. ¹⁾ насилувавшіе женщинъ и затѣмъ рѣзавшіе ихъ передъ ихъ связанными мужьями, были честными гражданами въ своихъ деревняхъ, гдѣ они никогда не совершали ни малѣйшаго проступка, и не одинъ изъ нихъ заслужилъ на войнѣ ¹⁾ медаль за отличіе ²⁾.

Возможно, что въ извѣстныхъ соціальныхъ условіяхъ даже Пранцини могъ бы стать полезнымъ или, по крайней мѣрѣ, не совершилъ бы ни воровства, ни убійства, хотя его развращенная натура, несомнѣнно, толкала бы его на другого рода преступленія, но на преступленія все же *относительныя*, каковы адюльтеръ и насиліе. Съ другой стороны, какъ слѣдуетъ изъ этого послѣдняго предположенія, можно допустить, что среди индивидуумовъ, преслѣдуемыхъ нашими судами даже за самыя относительныя преступленія, за браконьерство или за контрабанду, есть дѣйствительно очень опасные люди, иногда болѣе опасные, чѣмъ многіе разбойники Сициліи и Корсики.

Отсюда слѣдуетъ, что «естественное преступленіе» и прирожденная преступность — двѣ вещи разныя, и что первое не можетъ служить объясненіемъ для второй. Если существуютъ, — какъ мы думаемъ, не будучи въ состояніи этого доказать, — натуры отъ природы антисоціальныя, то есть основанія предполагать, что ихъ прирожденная преступность въ другія времена, въ другой средѣ и

¹⁾ См. по этому поводу статью Henry Houssaye въ *Revue des Deux Mondes* 15 окт. 1887.

²⁾ И совсѣмъ не хочу ставить ихъ на одну доску съ Пранцини. Огромная разница заключается въ томъ, что Пранцини дѣйствовали одинъ, а они взаимно заражали другъ друга примѣромъ. Слѣдующая глава покажетъ, насколько глубоко это различіе.

при другихъ условіяхъ ихъ жизни, могла проявиться въ формахъ, очень рѣзко отличающихъ ее отъ тѣхъ, въ которыхъ она проявилась передъ нашими глазами. Таковъ диффаматоръ нашихъ дней, который въ средніе вѣка былъ бы богохульникомъ, таковъ разстрѣлянный за мятежъ и казнь заложниковъ при коммунѣ, который былъ бы сожженъ, какъ еретикъ, во времена Инквизиціи. И въ то же время есть ли преступленіе болѣе относительное, болѣе условное, чѣмъ богохульство и ересь? Въ нихъ столько же преступнаго, сколько болѣзненности и невроза, этихъ патологическихъ протеевъ, видоизмѣненія которыхъ безконечны.

Существуетъ лишь очень немного людей, которые всегда и вездѣ совершали бы преступленія, естественныя или нѣтъ, какъ лишь очень немногіе никогда и нигдѣ не поддались бы искушенію согрѣшитель. Огромное большинство состоитъ изъ лицъ, остающихся честными по милости судьбы, или изъ такихъ, кого толкнуло на преступленіе несчастное стеченіе обстоятельствъ. Не менѣе справедливо и то, что преступность свойственна однимъ совершенно такъ же, какъ честность другимъ, потому что и та, и другая вытекаютъ изъ природы человѣка, которая обуславливаетъ или не обуславливаетъ преступленіе, смотря по тому, при какихъ условіяхъ она развивается и проявляется во внѣ, постепенно выясняясь для самого индивидуума и для окружающихъ его.

Теперь, когда мѣсто расчищено, спросимъ себя снова, существуютъ ли внѣшніе признаки, позволяющіе распознать и опредѣлить абсолютную преступность? Я отвѣчаю, что не открыто еще ни

одного сколько - нибудь опредѣленнаго признака, какъ не удалось еще открыть внѣшнихъ признаковъ непоколебимой честности. Если первая узнается по тяжелой нижней челюсти, покатоу лбу, рѣдкой бородѣ, способности владѣть обѣими руками одинаково, длинѣ руки, пониженной чувствительности, то вторая должна бы выразиться въ небольшомъ объемѣ челюстей, прямомъ лбѣ, густой бородѣ, въ замѣтномъ и опредѣленномъ превосходствѣ развитія правой стороны надъ лѣвой, въ короткихъ рукахъ, повышенной чувствительности при осязаніи... Такъ ли это? Пытался ли кто это провѣрить?

Я не хочу отрицать этимъ возможной связи наклонностей характера съ извѣстными анатомическими или, скорѣе, гистологическими особенностями мозга и всего «нервнаго ствола», ни даже болѣе сомнительной связи этихъ особенностей съ взаимоотношеніемъ костей и мускуловъ, которую возможно было бы точно опредѣлить. Но я аргюи оспариваю, что наклонности характера, которыя ведутъ къ преступленію и даже необходимо должны къ нему привести, могли бы быть связаны съ однимъ и тѣмъ же анатомическимъ признакомъ. Потому что преступленіе есть результатъ скрещиванія внутреннихъ путей, идущихъ отъ самыхъ противоположныхъ точекъ; глубокая антисоціальность, отличающая прирожденнаго преступника, происходитъ часто отъ безмѣрной гордости, которая дѣлаетъ его жестоко мстительнымъ, какъ въ Корсикѣ, Сициліи, Испаніи и среди большей части благородныхъ первобытныхъ расъ, частью отъ неизлѣчимой лѣни, которая, въ связи съ самыми разнообразными пороками: распутствомъ, честолюбіемъ,

страстью къ игрѣ, толкаетъ на убійство изъ крѣпости деклассированныхъ или дегенерантовъ одряхлѣвшихъ расъ. Здѣсь должно быть не незначительное, но, наоборотъ, очень большое количество тѣлесныхъ признаковъ, часто совершенно противоположныхъ одинъ другому, которые для проникающаго взгляда обнаружили бы наличность преступныхъ наклонностей. Опытъ подтверждаетъ это разсужденіе. Сколько антропологовъ, столько и различныхъ преступныхъ типовъ. Марро не соглашается съ Ломброзо, Ломброзо — самъ съ собою.

Напримѣръ, «объемъ черепа по Бордые (Bordier), Гегеру (Heger) и Даллеманю (Dallemanne) выше нормы у убійць, оказался наоборотъ ниже нормы по Ферри и Бенедикту»¹⁾, онъ былъ равнымъ нормальному по Манувриэ, а по мнѣнію Топинара, случайно совпадающему въ этомъ случаѣ съ мнѣніемъ Ломброзо, онъ былъ одновременно и ниже, и выше нормы. «У преступниковъ, — говоритъ онъ, — нѣтъ другихъ отличій въ черепѣ отъ нормальныхъ людей (послѣ повѣрки многихъ ошибочныхъ измѣреній и сравненій), кромѣ извѣстнаго количества череповъ чрезмѣрной величины (что могло бы быть объяснено гипертрофіей мозга, этимъ источникомъ безумія, преступности или геніальности), а также нѣкотораго количества череповъ, слишкомъ небольшихъ по объему.

«Вслѣдствіе этого, — прибавляетъ онъ, — существуетъ, по крайней мѣрѣ, два преступныхъ типа съ этой точки зрѣнія, но никакъ не одинъ».

¹⁾ Marro, op. cit.

Въ общемъ мозговая локализація преступныхъ наклонностей предполагается теперь тамъ, гдѣ нѣсколько ранѣ Брока предполагалъ мозговую локализацію всѣхъ умственныхъ способностей. Анатомы хорошо выянили связь тѣхъ или другихъ отделовъ мозга съ извѣстными болѣзнями, и число такихъ наблюдений все возрастало, не внося сюда никакого опредѣленнаго освѣщенія до тѣхъ поръ, пока Брокъ не открылъ совершенно ясную и точную связь между измѣненіями третьей лобной лѣвой извилины и недостатками произношенія. Съ тѣхъ поръ всѣ изслѣдователи подтверждали эту связь; съ того же времени краугольный камень изученія мозга былъ заложенъ, и этотъ частичный, но блестящій успѣхъ вдохновилъ всякія надежды. Если бы открытіе, которое одинъ ученый счелъ сдѣланнымъ относительно извѣстнаго дѣленія на четыре части лобной доли (оно стало бы служить мозговымъ признакомъ убійцы), было дѣйствительно сдѣлано, то криминальная антропология нашла бы своего Брока. Но несчастье въ томъ, что это была чистѣйшая иллюзія. Тѣмъ не менѣе вѣрно, что, даже до Брока, достаточно было быть въ курсѣ науки, чтобы удостовѣрить мозговую локализацію умственныхъ способностей, не будучи въ состояніи ее точно указать. Прибавимъ, что успѣхи или неудачи поисковъ зависятъ отъ руководящей ими идеи. Если бы нашъ знаменитый антропологъ, вмѣсто того, чтобы искать мѣстонахожденіе способности рѣчи, т.-е. простого повседнежнаго явленія, тѣсно связаннаго съ умственной жизнью человѣка и должнствующаго поэтому имѣть свое замѣтное мѣсто въ мозгу, сталъ бы искать источника наглости,

богохульства и всякаго другого, столь же случайнаго, сколь и сложнаго акта, произошедшаго вслѣдствіе чрезмѣрнаго или недостаточнаго развитія извѣстныхъ примитивныхъ, скомбинированныхъ вмѣстѣ, способностей, то возможно, что онъ такъ и умеръ бы, ничего не отыскавъ. Это значитъ, что несомнѣнно тщетно желаніе локализовать въ мозгу преступленіе, — дѣяніе, или способность очень сложную, въ то время какъ гордость, эгоизмъ, симпатія, справедливость, жажда мщенія и проч., наклонности относительно простыя, изобиліе или атрофія которыхъ объясняетъ склонность къ преступленію, не локализованы еще въ мозгу. Но оставимъ психіатровъ ¹⁾).

Когда они начнутъ разбираться въ области мозга, трудъ криминалистовъ значительно подвинется впередъ. Все, что можно сказать пока опредѣленнаго, это то, что, въ общемъ, черепа и мозги преступниковъ даютъ пропорцію аномалій и ассиметрій, значительно превосходящую среднюю, и, какъ говоритъ докторъ Коррѣ, «указываютъ на преобладаніе затылочной дѣятельности, въ возможномъ соотношеніи съ импульсивной чувствительностью надъ дѣятельностью лобной, признанной теперь вполнѣ интеллектуальной и уравнивающей». *Мало рефлексій и много активности*, — къ этому сводится природа преступниковъ, по мнѣнію Бордье.

По отношенію къ росту и къ вѣсу, согласія

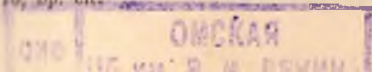
¹⁾ Оставимъ также антропологовъ безъ *эпитета*. «Сравнительное изслѣдованіе расъ, — говоритъ докторъ Соте (*Les Criminels*, 1888), — по m-me Слемелсе Роуеръ позволяетъ уже установить связь между извѣстными инстинктами и извѣстными физическими особенностями черепа и мозга».

между антропологами не больше, чѣмъ по отноше-
нію къ черепу. Ломброзо нашель преступниковъ
въ среднемъ болѣе тяжелыми и крупными, чѣмъ
честныхъ людей; Thompson, Virgilio и Lacassagne
констатировали какъ разъ обратное.

Ломброзо нашель, что длина обѣихъ рукъ, рас-
простертыхъ въ обѣ стороны, какъ при распятіи, и
измѣренныхъ отъ одной кисти до другой, чаще
преобладаетъ надъ ростомъ у преступниковъ, чѣмъ
у обыкновенныхъ людей. Топинаръ оспариваетъ
этотъ фактъ. Когда авторы берутъ тѣ же данныя,
они расходятся въ толкованіи ихъ. Гдѣ одинъ ви-
дитъ симптомъ безумія, другой замѣчаетъ проявле-
ніе атавизма; нѣкоторые, среди которыхъ я могу
назвать Манувріе, Топинара, Фере, отвергаютъ и то,
и другое объясненіе, и я признаюсь, что присоеди-
няюсь къ мнѣнію этихъ послѣднихъ.

III. Прежде, чѣмъ идти дальше, остановимся не
надолго на критикѣ обѣихъ гипотезъ, о кото-
рыхъ идетъ рѣчь. Есть сумасшедшіе, совершающіе
преступленія. Но всякій ли, совершающій преступ-
леніе, сумасшедшій? Нѣтъ. Въ предыдущей главѣ
мы это уже мелькомъ, какъ намъ кажется, доказали.
Если есть между ними аналогіи, даже анатоми-
ческія, то послѣднихъ далеко не достаточно, чтобы
позволительно было ихъ смѣшивать. Напримѣръ,
въ измѣреній, сдѣланныхъ надъ 132 черепами
убійцы Гегеромъ и Даллеманемъ, слѣдуетъ, какъ
будто бы, что у этихъ злодѣевъ затылочная часть
мозга замѣтно болѣе развита, чѣмъ у честныхъ лю-
дей, и я былъ очень изумленъ, увидавъ, что Rod-

*) Marro, op. cit.

riguez de la Torre ¹⁾, предпринявъ подобныя же измѣренія надъ 532 сумасшедшими въ его лѣчебницѣ, констатировалъ чрезвычайное развитіе ихъ заднебоковыхъ долей. Но въ этомъ соотношеніи между преступленіемъ и безуміемъ нѣтъ ничего, что могло бы насъ поразить, потому что и то, и другое представляетъ собой упадокъ человѣческаго типа; въ немъ нѣтъ тѣмъ болѣе ничего такого, что должно было бы насъ остановить.

Войдите въ домъ сумасшедшихъ, что вы увидите?.. Возбужденныхъ и меланхоликовъ, каждый изъ которыхъ преслѣдуетъ свою мечту, праздныхъ и неспособныхъ ни къ какому труду, чуждыхъ другъ другу. Посѣтите тюрьму,—вы увидите, что заключенные работаютъ, гуляютъ группами, шепчутся между собой, признаютъ авторитетъ какого-нибудь изъ товарищей, словомъ, здѣсь есть признаки человѣческой массы, гдѣ начинается ферментироваться зерно общественности. Среди арестантовъ, говорить Достоевскій, перебирая воспоминанія своего заключенія въ Сибири, наиболѣе интеллигентные, наиболѣе энергичные имѣли нравственное вліяніе на своихъ товарищей. Заговоры затѣваются и возстанія вспыхиваютъ въ тюрьмахъ, но никогда не въ убѣжищахъ для умалишенныхъ. Сумасшедшій непослѣдователенъ, преступникъ логиченъ.

Газинъ, одинъ изъ товарищей Достоевскаго по несчастью, былъ, кажется, чѣмъ-то вродѣ Тропмана.

¹⁾ *El craneo i locura* (черепъ и безуміе), Буэносъ Айресъ, 1888. Другая черта, кажется, гораздо болѣе замѣтная у сумасшедшихъ, нежели у преступниковъ, если судить по атласу этого автора, это — асиметрія. Въ 550 череповъ, которые онъ начертилъ, асиметричны.

«Онъ любилъ прежде рѣзать маленькихъ дѣтей единственно изъ удовольствія; заведеть ребенка куда-нибудь въ удобное мѣсто, сначала напугаетъ его, намучитъ и, уже вполне насладившись ужасомъ и трепетомъ бѣдной маленькой жертвы, зарѣжетъ ее тихо, медленно, съ наслажденіемъ».

Вотъ, скажутъ на это, характерный случай помѣшательства. Но Достоевскій, наблюдатель и психологъ величайшей проницательности, говоритъ, что никогда не замѣчалъ ничего ненормальнаго въ Ганинѣ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда онъ находился въ состояніи опьяненія. «Въ острогѣ онъ велъ себя, но пьяный, въ обыкновенное время, очень благо-разумно. Былъ всегда тихъ, ни съ кѣмъ никогда не ссорился, говорилъ очень мало... По глазамъ его было видно, что онъ не глупъ и чрезвычайно интеллектъ; но что-то высокомерно-насмѣшливое было всегда въ лицѣ его и въ улыбкѣ». Орловъ, другой важный преступникъ, «былъ злодѣй, рѣзавшій хладнокровно стариковъ и дѣтей; человѣкъ съ страшной силой воли и съ гордымъ сознаниемъ своей силы. Тотъ человѣкъ могъ повелѣвать собой безгранично, презиралъ всякія муки и наказанія и не боялся ничего на свѣтѣ. Въ немъ мы видимъ одну бесконечную энергію, жажду дѣятельности, жажду мщенья, жажду достичь предполагаемой цѣли».

Другими словами, Орловъ воплощалъ въ себѣ полную противоположность сумасшествія и вырожденія, высочайшую степень устойчиваго и оригинальнаго тождества.

«Послѣ 18-тилѣтняго пребыванія въ тюрьмахъ и изученія преступниковъ, — говоритъ Bruce Thomson, — я никакъ, что девять десятыхъ среди нихъ стоятъ

ниже средняго уровня въ отношеніи умственнаго развитія, но что всё они крайне хитры». Вотъ замѣчаніе, для котораго посѣщенія сумасшедшихъ никогда не давали повода. Другое замѣчаніе того же автора: онъ заявляетъ, что никогда не зналъ ни одного преступника (что, впрочемъ, нѣсколько преувеличено), одареннаго хотя бы малѣйшимъ эстетическимъ талантомъ, способнаго набросать какой-нибудь эскизъ, написать стихотвореніе или сдѣлать искусно какую-нибудь вещь. Отличаются ли тѣмъ же сумасшедшіе? Нѣтъ. «Извѣстно,—говоритъ Maudsley,—что они зачастую обнаруживаютъ замѣчательно тонкое чувство прекраснаго и что они обладаютъ совершенно исключительными артистическими талантами и способностями».

IV. Если преступникъ не сумасшедшій, если онъ не всегда дегенерантъ, то не дикарь ли онъ? Ни въ какомъ случаѣ ¹⁾.

¹⁾ Ломброзо всегда настаиваетъ на утвержденіи этого положенія. Въ одномъ письмѣ, адресованномъ Молепоту (см. *Revue scientifique*, 9 Juin 1888), онъ приводитъ для поддержки своей излюбленной идеи результатъ, добытый при помощи *составныхъ фотографій* шести череповъ убійць и шести череповъ грабителей съ большихъ дорогъ.

«Эти двѣ фотографіи,—говоритъ онъ,—замѣчательно сходны между собой и показываютъ съ очевиднымъ подчеркиваніемъ черты преступнаго человѣка и отчасти дикаря; лобныя впадины очень значительны, скуловые и челюстные кости массивны, орбиты очень велики и очень отдалены другъ отъ друга, асиметрія лица, плелевидный типъ носоваго отверстія». Очень хорошо; но эти черепа, говорятъ намъ затѣмъ, были соединены потому, что составляли однородную группу. Нужно замѣтить, что шесть череповъ мошенниковъ и воровъ дали типъ менѣе ярко выраженный и что общая фотографія, полученная отъ соединенія въ одно 19 череповъ, представляетъ аномаліи еще болѣе неясныя. Что было бы, если бы сфотографировать сто, двѣсти череповъ за разъ?

Правда, что черепа убійць часто, но не всегда носятъ отпечатокъ замѣтной грубости, въ которой извинительно видѣть иногда возвращеніе къ гипотетической звѣрообразности нашихъ отдаленныхъ предковъ. Ихъ особенности, по Манувріе, могутъ резюмироваться такъ: относительно слабое развитіе лобной кости, слабое развитіе верха черепа по сравненію съ его основаніемъ, чрезмѣрное развитіе нижней челюсти по отношенію къ развитію черепа». Только въ этомъ пунктѣ и совпадаютъ наблюденія. Въ 1841 году Lauvergne, ревностный послѣдователь Гилля, далъ слѣдующее объясненіе хладнокровныхъ убійць, рѣдкаго, по его словамъ, вида преступниковъ, встрѣчающагося обыкновенно въ горныхъ или глухихъ мѣстностяхъ. Они являются обладателями предательскихъ выпуклостей и, въ общемъ, на нихъ лежитъ отпечатокъ преобладанія животныхъ и грубыхъ инстинктовъ. Ихъ головы велики и *сверху сплюснуты*. Онѣ замѣчательны по своимъ боковымъ выступамъ ¹⁾, вмѣстѣ съ ними заодно выдаются и широкія, массивныя нижнія челюсти, огромныя мощныя мышцы, образующія выпуклости подъ кожей и находящіяся въ постоянномъ движеніи. Но значѣмъ для объясненія такого несложнаго результата понадобилось впутывать сюда атавизмъ и придумывать чудесное возрожденіе какого-то доисторическаго предка, отдѣленнаго отъ насъ неизвѣстно какимъ количествомъ смѣшавшихся и скрестившихся расъ, но очереди берущихъ верхъ другъ надъ другомъ?

¹⁾ Ломброно часто отмѣчалъ брахицефалію у убійць; но особенность эта спорная и измѣняется въ зависимости отъ расы.

Неразвитый лобъ, массивныя челюсти, — это значить просто,—говорить Бордье,—«мало рефлексіи и много активности»; этотъ грубый типъ часто встрѣчается среди самаго мирнаго, но отсталаго и погруженнаго въ тяжелыя полевыя работы населенія, и естественно, что убійцы вербуются среди индивидуумовъ, отмѣченныхъ этимъ клеймомъ. Свидѣтельство Бордье тѣмъ болѣе драгоцѣнно, что ему первому пришла въ голову идея, если вѣрить его другу Топинару, объяснить преступность атавизмомъ. «Онъ сравнилъ,—говорить послѣдній,—череп каеннскихъ убійцъ съ черепами изъ пещеры Мертваго человѣка, изслѣдованными Брока, и нашелъ въ нихъ сходныя черты».

Но что касается меня, то, ознакомившись съ этими черепами, я долженъ признаться, что какъ по общему виду, такъ и при ближайшемъ изученіи ихъ трудно найти болѣе несходныя черепныя кости¹⁾.

Я хорошо знаю, что сторонники атавизма основываютъ предыдущія данныя и на нѣкоторыхъ другихъ соображеніяхъ, выведенныхъ изъ такихъ явленій, какъ асиметрія черепа, болѣе частая у преступниковъ, чѣмъ въ массѣ честныхъ людей,

¹⁾ Я позволяю себѣ привести послѣднее соображеніе. Объемъ нижней челюсти зависитъ отъ рода обычной пищи; у плотоядныхъ она должна быть сильнѣе, чѣмъ у плодоядныхъ или травоядныхъ. Поэтому, въ какой-нибудь человѣческой расѣ, которая переходитъ отъ охотничьей жизни къ пастушеской и земледѣльческой, развитіе челюстей должно уменьшаться. Слѣдовательно, спрашиваю я, когда среди охотничьяго племени съ развитыми челюстями одинъ изъ индивидуумовъ случайно обладаетъ небольшою нижней челюстью, то допустимо ли видѣть въ этомъ что-нибудь пророческое? Если отвѣтять на это отрицательно, то логика запрещаетъ видѣть черту атавизма въ появленіи крупной нижней челюсти среди челюстей тонкихъ.

биформенное или оттопыренное ухо, известная форма носа, кое-какія особенности, свойственныя каторжникамъ, каковы: татуировка, особый разговорный языкъ. «Но асимметрия, — отвѣчаетъ Топпингъ, — правило, а не исключеніе, даже для обыкновенныхъ череповъ».

Докторъ Lannois въ поучительной монографіи о «человѣческомъ ухѣ» утверждаетъ, что у сорока трехъ излѣдованныхъ имъ молодыхъ преступниковъ онъ констатировалъ не большее количество аномалій этого органа, «чѣмъ можно было бы найти ихъ у такого же количества людей безупречной нравственности» ¹⁾. И самъ Марро соглашается, что оттопыренное ухо чаще встрѣчается у турокъ, грековъ и мальтійцевъ, чѣмъ у варваровъ и суданскихъ негровъ.

Нужно прибавить, что добросовѣстно сравнивая между собой пятьсотъ двадцать девять преступниковъ и сотню честныхъ людей, Марро не былъ особенно удивленъ, когда констатировалъ, что у этихъ послѣднихъ аномаліи атавистическаго, или предполагаемаго таковымъ, происхожденія, по крайней мѣрѣ, настолько же часты, а иногда и чаще, чѣмъ у первыхъ. Для покатаго лба, признакъ, которому Дамброзо придаетъ столько значенія, «найденная пропорція составляла 4⁰/₀ у честныхъ людей, 3, 1⁰/₀ у преступниковъ; для уха съ Дарвиновскимъ бугоркомъ (выпуклость, служившая кончикомъ первобытнаго уха у животныхъ) пропорція у первыхъ составляла 7⁰/₀, у вторыхъ около 1⁰/₀ ²⁾. Для лобныхъ

¹⁾ *Archives d'Anthropologie criminelle*. Livraison 10.

²⁾ Въ *Revista d'Autropologia criminale* (октябрь, 1888) появился еще совершенно новый и законченный трудъ доктора Frigerio о

впадинъ пропорція у преступниковъ выше, но очень немного; разница отъ 18 до 23; но для *torus occipitalis* нормальные вновь получаютъ ихъ оригинальное преимущество, которое выражается въ отноше- нии 9 къ 4, 7, т.-е. больше вдвое или около того.

Правда, что, по тому же автору, способность вла- дѣть обѣими руками одинаково или владѣть хорошо только лѣвой (лѣвши) (признаки, скорѣе, впрочемъ, атипическіе, чѣмъ атавистическіе) вдвое чаще встрѣ- чаются у преступниковъ, чѣмъ у «нормальныхъ». Но эта разница можетъ зависѣть, въ большинствѣ случаевъ, по крайней мѣрѣ, отъ разницы въ воспи- таніи. Гораздо чаще, чѣмъ вторые, первые были по- кинуты, предоставлены въ дѣтскомъ возрастѣ самимъ себѣ и своимъ дурнымъ привычкамъ. А извѣстно, на сколько бдительность внимательныхъ родителей ис- правляетъ у дѣтей природную склонность пользо- ваться лѣвой рукой ¹⁾.

Носы преступниковъ, по сравненію съ носами чест- ныхъ людей и сумасшедшихъ, были, правда, пред- метомъ спеціального и тщательнаго изученія въ лабораторіи Ломброзо. Отсюда вышла любопытная

наружномъ ухѣ у сумасшедшихъ, преступниковъ и остальнаго человѣчества. Авторъ простодушно заканчиваетъ словами, что его трудъ «не былъ совѣмъ бесполезнымъ»; и, говоря правду, изъ его измѣреній и цифръ нельзя вывести ничего опредѣленнаго.

1) Въ монографіи о «лѣвшахъ» докторъ Jobert, ученикъ Ла- кассана (Лионъ, 1885) приходитъ къ слѣдующему заключенію: «причина способности владѣть лѣвой рукой лучше, чѣмъ правой, достовѣрно неизвѣстна, но, повидимому, она обязана своимъ про- исхожденіемъ привычкѣ и воспитанію». Основываясь на болѣе недавней работѣ доктора Этьена Ралле (Лион, 1889), Лакассанъ предлагаетъ другую теорію и приписываетъ отмѣченное преобла- даніе въ развитіи лѣвой руки локализациі способностей въ лѣвой сторонѣ мозга.

монографія одного изъ его учениковъ ¹⁾, изъ содержания которой какъ будто вытекаетъ, что многія анатомическія аномаліи (замѣтныя лишь на скелетныхъ) носового отверстія, гораздо чаще встрѣчаются у преступниковъ, чѣмъ у честныхъ людей той же страны и расы.

Слѣдовательно, эти аномаліи носили животный характеръ, по мнѣнію автора, который, впрочемъ, въ этомъ пунктѣ, мнѣ кажется, расходится съ Тоннгаромъ. Но если допустить объясненіе этого аномализмомъ, то слѣдуетъ, и въ этомъ заключается не малое затрудненіе, отнести происхожденіе аномалій, въ которыхъ идетъ рѣчь, гораздо выше, чѣмъ къ низшимъ человѣческимъ расамъ, выше даже, чѣмъ къ обезьянамъ, и, какъ это настойчиво дѣлаетъ нашъ ученый, признать несправедливымъ мнѣніе доктора Альбрехта, поставившаго въ своемъ забавномъ докладѣ на Римскомъ конгрессѣ человѣка ниже обезьянообразныхъ, въ разрядъ насѣкомоядныхъ. Прибавимъ еще, что если мертвый, отрубленный носъ шлодья ставить его такъ низко на лѣстницѣ животныхъ, то его живой и цѣлый носъ ставить его въ некоторыхъ отношеніяхъ во главѣ человѣческихъ расъ: гораздо чаще, чѣмъ честные люди, по Оттоленги, преступники обладаютъ прямыми и длинными носами (См. Ottolenghi, табл. на стр. 17), что является выгоднымъ признакомъ. Эти результаты вѣроятно трудно согласовать, чтобы найти ихъ достойными вниманія. Что же касается нарѣчія преступниковъ, то оно ни въ чемъ не напоминаетъ того

¹⁾ *La spiculetto e la forma del nase dei criminale* par le D-r Salvo (Milano) (Turin, Frères Brocca).

немногаго, что мы знаемъ о первобытныхъ нарѣчіяхъ. Послѣднія, по Тейлору, по преимуществу характеризуются обиліемъ звукоподражательныхъ словъ и частымъ удваиваніемъ, при построеніи слова, однихъ и тѣхъ же слоговъ, — свойство совсѣмъ дѣтское.

Слова: рара, bébé, попо, попоц, — обычные въ устахъ нашихъ дѣтей и рѣдкіе въ устахъ культурныхъ людей, изобилуютъ въ рѣчи океанійцевъ и американскихъ туземцевъ. Хотя нѣкоторые воровскіе термины (ty-ty-typographie; bibi-bicêtre; coco-ami; etc: fric-frac — освобожденіе изъ тюрьмы, выражающееся щелканьемъ замка etc) подходятъ, какъ будто, къ этому типу удвоенія; но эти люди, свыкшіеся съ преступленіемъ, лишь ради насмѣшки, изъ потребности все унижать и позорить, говорятъ такимъ образомъ по примѣру дѣтей, но вовсе не по примѣру краснокожихъ или неокаледонійцевъ.

Впрочемъ, каламбуры, скверныя шутки, грязныя уподобленія, унижающіе человѣка до животнаго (cuir-peau; aileron-bras; bec-bouche), составляютъ основу ихъ словаря вмѣстѣ съ массой словъ, заимствованныхъ изъ иностранныхъ языковъ, изъ цыганскаго *calo*, арабскаго, итальянскаго, — признакъ, обнаруживающій наличность космополитизма безъ отечества. Но языкъ первобытныхъ людей строгъ въ своей дѣтской простотѣ, поэтиченъ въ своей живописности; у него свой собственный словарь, патріотическій и оригинальный, и, кромѣ того, своя собственная грамматика. Онъ не меньше отличается отъ воровскаго жаргона, этого нароста нашихъ нарѣчій, чѣмъ дикая яблоня отъ ядовитаго гриба ¹⁾.

¹⁾ Объ этомъ пунктѣ, какъ и о слѣдующемъ, я говорилъ съ бѣльшими подробностями въ моей *Criminalité comparée*.

Что же касается татуировки преступниковъ, то я предлагаю сравнить гравюры атласа Ломброзо, гдѣ фигурируютъ нѣсколько образчиковъ этихъ непристойныхъ и безтолковыхъ рисунковъ, — забавъ преступниковъ, рядомъ съ прекрасными гравюрами, представляющими въ *Hommes fossiles et Hommes sauvages* Quatrefages (стр. 488, 489, 443) татуированныхъ Маори. Съ одной стороны странныя, но выразительныя арабески, которыя не маскируютъ, а открываютъ лицо и имѣютъ цѣлью дополнить его устрашающее дѣйствіе на женщину и врага; украшеніе и оружіе въ одно и то же время, печать религіи или племени на лбу дикаря, принадлежащаго ему душой и тѣломъ и считающаго за великую честь къ нему принадлежать. У преступника—ничего подобнаго; чаще всего на предплечьѣ, но никогда не на лицѣ, воспроизводятся девизы, циническіе символы, женскіе профили, всевозможныя вещи, предназначенныя оставаться спрятанными и напоминающія карикатуры въ ученической тетрадкѣ школьника. Если бы эта постыдная татуировка была остаткомъ или воспритомъ къ обычаямъ первобытной дикости, она встрѣчалась бы у преступныхъ женщинъ чаще, чѣмъ у мужчинъ; потому что, какъ извѣстно, именно среди женскаго пола предразсудки, обряды и украшенія древнихъ временъ, — серьги, на примѣръ, — сохраняются еще долгое время послѣ того, какъ ихъ уже бросили носить мужчины. Но, наоборотъ, почти только мужчины — преступники пристрастны къ татуировкѣ. Древніе жрецы разрубали когда-то въ части трупы плѣнниковъ или животныхъ, предназначенныхъ въ жертву богамъ, чтобы подѣлать ихъ, согласно требованіямъ обрядовъ; точно

такъ же наши современные убійцы, зараженные одной изъ эпидемій преступленія, составляющихъ далеко не самый ничтожный изъ аргуменовъ въ пользу социальнаго происхожденія преступленія и преступника, рѣшаются разрѣзать на куски свои жертвы, чтобы вѣрнѣе спастись отъ розысковъ полиціи. Можно ли сказать, что это преступное разрубаніе на куски ¹⁾ ведетъ свое начало отъ ритуальнаго разрубанія труповъ въ древности, съ которымъ оно имѣетъ кажущееся сходство? Допускать такое происхожденіе нѣтъ ни большаго ни меньшаго основанія, чѣмъ приводитъ въ связь татуировку преступниковъ съ воинственной татуировкой дикарей. Тѣмъ пролилъ свѣтъ на нѣкоторыя черты каннибализма, проявившіяся въ теченіе великихъ дней французской революціи. Объясняются ли также атавизмомъ такія минутныя заблужденія, какъ антропофагія, царившая нѣсколько дней на плоту «Медузы»? ²⁾ Легко можетъ быть, что какой-нибудь увлекшійся дарвинистъ дойдетъ и до этого. Fridgerio, одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ приверженцевъ новой итальянской школы, сообщалъ на Римскомъ конгрессѣ о своемъ наблюденіи надъ «нравственно помѣшаннымъ, у котораго въ періодически повторяющемся припадкѣ экзальтаціи внезапно измѣнялся характеръ, онъ становился спорщикомъ, надменнымъ, сварливымъ, и въ то же время его неудержимо влекло

¹⁾ См. по этому поводу брошюру, озаглавленную *Derescage criminel* par Louis Ravoux (Lyon, Storck, 1888).

²⁾ «Медуза» — французскій военный фрегатъ, потерпѣвшій крушеніе у береговъ Африки въ началѣ XIX столѣтія. Спасшіеся люди нѣсколько недѣль носились по голнамъ на сколоченномъ ими плоту, и голодъ вынудилъ ихъ употреблять въ пищу трупы умершихъ товарищей. (*Прим. пер.*)

къ лѣпкѣ изъ глины массы оригинальныхъ, особенной формы фигуръ, странность и неправдоподобіе которыхъ напоминали символическіе барельефы или другія безформенныя изваянія эпохи упадка. По мнѣнію Бурне (Bournet), тамъ есть формы, «до того напоминающія опыты первыхъ христіанъ, что можно смѣлнать ихъ». Правда, Фриджеріо, кажется, недалекъ отъ мысли, что наслѣдственность на далекомъ разстояніи могла бы сыграть здѣсь нѣкоторую роль. Если дѣлаются такія предположенія, то я вполне понимаю, что можно склониться и къ принятію гипотезы Ломброзо по поводу занимающаго насъ вопроса. Но мнѣ кажется безконечно болѣе простымъ и правдоподобнымъ видѣть въ надписяхъ и плохой живописи, которыми преступники покрываютъ себѣ кожу, лишь слѣдствіе случайнаго соприкосновенія съ первобытнымъ населеніемъ, потому что этотъ обычай наблюдается по преимуществу у преступниковъ-матросовъ. Во всякомъ случаѣ можетъ быть и обратное явленіе, и многіе отсталые народы обязаны удовольствію воспроизводить эти нарѣзки на своей кожѣ своимъ сношеніемъ съ нашими цивилизованными моряками. «Татуировка — рѣдкость у кохинхинскихъ туземцевъ,—говоритъ докторъ Lorion ¹⁾,—тѣ, кто носятъ эти рисунки, сдѣланные посредствомъ вырѣзыванія всевозможныхъ красокъ подъ кожу, жили среди европейцевъ. Чаще всего это были матросы, кочегары или домашняя прислуга на военныхъ или коммерческихъ пароходахъ». Арабъ, гораздо болѣе цивилизованный, чѣмъ кохинхинецъ, но имѣющій больше сношеній съ европейцами, та-

¹⁾ *La criminalité en Cochinchine*, (Lyon Storck.).

туируется чаще ¹⁾, и часто характеръ воспроизведеннаго имъ рисунка ясно показываетъ, что онъ копируетъ нашихъ соотечественниковъ. Но мы слишкомъ долго останавливаемся на этомъ второстепенномъ пунктѣ.

Закончимъ послѣднимъ соображеніемъ: если предположить, что уподобленіе преступника дикарю могло когда - нибудь имѣть хотя бы малѣйшее основаніе, то оно каждый день теряетъ часть своего правдоподобія, по мѣрѣ того, какъ ряды преступниковъ все меньше и меньше пополняются изъ отсталаго населенія деревень и все больше и больше вербуются изъ развращенной и рафинированной среды большихъ городовъ ²⁾.

V. Если сумасшествіе и атавизмъ (я не говорю наслѣдственность) не играютъ роли въ склонности къ преступленію, то что же такое преступникъ? Скажемъ ли мы вмѣстѣ съ Фере, что онъ дегенерантъ? Или съ Ломброзо, въ его послѣднемъ трудѣ, что онъ эпилептикъ? Нѣсколькихъ словъ будетъ достаточно по отношенію къ первому изъ этихъ положеній, хотя и наиболѣе солидному. Второе задержитъ насъ нѣсколько дольше ³⁾.

¹⁾ Kocher, *Criminalité chez les Arabes*.

²⁾ Коляяни, въ первомъ томѣ своей *Sociologia criminale*, посвятивъ первую часть этого тома разрѣшенію теоріи физическаго атавизма преступника и другихъ теорій Ломброзо, съ величайшей энергіей, впрочемъ, посвящаетъ вторую часть попыткѣ доказать нравственный атавизмъ преступника. Въ этомъ заключается, очевидно, противорѣчіе. Я подвергъ критикѣ это положеніе въ моемъ трудѣ о нравствениомъ атавизмѣ (*Atavisme moral. Archives d'Anthr. crim.*, mai, 1889), къ которому я позволяю себѣ отослать читателя.

³⁾ Докторъ Эмиль Лоранъ служилъ два года въ центральной лѣчебницѣ парижскихъ тюремъ; онъ видѣлъ и изслѣдовалъ тамъ

Извѣстно, что существуетъ сходство между аномаліями, извѣстными подъ названіемъ стигматовъ вырожденія: прогнатизмъ, косоглазіе, асимметрія лица, деформація ушей и т. д., и чертами, по которымъ создавался предполагаемый преступный типъ. Не предрасполагаютъ ли эти стигматы, встрѣчающіеся часто, но не непременно у дегенерантовъ, къ дурнымъ поступкамъ тѣхъ, кто ими обладаетъ? Ничуть ¹⁾).

Многіе изъ слабоумныхъ съ такими симптомами иногда заслуживаютъ названія «невинныхъ» за ихъ обычную безвредность. Наоборотъ, какъ признаютъ это и самъ Фере, многіе прирожденные пре-

болѣе 2000 заключенныхъ, съ которыми онъ находился въ непрестанномъ общеніи. И въ своей книгѣ о заведеніяхъ тюремъ (*Habituës des prisons*. Storck, 1890) онъ утверждаетъ, что антропометрическія измѣренія чаще всего приводили его лишь къ противорѣчивымъ результатамъ». Онъ не замѣтилъ ничего, что подходило бы къ какому-нибудь преступному типу. Но онъ замѣтилъ часто встрѣчающіеся физическіе недостатки всѣхъ видовъ. Такъ же, какъ и лѣчебницы, «тюрьмы изобилуютъ остроконечными и сплюснутыми черепами, приплюснутыми носами, вытиснутыми челюстями», заиками, косоглазыми, хромоногими и т. д. Нельзя сказать, что одна и та же деформація встрѣчается неизмѣнно, какъ мокрота при воспаленіи легкихъ или альбуминъ при Вригтовой болѣзни. Всѣ деформаціи всѣхъ органовъ могутъ встрѣтаться у всѣхъ преступниковъ — вотъ истина». Одна аномалія, очень рѣдкая вообще, встрѣчается у нихъ относительно часто: «это преувеличенное и постоянное развитіе грудныхъ жезловъ въ періодъ возмужалости». Это согласуется съ мнѣніемъ Ламброзо и другихъ изслѣдователей о большемъ сходствѣ обонянію половъ въ преступномъ мірѣ, выражается ли оно въ томъ, что мужчины становятся женоподобными, или въ томъ, что женщины начинаютъ походить съ виду на мужчинъ.

¹⁾ Эти «стигматы», какъ указалъ Лакассанъ, тѣмъ не менѣе не начинають «дѣйствительнаго или предполагаемаго расстройства умственныхъ способностей».

ступники «замѣчательны по правильности своего физическаго строенія», и докторъ Magnan, на послѣднемъ конгрессѣ криминальной антропологии, указалъ на многихъ изъ нихъ, которые могли бы служить великолѣпными моделями въ ателье художниковъ. Если же дегенерація, то-есть общая неуравновѣшенность, видъ физическаго разстройства, часто бываетъ связана съ преступностью, по крайней мѣрѣ, съ преступностью по природной слабости, то причины этого неизвѣстны; что же касается преступности, какъ слѣдствія избытка энергіи и смѣлости, то дегенерація такъ чужда ей, что является для нея, такъ сказать, противодѣйствиемъ. Въ настоящихъ и безусловныхъ преступникахъ,— Пранцини, Прадо, Лебизъ,—такъ мало признаковъ вырожденія, какъ только это возможно. Можно ли сказать даже, что если къ извѣстному данному нравственному характеру, не склонному къ преступленію, присоединяется предполагаемая дегенерація, то она склонитъ его къ преступленію? Насколько позволительно разсуждать о недоступной для провѣрки, но допустимой гипотезѣ, слѣдовало бы, кажется, отвѣтить отрицательно. Не придавая общей статистикѣ подобныхъ явленій бѣльшаго значенія, чѣмъ она заслуживаетъ, я былъ пораженъ одной таблицей, составленной Колаяни ¹⁾. Изъ нея слѣдуетъ, что среди итальянскихъ провинцій, сѣверныя, гдѣ встрѣчается максимумъ болѣзней и тѣлесныхъ недостатковъ, характеризующихъ дегенерантовъ и особенно дегенерантовъ-алкоголиковъ

¹⁾ *Sociologia criminale*, t. 1, таблица, приложенная въ концѣ этого тома. См. также стр. 315 и 317.

благодаря которымъ оправдывается самое удачное предположеніе Фере, оказываются самыми нравственными; южныя же, самыя преступныя, отличаются великолѣпнымъ здоровьемъ населенія. Даетъ ли во всякомъ случаѣ это сравненіе право заключать, что дегенерація служить лучшимъ условіемъ для развитія нравственности?» Конечно, нѣтъ, и я вовсе не думаю, что такова идея Колаяни. Истина въ томъ, что жестокая и дерзкая преступность малокультурныхъ итальянскихъ провинцій исключаетъ, послѣдствіе самого своего характера, причастность къ ней натуръ нервныхъ и выродившихся, въ то время какъ утонченная, отличающаяся коварствомъ преступность болѣе культурныхъ провинцій имѣетъ своими агентами людей со слабой волей. Фере дѣлаетъ относительно дегенерантовъ замѣчаніе, которое не мѣшаетъ запомнить: «Они легко подчиняются,—говоритъ онъ,—вліянію среды; они даютъ себя увлечь минутнымъ чувствамъ и страстямъ и часто дѣлаются слишкомъ ужь послушными ихъ орудіями; они такъ же легко заражаются примѣромъ самоубійства, какъ и примѣромъ убійства». Вотъ гдѣ настоящая правда; отсюда слѣдуетъ, что дегенерація, когда она связана съ преступленіемъ, приводитъ къ нему не потому, чтобы между нею и преступленіемъ существовало какъ бы особаго рода средство или притяженіе, но благодаря недостатку сопротивленія преступному импульсу, подходящему извнѣ»¹⁾.

¹⁾ Шопенгауеръ упрекаетъ Галля въ томъ, что онъ искалъ въ мозгу бугорковъ преступности или нравственныхъ качествъ. Онъ справедливо видитъ въ этомъ недостатокъ его доктрины, которая (см. *Миръ какъ воля и представленіе*) воплощаетъ

VI. Вопросъ теперь заключается въ томъ, чтобы узнать, не является ли случайно этотъ импульсъ слѣдствіемъ эпилептического темперамента. Остановимся нѣкоторое время на этой гипотезѣ Ломброзо, насколько бы она ни казалась странной ¹⁾. Онъ думаетъ доказать, что каждый настоящій преступникъ—болѣе или менѣе скрытый эпилептикъ. Преступность, это наиболѣе распространенная разновидность эпилепсіи. Онъ разсматриваетъ всѣ виды преступниковъ: преступниковъ прирожденныхъ или нравственно помѣшанныхъ, преступниковъ по страсти, преступниковъ въ припадкѣ безумія, истеріи, алкоголизма, даже случайныхъ преступниковъ и *криминалоидовъ*. У всѣхъ у нихъ онъ открываетъ черты темперамента, характерныя для эпилептиковъ или эпилептоидовъ.

На первый взглядъ такое злоупотребленіе обобщеніями, несмотря на ограниченія, которыя авторъ

нравственную природу человѣка, волю, *характеръ*, въ общій составъ организма, а въ мозгу локализируетъ только разумъ, явленіе побочное и второстепенное, по мнѣнію знаменитаго нѣмецкаго мыслителя. Было бы противорѣчиво съ той точки зрѣнія (такой во многихъ отношеніяхъ глубокомысленной и такой богатой научными свѣдѣніями, особенно по вопросу о гипнотизмѣ) предполагать существованіе преступнаго типа, характеризующагося преимущественно мозговыми аномаліями. Мнѣ, въ свою очередь, кажется вполне согласнымъ съ этой гипотезой считать инстинктивную преступность связанной съ соматическими аномаліями вырожденія. Это и доказано, какъ будто, наиболѣе удачно.

¹⁾ По приведеннымъ Ломброзо изысканіямъ Totini, численная пропорція обманщиковъ, воровъ, развратниковъ всѣхъ категорій среди эпилептиковъ не подымается выше 4 или 5 на сто. (Она равнялась, правда, 63 на сто по Cividali). Докторъ Лоранъ, въ цитированномъ выше трудѣ, говоритъ, что встрѣчалъ истерію гораздо чаще, чѣмъ эпилепсію, и при томъ послѣднюю довольно рѣдко въ прежней жизни преступниковъ.

вносить то здѣсь, то тамъ, тотчасъ же о нихъ забывшая, не заслуживаетъ вниманія. Оно сразу наталкивается на громкій голосъ цифръ. Докторъ Марро изъ Турина, ученикъ Ломброзо и его соотечественникъ, во время составленія своей прекрасной книги *I caratteri dei delinquenti*, не могъ пренебречь тѣмъ значеніемъ, которое приписывалъ тогда эпилепсіи его учитель. Его вниманіе было устремлено на то, чтобы не пропустить ни малѣйшихъ признаковъ этой болѣзни при изученіи тѣхъ, кто ей подверженъ. Однако, на 507 человекъ изслѣдованныхъ имъ преступниковъ онъ нашелъ лишь 20 случаевъ эпилепсіи.

Онъ прибавляетъ еще, что только *одинъ* изъ этихъ двадцати совершилъ проступокъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ эпилептического припадка, обстоятельство дѣйствительно поразительное для тѣхъ, кто склоненъ считать эпилепсію спеціальнымъ органическимъ свойствомъ преступности. Еще лучше то, что пропорція эпилептиковъ въ итальянскихъ тюрьмахъ, какъ видно изъ статистическихъ опытовъ того же автора, не выше 0,66 на 100; и самъ Ломброзо признаетъ, что она составляетъ лишь 5⁰/₀.

Опровергнуть идею, о которой идетъ рѣчь, если принимать ее дословно, очень легко. Даже слишкомъ легко; и трудно представить себѣ, что такой крупный ученый могъ такъ обмануться, благодаря поспѣшности сужденія. И все-таки, не знаю почему, прочитавъ внимательно его трудъ, остаешься убѣжденнымъ, что подъ амальгамой его наблюденій и предположеній, какъ источникъ подъ обваломъ, протекать глубокая идея. Онъ искалъ (и въ этомъ

включается новая сторона его книги) общей объединяющей черты, даже общей центральной точки, скрытой или очевидной, для всевозможных форм преступности: онъ хотѣлъ близко связать другъ съ другомъ кровными узами холодную жестокость «породистаго» убійцы, безъ страха и угрызений совѣсти; закончившееся убійствомъ изступленіе помѣшаннаго, который плачетъ, совершивъ преступленіе; губительную вспышку виновнаго въ преступленіи по страсти или въ состояніи опьяненія; несчастное заблужденіе фанатика или *маттоида*; профессиональную рутину случайнаго вора, понавагоса въ рецидивѣ; безнаказанное злодѣйство скрытаго преступника, бандита—государственнаго чиновника, этого привилегированнаго представителя эпохи равенства, или придворнаго временщика, смотря по формѣ правленія.

Слѣдовательно, я думаю только, что онъ ошибся въ опредѣленіи характера этой тѣсной связи, но я все же думаю, что эта связь существуетъ и что есть доля истины въ томъ фізіологическомъ значеніи, которое Ломброзо приписываетъ преступленію на ряду съ юридическимъ значеніемъ. Что касается меня, то я могу признать это фізіологическое значеніе, не встрѣчая для этого, какъ будетъ видно дальше, никакихъ препятствій въ моемъ прежде всего соціологическомъ объясненіи преступленія. Я соглашаюсь съ тѣмъ, что это печальное соціальное явленіе имѣетъ свои глубокіе корни въ мозгу. Къ такому заключенію долженъ неизбежно привести насъ прежде всего тотъ фактъ, на которомъ случайно настаиваетъ и Ломброзо, но только исходя изъ другой точки зрѣнія. Этотъ общеизвѣстный

фактъ, состоящій въ томъ, что опредѣленные клас-
сическія формы помѣшательства,—мономанія убій-
ства, kleптоманія, пироманія, эротоманія,—соотвѣт-
ствуютъ различнымъ и постояннымъ формамъ пре-
ступленія: убійству, воровству, поджигательству,
изнасилованію, нисколько не доказываетъ общаго
происхожденія преступленія и безумія. Но, съ другой
стороны, онъ показываетъ, что преступное дѣяніе,
если разсматривать его съ точки зрѣнія его проис-
хожденія въ мозгу, отличается отъ всякаго другого
дѣйствія, и что было бы вполне умѣстно допустить
возможность, если не вѣроятность, его спеціальной
локализаціи даже въ томъ случаѣ, если отвергнуть
спеціальную локализацію всякаго другого рода дѣя-
тельности. Можно придти въ изумленіе, видя, что
существуютъ формы сумасшествія, характеризую-
щіяся непреодолимымъ влеченіемъ къ убійству, во-
ровству, насилію, разрушенію, въ то время какъ
нѣтъ ни одной, которая характеризовалась бы
главнымъ образомъ стремленіемъ трудиться, пахать,
копать землю, ткать и т. д. Все это очень старин-
ныя занятія, постоянно увеличивающіяся въ числѣ и
въ теченіе вѣковъ повторяемая безконечнымъ ря-
домъ поколѣній. Но, какъ кажется, этого продол-
жительнаго повторенія не было достаточно для того
чтобы превратить желаніе исполнять эти дѣйствія
въ фізіологическіе инстинкты, имѣющіе своимъ
источникомъ опредѣленные центры въ клѣточкахъ
мозга. Такъ какъ относительно преступленія дѣло
обстоитъ, повидимому, иначе, то очевидно, что пре-
ступленіе, несмотря на свою меньшую повторяе-
мость, если не на меньшую давность, играетъ въ
человѣчествѣ роль, превосходящую по силѣ и по

глубинѣ впечатлѣнія обычные акты повседневной жизни. Именно потому, что оно всегда является исключеніемъ, оно представляется уродствомъ, живое сознаніе котораго налагаетъ свое клеймо на моральную природу человѣка и даже затрогиваетъ его физическую природу. Оно раздѣляетъ эти привилегіи съ тѣми дѣянiями, которыя, будучи грубыми и вполнѣ обычными, тѣмъ не менѣе очень важны для организма: принятіе возбуждающихъ средствъ (дипсоманія), обжорство (извѣстныя формы истеріи), половыя излишества и т. д.

Но вернемся къ эпилепсіи. Я не послѣдую за Ломброзо по всевозможнымъ *кругамъ* Дантовскаго ада, куда онъ насъ заводитъ. Чтобы дать представленіе о его методѣ, ограничимся краткой передачей его аргументаціи по отношенію къ *нравственно помѣшанному*, — другими словами, прирожденному преступнику, съ которымъ, по мнѣнію нашего автора, помѣшанный почти совпадаетъ. Нравственно помѣшанные, на его взглядъ, походятъ на эпилептиковъ слѣдующими чертами. То же замедленіе въ установленіи *равновѣсія личности* по сравненію съ людьми нормальными. То же тщеславіе. Та же склонность къ противорѣчію и преувеличеніямъ. Та же болѣзненная раздражительность, дурной характеръ, лунатизмъ, подозрительность. Та же страсть къ непристойностямъ. (Случается, что *coitus* бываетъ похожъ на эпилептическую конвульсію, какъ порывъ вдохновенія на преступную жестокость. Вдохновеніе, особенно по своей мгновенности, интенсивности и постепенному ослабѣванію памяти, имѣетъ видъ эпилепсіи. Спрашивается въ чемъ же заключается суть эпилепсіи, если понимать ее такимъ обра-

номъ?). Та же физическая нечувствительность. (Замѣтимъ, что физическая нечувствительность преступниковъ сельскихъ, неграмотныхъ, присуща имъ, какъ и всѣмъ представителямъ ихъ класса; наоборотъ, нечувствительность городскихъ цивилизованныхъ преступниковъ вымыслена ¹⁾). Тотъ же каннибализмъ: Civalali видѣлъ эпилептика, „откусившаго носы тремъ своимъ товарищамъ». (Допустимъ это, но мы знаемъ, что въ дракахъ, послѣ выпивки, среди крестьянъ нерѣдко можно замѣтить, какъ одинъ изъ дерущихся, менѣе всего на свѣтѣ эпилептикъ, откусываетъ у другого часть носа или уха. Здѣсь можетъ служить объясненіемъ упорство дикихъ привычекъ, ведущихъ свое происхожденіе отъ отдаленнѣйшихъ предковъ. Но у эпилептиковъ припадки, о которыхъ идетъ рѣчь, имѣютъ другое происхожденіе, что мы и увидимъ). Та же склонность къ самоубійству. То же стремленіе къ объединенію: въ лечебницахъ эпилептики отличаются отъ другихъ помѣшанныхъ пристрастіемъ къ объединенію, общимъ для нихъ съ обитателями тюремъ. (Прибавимъ: и съ честными людьми. Если эпилептикъ—существо общественное, то это просто потому, что онъ не сумасшедшій ²⁾, что бы ни говорилъ объ этомъ Ломброзо,—такъ какъ сумасшествіе, по самой природѣ своей, изолируетъ душу).

¹⁾ См. Crime. Henry Joly.

²⁾ Я хочу сказать, что онъ не сумасшедшій въ періоды между припадками, несмотря на постоянный отпечатокъ, который кладетъ темпераментъ эпилептика на его характеръ. Что же касается припадковъ, то въ нихъ слѣдуетъ видѣть лишь перемежающееся безуміе, переходящую *манію*.

Не возражайте на всё эти болѣе или менѣе искусственныя уподобленія указаніемъ ¹⁾, что, по крайней мѣрѣ, два признака: періодичность припадковъ и постепенное ослабѣваніе памяти отличаютъ эпилептика отъ прирожденнаго преступника. Вамъ отвѣтятъ, что, по словамъ тюремныхъ сторожей, въ теченіе дня у преступниковъ есть свой *недобрый часъ*, и что, по Достоевскому (*Записки изъ мертваго дома*), приходъ весны возбуждаетъ бродяжническіе инстинкты у заключенныхъ. (Мы увидимъ далѣе, что въ психологіи періодично все, а не одни только преступныя наклонности). Ломброзо и его коллега Frigerio говорятъ, что имъ пришлось наблюдать, какъ въ бурные дни, когда припадки эпилептиковъ становятся чаще, обитатели тюремъ дѣлаются опаснѣе, рвутъ свою одежду, ломаютъ мебель, бьютъ своихъ

¹⁾ Другая совершенно неожиданная аналогія между прирожденными преступниками и эпилептиками: у нихъ одинаковая походка (она изучена по способу Gilles de la Tourette), отличающаяся одними и тѣми же признаками отъ походки обыкновенныхъ людей. Въ противоположность послѣднимъ, нормальные индивидуумы, о которыхъ идетъ рѣчь, ходятъ, дѣлая болѣе крупныя шаги лѣвой ногой, чѣмъ правой; кромѣ того, тоже въ противоположность нормальной походкѣ, они уклоняются отъ прямой линіи при хожденіи больше вправо, чѣмъ влѣво, и ихъ лѣвая нога, становясь на землю, образуетъ съ прямой линіей болѣе тупой уголъ, чѣмъ правая нога. Таковы три признака, по которымъ, согласно измѣреній доктора Ferracchia и самого Ломброзо, походка мошенниковъ не менѣе, чѣмъ ихъ поведеніе, противоположна походкѣ честныхъ людей и напоминаетъ походку одержимыхъ падучей болѣзнью. Къ несчастью, намъ не сообщаютъ, на сколькихъ наблюденіяхъ построены эти выводы, и вполнѣ возможно, что какой-нибудь новый антропологъ, возобновивъ изысканія д-ра Перракія, придетъ къ совершенно противоположнымъ результатамъ, что уже слишкомъ часто случалось въ уголовной антропологии.

наблюдателей. Въ извѣстныхъ случаяхъ, говорятъ намъ еще, наблюдается видъ преступнаго *судорожнаго сотрясенія*, которое предшествуетъ преступленію и заставляеть его предчувствовать. Намъ описываютъ молодого человѣка, «семья котораго замѣтила, что онъ обдумывалъ воровство, когда продолжительное время держалъ рукою носъ; привычка эта окончилась изуродованіемъ формы его носа». Что касается затемнѣнія памяти послѣ преступной вещицы, то оно наблюдалось Bianchi у четырехъ нравственно помѣшанныхъ, и извѣстно также, что дѣти, преступныя въ періодъ дѣтства, легко забываютъ свои проступки. Но чего дѣти не забываютъ быстро,—только ли дурныхъ, или также и хорошихъ проступковъ ¹⁾?

Не слѣдуетъ забывать, что существуетъ форма эпилепсіи безъ конвульсій, выражающаяся въ головокруженіи. Эта форма, по словамъ Эскироля, наиболее глубоко нарушающая равновѣсіе, чаще, чѣмъ всякая другая, сопровождается наклонностями къ преступленіямъ противъ половой нравственности, къ убійству, мошенничеству, поджигательству у людей, до того времени честныхъ. Каждый разъ, когда у молодыхъ преступниковъ наблюдается извѣстная перемежающаяся періодичность преступныхъ импульсовъ, есть основаніе подозрѣвать, что они эпилептичны. По словамъ Trousseau, когда индивидуумъ совершаетъ убійство *безъ мотива*, можно утверждать, что онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ эпилепсіи. Но эпилепсіи ли, или какого-нибудь дру-

¹⁾ То же самое, впрочемъ, замѣчается въ случаяхъ эпилептической амнезіи, какъ и амнезіи гипнотической, но не безъ многочисленныхъ исключеній, какъ доказываютъ наблюденія Delboeuf.

гого невроза? Во всякомъ случаѣ, эпилептикъ онъ или нѣтъ, совершитель убійства безъ мотива не могъ бы въ общемъ, кромѣ исключеній, о которыхъ будетъ рѣчь впереди, считаться преступнымъ. Есть, говорятъ, случаи, когда эпилепсія, долгое время оставшаяся скрытой, проявляется лишь послѣ преступленій, несомнѣнно совершенныхъ подъ какимъ-нибудь незамѣтнымъ вліяніемъ. Это вѣрно и очень прискорбно; но это не доказываетъ ни того, что именно такъ бываетъ постоянно, ни того, что можно ошибаться, не различая вора, который крадетъ согласно требованію своего обычнаго основного характера, отъ вора, который крадетъ въ силу своего болѣзненнаго и преходящаго настроенія, общеннаго ему его душевнымъ разстройствомъ. Въ первомъ случаѣ субъектъ вмѣняемъ, во второмъ онъ невмѣняемъ. Когда, говорятъ намъ еще, имѣются полныя свѣдѣнія о родственникахъ преступниковъ и эпилептиковъ, то можно замѣтить, что у ихъ родителей и предковъ эпилепсія чередуется съ преступностью. Но чередованіе и идентичность—двѣ вещи разныя. Безуміе тоже часто чередуется съ геніальностью въ одной семьѣ, и на небѣ ночь чередуется съ днемъ.

Чтобы ясно опредѣлить сущность разногласія, которое, къ моему величайшему сожалѣнію, заставляетъ меня разойтись съ Ломброзо, я приведу особенно дорогой для него примѣръ извѣстнаго *Misdea*. Здѣсь Ломброзо какъ будто бы торжествуетъ, потому что дѣйствительно врожденная преступность и эпилепсія перепутаны въ данномъ случаѣ до того, что теряешь надежду ихъ раздѣлить. Но разобраться въ нихъ все же не невозможно, если принять во

вниманіе наши принципы относительно уголовной ответственности. Въ двухъ словахъ — Misdea былъ плохой итальянскій солдатъ, плутоватый, злобный, жестокой, мелочной, лѣнивый, безчувственный и къ тому же эпилептикъ; въ послѣднемъ припадкѣ, вызванномъ ничтожнымъ толчкомъ самолюбія, онъ вперся въ казармахъ и началъ стрѣлять въ своихъ товарищей, которыхъ онъ подозрѣвалъ въ доносахъ на него. Нужна была правильная осада, чтобы его обезоружить. Слѣдовательно, въ немъ, говорятъ намъ, «безчувственность, лѣнь, тщеславіе, жестокость, злоба, доходящая до каннибализма, всѣ тѣ признаки, найденные нами въ прирожденномъ преступникѣ и нравственно помѣшанномъ, усилены еще эпилепсіей». Пускай усилены, но не созданы же. Не было ли у Misdea, независимо отъ эпилепсіи, призванія къ преступленію? И если предполагается, что этого призванія у него не было, т. е., что онъ не былъ ни лѣнтяемъ, ни гордецомъ, ни метильнымъ, ни жестокимъ, ни лжецомъ, то совершилъ ли бы онъ въ припадкѣ эпилепсіи убійства, которыя привели его на эшафотъ? Послѣдній эпилептический припадокъ, которому онъ подвергся, былъ только случай пробудиться его преступнымъ наклонностямъ. И этотъ случай могъ быть съ такимъ же успѣхомъ, если еще не съ большимъ, вызванъ извѣстными соціальными условіями или вліяніемъ окружавшихъ его негодяевъ: такъ, на примѣръ, если бы было дѣйствительно нанесено серьезное оскорбленіе его гордости, или если бы бѣдственное положеніе довело его въ одинъ прекрасный день до крайней необходимости выбирать между трудомъ, притупившимъ его лѣни, и преступленіемъ, кото-

рое легко допускала его нравственная нечувствительность. Въ послѣднемъ случаѣ насколько болѣе были бы достойны названія преступленія всѣ совершенныя имъ убійства, хотя, быть можетъ, и менѣе ужасныя! Его характеръ, несмотря на всѣмъ новое проявленіе, остался бы по существу неизмѣннымъ, въ то время, какъ проявленіе его при посредствѣ эпилепсіи было не только усиленіемъ его свойствъ, но отчасти и измѣненіемъ ихъ природы. Изъ негодяя эпилептической припадокъ сдѣлалъ храбреца, грознаго героя, который одинъ выступаетъ противъ цѣлаго полка. Отсюда обыкновенный *Misdea* становится отчасти морально безответственнымъ за преступленія, вмѣненные ему въ вину, но которыя, впрочемъ, были таковы, что его казнь во мнѣ почти не вызываетъ жалости. Но предположимъ, что *Misdea* былъ въ обыкновенное время трудолюбивъ, скромнъ, добръ, правдивъ, великодушнъ; если случайно, во время припадка эпилепсіи, онъ убилъ одного изъ своихъ товарищей, можно ли думать, что онъ былъ бы осужденъ? Онъ, навѣрное, былъ бы оправданъ и помѣщенъ въ какую-нибудь лѣчебницу.

Однако, и при этомъ предположеніи убійство, совершенное имъ, могло мотивироваться оскорбленіемъ самолюбія. Достаточно предположить, что измѣненіе его природы произошло на почвѣ скромности, внезапно перешедшей въ болѣзненное тщеславіе, подобно тому, какъ на самомъ дѣлѣ оно произошло на почвѣ трусости, превратившейся въ отвагу. Ломброзо какъ будто думаетъ, что если акту насилія или мошенничества, совершенному эпилептикомъ или помѣшаннымъ, предшествовалъ какой-нибудь

мотивъ, какъ бы ни было велико разстояніе между незначительностью мотива и серьезностью дѣянiя, или еще лучше между минутнымъ и случайнымъ настроенiемъ, выразившимся въ мотивѣ, и настроенiемъ обычнымъ, постояннымъ для даннаго лица, все же невозможно было бы основательно отличить дѣянiе, совершенное такимъ образомъ, отъ аналогичнаго дѣянiя, совершеннаго несомнѣннымъ преступникомъ. Но это — заблужденіе. Не существуетъ, быть можетъ, ни одного убiйства, совершеннаго сумасшедшимъ въ моментъ маниакальнаго возбужденiя, которое не имѣло бы своей причиной какой-нибудь страсти, охватившей въ эту минуту помѣшаннаго. Если принять во вниманiе интенсивность этой страсти (супружеской ревности или изступленiя, вызваннаго жаждой мести), то видно будетъ, что чаще всего существуетъ пропорціа между мотивомъ (воображаемымъ) и дѣянiемъ. Но этой пропорціональности недостаточно для доказательства преступности его совершителя. Съ другой стороны, даже при очень большой, или, по крайней мѣрѣ, кажущейся таковой, несоразмѣрности между убiйствомъ и обстоятельствами, которыя его обуславливали, убiйца не перестаетъ быть исполнѣ ответственнымъ. Таковъ негусъ Абиссинiи, король Дагомеи, который, видя, что одинъ изъ его подданныхъ не достаточно быстро распростерся на землѣ, когда онъ проходилъ мимо него, пришелъ въ ярость и отсѣкъ ему голову ударомъ сабли. Но въ отличіе отъ Misdea этотъ коронованный бандитъ нисколько не измѣняетъ своему характеру, совершая такое жестокое мщеніе за такую ничтожную обиду. Его моральная ответственность на нашъ взглядъ

тоже должна быть полной, если не принимать во вниманіе что, опьяненный своимъ всемогуществомъ, онъ легко могъ сдѣлаться жертвой своего рода хроническаго *delirium tremens*. Но многіе изъ городскихъ и сельскихъ разбойниковъ, цивилизованныхъ и некультурныхъ, которые не могутъ сослаться на то же извиненіе, приходятъ также послѣ долгаго поприща убійствъ изъ корысти и мести къ убійствамъ челоуѣка изъ - за прибыли въ нѣсколько сантимовъ, или за простую обиду, или даже, очень рѣдко, единственно изъ удовольствія убить. И хотя преступленіе можетъ считаться здѣсь совершеннымъ безъ повода, или безъ достаточнаго повода, виновность его совершителя этимъ нисколько не уменьшается, потому что, съ теченіемъ времени, жажда крови ради крови у убійцы, какъ жажда денегъ ради денегъ у скряги, является не аномаліей, не симптомомъ помѣшательства на этомъ, но, наоборотъ, выраженіемъ и плодомъ самой ихъ натуры, которую они сами понемногу пересоздали превращеніемъ ихъ желаній въ привычку.

Ломброзо напрасно такъ сильно затрудняетъ себя стараясь найти признаки эпилепсіи даже въ случайномъ преступникѣ. Но, впрочемъ, я охотно соглашаюсь съ нимъ въ томъ, что напрасно было рыть бездну между случайнымъ и привычнымъ преступникомъ. Несчастіе въ томъ, что случай является всегда отпавнымъ пунктомъ привычки. Только случай дѣйствуетъ лишь вслѣдствіе встрѣчи съ какимъ-нибудь внутреннимъ свойствомъ субъекта, свойствомъ, появившимся благодаря наслѣдственности, воспитанію или комбинаціи того и другого но во всякомъ случаѣ благодаря прямому или ко-

свенному въздѣйствию соціальной среды, въ которой постоянно вращались какъ предки индигида, такъ и онъ самъ. Будемъ различать, если угодно, преступниковъ *наслѣдственныхыхъ* и преступниковъ, ставшихъ таковыми *вслѣдствіе воспитанія*. Но въ послѣднемъ случаѣ, т.-е. когда внутреннія условія преступленія являются плодомъ не наслѣдственности по преимуществу, но подражанія во веѣхъ его видахъ, что остается здѣсь дѣлать эпицеин¹⁾?

Самъ Ломброзо рассказываетъ намъ о шайкѣ убійць, составленной изъ 10 человекъ братьевъ и сестеръ; только одна изъ сестеръ, самая младшая (но что обращается здѣсь дѣтская преступность?) отказывалась воровать и проливать кровь; но вынужденная насильно слѣдовать за своими родственниками, она современемъ сдѣлалась самой жестокой

¹⁾ По этому поводу я не могу не отмѣтить лишній разъ плодотворности этой соціальной силы подражанія, которая выражается въ самыхъ противоположныхъ дѣйствіяхъ. На первомъ шагѣ къ преступленію заблудшійся моментально порываетъ со своимъ обычнымъ мизанеизмомъ (*misanisme*), онъ переродился, сталъ изобрѣтателемъ. Но тотчасъ вслѣдъ за этимъ онъ неизбѣжно падаетъ подъ тяжестью привычки и обычая, поскольку это является новой привычки и иного обычая, принятыхъ въ мизанскомъ міркѣ крупныхъ или мелкихъ мошенниковъ. Точно такъ же, та же самая причина, которая удерживаетъ насъ на наклонной плоскости перваго прегрѣшенія, а именно: подчиненіе привычекъ или обычаю, подражаніе себѣ самому или средѣ, приводитъ насъ къ рецидиву, разъ первая ошибка уже сдѣлана. Честные люди остаются честными на томъ же основаніи, на какомъ преступники дѣлаются рецидивистами. Эта прогрессія рецидива, которая теперь такъ часто встрѣчается и бьетъ въ глаза, есть одно изъ лучшихъ доказательствъ моего соціологическаго принципа. Я люблю простоту, съ какой совершается въ нашихъ обществахъ законъ подбора, распространенный во всей природѣ.

изъ нихъ. Была ли она эпилептичкой? Этого онъ намъ не сообщаетъ.

Я думаю, мы можемъ утверждать, что онъ не доказалъ своего положенія. Но, читая его, чувствуется, что онъ близокъ къ какой-то истинѣ. Я не имѣю претензіи раскрыть ее съ полной очевидностью. Однако, мнѣ кажется, что она проглядываетъ то здѣсь, то тамъ. Намекъ на нее дали заключительныя слова автора о сущности эпилепсіи. Ему, говоря правду, давно пора было объясниться по этому поводу. Онъ соглашается съ опредѣленіемъ эпилепсіи, даннымъ Вентури (Venturi) и не лишеннымъ ни глубины, ни, въ особенности, ширины. Эпилептическій темпераментъ, согласно Вентури, просто темпераментъ крайностей, во всемъ склонный къ преувеличеніямъ, какъ въ дурномъ, такъ и въ хорошемъ: «движеніямъ, ощущеніямъ, эмоціямъ, покраснѣнію, слезамъ, сужденіямъ нормальнаго чловѣка соотвѣтствуютъ конвульсіи, галлюцинаціи, возбужденіе, гнѣвъ, ярость, приливъ крови, пѣна у рта, изступленіе эпилептика; и здѣсь, и тамъ—та же нервная жизнь, болѣе или менѣе сильно выраженная». Эта точка зрѣнія допустима, если понаблюдать вмѣстѣ съ тѣмъ же авторомъ, какъ у самыхъ здоровыхъ субъектовъ неожиданное и сильное возбужденіе можетъ дать мѣсто проявленіямъ гнѣва, страха, ревности, эротизма, довольно сходныхъ съ припадками эпилепсіи и *имѣющихъ тенденцію, какъ и эти послѣдніе, вновь проявляться позднѣе самопроизвольно при благоприятныхъ условіяхъ. Какъ это вѣрно!* Кто изъ насъ не испытывалъ въ теченіе своей жизни какого-нибудь изъ этихъ сильныхъ сердечныхъ потрясеній, этихъ настоящихъ возстаній, мотивирован-

ныхъ при первомъ появленіи, но позднѣе возрождающихся самопроизвольно, подъ самымъ незначительнымъ предлогомъ, точно отпечатокъ ихъ въ промежуткѣ между ихъ проявленіями продолжалъ жить въ насъ. Смирная лошадь,¹ испугавшаяся тѣни или камня въ сумеркахъ, встаетъ съ тѣхъ поръ время отъ времени на дыбы въ тотъ же часъ передъ воображаемымъ призракомъ. Можно ли сказать, что съ этого дня она начала страдать однимъ изъ видовъ эпилепсіи? Въ такомъ случаѣ, припадокъ какой-нибудь страсти, фиксированный на опредѣленномъ клише мозга, былъ бы началомъ эпилепсіи. Эпилепсія въ этомъ смыслѣ была-бы въ своемъ родѣ лишь стереотипной страстью.

Такимъ образомъ, мнѣ нѣтъ надобности указывать, что даже въ такомъ смыслѣ понимаемая эпилепсія недостаточно объясняетъ преступленіе, потому что она съ такимъ же успѣхомъ объясняетъ и его противоположность, и во всякомъ случаѣ она, очевидно, могла бы быть какъ социальнымъ, такъ и биологическимъ объясненіемъ. Можно такъ же сказать что, расширяясь въ этомъ пунктѣ, кругъ эпилепсіи повсѣмъ видоизмѣнился. Въ ней, тѣмъ не менѣе, есть существенная и многозначущая особенность, которую слѣдуетъ принять во вниманіе: перемежаемость или періодичность. Безъ эпилепсіи въ общественномъ смыслѣ, значеніе этого признака, хотя и общаго всѣмъ психическимъ явленіямъ, но въ ней чимъ-то болѣе, чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ, могло бы ускользнуть отъ нашего вниманія. Но благодаря ей, мы можемъ узнать, что въ насъ есть много невидимыхъ колесъ, готовыхъ придти въ

движеніе безъ нашего вѣдома, чтобы періодически ослаблять какую-нибудь страшную пружину и такимъ образомъ заставить вспыхнуть одну изъ тѣхъ взрывчатыхъ субстанцій, которыя мы носимъ въ себѣ, сами того не зная. Эти безчисленные и непрерывныя вращенія, изъ которыхъ составляется безсознательная жизнь нашихъ воспоминаній, нашихъ желаній, нашихъ скрытыхъ чувствъ, продолжающееся повтореніе всего, что однажды вошло въ насъ путемъ случайнаго впечатлѣнія,— совершаются внутри нашихъ мозговыхъ клѣтокъ. Именно благодаря этимъ безконечнымъ вращеніямъ, умножающимся и запутаннымъ, внутри насъ происходятъ иногда процессы, результатомъ которыхъ бываетъ проявленіе неожиданныхъ актовъ смѣлости или развращенности, черты безумія или геніальности, удивительныя для насъ самихъ; точно такъ же, благодаря сложному тяготѣнію свѣтилъ, происходитъ ихъ соединеніе, а за ними слѣдуютъ затменія или моменты величественнаго сіянія. Все періодично во мнѣ, безразлично, нормаленъ я или нѣтъ; и не однѣ только болѣзненные идеи и желанія способны повторяться въ насъ, безъ нашего вызова, но вообще и всѣ идеи и желанія, находящія въ насъ наиболѣе благопріятныя условія для своего развитія и наиболѣе глубоко укореняющіяся въ насъ. Какъ бы благоразумны и свободны отъ всякаго невроза мы ни были, мы не можемъ помѣшать себѣ тяготѣть къ эллипсису мыслей, дѣяній и эмоцій, возобновляющихся въ одни и тѣ же дни и времена года при аналогичныхъ обстоятельствахъ. Острая захватывающая грусть, всегда одинаково и неизмѣнно

вызываемая въ душѣ многихъ людей возвращеніемъ весны и заставляющая ихъ забросить всякое дѣло, имѣетъ своимъ источникомъ любовныя огорченія ихъ первой юности, забытыя и неясно воскресающія подъ аккомпаниментъ другихъ обманчивыхъ воспоминаній, гармонирующихъ съ этой нотой и тембромъ этого звука. Это образуетъ какой-то концертъ сердца, что-то вродѣ жалобной и раздирающей внутренней шарманки, которую невозможно остановить. Известныя предрасположенія къ радости безъ видимыхъ причинъ, продолжающіяся неделями, объясняются смутнымъ возрожденіемъ пропалаго счастья. Но у несчастныхъ людей, перенесшихъ большія лишенія, униженія и дурное обращеніе съ ними въ дѣтствѣ или юности, есть дни, когда ропщеть въ нихъ глухой необъяснимый гнѣвъ, смутная потребность ненависти и мести, завистливая жадность. И если въ такіе моменты кто-нибудь оскорбитъ ихъ, или соблазнить ихъ какая-нибудь добыча, то убійство, поджогъ и поровство могутъ быть слѣдствіями этого фатальнаго совпаденія. И затѣмъ, разъ преступленіе совершено, настанутъ дни и мѣсяцы, когда, неизвѣстно почему, къ нимъ будетъ возвращаться что-то вродѣ неопредѣленнаго и неутолимаго преступнаго аппетита; и это потому, что преступленіе отпечатывается на характерѣ, и какъ нѣтъ ощущенія болѣе сильнаго, чѣмъ то, которое имъ вызывается, такъ нѣтъ и такого, которое фиксировалось бы на клише мозга болѣе глубоко.

Но именно потому, что періодичность, о которой идетъ рѣчь, распространяется на весь кругъ нашей сознательной и безсознательной жизни, недоста-

точно ее только констатировать, найти ее тамъ, гдѣ она замѣтна меньше, по аналогіи съ явленіями, въ которыхъ она замѣтна больше, чтобы имѣть право считать индивида неотвѣтственнымъ за то, чтоъ появляется и вспыхиваетъ въ немъ самопроизвольно. Здѣсь нужно установить нѣкоторыя различія. Чаще всего эллипсисъ воспоминаній или привычекъ, о которыхъ я только-что говорилъ, — дѣйствительно нашъ, потому что онъ начертался по нашему согласію или по нашей собственной волѣ или потому что онъ представляетъ собой увѣковѣченіе и внутреннюю ассимиляцію случайностей, которыя стали для насъ постоянными, слѣдовъ, составляющихъ часть нашего я; какъ и кривая, описываемая планетами, этотъ эллипсисъ заставляеть насъ переживать состоянія, лишь немногимъ отличающіяся одно отъ другого, по крайней мѣрѣ, не явно противорѣчивыя. Наоборотъ, неправильный эллипсисъ, куда бросаетъ насъ безуміе, какъ планеты, переброшенные изъ величайшей жары въ величайшій холодъ и *vice versa*, спутываетъ нашъ разумъ и уродуетъ насъ каждую минуту. Скажутъ, что между этими двумя крайними состояніями есть много промежуточныхъ. Да, несомнѣнно. Но ихъ меньше, чѣмъ думаютъ; планеты въ общемъ довольно точно отличены отъ кометъ и если были въ прошломъ смѣшанныя небесныя тѣла, то теперь они исчезли; граница, за которой начинается безуміе, что бы ни говорили, представляетъ собой поясъ весьма незначительной ширины, а полубезуміе есть состояніе неустойчиваго равновѣсія, которое никогда не продолжается долго. Въ душѣ, какъ и въ обществѣ, совсѣмъ не существуетъ середины между

порядкомъ и беспорядкомъ. То, что называется порядкомъ въ индивидуальной или соціальной жизни, есть не что иное, какъ гармоническое соотвѣтствіе идей и періодическихъ дѣяній, при наименьшемъ числѣ періодовъ конфликта. Это и есть состояніе соціального тождества. Но когда начинаютъ учащаться періоды взрывовъ, когда ткань, которую образуютъ періоды труда, промышленности, господства справедливости, здоровья, душевнаго равновѣсія, разрывается отъ этихъ взрывовъ, то наступаетъ беспорядокъ или помѣшательство, анархія или эпилепсія. И переходъ отъ одного изъ этихъ состояній къ другому въ общемъ всегда коротокъ.

Извѣстный порядокъ, дѣйствительно, можетъ отлично проскальзывать, въ концѣ - концовъ, даже и въ беспорядкѣ, но онъ подчиняется послѣднему и только еще сильнѣе его подчеркиваетъ. Напримѣръ, нужно замѣтить, что повтореніе болѣзненныхъ припадковъ, въ началѣ неправильныхъ, стремится регулироваться. У алкоголиковъ, въ которыхъ укоренился ихъ порокъ, возвраты аффектированнаго возбужденія принимаютъ, говорить Vétault, «правильную періодичность» ¹⁾.

То же самое у дипсомановъ. Одинъ изъ пьяницъ, описываемый тѣмъ же ученымъ, каждый разъ, когда сильно напивался, машинально повторялъ одно и то же преступленіе: онъ захватывалъ лошадь и карету, на минуту оставленныя ихъ собственникомъ.

Другія слѣдствія вытекаютъ изъ нижеслѣдующихъ соображеній. Наслѣдственное повтореніе интеллек-

¹⁾ См. трудъ этого автора *Alcoolisme*.

туальныхъ и моральныхъ качествъ, которыми обладали предки индивида, входятъ, какъ особый случай, въ общую періодичность психологическихъ дѣйствій. Въ этомъ случаѣ періодъ переходитъ за предѣлы человѣческой жизни и распространяется на нѣсколько поколѣній. Самопроизвольно, какъ припадокъ эпилепсіи въ спокойной душѣ, появляется въ честной семьѣ порочная или развратная натура. Трудъ—повтореніе тѣхъ же дѣйствій и идей черезъ самые короткіе промежутки времени; привычка въ собственномъ смыслѣ слова, воспоминаніе и инстинктъ — повтореніе дѣйствій и идей черезъ промежутки уже большіе; наконецъ, наслѣдственность и атавизмъ — повтореніе стремленій къ извѣстнымъ дѣйствіямъ и извѣстнымъ идеямъ черезъ очень значительный промежутокъ времени, — вотъ гдѣ такъ много концентрическихъ волнъ, которыя идутъ, распространяясь и смѣшиваясь, набѣгая одна на другую. Прибавимъ, что къ этимъ разнообразнымъ формамъ подражанія *самому себѣ*, рабскаго и невольнаго подражанія органической жизни, присоединяются всѣ высшія формы подражанія окружающимъ, свободнаго подражанія, разлитаго въ огромномъ социальномъ мірѣ. Но въ центрѣ всѣхъ этихъ коловращеній главнымъ двигателемъ всегда бываетъ воля, которую общество вдохновило своей цѣлью. По всѣмъ дорогамъ идутъ къ этому источнику преступленій.

VII. Если группа преступниковъ, настолько же пестрая, насколько и многочисленная, настолько измѣнчивая, насколько и постоянная, не соединена никакой дѣйствительно органической связью, если не существуетъ между ними ни того патологическаго родства, которое бы установило одну общую форму

вырожденія или умственного разстройства, ни однихъ и тѣхъ же болѣзней, которымъ они всѣ были бы подержены, ни того физиологическаго родства, которое указывало бы на ихъ общее сходство съ предполагаемыми предками, то какова же природа объединяющей ихъ связи, дающей имъ часто особую физиономию, которую легче уловить, чѣмъ формулировать? На нашъ взглядъ, это связь чисто - социальная, интимное соотношеніе, замѣчаемое между людьми, занятыми однимъ и тѣмъ же ремесломъ или ремеслами одного рода; этой гипотезы достаточно, чтобы объяснить даже анатомическія, и тѣмъ болѣе физиологическія и психологическія особенности, отмѣчающія преступниковъ. Поговоримъ сначала о первыхъ. Мы говорили раньше, почему всякая профессія, доступная для всѣхъ, или ограниченная кастой — безразлично, постепенно подбираетъ своихъ членовъ изъ среды людей наиболѣе богато одаренныхъ и соответствующихъ ея требованіямъ и развиваетъ у нихъ путемъ наследственной передачи таланты и физическія особенности, предпочтительныя съ точки зрѣнія данной профессіи. То же самое наблюдается не только во всякой профессіи, но въ каждомъ классѣ, въ каждой социальной категоріи, которые болѣе или менѣе ясно опредѣлились. Напримѣръ, серія череповъ такъ - называемыхъ *hommes distingués* (здѣсь разумѣется выборъ изъ общаго числа либеральныхъ профессій) отличается, по Манувриэ, относительно небольшимъ развитіемъ лицевыхъ костей, прекрасно развитыми лбами и въ особенности кубической вмѣстимостью, значительно превосходящей среднюю ¹⁾.

¹⁾ Всѣхъ очень удивило то, что въ Англіи духовенство отличалось значительно превосходящей среднюю пропорціей муж-

Если войти въ подробности, изучая въ отдѣльности артистовъ, ученыхъ, философовъ и инженеровъ, то, разумѣется, это дастъ, въ концѣ-концовъ, возможность начертать типическій и достаточно характерный портретъ каждой изъ этихъ группъ. Вѣроятно же всего также, что онъ легко могъ бы быть болѣе опредѣленнымъ и менѣе сомнительнымъ, чѣмъ знаменитый «преступный типъ». Дѣйствительно, изъ всѣхъ профессій преступная рѣже всего бываетъ такой, которой занимаются по свободному выбору и въ ней, кромѣ того, вслѣдствіе быстрого вымиранія порочныхъ семей, наследственная передача способностей имѣетъ меньше времени для проявленія. На эту профессию люди бываютъ обыкновенно обречены съ дѣтства; большинство убійць и грабителей были сначала заброшенными дѣтьми, и настоящій разсадникъ преступленія нужно искать на каждой площади или перекресткѣ нашихъ большихъ и малыхъ городовъ, въ этихъ шайкахъ хищныхъ уличныхъ мальчишекъ, которые, какъ стаи воробьевъ, собираются сначала для мародерства, потомъ для воровства, вслѣдствіе недостатка воспитанія и хлѣба у себя дома ¹⁾.

скихъ рожденій. Бертильонъ вывелъ отсюда, что всякая профессія даетъ различную, и для каждой постоянную, пропорцію мужскихъ рожденій по еравненію съ женскими. Если принять во вниманіе то, что актъ рожденія есть какъ бы сліяніе и результатъ всѣхъ органическихъ дѣйствій, то въ предшествовавшемъ наблюденіи легко видѣть основаніе для предположенія, что всякое ремесло имѣетъ свою физиологическую, такъ же какъ и анатомическую характеристику.

¹⁾ «Большинство воровъ, — говоритъ Lauvergne, — были дѣтьми улицъ, брошенными сыновьями неимущаго отца или проститутки». Интересныя подробности относительно этихъ шаекъ ско-

Вліяніе товарищей часто рѣшало ихъ участь помимо природнаго предрасположенія ихъ къ преступленію. Въ то же время есть и такіе, которыхъ къ дилеммѣ преступленія или смерти привела фатальная логика ихъ пороковъ. О первыхъ можно въ общемъ сказать то, что предпочтеніе, оказываемое ими примѣру небольшого числа негодяевъ передъ примѣромъ подавляющаго большинства тружениковъ, указываетъ на нѣкоторую аномалію ихъ природы; хотя можно было бы отвѣтить, что подражаніе подчиняется тому же закону, что и притяженіе, то-есть, что его сила обратно пропорціональна квадрату расстоянія. Поэтому понятно, что самый нормальный ребенокъ скорѣе увлечется примѣромъ десятка окружающихъ его развращенныхъ товарищей, чѣмъ примѣромъ милліоновъ неизвѣстныхъ ему согражданъ. Несмотря на все это, несомнѣнно, что преуспѣяніе на поприщѣ убійства или воровства предполагаетъ обыкновенно истинное призваніе, которое привычный глазъ болѣе или менѣе ясно опредѣляетъ. Такъ, Топинаръ и Манувріе, каждый вполне самостоятельно, пришли къ тому заключенію, что преступники образуютъ одну изъ тѣхъ «профессіональныхъ категорій», о которыхъ шла рѣчь.

Такимъ образомъ объясняется почему, несмотря на неуспѣхъ попытокъ, производившихся до сихъ поръ съ цѣлью объять необъятное, чтобы научно доказать справедливость ощущенія, часто вызываемаго видомъ преступника, все-таки является неоспоримымъ существованіе того особаго чутья, которое

роспѣлыхъ преступниковъ есть у Maestre, *Criminalidad in Barcelona* 1886, одного изъ наиболѣе компетентныхъ испанскихъ судей. Мы изложимъ ихъ вкратцѣ далѣе.

даетъ возможность опытному сыщику и проницательному изслѣдователю обнаружить наличность преступныхъ наклонностей въ человѣкѣ съ такъ-называемой «*mauvaise mine*». Френологія не дала ничего, но были френологи, которые нерѣдко отличались поразительной проницательностью. Lauvergne указываетъ на нѣсколько подобныхъ діагнозовъ въ своей книгѣ *Les Forcats*. Физиогномика тоже дала немного; но со времени Лафатера всегда существовали физиономисты. Что останется лѣтъ черезъ десять отъ графологіи, которая стала теперь довольно модной? Я не знаю этого. Но, навѣрное, долго еще будутъ существовать графологи, которые семь или восемь разъ изъ десяти по виду почерка угадають характеръ «пишущаго». Итакъ, меньше всего на свѣтѣ желая унизить уголовную антропологію этимъ сопоставленіемъ, я позволяю себѣ прибавить, что если въ одинъ прекрасный день ей суждено погибнуть, то уголовные антропологи переживутъ ее и долго еще будутъ при случаѣ доказывать свою проницательность. Впрочемъ, перечисленіе столькихъ послѣдовательныхъ неудачъ не заключаетъ въ себѣ ничего для нея обезкураживающаго; сколько разъ въ наукѣ и другихъ областяхъ приходилось видѣть, что упорство передъ послѣдовательными пораженіями свидѣтельствовало о силѣ и прочности извѣстныхъ поражений и пророчило имъ въ будущемъ триумфъ.

Замѣтимъ только, что спеціальное чутье, позволяющее иногда отличать опаснаго человѣка, «способнаго на все», среди честныхъ людей, гораздо меньше руководствуется неяснымъ ощущеніемъ извѣстнаго анатомическаго признака, свойственнаго мошенни-

камъ, чѣмъ ощущеніемъ признака физиологическаго ¹⁾).

Не глазъ, а взглядъ; не ротъ, а улыбка; не черты лица, а фізіономія; не ростъ, а походка даютъ указанія, которыми безсознательно пользуются при угадываніи характера. Ясновидящій графологъ строитъ свои выводы не на спокойномъ почеркѣ, а на скорописи, не на каждой графической черточкѣ, разматриваемой въ отдѣльности, статически, но на ихъ, такъ сказать, динамическомъ взаимоотношеніи, въ которомъ сказывается душевное настроеніе, отрадившееся на движеніи руки. Въ извѣстной мѣрѣ, поро, дѣйствительно, служить для душевныхъ актовъ тѣмъ же, чѣмъ сфимографъ (Sphymographe) для движеній сердца; то и другое даютъ рисунокъ извѣстной дѣятельности. Несмотря на свою глубокую мѣру въ систему Галля, Laveigne высказываетъ слѣдующее мнѣніе: «Мошенникъ, негодяй, воръ скашивается столько же въ игрѣ фізіономіи, сколько въ многозначущихъ выпуклостяхъ; *эти послѣднія подмѣчаются лишь тогда, когда на лицъ осужденнаго уже прочтено, что они должны существовать*». Вѣдь ничто не поддается въ насъ такимъ быстрымъ измѣненіямъ подѣ вліяніемъ воспитанія и жизненныхъ обстоятельствъ, какъ измѣнчивое выраженіе лица и тѣла, то, что называется общимъ видомъ и манерами, — лишнее основаніе вѣрить въ преобладаніе соціальныхъ причинъ въ созданіи преступника. Впрочемъ, анатомическіе признаки сами не избавлены

¹⁾ Но наиболѣе существеннымъ качествомъ хорошаго полицейскаго является прежде всего прекрасная память, которая позволяетъ ему послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ и лѣтъ узнавать иждъ преступниковъ, которые прошли у него передъ глазами.

отъ вліянія этихъ причинъ. Если хорошій уходъ имѣетъ то преимущество, что укрѣпляя ребенка, измѣняетъ даже строеніе его тѣла, то дурной уходъ обладаетъ не меньшимъ могуществомъ; и то, что вѣрно по отношенію ко всему нашему тѣлу, является наиболѣе справедливымъ, согласно замѣчанію д-ра Дюбуиссона (Dubuisson), по отношенію къ самому ¹⁾ пластическому изъ нашихъ органовъ — мозгу. «Наша власть видоизмѣнять во всемъ зависитъ отъ сложности видоизмѣняемаго предмета. Самое обиліе мозговыхъ функций открываетъ дверь бѣльшему числу измѣняющихъ его агентовъ, чѣмъ всякій другой органъ нашего тѣла».

Нѣтъ ни одного, даже самаго юнаго изъ молодыхъ чудовищъ семнадцати, восемнадцати лѣтъ, заполняющихъ своими подвигами прессу, который не имѣлъ бы за собой нѣсколькихъ годовъ преступнаго обученія во все продолженіе своего бродяжническаго и грязнаго дѣтства: преступное ремесло, какъ и всякое другое, имѣетъ свои спеціальныя школы. Какъ и всякое другое ремесло, оно имѣетъ также свой собственный языкъ — *argot*. Какая старая, укоренившаяся профессія не имѣетъ своего языка, начиная съ моряковъ, каменщиковъ, мѣдниковъ, до художниковъ и адвокатовъ, — даже до самихъ полицейскихъ агентовъ, которые замѣняютъ обычные слова жаргономъ? Можно обратиться къ трудамъ Максима Дюкампа по этому предмету. Ремесло преступности имѣетъ свои спеціальныя ассоціаціи, временныя или постоянныя, повсемѣстныя или мѣстныя. Примѣромъ однихъ являются Жакерія и якобинизмъ, успѣвшихъ, не-

¹⁾ *Théorie de la responsabilité* (Archives d'antrop. crimin., 1886.—87).

смотря на свое недолгое существованіе, разорить Францію. Примѣромъ другихъ—каморра и маффія, которыя по традиціи свирѣпствуютъ въ Италіи. Вотъ крупные профессиональные синдикаты преступленія, игравшіе гораздо большую, чѣмъ принято думать, историческую роль. Сколько разъ воинственный союзъ, образовавшійся въ средѣ пастушескихъ племенъ, былъ въ то же время и обществомъ грабителей? Сколько разъ шайка грабителей являлась необходимымъ ферментомъ для созданія государства и утвержденія міра на торжествѣ сильнаго? Да не упрекнуть меня въ томъ, что я слишкомъ большую честь оказываю преступленію, ставя его въ ряды ремесль. Если мелкій преступническій промыселъ, прозябающій въ тущобахъ нашихъ городовъ, приноситъ только зло, такъ же, какъ и мелкія лавчонки, гдѣ переживаетъ само себя первобытное производство, то крупный преступническій промыселъ имѣлъ въ прошломъ свои великіе и страшные дни, принесшіе пользу въ формѣ милитаризма и деспотизма; въ формѣ же финансовыхъ мѣропріятій онъ оказываетъ, какъ утверждаютъ, неоцѣнимыя услуги. Что было бы съ нами, если бы никогда не было счастливыхъ преступниковъ, пылавшихъ желаніемъ забыть убѣжденія и права, предризеудки и обычаи и вести человѣческой родъ отъ оклоги къ драмѣ цивилизаціи? Затѣмъ, не слѣдуетъ ли, къ несчастью, сознаться, что отъ отъявленнаго преступника къ честному негоціанту ведетъ цѣлая серія переходныхъ формъ, что всякій коммерсантъ, обманывающій своихъ кліентовъ — воръ, что всякій кондитеръ, подмѣшивающій вино — отравитель, и что вообще всякій фальсификаторъ — поддѣлыва-

какъ изъ недостатковъ нѣтъ ни одного, который былъ бы менѣе примиримъ съ аналогичными недостатками другихъ, чѣмъ это преувеличенное самоуваженіе, такъ нѣтъ болѣе серьезной причины для необщительности; замѣчательно также, что во всякую эпоху и во всѣхъ странахъ,— у бандитовъ Корсики или Греціи, или у сицилійскихъ *mafioso*, какъ и у «отбросовъ» нашихъ большихъ городовъ, гордость является главнымъ признакомъ ихъ характера. Въ этой тюрьмѣ, правда, работали по принужденію, или за неимѣніемъ ничего лучшаго, для препровожденія времени; и это было счастьемъ: «безъ работы арестанты поѣли бы другъ друга, какъ пауки въ стеклянкѣ». Правда, «между угрюмыми и завистливыми лицами каторжниковъ было нѣсколько добрыхъ и веселыхъ», но это были или невинно осужденные, или случайно сбившіеся съ пути. Тамъ самымъ большимъ удовольствіемъ считалось напиться на заработанныя деньги допьяна, совершенно одному, не приглашая товарищей. Каторжники, трудно повѣрить, могли на прогулкахъ, несмотря на свои цѣпи и сторожей, устраивать время отъ времени какую-нибудь грубую идиллію съ женщинами *ad hoc*, но такъ какъ они могли также, съ меньшими затрудненіями, раздобыться водкой, то они предпочитали обыкновенно употребить свои деньги на это послѣднее удовольствіе. Это согласуется съ сфигмографическимъ опытомъ Ломброзо относительно впечатлѣнія, производимаго на преступниковъ видомъ стакана вина или *donna nuda*. Арестанты отличались неслыханнымъ стоицизмомъ; онъ объясняется отчасти ихъ самолюбіемъ, отчасти физической нечувствительностью, которая харак-

тиризуеть низшіе классы. Частымъ наказаніемъ было сто, пятьсотъ ударовъ розгами или палками, надавшими на спину приговореннаго, бѣжавшаго подъ потоками крови между двумя рядами солдатъ. «Они переносили самую казнь мужественно, не исключая даже самыхъ малодушныхъ». Эта пониженная чувствительность къ боли объясняетъ другое преимущество, которымъ отличаются преступники: необычайная легкость, съ какой заживаютъ ихъ раны. Эта особенность у нихъ общая съ нѣкоторыми некультурными народами, у которыхъ наблюдается такое же быстрое выздоровленіе отъ ранъ въ связи съ такой же нечувствительностью. Отмѣтимъ, что Лоріонъ (Logion) у анналитовъ и Коше (Kocher) у арабовъ, независимо одинъ отъ другого, констатировали этотъ двойной даръ природы. Извѣстные опыты Дельбефа (Delboef), внушавшаго загнипнотизированнымъ не чувствовать боли въ ихъ ранахъ и необыкновенно ускорявшаго этимъ ихъ заживленіе, бросаютъ свѣтъ на всѣ эти собранные факты.

По чрезмѣрнымъ заботамъ о впечатлѣніи, производимомъ на окружающихъ, по зависти и даже злобѣ къ другимъ видно, что преступникъ стоитъ въ соціальной связи съ другими людьми. Ихъ примѣръ увлекъ его, ихъ сужденіе для него важно; и считать его чуждымъ ихъ обществу—значило бы не знать его. «Преступникъ знаетъ и притомъ не сомнѣвается, что онъ оправданъ судомъ своей родной среды, своего же простонародія, которое никогда,—онъ опять-таки знаетъ это,—его окончательно не осудить, а чаще всего и совѣмъ оправдаетъ, лишь бы его грѣхъ былъ не противъ

своихъ, противъ братьевъ! (Слѣдуетъ прочесть описаніе праздника Пасхи въ сибирскомъ острогѣ: каторжники справляютъ это торжество съ всевозможной помпой, какую только имъ позволяютъ: они организуютъ драматическое представленіе; много времени занимаютъ ихъ религіозныя обязанности. «Кромѣ врожденнаго благоговѣнія къ великому дню, арестантъ безсознательно ощущалъ, что онъ этимъ соблюденіемъ праздника какъ будто *соприкасается со всѣмъ міромъ*». Въ этотъ день также «не слышно было ни обычной ругани, ни обычныхъ ссоръ. Проявлялось что-то вродѣ дружелюбія, «хотя обычно они были черствы и сухи въ обращеніи другъ съ другомъ» ¹⁾).

Отнюдь не обнаруживая этой глубокой непредусмотрительности, которою Ломброзо характеризуетъ преступника, товарищи Достоевскаго проявляли рѣдкую расчетливость и настойчивость въ выполненіи всѣхъ своихъ плановъ, въ куплѣ и продажѣ водки, въ побѣгахъ весной, и мысль о возможномъ наказаніи не переставала ихъ озабочивать. Импульсивный типъ былъ совершенно исключительнымъ. Петровъ былъ полнымъ воплощеніемъ такого типа. Въ этомъ человѣкѣ было мало здраваго смысла; но время отъ времени появлялось какое-нибудь пылкое желаніе, зачастую вызванное самымъ незначительнымъ поводомъ. «Вотъ такой-то и рѣжетъ человѣка

¹⁾ Замѣьте это: они склонны соединяться въ группы, подчиненныя какому-нибудь вліятельному товарищу; но они не способны еще любить другъ друга. Первые общества также формировались всегда при помощи односторонней связи престижа прежде, чѣмъ узнавали о существованіи взаимной связи, построенной на симпатіи.

он четвертакъ, чтобы за этотъ четвертакъ выпить козушку, хотя въ другое время пропустить мимо и съ сотнею тысячъ». Это былъ «самый рѣшительный человѣкъ изо всей каторги» ¹⁾, потому что онъ, какъ гипнотизированный или сумасшедшій, всю силу своей воли и вѣры приносить въ жертву своему минутному желанію, одной какой-нибудь идеѣ. Его отвѣтственность не была полной.

Въ общемъ, очертить вѣрно *характеръ преступника* гораздо легче, чѣмъ его физическій типъ. Его типъ мѣняется въ зависимости отъ расы, его характеръ почти неизмѣненъ. Впрочемъ, не слѣдуетъ преувеличивать психологическія и въ особенности интеллектуальныя различія, отличающія преступника отъ насъ. Когда сравниваютъ различные виды книгъ—романы, мелкую литературу, исторію, научныя книги и т. д., которыя читались съ большимъ или меньшимъ удовольствіемъ въ парижскихъ тюрьмахъ мужскихъ и женскихъ, съ литературой болѣе или менѣе предпочитаемой въ городскихъ школахъ Парижа, то замѣчаютъ, что относительная пропорція читателей для каждаго рода сочиненій приблизительно та же и здѣсь, и тамъ ²⁾.

¹⁾ «Но въ каторгѣ, какъ и вездѣ,—говоритъ авторъ,—рѣшительныхъ людей было мало». И онъ прибавляетъ, что не слѣдуетъ смѣшивать *рѣшительнаго* съ *отчаяннымъ*, подъ впечатлѣніемъ перваго болѣе или менѣе понятнаго убійства, ввергнутымъ въ пропасть порока, въ чаду своей преступной *vita nuova*, опьяненнымъ своимъ демоническимъ освобожденіемъ, который совершилъ пять, шесть другихъ убійствъ безъ всякаго мотива. Острогъ смиряетъ его такъ, «что удивляешься на него: неужели это тотъ самый, который зарѣзалъ пять-шесть человѣкъ?»

²⁾ *Arch. d'anthrop. crim.* 15 іюля 1888 года, статья Joly *Les Lectures dans les prisons de la Seine.*

Больше половины сочиненій, прочитанныхъ каторжниками, состоятъ изъ романовъ; читаются главнымъ образомъ романы Александра Дюма. Нарасхватъ читаютъ также «Magasin pittoresque», «Le Tour du monde», даже «Le musée des familles». Что же касается нравственности, то двѣ наиболѣе выдающіяся черты: тщеславіе и безчувственность, которыя мы старались отмѣтить возможно точнѣе, далеко не исключительно свойственны преступникамъ и могутъ быть какъ причиной, такъ и слѣдствіемъ преступленія. Я сказалъ бы то же самое о лѣни и отсутствіи угрызений совѣсти. Прежде всего, такъ ли нечувствителень преступникъ, по крайней мѣрѣ, физически, какъ утверждаютъ Достоевскій, Ломброзо и большинство итальянскихъ авторовъ? Ихъ наблюденіямъ, повидимому, противорѣчатъ свидѣтельства другого рода. «Я спрашивалъ, — говоритъ Joly, — въ центральной лѣчебницѣ «la Santé», гдѣ лѣчатся всѣ серьезно больные изъ тюремъ на Сенъ, замѣчалась ли когда-нибудь среди нихъ общая нечувствительность. Мнѣ отвѣчаютъ, что далеко нѣтъ, что ихъ находятъ всегда очень чувствительными къ боли. Мнѣ откровенно объясняютъ, что тѣмъ, кто работалъ въ этой спеціальной лѣчебницѣ и въ нѣсколькихъ обыкновенныхъ парижскихъ госпиталяхъ (какъ почти всѣ постоянные служащіе), разница бросается въ глаза. Порядочные люди, честные рабочіе, отцы семействъ, которые лѣчились въ «la Charité» или въ «Hôtel-Dieu», переносятъ операціи съ гораздо большей твердостью, чѣмъ больные изъ «la Santé». Вотъ что не согласуется съ примѣрами стоицизма передъ тѣлеснымъ наказаніемъ, о которыхъ говорилось выше, и къ которымъ память

какого-нибудь провинціального судебнаго слѣдвателя легко могла бы прибавить другіе. Девять разъ изъ десяти дѣвушки-матери, убивающія своихъ новорожденныхъ, тайно рожаютъ при такихъ условіяхъ, при которыхъ какая-нибудь дама, если уже она допустила эту неосторожность, умерла бы на-вѣрное. Я знаю одну обвиняемую, а ихъ тысячи, которая, захваченная врасплохъ родовыми болями въ день *большой стирки*, когда она приготавливала обѣдъ на пять или шесть прачекъ, поднялась къ себѣ въ комнату, родила, задушила ребенка и, три четверти часа спустя, вновь спустилась, принялась на свою работу по хозяйству, стояла, входила и выходила, безъ всякаго ущерба для своего здоровья. Но кажущееся противорѣчіе, о которомъ идетъ рѣчь, легко устранить, я думаю, тѣмъ простымъ соображеніемъ, что Достоевскій и Ломброзо, такъ же какъ и большинство итальянцевъ и провинціальныхъ судей, имѣли дѣло съ преступниками деревенскими, мало чувствительными физически, какъ и всѣ невѣжественные люди, въ то время какъ преступники, содержащіеся въ парижскихъ госпиталяхъ, подвержены гиперестезіи, общей и характерной для всякаго городского населенія.

Идея привести въ связь отсутствіе жалости у преступника съ его относительной нечувствительностью къ боли есть лишь предположеніе безъ доказательствъ. Другая гипотеза представляется мнѣ болѣе вѣроятной: это то, что чудовищный эгоизмъ такъ же, какъ и страшная гордость, отличающія преступника, гораздо скорѣе, быть можетъ, являются слѣдствіемъ, чѣмъ источникомъ ихъ преступленія. Изучалось дѣйствіе преступленія на окружающее

общество, которое боится его, и на сореvнователей преступника, которые ему подражаютъ; но достаточно ли освѣщалось внѣ тенденціозныхъ или сенсационныхъ романовъ его воздѣйствіе на самого преступника? ¹⁾ Самое большее, если пытались описать впечатлѣніе, рѣзкую и неизгладимую печать, наложенную преступнымъ дѣяніемъ на воображеніе его совершителя. Но не меньше, чѣмъ его воображеніе, его сужденія и его воля, его разсудокъ и его чувствительность, его самолюбіе, наконецъ, измѣняются или извращаются, благодаря этому страшному удару.

Идея, рѣшеніе, приготовленіе и совершеніе преступленія могутъ разсматриваться, какъ ходъ особаго рода лихорадки, не имѣющей названія, какъ образованіе въ мозгу извѣстнаго представленія, которое можно отнести въ психологическомъ (не социологическомъ, разумѣется) отношеніи къ разряду такихъ же внутреннихъ процессовъ, какъ стремленіе къ самоубійству, любовь, поэтическое вдохновеніе. Это одинъ изъ тѣхъ кризисовъ, изъ которыхъ организмъ, какъ это бываетъ при конституціональныхъ болѣзняхъ, выходитъ измѣненнымъ; существуютъ броженія, которыя, едва закончившись, опять начинаются въ новой, еще болѣе опасной формѣ; послѣ броженія спиртового начинается уксусное; такова же преступная лихорадка. Прежде, чѣмъ начать дѣйствовать, будущій обвиняемый волнуется и возбуждается до глубины души головокружительной, обаятельной мыслью, неотвязчивой, настойчивой, страшной на

¹⁾ Joly (op. cit) коснулся мимоходомъ этого вопроса, важность котораго онъ, повидимому, замѣтилъ.

ниглядъ. Рѣшится ли онъ ее исполнить, или не рѣшится? До послѣдняго момента онъ еще сомнѣвается. Какъ бы желанна она ни была, его собственное паденіе его захватываетъ и ошеломляетъ не только же, насколько оно тревожитъ и страшитъ публику. Онъ изумляется, когда избавляется, наконецъ, отъ своего безумнаго бѣсовскаго навожденія; его удивляетъ, что онъ такъ легко побѣдилъ все, что казалось ему раньше почти непреодолимымъ, — честь, право, состраданіе, нравственность; онъ чувствуетъ себя одновременно отчужденнымъ, свободнымъ и падшимъ, брошеннымъ въ новый, открывшійся передъ нимъ міръ, навсегда изгнаннымъ изъ родного дома. Въ его изумленіи есть нѣчто похожее на то, что испытываетъ юноша, впервые вкусившій запретныхъ наслажденій, или школьникъ, очинившій только-что свои первые хорошіе стихи. Онъ начинаетъ гордиться своимъ одиночествомъ, онъ говоритъ себѣ, что сталъ новымъ человѣкомъ.

Нечаянное заблужденіе, и цѣлая бездна легла между нимъ и его соотечественниками; онъ старается съ тѣхъ поръ убѣдить себя, что они ему, чужіе, и хотя онъ никогда не добивается этого полною, хотя всемогущее господство ихъ примѣра вынуждаетъ его выслушивать и повторять про себя позорящее его эхо сужденій, которыя они о немъ оставили, его усилія отъ нихъ отвязаться, тѣмъ не менѣе, даютъ почву для развитія его гордости и эгоизма. Его гордость раздувается, какъ гордость влюбленнаго послѣ побѣды, генерала послѣ торжества надъ непріателемъ, артиста послѣ его лучшаго произведенія; любовникъ, изобрѣтатель, артистъ, побѣдитель походятъ въ этомъ на горца, на

обитателя пустынныхъ странъ, самолюбіе котораго выражается въ его дѣйствительномъ одиночествѣ, какъ ихъ самолюбіе въ ихъ одиночествѣ искусственномъ. Сухость сердца, нечувствительность по отношенію къ этой толпѣ, отъ которой человѣкъ отдѣляется, истекаетъ именно отсюда. Отсюда же, понемногу, по мѣрѣ того, какъ прогрессируетъ это чувство полного разрыва съ толпой, истекаетъ и отсутствіе угрызений совѣсти. Потому что, въ силу нашихъ принциповъ, считая себя существомъ другой породы, преступникъ долженъ считать себя безответственнымъ. Можно было бы сказать съ извѣстнымъ основаніемъ, что онъ испытываетъ угрызения совѣсти *до* преступленія, а не *послѣ*. Прежде онъ еще называлъ другихъ людей своими ближними; послѣ — нѣтъ. Отнынѣ онъ уже не интересуется ни друзьями, ни знакомыми и симпатизируетъ лишь своимъ ближайшимъ родственникамъ и собратьямъ по преступленію. Онъ грезитъ. Такъ объясняется его лѣнь. Она является дѣломъ мечтателей всѣхъ категорій, влюбленныхъ, поэтовъ, даже изобрѣтателей. Преступникъ — большой мечтатель, и Достоевскій не преминулъ указать на эту черту.

Каждый, кто носитъ въ памяти особенно выдающееся воспоминаніе, какого, какъ ему извѣстно, не существуетъ въ памяти его согражданъ, питаетъ въ себѣ все увеличивающуюся вѣру въ свою отчужденность и вскорѣ въ свое превосходство. Такъ бываетъ съ убійцей, даже не раскрытымъ еще. Убійство является для того, кто его совершилъ, какой-то *idée fixe*, какъ гениальная выдумка для инженера, какъ образъ любимой женщины для влюбленнаго. Эта идея, разумѣется, не всегда стоитъ

въ центрѣ его сознанія, но она витаетъ и кружится на горизонтѣ его разума, подобно низкому солнцу полярныхъ странъ. Это преслѣдованіе не заключаетъ въ себѣ ничего болѣзненнаго,— оно нормально; было бы ненормально, если бы его не было. Чѣмъ сильнѣе ударъ колокола, тѣмъ продолжительнѣе его колебаніе; ощущеніе вибрируетъ и повторяется тѣмъ чаще на судѣ совѣсти, чѣмъ оно было паразитическое. Эта непрестанная работа выдаетъ себя тысячами признаковъ: рисунками вродѣ тѣхъ, которые дѣлалъ Тропманъ, изображая одно изъ своихъ преступленій; нерѣдко татуировкой, компрометирующими словами, въ которыхъ проглядываетъ потребность высказать то, что извѣстно только еще одному; молчаніемъ, даже сномъ и бредомъ. Я зналъ убійцу, котораго собирались отпустить, за недостаткомъ уликъ, какъ вдругъ одно слово, произнесенное имъ во снѣ и подслушанное сторожемъ, дало возможность подвергнуть его успѣшному допросу, смутить его и добиться признаній. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ дѣйствій прошлой жизни преступленіе является такимъ, которое должно чаще всего повторяться въ воображеніи, потому что оно самое энергичное изъ всѣхъ, и, влѣдствіе этого, оно должно съ наибольшей силой стремиться къ повторенію въ дѣйствительности. Наклонная плоскость, толкающая человѣка къ преступному рецидиву, фискально еще больше, чѣмъ склонность къ рецидиву извѣстному, артистическому, поэтическому, къ эротоманіи, меломаніи, метроманіи. Достаточно одной ошибки, чтобы изъ честной женщины сдѣлать Мессалину, достаточно одного стихотворнаго опыта, чтобы клеркъ нотаріуса навѣки превратился въ

стихоплета. И точно такъ же достаточно перваго воровства, совершеннаго въ 34 года, чтобы изъ честнаго офицера вышелъ воръ (случай съ Ласенеромъ). Но почему? Конечно, не по одной только причинѣ потрясенія воображенія, о которой я только-что говорилъ ¹⁾.

Быстрое паденіе, произведенное первымъ шагомъ на пути порока или преступленія, объясняютъ обыкновенно, тѣмъ, что вкусъ запрещеннаго плода или жажда крови пробудили порочные или слишкомъ ранніе инстинкты. Говорятъ еще, что вина лежитъ на обществѣ, слишкомъ поспѣшно отталкивающимъ отъ себя павшаго и вынуждающаго его искать убѣжища въ шайкѣ развращенныхъ людей. Но, говоря такъ, забываютъ самое существенное — это приговоръ, которымъ внутреннее жюри, эхо убѣжденій извнѣ, отсѣкаетъ виновнаго отъ честной толпы прежде, чѣмъ она его прокляла или даже только осудила. Этотъ воображаемый разрывъ, вмѣстѣ съ болѣзненно раздувшимся самолюбіемъ и ожесточеніемъ сердца, слѣдующими другъ за другомъ, рѣшаютъ его гибель. Чѣмъ больше человекъ чувствуетъ или считаетъ себя отдѣлившимся отъ себѣ подобныхъ, благодаря своему паденію или нравственной смерти, своей рѣзкой извращенности или даже просто повышенной страстности, тѣмъ онъ опаснѣе. Если простиитуирующіе нашего пола еще больше, чѣмъ куртизанки, способны на всякія злодѣянія, то это потому, что чувство ихъ постепеннаго паденія особенно глубоко въ нихъ и интенсивно.

¹⁾ См. *Deux prostitutions. Carlier.*

Если поступокъ еще остается втайнѣ, то можно, пожалуй, засыпать ровъ, вырытый совѣстью грѣшника между нимъ и честными людьми. Но когда преслѣдованія противъ него уже имѣли мѣсто, и онъ былъ осужденъ, его внутренняя прощальность страшно расширяется и углубляется, выходя наружу, подобно его скверной природѣ, которая, выразившись въ преступленіи, ясно обозначилась и завершилась имъ. Женщина, которую единственная ошибка сдѣлала публичной, потеряна навсегда. Преступникъ неизбежно является дѣломъ своего собственнаго преступленія настолько же, насколько это преступленіе было его дѣломъ; онъ точно такъ же неизбежно является отчасти созданиемъ уголовного суда ¹⁾.

Отлученный въ глазахъ всѣхъ отъ другихъ, онъ дѣлается еще болѣе одинокимъ въ своихъ собственныхъ глазахъ, т. е. приблизительно также, но только въ обратномъ смыслѣ, какъ это бываетъ съ артистомъ, съ поэтомъ, который, будучи сначала одинъ только увѣренъ въ своемъ талантѣ, вдругъ озаряется лучомъ славы и видитъ, какъ тотчасъ начинаетъ расти воздвигнутый имъ самимъ себѣ пьедесталь. Тѣмъ не менѣе вѣрно, что, благодаря убѣжденію, выросшему въ нихъ относительно ихъ от-

¹⁾ Можетъ быть, именно это заставляетъ Emile Gautier говорить, (*Archives d'anthropologie criminelle*, 1888), что существуетъ скорѣе *тюремный типъ* (type penitentiaire), чѣмъ преступный. Особенно по своимъ физіономіямъ, на его взглядъ, какъ мы видѣли выше, заключенные похожи другъ на друга. Тюремная жизнь со своимъ двойнымъ непреодолимымъ притяженіемъ, дисциплинарной рутинной и взаимнымъ развращеніемъ другъ друга довершаетъ то, что лишь начерно набросала преступная жизнь—психологическій переворотъ преступника и чувство перехода въ другую среду.

чужденности отъ окружающаго общества, ихъ несходства съ нимъ и ихъ независимости отъ него, тотъ и другой находятъ въ себѣ, несмотря ни на что, доказательство ихъ внутренняго сходства и ихъ вынужденной прикосновенности къ этой презрѣнной или проклятой толпѣ. Въ случаѣ славы, какъ и въ случаѣ осужденія, «я» отражаетъ въ своей *camera obscura* судъ окружающихъ; человѣкъ не можетъ удержаться, чтобы еще больше не любоваться собой, когда его хвалятъ, и не порицать себя еще больше, когда его порицаютъ, но такъ какъ эта послѣдняя форма проявленія самолюбія противна природѣ, то онъ зачастую старается отплатить честной толпѣ презрѣніемъ за презрѣніе, что является лишнимъ способомъ отражать ея взгляды, отталкивая ее. Онъ остается еще въ достаточной степени подобнымъ обществу, чтобы не перестать быть по отношенію къ нему отвѣтственнымъ; съ другой стороны, его внутренняя отчужденность, скорѣе всего только смущающая его душу, далеко не достаточно глубока, чтобы создать препятствіе его отвѣтственности.

Новая итальянская школа безъ конца повторяетъ, что важно изучать и наказывать явленіе, называемое преступникомъ, а не сущность этого явленія, называемую преступленіемъ. Мы видимъ теперь, съ какими ограниченіями нужно принимать этотъ взглядъ, и что старой школѣ было далеко не непросто стоять на противоположной точкѣ зрѣнія. Или, скорѣе, мы видимъ, какъ легко и полно могутъ согласоваться противуположныя точки зрѣнія.

Мы понимаемъ также, почему совершитель крупнаго преступленія, даже случайнаго, становится

ершу болѣе опаснымъ и подлежащимъ болѣе строгому наказанію, чѣмъ незначительный привычный преступникъ. Чѣмъ серьезнѣе совершенное преступленіе, чѣмъ чище была совѣсть, которую оно заигнало, тѣмъ глубже и страшнѣе бываетъ мятежный переломъ нашего «я», явившійся слѣдствіемъ предыдущаго. Но когда съ дѣтства человѣкъ привыкъ совершать сначала незначительныя, затѣмъ постепенно все болѣе и болѣе крупныя кражи, то онъ избѣгаетъ этого страшнаго внутренняго потрясенія и никогда не перестаетъ чувствовать своихъ крѣпкихъ связей съ окружающимъ обществомъ. Смѣшивать двѣ эти категоріи преступниковъ и подвергать убійць и рецидивистовъ исправительныхъ судовъ одной общей участи — несправедливость, основанная на заблужденіи.

II.

I. Если предыдущія соображенія и сообщенія вѣрны, то они позволяютъ намъ внести очень простые элементы въ разрѣшеніе одной изъ самыхъ животрепещущихъ, но всего неудачнѣе разрѣшенныхъ новой школой уголовного права проблемъ: классификаціи преступниковъ. Дѣло идетъ о распредѣленіи послѣднихъ на естественныя категоріи, которыя объединяли бы въ группы дѣйствительно сходныхъ индивидуумовъ. До сихъ поръ, безъ сомнѣнія, въ силу того предполагаемаго принципа, что только сходства органическаго порядка имѣютъ значеніе и отдвигаютъ на второй планъ обобщенія соціальнаго характера, за основаніями рациональнаго раздѣленія обращались къ физиологіи, душевной патоло-

гій и больше всего психологій. Отсюда, какъ мы уже видѣли, многочисленныя попытки распредѣляютъ преступниковъ на преступниковъ-сумашедшихъ, преступниковъ по темпераменту, по страсти и т. д. Я удивляюсь, что не предложили раздѣленія, основаннаго на долихоцефаліи или брахицефаліи преступниковъ, или, согласно анализу Марро, на атавистическомъ, атипическомъ или паталогическомъ характерѣ ихъ черепныхъ и тѣлесныхъ аномалій. Но можно ли представить себѣ пенитенціарное учрежденіе, распредѣляющее заключенныхъ на долихоцефаловъ или брахицефаловъ! Однако, говоря правду, амальгама каждаго отдѣленія была бы менѣе пестра, если бы смѣшаны были между собою преступники по страсти, или всѣ преступники по темпераменту, или даже тогда, когда бы ихъ подраздѣлили сообразно природѣ ихъ страсти или темперамента и не считались поэтому съ различіями по классамъ и профессіямъ и происхожденіемъ ихъ изъ деревенской или городской среды. Лучшій способъ различенія, стоявшій на первомъ планѣ, заключался въ томъ, чтобы дѣлить преступниковъ на случайныхъ и привычныхъ. Здѣсь уже слегка начинается проявляться социальная точка зрѣнія. Но какой преступникъ не сдѣлался таковымъ случайно, и какое преступленіе не стремится обыкновенно повторяться въ силу привычки, если ему не сопротивляются? Если подъ случайными преступниками разумѣются наименѣе опасныя, то дѣйствительность вовсе не соответствуетъ этой гипотезѣ; потому что самыя чудовищныя преступники, арестованные и заключенные на всю жизнь за свой первый проступокъ, совсѣмъ не имѣютъ времени

для рецидива. Самые неисправимые рецидивисты, самые развратные (читайте *развращенные*, потому что, въ общемъ, плуты, мошенники и мелкіе ворюшки отнюдь не *прирожденные преступники*) во-все не крупные злодѣи. Первые представляютъ одновременно большую опасность и меньшую развращенность ¹⁾.

Мы должны исходить изъ иной точки зрѣнія. Податливая глина нашихъ природныхъ качествъ есть лишь матеріаль, форма котораго отливается по соціальному образцу. Поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе именно на черты сходства въ общественной жизни, то - есть на черты сходства, общія представителямъ одного класса, профессіи и среды, чтобы соединить въ одну группу дѣйствительно подобныхъ преступниковъ, не забывая въ то же время, что не слѣдуетъ ставить рядомъ преступленія, слишкомъ разнородныя. Оставивъ въ сторонѣ преступниковъ, болѣе или менѣе ненормальныхъ, не касающихся насъ, примемъ прежде всего довольно рѣзкое раздѣленіе, которое всегда и вездѣ дѣлитъ надвое преступную толпу, соотвѣтственно природѣ нарушенныхъ правъ; съ одной стороны, убійцы и насильники, съ другой — воры, въ широкомъ смыслѣ слова.

1) Преступники (*reclusionnaires*), приговоренные къ тяжкимъ и позорящимъ наказаніямъ, срокъ которыхъ *minimum* 5 и *maximum* 10 лѣтъ, въ общемъ, какъ извѣстно всѣмъ знакомымъ съ тюрьмой, менѣе развратны, чѣмъ большая часть приговоренныхъ къ исправительнымъ наказаніямъ, которыя, однако, по кодексу не являются ни тяжкими, ни позорящими и продолжительность которыхъ колеблется между годомъ съ днемъ и пятью годами. (*Les delits et les peines, par M. Acollas*)

Наши статистики, различая преступления противъ личности и преступления противъ собственности, только приводятъ въ отвлеченную симметрію эту дѣйствительную и всегда живую двойственность. Тѣмъ не менѣе, остережемся преувеличить значеніе этого различія; имъ такъ злоупотребляли наши статистики.

Теперь распредѣлимъ убійць и воровъ въ отдѣльности, въ зависимости отъ рода ихъ занятій и обычной жизни до ихъ заключенія, я хочу сказать отъ соціальной категоріи, къ которой они принадлежатъ. Кажется, неудобно ставить здѣсь опредѣленные разграниченія, потому что, само собой разумѣется, не можетъ быть вопроса о раздѣленіи заключенныхъ на столько классовъ, сколько существуетъ различныхъ ремесль. Но въ то же время бросается въ глаза очень важное возраженіе, и оно заслуживаетъ быть принятымъ во вниманіе, благодаря главенствующей роли, всегда и вездѣ принадлежащей ему въ нашихъ обществахъ, это—двѣ группы профессій и населенія: съ одной стороны, профессіи земледѣльческія и населеніе деревенское, съ другой—профессіи промышленныя и купеческія и населеніе городское. Обѣ эти группы, конечно, взаимно солидарны, и граница между ними точно не опредѣлена, но они различаются массой чертъ: одна такъ вѣрна привычкамъ и традиціямъ, другая такъ открыта соблазнамъ и новшествамъ, одна такъ послушно слѣдуетъ примѣру домашнихъ и отечественныхъ предковъ, другая такъ поддается чужимъ вліяніямъ, одна такъ жестока въ своемъ невѣжествѣ, другая такъ развращена въ своей утонченности, что смѣшивать ихъ непозволительно. Разница эта—такого рода, что

слово *профессія* становится двусмысленнымъ, когда одновременно примѣняется, какъ мы это только что сдѣлали, къ ремесламъ, переходящимъ по шлелдству, въ деревняхъ, и къ ремесламъ, которыя избираются обыкновенно свободно въ городахъ. Теперь одно изъ двухъ: или преступникъ жилъ частнымъ ремесломъ, инымъ, чѣмъ его преступленіе, къ которому онъ обратился, какъ дѣлаегъ это большинство воровъ, судившихся въ судахъ исправительной полиціи или даже судомъ присяжныхъ, какъ къ совершенно побочному способу пополненія ресурсовъ, а если дѣло идетъ о побояхъ или нанесеніи ранъ или объ убійствѣ изъ мести, то и безо всякой корысти. Въ этомъ случаѣ мы отнесемъ преступника, согласно его происхожденію, къ преступникамъ городскимъ или деревенскимъ. Онъ будетъ жить, такимъ образомъ, съ себѣ подобными и притомъ не въ фізіологическомъ только отношеніи, что имѣетъ второстепенное значеніе, но въ соціологическомъ, что гораздо важнѣе. Общность прежнихъ занятій установить между товарищами по заключенію сближеніе, и оно можетъ оказаться спасительнымъ. Но если между преступниками различныхъ классовъ единственной общей чертой служить преступленіе, то чего же ожидать отъ ихъ соприкосновенія? Или же единственнымъ или главнымъ ремесломъ заключеннаго была преступная спеціальность: мошенничество, поддѣлка монетъ, воровство съ помощью подобранныхъ ключей, убійство богатыхъ проститутокъ, угонъ скота (*abigeato*), какъ въ Сициліи, конокрадство, какъ въ горахъ Испаніи и т. д. Правда, въ этомъ случаѣ также лучше всего помѣщать ихъ съ себѣ подобными, потому что тогда они уже не

могутъ взаимно портить другъ друга, но если хотятъ, чтобы было именно такъ, если хотятъ избѣжать всякой разнородной смѣси и чудовищнаго смѣшенія корсиканскихъ разбойниковъ, на примѣръ, съ убійцами изъ большихъ городовъ, возмущавшаго Lauvergne въ каторжной Тулонской тюрьмѣ, то мнѣ кажется возможнымъ установить, по аналогіи съ предыдущимъ случаемъ, разницу между городскимъ и деревенскимъ преступникомъ.

II. Чтобы ясно почувствовать необходимость этого различія, слѣдуетъ представить себѣ оба эти разряда въ ихъ наиболѣе совершенной и наиболѣе высоко организованной формѣ. Преступникъ городской, какъ и преступникъ сельскій, еще не завершилъ своего развитія, если онъ не вступилъ въ союзъ съ себѣ подобными, въ условіяхъ, благопріятствовавшихъ его прежней свободѣ. Онъ всегда стремится къ этому виду совершенства, какъ куски разрѣзанной змѣи стремятся вновь соединиться. Разбойнической шайкой называется профессиональная ассоціація, составленная для убійства ради грабежа или для грабежа съ нерѣдко приводимой въ исполненіе угрозой смертью, или же для грабежа съ рѣшеніемъ убить, въ случаѣ надобности. Исходя отсюда, легко можно увидѣть, что существуютъ два вида разбойничьихъ шаяекъ: такихъ, которыя встрѣчаются или встрѣчались въ большинствѣ гористыхъ и некультурныхъ странъ ¹⁾: въ Италіи, Испаніи, Греціи, Венгріи,

¹⁾ Во многихъ странахъ, въ Сициліи, на примѣръ, горный разбойникъ можетъ быть противопоставленъ разбойнику долинъ или морского побережья: но этотъ контрастъ, въ сущности, тождественъ контрасту между городскимъ и деревенскимъ разбойникомъ, такъ какъ долины и побережья въ этихъ странахъ

Корсикъ и такихъ, менѣе романтическихъ, но не менѣе опасныхъ, которыя свирѣпствуютъ въ нашихъ большихъ городахъ. Первые находятся въ упадкѣ, вторые прогрессируютъ. Я хорошо знаю, что это два проявленія одной и той же болѣзни, и что жажда жить или разбогатѣть безъ труда, таланта и удачи, то-есть на счетъ другихъ, есть общій источникъ этихъ злокачественныхъ отложеній социальнаго организма. Но корысть деревенскаго грабителя имѣеть цѣлью удовлетвореніе самыхъ простыхъ потребностей, она больше связана съ гордостью, чѣмъ съ тщеславіемъ, съ пристраціемъ къ могуществу, приобретаемому терроризированьемъ испуганнаго воображенія населенія; городской грабитель, болѣе тщеславный, чѣмъ гордый, скорѣе порочный, чѣмъ самолюбивый, стремится лишь къ удовлетворенію потребности роскоши и оргій, привитой ему цивилизаціей. Первый былъ чаще всего приведенъ къ своему обособленному существованію, къ своей окончательной гибели въ профессиональной преступности, убійствомъ изъ мести (*de vendetta*), какъ въ Корсикѣ, или чувствомъ возстанія противъ жизненныхъ общественныхъ стѣсненій, какъ въ Сициліи или Калабріи; второй — потерей своего богатства, растроченнаго разгульной жизнью, ошибкой молодости или необузданной жадной наслажденій. Интенсивность и упорство жажды мести, злобы или заносчивости у одного, интенсивность и обиліе пороковъ и вождѣленій у другого были силой, толкавшей на преступленіе.

являются очагами современной цивилизаціи, по крайней мѣрѣ, относительной. Было время, когда города, наоборотъ, строились на недосыгаемыхъ высотахъ, а не по берегамъ моря.

Менѣ замѣчательной въ дѣйствительности, хотя и болѣе поразительной на самомъ дѣлѣ, чѣмъ разница между сельскимъ и городскимъ разбойничествомъ, является разница между разбойничествомъ морскимъ и сухопутнымъ. Эта послѣдняя разница, основанная на чисто-физическомъ отличіи морей отъ континентовъ, вынуждаетъ преступника измѣнять свои пріемы соотвѣтственно обстоятельствамъ, но ничуть не создаетъ между калабрскимъ бандитомъ и пиратомъ Средиземнаго моря особеннаго соціального неравенства. Въ дѣйствительности морской разбойникъ есть лишь особенная и замѣчательная разновидность сельскаго разбойника. Слѣдуетъ отмѣтить, что разбойничество на сушѣ появилось ранѣе морского и пережило его. Теперь на европейскихъ моряхъ пиратство уже прекратилось, но шайки грабителей еще существуютъ въ нашихъ городахъ и деревняхъ. Тѣмъ не менѣе, пиратство процвѣтало и послѣ того, какъ преступныя ассоціаціи переселялись на континентъ; какъ было въ древности, когда Помпей долженъ былъ снарядить настоящую экспедицію противъ корсаровъ, или въ средніе вѣка, когда, напримѣръ (XI в.), богомольцы предпочитали изъ боязни пиратовъ сухопутный способъ передвиженія въ Іерусалимъ морскому, такъ и въ новое время, до XVIII столѣтія, морскіе разбойники Туниса и Алжира захватывали женщинъ и дѣтей съ нашего берега, — всегда и вездѣ, еще долгое время послѣ того, какъ горы уже были въ значительной части очищены отъ разбойниковъ, а моря — вполне. Почему это? Несомнѣнно потому, что потребность въ спокойной увѣренности при путешествіяхъ по сухому пути,

столь обычному и крайне необходимому, дала себя чувствовать значительно раньше, чѣмъ меньшая потребность обезопасить морское сообщеніе, и что когда рѣшено было, наконецъ, принять дорого стоящую мѣру, необходимыя для борьбы съ пиратствомъ, то оказалось возможнымъ истребить его совершенно, уничтожить его флоты, порты и арсеналы, между тѣмъ разбойничество въ горахъ, благодаря своимъ болѣе простымъ и легче укрываемымъ орудіямъ, никогда не могло быть уничтожено совершенно, даже съ помощью самой лучшей полиціи. Есть и болѣе глубокая причина. Море — территорія нейтральная, интернаціональная: никакой король, никакое государство не заинтересованы лично и исключительно въ обеспеченіи безопасности путешествій по морю, и нападенія корсаровъ считались профессиональнымъ рискомъ, на который мореплаватели не имѣютъ права никому жаловаться. Пираты дѣлаютъ много зла, столько же, если не больше, сколько и горные разбойники, но они вызываютъ меньше негодованія, потому что въ общемъ они принадлежатъ къ другой національности, къ другой религіи, къ другому соціальному положенію, чѣмъ ихъ жертва. Наоборотъ, горные разбойники и ихъ жертвы бываютъ обыкновенно соотечественниками и единовѣрцами. Такимъ образомъ, борьба коммерческаго судна съ судномъ пиратовъ имѣетъ отчасти видъ обыкновенной войны: отсюда и этотъ воинственный характеръ, сохраненный морской торговлей, послѣ того какъ сухопутная его уже утратила. Но вернемся къ нашему предыдущему различію и будемъ продолжать его провѣрку.

Посмотримъ, напримѣръ, какъ дѣлаются разбойниками въ Корсикѣ ¹⁾).

Начинають съ того, что дѣлаются бандитами. Бандитство тамъ всеми, даже властями,—признанный образъ жизни, никого не лишаящій уваженія. Корсиканецъ, отомстивъ за себя, уходитъ, чтобы ускользнуть отъ жандармовъ, въ дебри горъ, съ ружьемъ на перевязи, одинъ или сопровождаемый родственниками, и его жизнь проходитъ съ этихъ поръ въ блужданіяхъ по пустынѣ. Онъ терпитъ голодъ и холодъ, спитъ тревожно и подъ открытымъ небомъ или въ пещерѣ. Но «пока онъ не сдѣлался грабителемъ, бандитъ сохраняетъ къ себѣ все симпатіи»,—говоритъ Paul Bourde. Но зачастую онъ имъ дѣлается. Нужно же ѣсть и пить въ этихъ бесплодныхъ мѣстахъ: начинаютъ съ вымогательства у путешественниковъ, чтобы достать на прожитіе; кончаютъ вымогательствомъ, чтобы разбогатѣть.

Во все времена однѣ и тѣ же причины вели за собой однѣ и тѣ же слѣдствія. Въ Англии, напримѣръ, постановленія Эдуарда I и Эдуарда III обнаруживаютъ существованіе въ XIII и XIV вѣкахъ настоящихъ, организованныхъ разбойничьихъ шаекъ, называвшихся *Wastours* или *Robertsmen*, противъ которыхъ оказалось необходимымъ издать настоящій законъ о подозрительныхъ личностяхъ. Но какимъ образомъ составлялись эти ужасныя корпораціи? Разумѣется, среди бродягъ и нищихъ той эпохи, среди лже-богомольцевъ, лже-доминиканцевъ,

¹⁾ Ca. *Les Archives de l'Anthropologie criminelle*, 1888; Bournet, *La criminalité en Corse*; Kocher и Paoli, *Notes sur Rocchini et causes de la criminalité en Corse*, Lyon, Storck.

продавцовъ поддѣльныхъ реликвій, подозрительныхъ менестрелей, которые кишѣли по дорогамъ того времени, какъ наши современные мошенники, мнимые безработные, разносчики, но прежде всего среди такъ-называемыхъ *outlaws*. Крестьянинъ, осужденный за самое легкое преступленіе, обращался въ бѣгство; онъ дѣлался, благодаря этому поступку, *outlaw*, въ глазахъ же закона онъ былъ лишь *толмчей головой*, «которую хорошо бы затравить», какъ энергично гласить текстъ: таковы были отчаянные, но вовсе не прирожденные развратники, которыми поддерживалось англійское грабительство и которые были также солдатами во время возстанія 1381 года. Иногда же корсиканецъ или сициліанецъ дѣлается разбойникомъ, чтобы избѣжать своей жалкой участи и создать себѣ общественное положеніе, болѣе высокое, по его мнѣнію, чѣмъ онъ заслуживаетъ по происхожденію. Существуетъ и преступная аристократія въ этой странѣ традиционныхъ *wendetto* и *mafia*. «Средство заставить уважать себя въ лучшей части Сициліи, это считается совершителемъ какого-нибудь убійства», — говоритъ Franchetti ¹⁾.

Какой-нибудь крестьянинъ, третируемый свысока управляющимъ его сосѣда, крупнаго собственника, не можетъ противиться искушенію совершить маленькій подвигъ, чтобы заслужить отношеніе, тре-

¹⁾ Это сообщается Alongi въ его интересной монографіи о *Mafia*, откуда намъ придется еще черпать много другихъ свѣдѣній; Alongi — сициліанецъ, и его судебная дѣятельность дала ему возможность близко познакомиться съ особенностями правовъ большого преступнаго класса, описываемаго имъ съ величайшей проникательностью.

буемое его гордостью, неизмѣримою гордостью, характерною для этихъ островитянъ. Его честолюбіе состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлаться саро - banda (главой шайки) и ужасомъ для тѣхъ, кто его презиралъ. Но и городскимъ разбойникомъ сдѣлаться не такъ легко; для этого нужна болѣе ранняя подготовка, рано начатое обученіе на глазахъ опытныхъ патроновъ. Такъ и бываетъ съ заброшенными дѣтьми или съ такими, за которыми плохо смотрѣли родители. Но иногда достаточно бываетъ отчаянія, причиненнаго послѣдствіями разврата или игры, какой - нибудь финансовой катастрофой, чтобы цивилизованный французъ былъ выброшенъ за бортъ и сталъ въ положеніе изгоя.

Такимъ образомъ, заброшенность дѣтей и ихъ неопредѣленное общественное положеніе, или другими словами, бродяжество во всѣхъ его видахъ является городскимъ эквивалентомъ бандитства. Въ кафе-притонахъ убійцъ и воровъ, говорящихъ на своемъ нарѣчій, безпрестанно обновляющемся въ нашихъ столицахъ, оно является тѣмъ же, чѣмъ бандитство въ кавернахъ убійцъ и воровъ, говорящихъ на своемъ простонародномъ нарѣчій, наследственномъ и неизмѣнномъ въ горахъ Корсики. Когда замѣчается, что въ округѣ Сартены ¹⁾ еще лѣтъ двадцать тому назадъ начало увеличиваться число бандитовъ — личностей, которыя, отомстивъ за себя, или собираясь отомстить, или съ цѣлью избѣжать мести врага, бродятъ безъ крова и пристанища въ лѣсахъ, внѣ закона, то не удивительно, что стали учащаться случаи нападенія на экипажи на большихъ дорогахъ.

¹⁾ См. *En Corse*, Paul Bourde.

Точно такъ же, когда наши статистики обнаруживаютъ непрерывный ростъ преступленія, бродячества и нищенства заброшенныхъ дѣтей, то почему удивляться при констатированіи роста числа почныхъ нападеній, вооруженныхъ кражъ или со шломомъ, совершаемыхъ въ Парижѣ, Марсели, Ліонѣ и значительной части большихъ городовъ.

Не менѣе справедливо и то, что слѣдуетъ остерегаться смѣшивать убійство изъ мести тамъ, гдѣ оно совершается по долгу чести, съ убійствомъ изъ корысти; въ первобытныхъ странахъ они такъ же далеки другъ отъ друга, какъ адюльтеръ и распутство съ одной стороны и воровство съ другой въ странахъ передовыхъ. «По поводу спорнаго бюллетеня на выборахъ 13 января 1888 года въ Санъ Гавино въ Гарбини нѣкто Николи убилъ Піетри, бывшаго президентомъ бюро. Слѣдствіемъ этого была vendetta между двумя семьями. Трое Николи и одинъ Піетри были убиты одинъ за другимъ. Двадцать членовъ обѣихъ семей приняли въ vendetta участія и грозили совершиться другія убійства. Сюда вмѣшались префектъ и одинъ изъ депутатовъ и заставили обѣ семьи подписать настоящій мирный трактатъ, сходный съ дипломатическими актами этого рода. Но такъ какъ было убито всего двое Піетри, то Николи сочли справедливымъ нарушить договоръ, чтобы завершить расплату. Какъ и подо-

4) Эта южная и самая отсталая часть Корсики, гдѣ больше всего укоренились старые обычаи не потому, что она самая южная, а потому, что она наиболѣе удалена отъ континента. Тоже самое и на тѣхъ же основаніяхъ можно сказать о югѣ Сициліи. Мнѣ кажется это очевиднымъ, хотя итальянскіе криминалисты не устояли противъ желанія приписать здѣсь главную роль вліянію климата и широты.

бало, былъ убитъ третій Піетри. И вслѣдъ за этимъ съ обѣихъ сторонъ пошли новыя убійства. Можно ли дѣйствительно сравнивать такія преступленія съ преступленіями нашихъ парижскихъ убійць и смѣшивать ихъ въ одну массу, какъ это дѣлаютъ наши статистики? Тамъ, гдѣ семейные устои сохранили свою прежнюю силу, мститъ за убитаго родственника, все равно, что защищать живыхъ членовъ своей семьи или самому защищаться противъ смертельнаго нападенія, и оправданіе *vendetta* дѣйствительно имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ оправданію необходимой обороны. Между убійствомъ *по обычаю*, которое называютъ *vendetta* или дуэлью (потому что *vendetta*, въ сущности, какъ кто-то совершенно справедливо замѣтилъ, «та же американская дуэль продолжающаяся цѣлые годы») и преступнымъ убійствомъ общаго есть только названіе. Точно также самоубійство китайца или японца изъ мести или самоубійство римлянина изъ стоицизма, или иногда изъ эпикуреизма, или самоубійство индуса изъ благочестія, не говоря уже о героическихъ и легендарныхъ самоубійствахъ какихъ-нибудь Кодровъ и Деціевъ, не имѣютъ ничего общаго съ нашимъ самоубійствамъ отчаянія или сумасшествія. Нужно ли говорить, что нравственный и физическій типъ разбойника — пещернаго жителя, долженъ рѣзко отличаться отъ типа парижскаго или лондонскаго мошенника? Можно à priori утверждать это съ полной увѣренностью. Ихъ образъ жизни не менѣе различенъ. Первый живописенъ совсѣмъ въ иномъ родѣ, чѣмъ второй: нисколько не стараюсь скрываться, онъ носитъ, или, по крайней мѣрѣ, носилъ въ дни своего блестящаго прошлаго, свое-

образный костюмъ. Maffiosi въ Сициліи носили когда-то традиціонную форму и гордились ею, какъ наши офицеры гордятся своими эполетами: беретъ съ большимъ шелковымъ помпономъ и бархатную куртку. Съ сожалѣніемъ они были принуждены откинуться отъ этого компрометирующаго ихъ отличія. У нихъ нѣтъ обычнаго нарѣчія преступника, а есть только особенный лаконизмъ и характерныя ударенія. Это непонятно, скажу въ скобкахъ, если считать argot проявленіемъ атавизма; потому что, неправда ли, принявъ эту гипотезу, не должны ли мы были бы разсчитывать встрѣтить процвѣтаніе его именно въ средѣ самыхъ первобытныхъ, наименѣе цивилизованныхъ преступниковъ, — въ противоположность тому, что приходится наблюдать на самомъ дѣлѣ? Въ этомъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ представитель городской преступности разнится отъ своихъ коллегъ, живущихъ въ горахъ и пустыняхъ; онъ говоритъ на особомъ нарѣчіи, представляющемъ собою смѣсь исковерканныхъ языковъ; онъ скрывается, наряженный то въ разноцвѣтные костюмы, то въ самое обыкновенное платье, онъ устраиваетъ свои тайныя собранія не въ разсѣлинахъ утесовъ, а какъ мы уже говорили, въ подозрительныхъ кафе и ресторанахъ. Человѣкъ прогресса, онъ знакомъ съ раздѣленіемъ труда. У него, какъ мы увидимъ дальше, есть своя специальность, въ то время, какъ деревенскій разбойникъ, какъ и всѣ деревенскіе рабочіе, долженъ умѣть понемногу дѣлать все, но съ помощью простыхъ приемовъ, такъ не похожихъ на сложныя ухищренія его городского соперника. Впрочемъ, въ лѣтописяхъ всѣхъ народовъ и особенно въ Италіи без-

Хитростному грабителю отводится гораздо болѣе блестящее мѣсто, чѣмъ грабителю утонченному. Первый игралъ историческую роль, короли и императоры не боялись заключать съ нимъ договоры ¹⁾, искать въ немъ опоры, какъ это дѣлалъ, на примѣръ, неаполитанскій король Фердинандъ во время французской революціи. Второй до сихъ поръ имѣлъ на своей сторонѣ только союзъ заговорщиковъ. Предстоитъ ли ему видѣть свое значеніе настолько увеличившимся, что онъ затмитъ своихъ собратьевъ изъ Сьерры и Аппенинъ? Я не знаю этого. Новѣйшіе властолюбцы до сихъ поръ рѣшались опираться только на современные пороки; однако, нельзя быть увѣреннымъ, что они никогда не обратятся за помощью къ современнымъ преступленіямъ.

Преступленіе всегда готово возстановить свое прежнее могущество и при малѣйшемъ колебаніи сдерживающей его плотины грозитъ выйти изъ береговъ. Нужно бороться съ нимъ, организуя дѣйствующіе отряды противъ преступныхъ шаекъ, по образцу этихъ же шаекъ; и такъ какъ *naturam morborum ostendunt remedia*, то естественно, что уже съ давняго времени было произведено раздѣленіе этихъ отрядовъ жандармеріи и полиціи на отдѣлы различныхъ наименованій, соотвѣтственно двумъ формамъ грабительства: городской и сельской. Но

¹⁾ Найденъ былъ счетъ суммъ, уплаченныхъ Совѣтомъ Десяти многочисленнымъ наемнымъ убійцамъ въ вознагражденіе за назначенныя убійства. Число убійствъ по порученію огромно въ средніе вѣка и въ древности и еще больше въ XVI столѣтіи, во время ужасныхъ религіозныхъ войнъ. Но здѣсь принцы и республики пользовались преступникомъ, какъ полезнымъ орудіемъ. Въ другихъ случаяхъ, которые я и имѣю въ виду, они договаривались съ нимъ и обращались съ нимъ какъ равные съ равнымъ

представьте себѣ лучший отрядъ корсиканской жандармеріи перенесеннымъ въ Парижъ и обязаннымъ исполнять должность отряда агентовъ охранной полиціи и наоборотъ. Оторванный отъ почвы, каждый изъ этихъ отрядовъ будетъ до смѣшного безпомощенъ.

Половина силы жандарма заключается въ традиціонномъ страхѣ передъ его перевязью и трехуголкой, какъ половина силы горнаго разбойника заключалась когда-то въ ужасѣ, который внушалъ уже одинъ видъ его костюма, одно выслушиваніе его распоряженій и его угрозъ въ освященныхъ обычаями формулахъ. Жандармъ, какъ и разбойникъ горный или лѣсной, человѣкъ традиціи или легенды; въ этомъ заключается его престижъ. Замѣчательная вещь,—говоритъ Alongi,—эта «поспѣшность, неизмѣнное послушаніе, съ какимъ шесть или семь даже вооруженныхъ людей бросаются лицомъ на землю по первой традиціонной командѣ (*Giorgio, á terra!*) простого бродяги.» Точно также сотни разъ наблюдалось магическое дѣйствіе, производимое на возбужденную толпу появленіемъ двухъ конныхъ жандармовъ. Что же касается полицейскаго сыщика,—котораго не надо смѣшивать съ простымъ охранителемъ порядка, въ его извѣстномъ форменномъ платьѣ,—то ему нѣтъ надобности показываться съ какимъ-нибудь отличіемъ въ одеждѣ; онъ пробирается всюду, одѣтый какъ и всѣ, иногда переодѣтый какъ-нибудь, такой же лукавый и такой же двуличный, какъ его добыча. Утверждаютъ, что всякій охотникъ начинаетъ, въ концѣ-концовъ, походить на свою дичь. Если это такъ, то слѣдуетъ вѣрить и тому, что городской преступникъ, въ утонченно-

сти, ловкости, хитрости и особенно личной инициативѣ и силѣ воображенія, значительно превосходитъ преступника деревенскаго. Жандармъ, подобно рыбаку, можетъ позволить себѣ постоянно пользоваться одними и тѣми же приѣмами розыска; ихъ всегда совершенно достаточно, потому что они противопоставляются совѣмъ не измѣняющимся маневрамъ. Чѣмъ больше онъ сѣмъ примѣнится къ этимъ, твердо установившимся и въ этомъ отношеніи выдающимся обычаямъ, тѣмъ лучше онъ исполнитъ свое назначеніе. Но хорошій сыщикъ цѣнится только по неистощимому богатству изобрѣтательности.

Значеніе сыскной полиціи не перестаетъ увеличиваться и теперь, въ то время, какъ роль жандармеріи, по крайней мѣрѣ, какъ вспомогательнаго органа уголовной юстиціи (потому что къ ея функціямъ присоединяется еще масса обязанностей административнаго характера, все больше и больше захватывающихъ ее), съ каждымъ днемъ падаетъ ¹⁾).

Это—естественно потому что, какъ извѣстно, преступность, вмѣстѣ съ населеніемъ, эмигрируетъ теперь изъ деревень въ города. Въ общемъ это эмиграціонное сельское движеніе, какъ періодическое явле-

¹⁾ Дифференціація жандармеріи и полиціи совершается лишь постепенно, но неизбежно; и подобно тому, какъ развитіе сельской жизни предшествовало развитію городской, организація жандармеріи или отряда, исполняющаго ея должность (объѣздная команда при старомъ режимѣ), предшествоуетъ развитію сыскной полиціи. Сыскная полиція была какъ слѣдуетъ организована лишь де Сартэномъ, въ серединѣ XVIII столѣтія; объѣздная команда при Людовикѣ XI исполняла функціи ревотальнаго суда, преимущественно надъ крестьянами.

не въ жизни обществъ, обозначаетъ чрезвычайное скопленіе новыхъ, самостоятельно появившихся на мѣстѣ или принесенныхъ извнѣ изобрѣтеній и идей, поставившихъ сотни источниковъ новыхъ примѣровъ забить ключомъ въ лонѣ городовъ и вскорѣ превратиться въ богатые ручьи и рѣки. Въ этомъ случаѣ подражаніе модѣ (imitation mode), если мнѣ позволятъ назвать такъ подражаніе новымъ образцомъ, каждый день пробиваетъ все болѣе широкія бреши въ подражаніи обычаю (imitation coutume), до тѣхъ поръ (это время еще не наступило для насъ), пока послѣдній не поглотитъ, наконецъ, и не подчинитъ себѣ эти теченія примѣровъ, ставшихъ въ свою очередь традиціонными, приблизительно такъ же, какъ море поглощаетъ потоки воды. Въ ожиданіи этого неизбѣжнаго ослабленія лихорадки прогресса или, если угодно, этого укрѣпленія прогресса при помощи возстановленія расширившейся традиціи, еще будутъ счастливые дни для преступленія при условіи, что оно само трансформируется по примѣру всеобщей, совершающейся теперь трансформациіи. Какъ во всѣхъ отрасляхъ промышленности и во всѣхъ направленіяхъ искусства и мысли, престижъ новизны замѣщаетъ престижъ старины, какъ при введеніи новыхъ инструментовъ всѣ ремесла начинаютъ избираться болѣе по свободному желанію, чѣмъ передаваться по наслѣдству, и при выборѣ ремесленниковъ начинаютъ отдавать предпочтеніе чужеземцамъ передъ соотечественниками, точно такъ же и преступная профессія сообразуется съ новыми модами вродѣ разрѣзыванія на куски жертвъ или обезображиванія ихъ купоросомъ и гостепріемно открываетъ двери всякому пришельцу.

Другими словами, она становится все меньше и меньше сельской и все больше и больше городской. Шайка корсиканскихъ разбойниковъ неохотно принимаетъ въ свою среду некорсиканца; шайка сицилійскихъ разбойниковъ съ незапамятныхъ временъ практикуетъ одни и тѣ же способы устрашенія и и разоренія: *lettera di scosso* (подметныя письма), *abigeato* (угонъ скота), лишеніе свободы (чтобы взять выкупъ за плѣнника) и т. д. Но шайка парижскихъ мошенниковъ собираетъ проходимцевъ всѣхъ странъ; она настолько же космополитична, насколько и прогрессивна и ея уловки измѣняются такъ же, какъ и ея составъ.

III. Чтобы провѣрить точность этихъ наблюденій, необходимо привести нѣсколько примѣровъ. Такъ какъ мы говорили только-что о Сициліи, то познакомимъ читателя съ ея *mafia*, но не съ неаполитанской самогга, уже слишкомъ отличающейся городскимъ характеромъ, чтобы служить хорошимъ образчикомъ сельской преступности¹⁾.

Паралельно съ этой, свойственной отечеству Тео-крита преступностью, мы въ нѣсколькихъ словахъ рисуемъ образчики городской преступности. Какъ здѣсь, такъ и тамъ мы сошлемся на свѣдѣнія, собранныя писателями, близко знакомыхъ по должности судей или высшихъ полицейскихъ чиновниковъ.

¹⁾ Bourunet (*La criminalité en France et en Italie*, 1884) совершенно справедливо сравниваетъ неаполитанскую каморру съ парижской *haute régre* (мошенники высшего полета). «Во время нашего пребыванія въ Неаполѣ, въ Борго Лорето — прибавляетъ онъ, — гдѣ каморристовъ очень много, мы были свидѣтелями убійства полицейскаго однимъ *piccioto* (кандидатомъ въ каморристы). При- вѣтствуемый всей толпой, убійца въ тотъ же вечеръ сдѣлался каморристомъ, и ему былъ устроенъ большой банкетъ.

съ преступниками ихъ родины, благодаря постоянной борьбѣ съ ними. Преступника уже слишкомъ много изучали въ тюрьмѣ, но недостаточно наблюдали за нимъ на свободѣ, въ дѣлѣ. Кто видѣлъ льва и лисицу только въ звѣринцѣ, тотъ почти не знаетъ ихъ. Анатомія и краниометрія льва можетъ интересовать натуралиста, но самый безыскусственный ривказъ африканскаго охотника гораздо лучше знакомитъ простаго смертнаго съ природой этого многочисленнаго животнаго. Леруа лучше, чѣмъ кабинетный ученый, знакомитъ насъ съ животными, на которыхъ онъ охотился. Точно также, чтобы познакомиться съ преступникомъ, слѣдуетъ читать воспоминанія сыщиковъ, префектовъ полиціи или судей, на обязанности которыхъ лежитъ преслѣдованіе преступленій. Тогда по сходству приемовъ у преступниковъ одной и той же страны и эпохи, по мѣстной и исторической окраскѣ преступной *фауны*, свойственной извѣстному времени и мѣсту, можно будетъ замѣтить, что въ появленіи преступленія и преступника главную роль играютъ соціальныя факторы. Преступникъ подражаетъ другимъ всегда, даже тогда, когда онъ изобрѣтаетъ, то-есть съ пользой для себя комбинируетъ подражанія различнаго происхожденія; онъ всегда чувствуетъ потребность во вдохновеніи примѣромъ и одобреніемъ группы людей, будь то группа предковъ или товарищей, откуда и вытекаетъ двойственность преступленія — обычая и преступленія — моды. Здѣсь главнымъ образомъ преступникъ и выступаетъ, какъ существо общественное; онъ принадлежитъ къ обществу, и, какъ таковой, онъ отвѣтственъ. Сумасшедшій, напротивъ, не подражаетъ ни сумасшедшимъ и никому

другому. Между актами безумія, совершаемыми различными сумасшедшими, можетъ существовать сходство, но все-таки оно всегда меньше, чѣмъ сходство между однородными преступленіями, и никогда не бываетъ слѣдствіемъ подражанія. Попробуйте также классифицировать сумасшедшихъ на двѣ категоріи, соотвѣтствующія нашему распредѣленію преступниковъ; вамъ это не удастся. Проявленія умственнаго расстройства болѣе другихъ подвержены измѣненіямъ въ зависимости отъ индивидуума, хотя въ одномъ и томъ же индивидуумѣ они повторяются въ одной и той же формѣ. Можно, если угодно, называть «привычкой» это постоянно тождественное повтореніе, но она не будетъ имѣть ничего общаго съ привычкой воровать по способу *vol à la tire*, напримѣръ, или *vol au poivrier*. Ворующій по первому способу болѣе или менѣе сознательно подражаетъ самому себѣ въ каждомъ новомъ воровствѣ, подражая въ то же время болѣе или менѣе сознательно и другимъ и пользуясь каждый разъ опытомъ, приобрѣтеннымъ его товарищами или имъ самимъ. Сумасшедшій, который ежечасно, ежедневно и ежемѣсячно воспроизводитъ свои выходки, подчиняется органическому импульсу, просто физиологической и ничуть не психологической привычкѣ, чаще всего безъ малѣйшаго воспоминанія о своихъ прежнихъ, походящихъ другъ на друга, странностяхъ. Во всякомъ случаѣ, если можно съ точностью сказать, что существуетъ *привычное безуміе une folie habituelle*, то ни *обычнаго* ни *традиціоннаго* безумія—*une folie coutumière ou traditionnelle*—не существуетъ навѣрное, потому что примѣнять названіе обычая и традиціи къ религіознымъ галлю-

цинаціямъ, на примѣръ, или къ припадкамъ бѣшенства, значило бы то же, что принимать измѣчивый и чисто-поверхностный отблескъ какой-нибудь матеріи за ея настоящій и постоянный цвѣтъ. Было бы не менѣе ошибочно сравнивать перемежающіяся эпидеміи безумія съ преступными заразами, распространяющимися въ извѣстныя времена, какъ мимолетная мода. Последнія, оставаясь все-таки подражаніями, часто наблюдаются среди индивидуумовъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга большимъ разстояніемъ; терминъ «зараза» — *contagion*, напоминающій понятіе прикосновенія — *contact*, подходит къ нимъ только метафорически. Но эпидеміи безумія, какъ явленія прежде всего патологическія, требуютъ физическаго сближенія субъектовъ, задѣтыхъ этимъ бичомъ ¹⁾.

Эпидеміи безумія обычно свирѣпствуютъ въ узкихъ и замкнутыхъ стѣнахъ монастырей.

Покончивъ съ этимъ, вернемся къ нашей темѣ. *Maffia* въ Сициліи — то же самое, что кланъ въ Корсикѣ, только въ болѣе широкомъ видѣ. Члены одного и того же клана вступаютъ въ соглашеніе съ тѣмъ, чтобы всеми законными или преступными, мирными или кровавыми путями безразлично, захватить все избирательныя должности, овладѣть *sugillo* (печатью мэріи) и пускать въ ходъ въ свою пользу всяческія притѣсненія противъ враждебнаго класса. *Maffiosi* преслѣдуютъ ту же цѣль противъ всѣхъ,

¹⁾ Криминалисты-психіатры думали, что между періодическими припадками помѣшательства и хроническимъ помѣшательствомъ существуетъ такая же разница, какъ между преступностью случайной и привычной. Но эта кажущаяся аналогія не выдерживаетъ критики.

кто не примыкаетъ къ ихъ ассоціаціи. Аналогичныя политическія условія, продолжительное отсутствіе внушающей довѣріе, твердой и справедливой власти развили на обоихъ островахъ потребность солидарности *per fas et nefas*, этого яраго франкъ-массонства, гдѣ каждый изъ его сочленовъ черпаетъ ту спокойную увѣренность въ себѣ, которой онъ не нашель бы больше нигдѣ. Не будемъ этому удивляться; это исключительное въ наше время явленіе было нѣкогда повсемѣстнымъ, и Корсика, какъ и Сицилія, въ качествѣ остатковъ среднихъ вѣковъ, заботливо хранимыхъ Средиземнымъ моремъ намъ въ поученіе, могутъ освѣдомить насъ о нашемъ прошломъ; мнѣ кажется, что я имѣю право видѣть здѣсь подтвержденіе извѣстныхъ отдѣльныхъ возрѣній на подражаніе. Развѣ не царилъ когда-то духъ клана на всемъ континентѣ, поддерживая обособленность cadaquo поселка, cadaquo кастелянскаго округа? Если же онъ постепенно замѣнился болѣе широкими возрѣніями, то не произошло ли это лишь въ той мѣрѣ, въ какой разныя племена ассимилировались другъ съ другомъ при посредствѣ продолжительнаго обмѣна всякаго рода примѣровъ? И не объясняется ли такимъ образомъ то, что, оставшись чуждыми этой непрерывной взаимности вліяній, подобно тому, какъ озера не испытываютъ на себѣ вліянія морскихъ приливовъ, Корсика и Сицилія сохранили оригинальную исключительность и невосприимчивость ихъ нравственнаго чувства, такую странную на нашъ взглядъ?

Разбойничество, впрочемъ, только одно изъ проявленій, или, лучше сказать, наростовъ *mafia*, но *mafia* пользуется имъ и даетъ для него средства,

виднись его силой и получая взаменъ извѣстный доходъ. Такія же связи установились между кланомъ и разбойниками или бандитами, которые къ нему принадлежать. Наблюдалось и наблюдается еще до сихъ поръ, что муниципальные совѣты вотируютъ ренты бандитамъ преобладающаго клана. И дѣйствительно, народное чувство даетъ извѣстное назначеніе этимъ кочевникамъ, превращившимся въ паладиновъ: убійца является чѣмъ-то родѣ судьи. При помощи его, за неимѣніемъ лучшаго, творится правосудіе. За послѣдніе годы извѣстной стала шайка, вынудившая мэра Сартэнскаго округа упорядочить свои отношенія съ его прежней любовницей, на которой онъ отказывался жениться. Въ 1886 году другая шайка заставила жандармскую полицію помѣшать одной дуэли состояться у воротъ Яссіо. То же самое происходитъ и въ Сициліи.

Слѣдуетъ ли видѣть въ сициліанскомъ грабителѣ прирожденнаго преступника? Префектъ Мессины отвѣтитъ намъ слѣдующее ¹⁾:

Всѣ эти люди, говоритъ онъ, рассказывая о земледѣльцахъ, ставшихъ преступниками, «скромны,

¹⁾ Приверженецъ Ломброзо и «теоріи о природномъ преступникѣ», Alongi все-таки допускаетъ вырваться у себя такимъ, напримеръ, признаніямъ: «Какъ объяснить,—говоритъ онъ,—что въ Палермо, гдѣ царятъ довольство и просвѣщеніе, мафіа все разивается?» «Это не можетъ быть,—отвѣчаетъ онъ,—слѣдствіемъ атавистической наследственности», «потому что, если думать, что природенныхъ преступниковъ меньшинство, это меньшинство давно уже должно было исчезнуть подѣ удвоенными ударами правосудія», въ то время какъ, напротивъ, кровь убійць является посявомъ новыхъ негодяевъ». Онъ вполне справедливо заключаетъ, что «главная причина мафіа скрывается не въ экономическомъ благосостояніи, а въ умѣ и сердцѣ крестьянина, въ историческихъ и моральныхъ условіяхъ среды».

кротки по природѣ, съ большимъ почтеніемъ относятся къ буржуазіи; они никогда не казались бы способными на преступленія, если бы не были обязаны служить мрачнымъ интригамъ, тайной мести и соперничеству какихъ-нибудь привилегированныхъ лицъ, которымъ они служили наемными убійцами. Нужно отмѣтить, что атаманъ разбойниковъ, «отъ дона Пеппино до Реджіо и отъ дона Паскаля до Райя», вышли изъ класса крестьянъ. Здѣсь, значитъ, дѣло касается преимущественно сельскаго грабителя; прежняя Сицилія, какъ и Корсика (наперекоръ презрѣнію корсиканцевъ къ полевымъ работамъ), страна главнымъ образомъ земледѣльческая, усѣянная небольшими деревнями. Для *maffiosi* мѣстомъ свиданій служатъ ярмарки. Скажемъ ли мы вмѣстѣ съ писателями-соціалистами, что бѣдность была соціальной причиной, заставившей сициліанскаго крестьянина стать грабителемъ? Alongi начинаетъ съ того, что допускаетъ это, но онъ скоро вслѣдъ за этимъ сильно затрудняется объяснить быстрый прогрессъ *maffia*, правда, въ городской и рафинированной формѣ, въ Палермо и его окрестностяхъ, въ этой «Золотой раковинѣ», странѣ сказочно богатой и плодородной, гдѣ такъ мало обездоленныхъ и такъ зажиточенъ земледѣлецъ. Дѣло въ томъ, что сициліанскій крестьянинъ, все равно богатъ онъ или бѣденъ, въ высшей степени тщеславенъ; если онъ богатъ, то онъ спѣшитъ разориться тратами на роскошь, пиры, красивую одежду¹⁾, чтобы соперничать съ высшими классами,

¹⁾ И на сласти также. «Каждый праздникъ, каждый святой имѣетъ свою спеціальную конфекту, и можно было бы составить календарь изъ разныхъ конфектъ».

и ризорившись, онъ поневолѣ дѣлается *mafioso* уже добровольно, чтобы стать выше своего положенія¹⁾).

Безо всякаго основанія, въ одинъ прекрасный день, «почувствовавъ, что ему надоѣло его тоскливое существованіе», онъ одѣвается въ костюмъ разбойника и послѣ торжественнаго посвященія, окруженный собраніемъ родственниковъ и друзей, онъ съ оружіемъ и багажомъ переходитъ въ лагерь бродягъ. Впрочемъ, онъ рано выучился носить оружіе. Въ Палермо, въ *Bagheria* и въ южной Италіи крестьянинъ возвращается съ поля неизмѣнно съ заступомъ подъ мышкой, съ ружьемъ на перевязи и съ ножомъ, который онъ хладнокровно вонзаетъ въ свои жертвы. «Не одолжаютъ ни ружья, ни жены», говоритъ сициліанская пословица. Еще аналогія съ Корсикой. Крестьянинъ всегда переживаетъ разбойника. Никогда сициліанскій разбойникъ не умретъ внѣ своего округа; тоска по родинѣ, наперекоръ самымъ серьезнымъ опасностямъ, приведетъ его въ землю отцовъ.

¹⁾ Эта гордость или, если хотите, тщеславіе можетъ быть источникомъ какъ героизма, такъ и преступленія. Но извѣстно, что такая «увѣренность въ себѣ»—одинъ изъ примитивныхъ недостатковъ, наименѣе благопріятствующихъ цивилизующимъ идеямъ. «Сициліанецъ любитъ свой островъ, палермецъ обожаетъ Палермо, всякій обитатель маленькой деревушки испытываетъ то же пристрастіе къ четыремъ стѣнамъ, въ которыхъ онъ родился и выросъ. Сициліанецъ не говоритъ *мой отецъ, моя мать*, но—*отецъ, мать*, точно они прежде всего отецъ и мать. Онъ дѣлаетъ видъ, что его ничто не удивляетъ». Это «замѣтно, больше внутри страны и въ маленькихъ мѣстечкахъ и меньше въ цивилизованныхъ классахъ Палермо и крупныхъ центрахъ». Сициліанецъ, какъ и корсиканецъ, бываетъ до излишества гостепріименъ и великодушенъ, но главнымъ образомъ изъ тщеславія. Жертва грабежа въ Сициліи гораздо больше чувствительна къ униженію быть обманутымъ, чѣмъ къ понесеннымъ убыткамъ.

Мы говорили выше, что обычные приемы деревенских разбойниковъ въ Сициліи, это — *lettera di scrosso*, *abigeato* и лишеніе свободы съ цѣлью получить выкупъ за плѣнника; прибавимъ сюда еще *grassazione*, то-есть вооруженный грабежъ на большихъ дорогахъ, захватъ экипажей. Эти приемы не только традиціонны, но иногда и наслѣдственны: достоинство *saro banda*, какъ монархическая корона, передавалось, какъ говорятъ наблюденія, по наслѣдству. Крупный собственникъ, проживающій на своихъ земляхъ, получаетъ въ одинъ прекрасный день письмо, настолько почтительное, насколько это только возможно, гдѣ умоляютъ Его Сіятельство, *Illustrissime Seigneurie*, оказать честнымъ людямъ въ нуждѣ маленькую помощь въ двѣ, три, четыре тысячи *лиръ*, если оно не хочетъ, чтобы постигли его *непріятности*. Это называется *lettera di scrosso*. Если просьба остается безъ отвѣта, то слѣдующее письмо уже болѣе настойчиво. Наконецъ, третье гласитъ кратко: «Платите, или Вы будете убиты». Черезъ нѣсколько дней угроза исполнена: упрямецъ убитъ или захваченъ въ плѣнъ. Въ послѣднемъ случаѣ, застигнутый врасплохъ и и переправленный ночью въ какой-нибудь вертепъ, онъ остается тамъ, окруженный подобающимъ уходомъ, до тѣхъ поръ, пока семья его не рѣшитъ его выкупить за огромную сумму. *Abigeato*, угонъ большихъ стадъ, пасущихся на обширныхъ пастбищахъ, видъ грабежа, идущій, по крайней мѣрѣ, отъ Какуса, исполинскаго пещернаго жителя, мифологическаго разбойника и похитителя телицъ Геркулеса. Прирученіе животныхъ было одной изъ первыхъ, наиболѣе плодотворныхъ формъ генія изобрѣтательности, и домашнія животныя долго были главнымъ

богитствомъ и потому предметомъ самыхъ пылкихъ пожеланій ¹⁾).

На обладателя большихъ стадъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ смотрѣли, какъ смотрятъ теперь на современнаго капиталиста, то-есть какъ на человѣка, котораго болѣе чѣмъ кого другого желательно было бы обокрасть. Когда кассиръ скрывается, захвативъ одинъ или два милліона, его не считаютъ зауряднымъ воромъ. Въ первобытные времена угонявшій скотъ внушалъ къ себѣ аналогичное же уваженіе. Когда одинъ изъ сыновей Аттилы хотѣлъ устроить собѣ небольшое королевство, онъ собралъ,— говорить Jornandés,—угонщиковъ скота, Скамаровъ и грабителей со всѣхъ странъ, и занялъ башню подъ названіемъ Герта». Тамъ, «разоряя своихъ сосѣдей по способу *деревенскихъ воровъ*, онъ провозгласилъ себя королемъ послушныхъ ему злодѣевъ». Этотъ дерзкій грабежъ еще въ древности укоренился въ Италіи. Въ XIII вѣкѣ въ окрестностяхъ Флоренціи богатые *contadini* (крестьяне) присоединялись къ дворянамъ, чтобы украсть свинью у сосѣда ²⁾. Есть племена, даже народы, посвятившіе себя специально этому роду грабежа. Въ Испаніи ³⁾ цыгане съ незапамятныхъ временъ занимаются конокрадствомъ; распо-

¹⁾ Въ своихъ глубокихъ изысканіяхъ по юридической археологіи Sumner-Maine отмѣтилъ это главнымъ образомъ въ своемъ трудѣ *Institutions primitives*. Онъ указываетъ въ немъ, что въ началѣ исторія нѣкоторыхъ народовъ всегда можно найти стадію, характеризующуюся обиліемъ земли и небольшимъ количествомъ скота: тогда высокое положеніе въ обществѣ обуславливается обладаніемъ большими стадами. Отсюда много особенностей, свойственныхъ древнему ирландскому, индускому или римскому праву.

²⁾ *Histoire du brigandage en Italie*, par Dubarry.

³⁾ *La Criminalidad en Barcelona*, par Gil Maestre.

ложившись лагеремъ въ горахъ, среди развалинъ феодальнаго замка, иногда среди четырехъ столбовъ старинной висѣлицы, гдѣ повѣшены были многіе изъ ихъ предковъ, несомнѣнно, за тѣ же преступленія, они подстерегаютъ лошадей или муловъ, чтобы украсть ихъ; они очень ловки въ искусствѣ измѣнять послѣ кражи видъ этихъ животныхъ и дѣлаютъ ихъ неузнаваемыми даже для ихъ хозяина. Однако, за неимѣніемъ этихъ животныхъ наиболѣе цѣнныхъ, они довольствуются иногда захватомъ мимоходомъ свињи. Но довольно доказывать почтенную древность этого первобытнаго преступленія.

Какъ примѣръ древняго и традиціоннаго преступленія можно привести еще выдѣлку фальшивыхъ монетъ. Общества фальшивомонетчиковъ населяютъ пещеры Пиринеевъ, по крайней мѣрѣ, кажется, по склонамъ испанскихъ горъ. Gil Maistre сообщаетъ намъ, что онъ бродилъ «въ теченіе долгихъ ночныхъ часовъ» вокругъ ихъ вертеповъ и часто слышалъ разговоры, женскій смѣхъ; «все это сопровождалось короткими, сухими и равномерными ударами молотковъ». Но отъ этого преступленія отдаетъ культурой и городомъ.

Есть дѣйствительно переходныя степени между городскимъ и сельскимъ грабительствомъ ¹⁾; сама

1) Нашъ вѣкъ хорошо ихъ знаетъ, потому что введеніемъ желѣзныхъ дорогъ онъ далъ наиболѣе рѣшительный толчокъ городской трансформациі преступности. Нельзя остановить поѣздъ, какъ останавливали когда-то дилижансы. До 1840 или 1850 года послѣднія, привлекавшія къ себѣ вниманіе шайки преступниковъ носили несомнѣнно сельскій характеръ: шайка *chauffeurs* въ концѣ послѣдняго столѣтія, вѣнскіе грабители въ 1834 году и т. д. Въ 1857 году къ шайкѣ Графъ примѣшались уже промышленные элементы. Съ тѣхъ поръ знаменитыя шайки основались въ боль-

mafia служитъ этому доказательствомъ. Въ томъ видѣ, какъ мы ее только-что описали, она понемногу исчезаетъ съ 1877 года, благодаря энергичной репрессіи итальянскаго правительства; но, какъ бы въ отместку, она растетъ въ своихъ городскихъ формахъ. Спускаясь съ горъ къ побережьямъ, она изменяетъ свой характеръ; въ горахъ, въ своей первобытной формѣ, mafia просто груба; по морскимъ побережьямъ и въ городахъ она, можетъ быть, болѣе кровожадна, но, главное, болѣе коварна и утонченна, она организація совершенствуется, ея орудія обновляются. Рабочій классъ начинаетъ присоединяться къ mafia. Рабочія ассоціаціи уже всегда обязываются въ ихъ статутахъ (что иногда подразумѣвается, а иногда выражается вполне ясно) записаться адвокатомъ-сочленомъ «на случай, когда кто-либо будетъ обвиняться въ какомъ-нибудь преступленіи», и вмѣстѣ съ тѣмъ обязываются поддерживать семью осужденнаго во время его заточенія.

Такимъ образомъ формируются преступныя общества (последняя форма mafia), опутывающія своими нитями одновременно и земледѣліе, и промышленность, они дѣлаются господами полей и города, обираютъ съ одной стороны собственниковъ, но болѣе искусно, чѣмъ прежде ¹⁾, съ другой стороны пользуются

сихъ городахъ, напримѣръ, въ Парижѣ шайка Vignault въ 1876 г. (150 сочленовъ), шайка Abadie въ 1878 г., шайка Булонскаго лѣса въ 1880 г. и т. д. Я не говорю уже о маленькихъ, постоянно возрождающихся шайкахъ фальшивомонетчиковъ.

¹⁾ Глава шайки находитъ помѣщика и говоритъ ему очень *почтительно*, что его полевой сторожъ плохъ, что нужно его смѣнить и взять другого, причемъ имѣетъ въ виду своего сочлена, которому предполагается доставить выгодное назначеніе. Помѣщикъ покоряется, или, если онъ протестуетъ, онъ находитъ въ

кредитомъ, повышаютъ и понижаютъ по своему усмотрѣнію цѣны на мѣста на Палермской площади, на отдачу съ торговъ общественныхъ работъ или секуляризованныхъ церковныхъ имуществъ. Эти общества можно разсматривать, какъ синтезъ двухъ видовъ грабительства, сравниваемыхъ нами, или какъ нѣчто вродѣ перехода отъ одного вида къ другому. Они носятъ привлекательныя названія — *fratellenza*, *fratuzzio*, *amoroso* и т. д.

Отъ этой смѣшанной формы я перехожу къ чистой и полной формѣ городского, централизованнаго и могущественнаго разбойничества, поднявшагося на высоту учрежденія, достойнаго стать на ряду съ сельской *haute régre*, только - что нами описанной. Обстоятельства, аналогичныя тѣмъ, которыя, какъ мы видѣли, породили *mafia* въ деревняхъ Сициліи, ведутъ къ возникновенію время отъ времени въ самомомъ сердцѣ цивилизаціи, въ столицахъ, какой-нибудь страшной секты, ужасающей весь міръ и наводящей такой страхъ даже на историка, что чаще всего онъ, обладая меньшей смѣлостью, чѣмъ Тэнъ и Максимъ Дюкампъ, не осмѣливается говорить того, что думаетъ. Когда правильная власть въ большомъ городѣ вдругъ ослабѣваетъ или опускается, или, наоборотъ, когда чрезмѣрный деспотизмъ вызываетъ возстаніе, каждый гражданинъ, не смѣя разсчитывать на охранительный авторитетъ, ищетъ опоры въ партіи. Отсюда клубы и тайныя

всемъ опустошенномъ фруктовомъ саду *крестъ*,— символическая угроза, которой онъ не заставитъ повторить. Нужно замѣтить, что тотъ же угрожающій символъ упогреблялся нѣкогда шайкой *Sainte-Vehme* и теперь еще употребляется корсиканскими бандитами.

общества, замѣтно размножающіеся; самый жестокий изъ этихъ клубовъ, самое опасное изъ этихъ обществъ не замедлитъ заглушить и уничтожить все остальное своей относительной силой, и вскорѣ, какова бы ни была первоначальная честность и возвышенность его цѣли, привлекаетъ къ себѣ преступныя натуры, которыя увлекаются имъ; это преступныя негодяи, тѣ же тигры или гіены, но новаго и болѣе сложнаго вида. Такъ появилась и распространилась секта Maillotins, Escorcheurs или Sabochiens во время анархіи столѣтней войны, заговоръ якобинцевъ въ началѣ французской революціи, парижская коммуна въ 1871 г. или еще болѣе недавно заговоръ нигилистовъ ¹⁾. Зло носитъ здѣсь признаки эпидеміи, но не мѣстнаго заболѣванія; оно мимоходомъ опустошаетъ цѣлую обширную территорію вмѣсто того, чтобы съ вѣтками укореняться въ тѣсномъ районѣ. Это мода, а не обычай. Преступники, которые дѣлаются главарями этихъ историческихъ шаекъ, не земледѣльцы, но ремесленники, лавочники, риторы, комедіанты, артисты. Они не привязаны къ родной почвѣ, и не къ родному очагу они возвращаются умирать; большинство изъ нихъ чужеземцы и космополиты. Они практикуютъ не разбой — *grassazione*, но опустошеніе общественныхъ кассъ; не *lettera di scrocco*, но противузаконные поборы, проскрипціи и законы о подозрительныхъ личностяхъ; не *abigeato*, но массовую конфискацію имѣній, многообразныя формы ограбленія противника; не заключеніе въ гротъ или убійство человѣка, но заполненіе тюремъ, разстрѣливаніе, потопленіе, уни-

¹⁾ Въ древности заговоръ Катилины имѣлъ ту же окраску.

чтоженіе извѣстнаго класса на гильотинѣ, взрывы динамита; не поджогъ амбара или потраву жатвы, но поджогъ и разграбленіе дворцовъ. И эти приемы они мѣняютъ безпрестанно, примѣняя ихъ къ господствующему вкусу, съ богатствомъ воображенія, которое заставляетъ сельскихъ разбойниковъ краснѣть за свою многолѣтнюю рутину. Но нужно признать, что у нихъ есть общая черта съ послѣдними, весьма замѣчательная: съ ихъ именами связаны извѣстныя народныя легенды. Самый жестокой самый лукавый и хищный грабитель по большимъ дорогамъ, какой-нибудь Антонино Леоне или ди Паскати ¹⁾ можетъ встрѣтить свой портретъ, пользующійся большимъ уваженіемъ на стѣнѣ въ хижинахъ Сициліи; бюсты Марата, Геберта, Робеспьера и др. красуются на почетныхъ мѣстахъ во многихъ рабочихъ кабинетахъ ²⁾.

Стоитъ отмѣтить и другую сходную черту: сельской грабитель былъ бы невозможенъ безъ многочисленныхъ прямыхъ и косвенныхъ соучастниковъ, дѣйствующихъ или только молчаливыхъ, которые расчищаютъ ему путь. Въ Сициліи это соучастіе въ какой бы то ни было степени называется *manutengolismo* (буквально — держаніе руки того-то), на-

¹⁾ Нельзя не замѣтить, что оба эти грабителя-предводителя бывшихъ шаекъ стали врагами, и первый кончилъ тѣмъ, что убилъ второго.

²⁾ Уваженіе народа къ грабителемъ ведется издавна. Министры XIII вѣка въ Англіи воспѣвали Роберта Гуда, безсмертнаго *outlaw*, «какъ этотъ набожный человекъ... храбро обиралъ важныхъ сеньеровъ и прелатовъ, но былъ милосердъ къ бѣднякамъ, что заставляло приписывать грабителямъ того времени умѣнье разбирать пшеницу и плевелы» (Jusserand, la, *Vie nomade et les routes d' Angleterre magenage*).

чине съ лжесвидѣтеля, который изъ страха молчать о преступленіи, совершившимся на его глазахъ, до утайщика, который дѣйствуетъ изъ корысти. А какую роль играетъ этотъ двойной *manutengolismo* въ нашихъ большихъ городахъ, терроризованныхъ горстью мятежниковъ!

Но въ обыкновенное время полиція мѣшаетъ городскому грабительству выступить съ побѣдоноснымъ видомъ на сцену исторіи. Она противодѣйствуетъ его организаціи, его завоевательной централизаціи и разсѣиваетъ его, если не уничтожаетъ. Такимъ образомъ, цивилизація замѣняетъ крупный преступный промыселъ мелкимъ, какъ бы въ противоположность тѣмъ видоизмѣненіямъ, которымъ подвергается частная промышленность. При невозможности объединиться въ большомъ числѣ для совершенія дѣлій, несущихъ съ собой славу, озлобленнымъ и выброшеннымъ за бортъ общественныхъ классовъ погодьямъ не остается ничего другого, какъ втихомолку готовить какое-нибудь обычное преступленіе въ сообществѣ съ двумя, тремя товарищами или учениками, или устроить какое-нибудь грязное шантажное агентство, игорный домъ, какую-нибудь махинацію для эксплуатированія публики. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ они часто избѣгаютъ преслѣдованій при помощи варьяцій своей изобрѣтательности; это не значитъ, чтобы они лично были особенно изобрѣтательны, но, находясь въ хорошихъ условіяхъ для того, чтобы быть въ курсѣ мошенническихъ и хитроумныхъ нововведеній, они спѣшатъ ими воспользоваться. Далѣе, до сихъ поръ вопросъ шель о сельскомъ грабительствѣ высшаго сорта, о такомъ, которое не останавливается передъ

всякимъ убійствомъ, поджогомъ и грабежомъ. Но есть еще сельское грабительство мелкаго калибра, куда относятся не менѣе традиціонныя привычки къ мародерству, мелкія кражи куръ, хлѣба, вина, дровъ, обычныя мошенничества арендаторовъ, винодѣловъ, подмѣшивающихъ вино по обычаю съ полнымъ спокойствіемъ совѣсти и т. д. Этой относительно простительной преступности, низшему виду сельскихъ преступленій, въ большихъ городахъ соотвѣтствуетъ дѣйствительно роскошное процвѣтаніе плутовства, мошенничества, злоупотребленія довѣріемъ въ безконечно болѣе своеобразныхъ и измѣнчивыхъ формахъ. Именно это процвѣтаніе мелкихъ преступленій, а не серьезность каждаго отдѣльнаго крупнаго преступленія, составляетъ особенность крупныхъ центровъ передъ лицомъ правосудія. Довольно часто эта низшая городская преступность маскируется нищенствомъ. Такъ было въ старомъ Парижѣ, гдѣ мнимые нищіе и мнимые разслабленные, настоящія разбойничьи шайки, собирались у себя въ своемъ «волшебномъ дворцѣ». Въ Пекинѣ эта опасная организація еще продолжается.

Maurice Jametel (*Pekin, 1888*) сообщаетъ намъ, что нищіе образуютъ тамъ страшную корпорацію; у нихъ есть избранный ими предводитель, общее собраніе, они облагаютъ пошлиной лавки, какъ каморристы въ Неаполѣ.

Безполезно входить въ подробности парижской преступности нашего времени, труды Maxime du Camp, Haussonville, Масé достаточно освѣдомляютъ насъ по этому поводу. Поговоримъ, напимѣръ, о Барселонѣ, которая, не будучи столицей, можетъ дать лучшее представленіе о среднемъ большомъ городѣ.

III. Испаніи, какъ и вездѣ, цивилизація какъ будто замѣнила насиліе обманомъ; на самомъ дѣлѣ, она просто съ большей изобрѣтательностью создаетъ новыя формы мошенничества, чѣмъ направляетъ насиліе по пути прогресса. Въ мало заселенныхъ дикихъ провинціяхъ господствуетъ еще wendetta и преобладаютъ преступленія противъ личности, но тамъ, гдѣ населеніе густо и куда проникли желѣзныя дороги, убійства, по словамъ Gil Maestre, встрѣчаются рѣже, а посягательства на чужую собственность чаще, но въ менѣе грубыхъ формахъ. Въ Барселонѣ по преимуществу процвѣтаютъ подлоги, обманъ и мошенничество. Это не значитъ, что убійства тамъ неизвѣстны; тамъ сильный страхъ наводитъ abracador, этотъ убійца, который, какъ пантера, бросается на свою жертву и душитъ ее. Онъ—герой своего круга; его будутъ воспѣвать слѣпцы, если онъ, на его несчастье, попадется. Minador'ы почти такъ же страшны. Ихъ спеціальность—входить въ дома по подземнымъ галлереймъ; они дѣйствуютъ методически, стратегически, нанявъ сначала погребъ или магазинъ рядомъ съ домомъ, куда они хотятъ проникнуть, и скрывъ за кусты или за наполненные землей бочки входъ въ ихъ подкопъ. Элегантные—въ теченіе дня, вечеромъ—одѣтые землекопами, они должны собираться въ числѣ, по крайней мѣрѣ, четырехъ для устройства своихъ трудныхъ туннелей подъ управленіемъ одного изъ нихъ, выполняющаго обязанности инженера. У барселонскихъ преступниковъ есть, впрочемъ, свои мѣста для сборищъ и свои тайныя собранія. Ихъ девизъ: «хлѣба и быковъ». Они часто мѣняютъ свой видъ: кто вчера еще былъ одѣтъ крестьяни-

номъ, сегодня является въ видѣ *jeune premier*, а завтра надѣнетъ блузу и фуражку рабочаго. Задача хорошаго полицейскаго сыщика состоитъ въ томъ, чтобы узнать его, несмотря на переодѣванье. *Tapista* (въ Парижѣ — ворующій со взломомъ) специализируется въ обкрадываніи незанятыхъ квартиръ; его существенными чертами является порочность, глубокое презрѣніе къ *буржуа* и уваженіе только къ *своимъ*. Опасность привлекаетъ его къ себѣ какъ наслажденіе. *Espadista* не знаетъ ни задвижекъ, ни замковъ, которые бы его удерживали. Онъ часто начинаетъ съ того, что атакуетъ сердце квартирной служанки, и она, сама того не зная, дѣлается его сообщницей.

Прибавимъ, что *santeros* (домашніе воры) очень многочисленны въ Барселонѣ и при этомъ никогда нельзя найти лучшей домашней прислуги, чѣмъ они. Можно ли перечислить безконечные виды мошенниковъ: мошенникъ-банкиръ, мошенникъ-предприниматель, уполномоченный отъ общества, имъ же самимъ основаннаго, и т. д? Разновидности эти неисчислимы. Полезнымъ специалистомъ является «гитаристъ», который, при помощи затѣйливаго инструмента, похожаго на гитару, надуваетъ другихъ мошенниковъ. Въ Барселонѣ, какъ и во всѣхъ городахъ, процвѣтаетъ фабрикація фальшивыхъ банковыхъ билетовъ, — культурное возрожденіе поддѣлки монеты. *Gil Maestre* отмѣчаетъ частую эмиграцію и постоянное обновленіе контингента мошенниковъ. Иногда, исчерпавъ свои выдумки, они идутъ съ другія мѣста, гдѣ по тайнымъ знакамъ узнаютъ своихъ собратьевъ, и, благодаря этимъ сношеніямъ, «обмѣниваются свѣдѣніями и совершенствуютъ свои

пріомы.» Этотъ авторъ утверждаетъ, что есть школы для обученія *vol à la tire*. Есть видъ воровства чисто-иешанскаго характера, который можно было бы назвать *vol au baiser*. Двѣ женщины, одна молодая и красивая, другая пожилая, похожая на дуэньку, дѣлаютъ видъ, что разсматриваютъ выставку въ окнѣ магазина, рядомъ съ какимъ-нибудь господиномъ, имѣющимъ видъ богатаго и простодушнаго человѣка. Хорошенькая оборачивается и бросается на шею сосѣда: «Какъ, это ты?—говоритъ она,—какое счастье, что я тебя встрѣтила!» и она продолжаетъ нѣкоторое время свои любовныя изліянія, но внезапно они обрываются: «Ахъ, простите! Я ошиблась!» И обѣ женщины скрываются, причемъ ихъ поспѣшность, повидимому, объясняется желаніемъ скрыть смущеніе. Но по ихъ исчезновеніи герой слишкомъ нѣжныхъ ласкъ обнаруживаетъ у себя отсутствіе портмоне. У дѣтей въ обычаѣ *vol des terrasses* съ довольно замѣтной своеобразной окраской. Эти юные воры похищаютъ по ночамъ бѣлье и одежду, оставленныя на террасахъ домовъ. Они составляютъ отрядъ вольныхъ стрѣлковъ преступленія, подчиненныхъ своему предводителю. Они разсыпаются, чтобы привести въ исполненіе планъ кампаніи, и сходятся вновь дѣлить добычу. Хищные, какъ воробы, они отличаются необыкновенной ловкостью въ обираніи людей: сдѣлавъ все, что нужно, они смѣются, играютъ въ карты, потомъ валяются гдѣ-нибудь вмѣстѣ въ одну кучу, «образуя гнѣздо самаго грязнаго разврата», и засыпаютъ непробуднымъ сномъ. Они начинаютъ съ обкрадыванія террасъ и голубятней и скоро переходятъ къ обкрадыванію квартиръ. Они дерутся на ножахъ, какъ

взрослые, которымъ они подражаютъ. Ихъ единственное занятіе — воровство, какъ и слѣдуетъ ожидать. Ребенокъ родится паразитомъ; если родители его покинули, и онъ не живетъ на ихъ счетъ, то онъ долженъ жить на счетъ общества. И если его родители пренебрегли тѣмъ, чтобы выучить его какому-нибудь ремеслу, то онъ самъ выучится тому, которое одно только ему и предоставляется и которое кажется ему такимъ плѣнительнымъ и забавнымъ, ремеслу, въ которомъ нѣтъ ничего механическаго, профессіи по преимуществу, на его взглядъ, либеральной, — профессіи преступника. Но доказательствомъ того, что этотъ новичекъ преступленія не рождается испорченнымъ, служить его въ общемъ честное и доброе отношеніе къ товарищамъ.

Нѣсколько цифръ могутъ помочь провѣрить эти соображенія. По отдѣльнымъ таблицамъ, наполненнымъ многочисленными справками, приложенными Марро къ его труду *I caratteri dei delinquenti*, я подсчиталъ число преступниковъ 18-ти лѣтъ и моложе, которые, часто съ самаго ранняго возраста, отмѣчены, какъ *покинувшіе свою семью*; это даетъ основаніе предполагать, на мой взглядъ, что ихъ семья обращала на нихъ раньше слишкомъ мало вниманія. Я насчиталъ такихъ 160 душъ на 472 человекъ мужского пола, не считая 47-ми, которые съ 18-ти лѣтъ и раньше остались круглыми сиротами. А на 97 честныхъ лицъ того же пола я нашелъ только *одного* не сироту, бросившаго такъ рано свою семью. На этихъ 97 человекъ *нормальныхъ* приходилось 14 сиротъ указаннаго выше возраста, что является пропорціей, превышающей — несомнѣнно случайно — пропорцію сиротъ-преступни-

вои. Кромѣ того, изъ одной таблицы (250 стр.) Марро видно, что, несмотря на раннюю смерть своихъ родителей, преступники находились въ условіяхъ *повидимому* не менѣе благопріятныхъ, чѣмъ нормальные. Но не слѣдуетъ вмѣстѣ съ авторомъ опіинить съ выводами отсюда, что дурное поведеніе первыхъ больше зависитъ отъ ихъ природы, чѣмъ отъ ихъ воспитанія.

И дѣйствительно, какое значеніе можетъ имѣть то, что эти несчастные жили у своихъ родителей такъ же долго, какъ и другіе, если, какъ авторъ намъ тотчасъ и показываетъ, ихъ родители даютъ пропорцію сумасшедшихъ, алкоголиковъ, эпилептиковъ, неуравновѣженныхъ, значительно превосходящую пропорцію таковыхъ у родителей честныхъ сыновей? Они были бы воспитаны не лучше, чѣмъ если бы остались сиротами. Нужно замѣтить (наблюденіе, сдѣланное еще Марро), что на 76 преступниковъ, родители которыхъ не были ни алкоголиками, ни сумасшедшими, ни такими же преступниками, 50 сиротѣли очень рано — пропорція дѣйствительно громадная. Отсюда видно, что преждевременная смерть родителей играетъ ту же роль, что и порочность живыхъ родителей. Благодаря дурному воспитанію, являющемуся ихъ общимъ результатомъ, обѣ эти причины даютъ тѣ же результаты. Допустимо ли считать возможнымъ, даже вѣроятнымъ, что меньшая преступность женщинъ объясняется отчасти большею заботливостью до сихъ поръ общества обѣ устройствѣ сиротскихъ пріютовъ для дѣвочекъ, чѣмъ для мальчиковъ, какъ доказало это донесеніе Теофиля Руссель (1882) о благотворительныхъ учрежденіяхъ этого рода во Франціи?

Вернемся къ Gil Maestre. Будущіе espadista или minadores, которыхъ онъ намъ описываетъ въ томъ возрастѣ, когда изъ нихъ еще только вырабатывались негодаи, навѣрное меньше виновны, какъ союзники преступленія, чѣмъ старьевщики и содержатели ночныхъ притоновъ, укрыватели краденыхъ предметовъ и укрыватели воровъ. Gil Maestre сообщаетъ намъ о своемъ знакомствѣ съ ночлежнымъ домомъ (casa di dormir), гдѣ въ комнатѣ почти безъ воздуха, покрытой паутиной, всѣ посѣтители, мужчины и женщины, мальчики и дѣвочки, спятъ, смѣшавшись вмѣстѣ и, въ виду страшной жары, совершенно нагіе, но, зная хорошо другъ друга, они засыпаютъ, крѣпко держа въ рукахъ одежду изъ боязни, чтобы ее не украли.

Этотъ небольшой очеркъ преступности, присущей крупнымъ центрамъ ¹⁾, былъ бы слишкомъ неполонъ, если бы я не прибавилъ сюда нѣсколькихъ словъ о преступленіи преимущественно мужскомъ, называемымъ преступленіемъ противъ нравственности. Чувственные желанія, разжигаемыя самой легкостью ихъ удовлетворенія, въ скученномъ населеніи приобрѣтаютъ болѣзненную остроту. Я не хочу отрицать дѣйствія физическихъ причинъ на преступность вообще, потому что его годичная кривая регулярно повышается лѣтомъ, но его географическое распредѣленіе ясно указываетъ на пре-

1) Дурная репутация городовъ въ отношеніи преступности идетъ издавна: не подымаясь къ Содому и Гоморрѣ, я отмѣчу, что когда, въ XII вѣкѣ, состарѣвшаяся графиня Матильда скиталась изъ замка въ замокъ, ея домовый священникъ Donizo рекомендовалъ ей, говорить намъ Ferrers, «избѣгать заселенныхъ городовъ, гдѣ преступления размножаются на ряду съ вѣроломствомъ купцовъ» (*Hist. de Florence*).

обладаніе соціальныхъ причинъ. Во Франціи, на-
примѣръ, на картахъ, составленныхъ д-ромъ Ла-
вассиномъ ¹⁾, преступная зараза, о которой идетъ
рѣчь, обозначена четырьмя пятнами, по числу че-
тырехъ районовъ заразы; очагами ея служатъ 4
большихъ города: Парижъ, Нантъ, Бордо, Марсель.
Центральное плоскогорье и нѣсколько горъ одни
только цѣликомъ выступаютъ на поверхности этого
потока. Мы имѣемъ право думать, что большин-
ство признанныхъ виновными въ этомъ преступ-
леніи были ими лишь потому, что имѣли несчастье
родиться и вырости въ нѣдрахъ или въ сосѣдствѣ
нашихъ Вавилоновъ, вмѣсто того, чтобы родиться и
жить въ Овернѣ. Но это соображеніе, какъ мы
уже знаемъ, не препятствуетъ ихъ вмѣняемости: въ
нихъ самихъ была заложена возможность соверше-
ніи преступленія; правда, она реализовалась лишь
благодаря ихъ пребыванію въ городахъ, но отъ
этого она не перестаётъ быть именно ихъ принад-
лежностью.

Въ результатѣ, по всѣмъ внѣшнимъ и внутрен-
нимъ признакамъ, по болѣе неяснымъ и многочи-
сленнымъ наружнымъ особенностямъ, по болѣе ко-
варной и сластолюбивой натурѣ, по болѣе остро-
умнымъ и менѣе рутиннымъ приѣмамъ, по болѣе
разнообразному и смѣшанному соціальному про-
исхожденію своихъ агентовъ, городская преступность
рѣзко противоположна *сельской*. Одна растетъ, когда
другая приходитъ въ упадокъ. Слѣдуетъ отмѣтить,
что аналогичная противоположность, но только съ
точки зрѣнія времени, а не пространства, съ тече-

¹⁾ *Archiv. de l'anthrop. crim.*, livr., 5 p. 433.

ніемъ времени наблюдается между преступностью *первобытной* и прогрессивной. Весьма полезно было бы установить основное дѣленіе преступности на два вида, тѣмъ болѣе, что въ извѣстныхъ отношеніяхъ оно совпадаетъ съ дѣленіемъ преступности на случайную и привычную, долгое время поглощавшимъ все вниманіе ученыхъ. Въ общемъ преступность привычная, которую преступникъ склоненъ укрѣпить въ себѣ болѣе, чѣмъ всякую другую, при посредствѣ повторенія перваго преступленія, принимаетъ въ извѣстной странѣ тѣ же самыя формы, что и *обычная* преступность. Мы знаемъ, что въ Италіи она чаще, чѣмъ во Франціи, выражается въ побояхъ и нанесеніи ранъ — старый національный обычай, а во Франціи чаще, чѣмъ въ Италіи, выражается въ преступленіи противъ нравственности — старинная слабость галловъ.

Мы должны извиниться, что захватили кое-что изъ слѣдующей главы. Было бы, впрочемъ, трудно говорить о преступникѣ, не коснувшись преступленія.

ПРЕСТУПЛЕНІЕ.

Нисколько не желая умалять заслугъ антропологовъ, которые пытаются обновить уголовное право, мы должны, однако, послѣ всего сказаннаго выше признать, что судебная практика могла бы пользоваться ихъ трудами. развѣ только для того, чтобы черпать изъ нихъ болѣе или менѣе неблагоприятныя для подсудимаго указанія и только въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ безспорно надѣленъ отмѣченными аномаліями. Дурныя и особенно хорошія сгдѣнія, собранныя мѣромъ, не всегда заслуживаютъ большаго довѣрія. И нужно пожалѣть, что судьи и адвокаты такъ рѣдко обращаются за указаніями къ психіатрамъ этой школы ¹⁾.

Многочисленныя наблюденія надъ сумасшедшими и нравственными чудовищами, собранныя Morel'емъ, Tardieu, Maudsley, Legrand du Saulle и др., привели, дѣйствительно, къ настолько основательнымъ выводамъ, что до нихъ еще далеко безчисленнымъ черешнямъ и тѣлеснымъ измѣреніямъ преступниковъ. Такимъ образомъ, съ этой стороны позитивная

¹⁾ Или, вѣрнѣе сказать, какъ справедливо замѣтилъ на последнемъ конгрессѣ почтенный судья Sarraute, суды воздерживаются отъ обращенія въ этомъ смыслѣ къ уголовной антропологии; что же касается адвокатовъ, выступающихъ передъ судомъ присяжныхъ, то они уже дѣлаютъ это, сами того не подозревая. Мы присоединяемся къ этому мнѣнію криминалиста.

школа (психопатологія, я полагаю, наука позитивная, по крайней мѣрѣ, настолько же, насколько и антропологія) заслуживаетъ быть принятой во вниманіе на предварительномъ слѣдствіи и въ судахъ присяжныхъ, гдѣ въ этомъ отношеніи царить такое глубокое невѣжество.

Благодаря названнымъ трудамъ, рамки невмѣняемости, повторяю, очень расширились, и именно поэтому слѣдуетъ точно условиться относительно ея границъ, иначе можно опасаться уничтожить самое понятіе вмѣняемости. Не будемъ забывать, что развратный отъ рожденія, *нравственно помѣшанный*, совсѣмъ не является сумасшедшимъ, хотя психіатры и снабдили насъ о немъ наилучшими изслѣдованіями, которыми мы еще воспользуемся.

Даже признавъ достовѣрность антропологическихъ данныхъ новой школы, можно было видѣть, что они могутъ быть истолкованы съ соціологической точки зрѣнія гораздо лучше, чѣмъ съ той исключительно біологической, которую формулировали ея основатели. Мы увидимъ, что ту же ошибку, но лишь въ меньшей степени, эта школа повторяетъ при истолкованіи статистическихъ данныхъ, составляющихъ, быть можетъ, самое серьезное и прочное основаніе ея трудовъ. Отыскавъ при помощи антропологіи и психопатологіи типическія особенности преступника, она, на основаніи статистики, хочетъ найти естественные законы преступленія. Она приписываетъ, какъ мы уже сказали въ нашемъ изложеніи, соціальнымъ причинамъ бѣольшую роль въ созданіи преступленія, чѣмъ въ созданіи преступныхъ наклонностей. И дѣйствительно, она одновременно говоритъ и о

«факторахъ соціологическихъ», и о факторахъ физическихъ или антропологическихъ. Ея ошибка, по нашему мнѣнію, заключается въ томъ, что она ставитъ на одну доску эти разнородныя причины и не признаетъ особенной природы и преобладающей интенсивности соціальныхъ причинъ. Этотъ упрекъ не относится къ социалистамъ этой школы, но среди соціальныхъ причинъ преступленія эти послѣдніе признаютъ только экономическія; ихъ точка зрѣнія не болѣе закончена, чѣмъ точка зрѣнія ихъ собратьевъ натуралистовъ.

Говоря такъ, мы не можемъ не отдать должнаго попыткамъ и усиліямъ, иногда даже неудачнымъ, этихъ уважаемыхъ статистиковъ. Если бы даже они ограничились только освѣщеніемъ постепеннаго роста рецидива во всѣхъ странахъ и требованіемъ самыхъ крайнихъ мѣръ противъ рецидивистовъ, они имѣли бы полное право на нашу признательность. Теоретически они сдѣлали больше. Если, въ то же время, они дали намъ только несмѣлые опыты, если они работали не по общему плану, если они ограничились лишь объясненіемъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ проблемъ соціальной ариметики, каковы: вліяніе времени года на кривую преступленийъ, или связь между кривыми самоубійствъ и убійствъ и между кривыми преступленій противъ личности и преступленій противъ собственности и т. д., то такая установленная ими связь между извѣстными явленіями есть уже очень цѣнное приобрѣтеніе для науки. Въ этомъ они походятъ на психофизиковъ. Значеніе вклада послѣднихъ въ психологію распространяется пока лишь на второ-

степенные пункты, но оно имѣетъ то преимущество, что впервые вводитъ туда элементы точности и опредѣленности, *aliquid inconcussum*, и закладываетъ начало будущей науки. Но психологъ, который поспѣшилъ бы на узкомъ основаніи своихъ опытовъ уже теперь перестроить всю психологію, рисковалъ бы сильно обмануться.

То же самое было бы съ криминалистомъ - статистикомъ, который, надѣясь на сравнительно ничтожный еще цифровой матеріаль, захотѣлъ бы пересоздать уголовное право. Тѣмъ не менѣе, поостережемся осуждать ихъ даже и въ этомъ случаѣ.

Когда въ глубинѣ моря впервые появился зачаточный органъ зрѣнія, едва позволяющій различать свѣтъ и тѣни или неясные контуры врага или добычи, то животное, довѣрившееся его несовершеннымъ указаніямъ, должно было бы часто дѣлать крупныя ошибки и упрекать себя за то, что не продолжало дѣйствовать, по примѣру отцовъ, ощупью. Такихъ ошибокъ было не меньше на томъ плодотворномъ пути, гдѣ самыя пораженія вызывали новыя стремленія.

Итакъ, статистика есть нѣчто вродѣ развивающагося общественнаго чувства; у общества она—то же, что зрѣніе у животныхъ, и по опредѣленности, поспѣшности, возрастающему обилію своихъ таблицъ, графическихъ кривыхъ и раскрашенныхъ картъ она дѣлаетъ эту аналогію съ каждымъ днемъ все болѣе поразительной. И въ дѣйствительности глазъ есть не что иное, какъ чудный аппаратъ для быстрого, моментальнаго и оригинальнаго исчисленія оптическихъ колебаній, которое онъ передаетъ

намъ въ формѣ непрерывнаго ряда видимыхъ картинъ, вродѣ постоянно обновляющагося атласа.

Но статистика, разумѣется, еще далека отъ осуществленія подобнаго идеала, если только она ого когда-нибудь осуществить. Такъ, когда человекъ, избавленный отъ катарракта, начинаетъ видѣть, что онъ долженъ дѣлать? Можетъ ли онъ исполнѣ полагаться на слабыя указанія своего зрѣнія для управленія своими шагами? Нѣтъ, онъ долженъ пользоваться лишь ихъ помощью и дополнять ихъ недостатки напряженіемъ памяти и разсудка. Именно такимъ образомъ должны поступать криминалисты и законодатели въ государствѣ, гдѣ еще существуетъ уголовная статистика; они должны считаться съ ней, но непременно комбинируя статистическія данныя съ данными, добытыми исторіей и археологіей—этой памятью народовъ, и съ данными общественной науки—этого разсудочнаго самопознанія, котораго, въ концѣ-концовъ, достигаютъ прогрессивныя общества. Въ дальнѣйшемъ мы будемъ придерживаться этой точки зрѣнія.

I.

1. Когда статистика начала функціонировать, то ея первыя открытія, казалось, разрушили установившіяся понятія. Велико было изумленіе при констатированіи ежегоднаго повторенія почти однѣхъ и тѣхъ же цифръ въ связи съ тѣми же преступленіями ¹⁾.

Тотчасъ же неизмѣняющійся составъ цифръ стали считать несомвѣстимымъ съ понятіемъ сво-

¹⁾ А также съ различными произвольными актами, каковы женитьба, купля и продажа; рождаемость и смертность воспроизводились не болѣе регулярно, чѣмъ эти проявленія воли.

бодной воли и, по привычкѣ строить понятіе о вмѣняемости па постулатѣ свободной воли, поспѣшили заключить, что преступникъ вовсе не отвѣтственъ за свое преступленіе. Разумѣется, неизмѣнность подати преступленія вначалѣ была сильно преувеличена; но и колебанія, замѣченныя въ ней позднѣе, оказались правильными и подчиненными непрерывнымъ періодическимъ повышеніямъ и пониженіямъ. Но развѣ регулярность или даже только непрерывность измѣненій сколько-нибудь менѣе противорѣчитъ гипотезѣ свободы личности, нежели точность повтореній? Такимъ образомъ, первоначальное возраженіе остается во всей своей силѣ, и лишь только привычка его ослабила. Что же касается отвѣтовъ, сдѣланныхъ на это возраженіе со стороны защитниковъ свободной воли, то они распадаются на двѣ категоріи: одни страдаютъ безнадежной слабостью, другіе безнадежной туманностью. Наиболѣе близко къ истинѣ предположеніе Кетле, что свободныя опредѣленія, насколько они своеобразны или случайны, играютъ роль колебаній астрономической кривой и взаимно нейтрализуются. Объясненіе неудачное. Представимъ себѣ астрономическую кривую, составленную исключительно изъ комбинаціи колебаній. Это какъ разъ то, что намъ нужно, потому что всѣ преступленія, браки, покупки, совершаемые въ теченіе года въ государствѣ, признаются вытекающими изъ автономной инициативы индивидуумовъ. Дѣло идетъ о томъ, чтобы указать, чѣмъ нейтрализуются эти инициативы, и какимъ образомъ, за вычетомъ этихъ предполагаемыхъ нейтрализаций, можетъ получиться числовой оста-

токъ, соотвѣтствующій извѣстному эмпирическому закону роста и убыли. Но это абсолютное или относительное однообразіе не понятно, если допустить, что воля, считающаяся въ *принципѣ* самостоятельной, фактически не дѣлаетъ, такъ сказать, никакого употребленія изъ ея самостоятельности и подчиняется одной и той же или регулярно повышающейся и падающей суммѣ вліяній общественнаго, органическаго, или физическаго порядка, въ сравненіи съ которыми то, что приходится на долю ея свободы, представляетъ собою *quantité negligible*. Такъ эллипсисъ, описываемый землей вокругъ солнца, правиленъ, потому что причина этого — взаимное тяготѣніе земли и солнца — безконечно сильнѣе взаимнаго тяготѣнія земли и другихъ планетъ, которое бываетъ причиной періодическихъ и сложныхъ пертурбацій, испещряющихъ зубцами эту кривую.

Разумѣется, если бы земля шла свободно по теченію въ небѣ или если бы ея движеніе, оставаясь фатальнымъ и необходимымъ, зависѣло отъ суммы случайныхъ вліяній, исходящихъ отъ всѣхъ точекъ пространства, она не описывала бы пути геометрически правильнаго.

Каждый моментъ притяженія земли солнцемъ *повторяется* одинаково и однообразно, или, если угодно, каждую минуту колебанія эфира, гипотетическая причина этого притяженія, управляемаго физической силой, повторяются одинаково и однообразно: вотъ настоящее объясненіе правильности кривой свѣтилъ. Почему же измѣренія антропологами роста, вѣса, пульсаціи сердца и другихъ физиологическихъ или анатомическихъ признаковъ доста-

точного количества людей, принадлежащих къ одной и той же націи, составленной изъ различныхъ расъ, но въ постоянно одинаковой пропорціи, неизмѣнно даютъ одни и тѣ же результаты?

По аналогичнымъ основаніямъ, всѣ эти люди—наслѣдственные копіи другъ друга. Каждая ихъ черта есть воспроизведеніе другой по пути поколѣній. Постоянство цифръ, составленныхъ антропометрическими измѣреніями, доказываетъ только, что сумма наслѣдственныхъ повтореній значительно превосходитъ сумму индивидуальныхъ и неправильныхъ варіацій, проистекающихъ отъ необъяснимой врожденности. Что же касается равномѣрныхъ колебаній, которыя свободно открыла бы антропометрія, если бы она примѣнялась къ смѣшаннымъ расамъ въ періодѣ ихъ образованія или исчезновенія, то ихъ правильность также указала бы на преобладающее вліяніе, оказываемое наслѣдственной передачей органическихъ измѣненій. Если бы, предполагая невозможное, въ человѣкѣ не было ничего, кромѣ оригинальныхъ варіацій, если бы каждый индивидуумъ представлялъ самостоятельный родъ, то можно было бы измѣрять тысячу, десять тысячъ, десять милліоновъ цифръ пульсацій сердца, и все-таки не получились бы цифры, повторяющіяся въ томъ же [порядкѣ при аналогическихъ измѣреніяхъ новыхъ субъектовъ. Законъ большихъ чиселъ не послужилъ бы ни къ чему, и даже чѣмъ больше возрастало бы количество измѣреній, тѣмъ шире становились бы границы исчисленій.

Все, что я сказалъ, примѣнимо *mutatis mutandis* къ моральной статистикѣ. Если бы въ побужденіи

человѣка къ каждому акту его жизни, напримѣръ, браку, преобладала или была оцутительнѣе свободная инициатива, избавленная отъ всякаго внѣшняго физическаго, біологическаго или соціальнаго воздѣйствія, то мы никогда не встрѣтили бы одновременно и въ одномъ и томъ же мѣстѣ цифръ бракосочетаній, повторяющихся ежегодно съ поразительнымъ однообразіемъ или въ не менѣе замѣчательной прогрессіи. Но соединеніе трехъ видовъ указанныхъ вліяній имѣетъ всемогущее дѣйствіе или совокупность намѣреній, потому что болѣе или менѣе сильное, — подобно оттискамъ одного и того же клише, то слишкомъ блѣднымъ, то слишкомъ темнымъ, но въ общемъ одинаковымъ, — оно лишь въ очень слабой степени подчиняется личной инициативѣ. Можно очень точно различить съ помощью тонкаго реактива, какимъ является статистика, три вида вліяній въ извѣстномъ нами примѣрѣ, потому что жениться заставляетъ людей импульсъ физиологическій, наслѣдственный, измѣняющійся сообразно возрасту, а также импульсъ физическій, измѣняющійся соотвѣтственно времени года; но также импульсъ соціальный, подражаніе обычаю или примѣру окружающихъ. Безъ этого существовали бы лишь свободные союзы, и не было бы браковъ формальныхъ, какъ церковныхъ, такъ и гражданскихъ. Правильность статистики браковъ доказываетъ только, что сила *подражанія обычаю* или постоянна въ данномъ случаѣ, или равномерно повышается и понижается вслѣдствіе столкновенія съ *подражаніемъ модѣ*, распространеніе которой благопріятствуетъ ей въ отрицательномъ смыслѣ, и что по интенсивности она преобла-

даетъ надъ силой личной инициативы, не зависящей ни отъ традицій, ни отъ общественнаго мнѣнія. Численное преобладаніе волевыхъ энергій, подчиняющихся подражанію, надъ волевыми энергіями, увлекающимися новшествами, вотъ въ общемъ то, о чемъ говорятъ правильныя цифры общественной статистики.

Изъ этого не слѣдуетъ, правда, что роль стремленія къ новшествамъ ничтожна. Она, къ счастью, вполне реальна, и цѣнность ея въ тысячу разъ выше ея видимаго распространенія. Но можно ли приписать свободной волѣ часть тѣхъ счастливыхъ пертурбацій, которыя вносятъ въ міръ дѣйствительная личная инициатива? Ничуть, хотя, какъ мы уже сказали, позволительно видѣть въ нихъ признаки наличности элементарной свободы, тайно развивавшейся на тысячеверстной глубинѣ подъ блестящей поверхностью, на которой развертывается психологическая жизнь. Пускай, впрочемъ, мнѣ покажутъ открытіе или изобрѣтеніе, не оказавшееся комбинаціей копій, случайно соединившихся въ богато одаренномъ мозгу различныхъ теченій подражанія; пускай покажутъ мнѣ индивидуальную оригинальность, которая почти цѣликомъ не была бы лишь особымъ видомъ совпаденія банальностей.

Такимъ образомъ, объясненіе Кетле рушилось въ корнѣ и даже самый элементъ, нарушающій правильность статистическихъ кривыхъ, ускользаетъ отъ приверженцевъ идеи свободной воли. Страхъ совѣсти былъ извинителенъ, когда, проникнутая прежнимъ пониманіемъ отвѣтственности, она въ нарождающейся статистикѣ увидѣла врага. Но намъ,

понимающимъ отвѣтственность иначе, нечего бояться. Мы далеки отъ этого, и результаты, добытые статистикой, очень пригодятся намъ при сужденіи о преступникахъ, дѣйствительно отвѣтственныхъ за свои дѣянія. Отвѣтственность, сказали мы, основывается на сходствѣ людей между собой и на устойчивости личнаго тождества. Правильные ряды статистики какъ разъ свидѣтельствуютъ о томъ, что первое условіе выполнено въ совершенствѣ, такъ какъ они доказываютъ физическое, органическое и социальное подобіе индивидумовъ, составляющихъ одну и ту же расу или классъ; они доказываютъ также, что второе условіе налицо, если мы, послѣ ихъ изученія, найдемъ, что они содержатъ въ себѣ указанія на преобладаніе социальныхъ факторовъ надъ физиологическими и физическими. Въ дѣйствительности человѣкъ остается тождественнымъ самому себѣ, подчиняясь извѣстному вліянію лишь постольку, поскольку онъ его себѣ усваиваетъ. Физиологически и органически онъ можетъ приравниваться къ такимъ естественнымъ вліяніямъ, какъ видъ добычи или дѣйствіе жары, и поступать, согласно требованіямъ своего темперамента, уступая имъ; но психологически онъ можетъ руководствоваться лишь мотивами и двигателями, вызванными психологической средой, то-есть средой социальной, въ которую онъ погруженъ въ качествѣ личности, и здѣсь идетъ вопросъ о его личномъ, неорганическомъ тождествѣ¹⁾. Преступникъ, подчиняющійся

¹⁾ Я настойчиво требую обратить вниманіе на то, что тождество личности, на которомъ я строю свою теорію виновности, должно быть понято въ смыслѣ социальномъ, но не органическомъ. Биологически, раскаявшійся преступникъ, ставшій честнымъ чело-

вліянію своихъ товарищей, поступаетъ согласно своему характеру. Онъ отвѣтственъ, какъ существо общественное, а не просто живое существо. По мѣрѣ его чувствительности къ вліянію окружающаго общества растетъ его отвѣтственность. Мы знаемъ, что прогрессъ личной тождественности чело­вѣка идетъ параллельно съ прогрессомъ ассимиляціи его съ окружающимъ обществомъ, и наоборотъ, постепенно теряя равновѣсіе, онъ отчуждается отъ общества.

Въ общемъ, огромный общественный организмъ развивается, приспособляя къ себѣ отдѣльные индивидуальныя организмы такъ же, какъ послѣдніе приспособляютъ къ себѣ молекулы и внѣшнія силы: вслѣдствіе ассимиляціи перваго рода, отдѣльныя индивидуумы должны отвѣчать за свои поступки по отношенію къ другимъ, какъ, вслѣдствіе ассимиляціи второго рода, молекулы, составляющія тѣла индивидуумовъ, связаны между собой—и, если этого требуетъ здоровье, должны быть удалены.

Вслѣдствіе этого крайне необходимымъ является изслѣдованіе рамокъ вліяній экономическаго или религіознаго, политическаго или семейнаго порядка, словомъ, порядка соціальнаго, въ происхожденіи преступленія и рѣшить, подчиняются имъ или нѣтъ вліянія естественнаго порядка. Въ этомъ какъ разъ и состоитъ причина разногласія между натурали-

вѣкомъ, тождественъ самому себѣ; но соціологически онъ измѣнился совершенно. Измѣненія, производимыя въ личности чело­вѣка безуміемъ, никогда не бываютъ такими, чтобы сдѣлать индивидуума *органически инымъ*, чѣмъ онъ былъ. Но въ гражданскомъ и соціальномъ отношеніи они дѣлаютъ его инымъ. Многіе изъ моихъ противниковъ, натуралистовъ по профессіи, критиковали эту теорію, благодаря невѣрному пониманію этого пункта.

стами и социалистами новой школы. Съ послѣдними и соглашаюсь въ томъ, что социальныя причины берутъ верхъ надъ внѣшними; но вмѣсто того, чтобы включить вмѣстѣ съ ними, что общество одно виновато во всѣхъ преступленіяхъ, я заключаю изъ этого, что къ индивидууму по справедливости и по услугамъ примѣняется наказаніе ¹⁾).

II. Теперь, вѣроятно, ясно, что причины преступности распадаются на *три фактора*, какъ это математически установилъ Ферри. Насколько оспорима его классификація преступниковъ на пять категорій, настолько этотъ трехчленный анализъ поражаетъ своей ясностью и справедливостью. Съ большой проницательностью онъ зачастую распознавалъ дѣйствіе каждой отдѣльной причины въ хаосѣ цифръ. Но онъ замѣтно склоненъ къ преувеличенію роли естественныхъ импульсовъ и къ отрицанію того, что если они и служатъ источникомъ силы,

¹⁾ Разъ навсегда я сдѣлаю одно замѣчаніе. Подражаніе въ социальной жизни (я разумѣю подражаніе нормальное, а не болѣзненное), будучи по большей части добровольнымъ, даже въ дѣлѣ языка и нравовъ, является силой опредѣляющей. Подражаютъ иногда добровольно и обдуманно извѣстному лицу, чтобы скорѣе осуществить извѣстную цѣль, удовлетворить извѣстную потребность, причемъ хотя цѣль и потребность и заимствуется чаще пассивно у другихъ, однако, и это дѣлается не безсознательно. На нашъ взглядъ, если человекъ остается отвѣтственнымъ за дѣянія, совершенныя по примѣру другихъ, хотя бы безъ этого примѣра онъ ихъ и не совершилъ, то это потому, что всякій человекъ, стойкій и оригинальный, вкладываетъ свои личныя свойства въ этотъ актъ подражанія. Когда же, напротивъ, въ возбужденной толпѣ, напримѣръ, подражаніе совершенно слѣпо и безсознательно, то, не соотвѣтствуя характеру лица, подчиняющагося ему, оно принимаетъ видъ минутнаго помѣшательства, которое уменьшаетъ или уничтожаетъ отвѣтственность.

истраченной на общественную жизнь, то направлѣніе этой силы происходитъ отъ другихъ причинъ. Намъ кажется, что онъ недостаточно считается съ установленной имъ іерархической лѣстницей факторовъ, идущихъ одинъ за другимъ. Отсюда неизбежныя ошибки въ толкованіи. Наиболѣе важное, повидимому, приспособляющееся къ второстепенному, зачастую лишь управляетъ послѣднимъ по собственному усмотрѣнію; такъ жизнь какъ будто приспособляется къ химическимъ силамъ, а общество къ расѣ и климату.

Казалось бы, что созрѣваніе виноградной кисти вполне зависитъ отъ температуры каждаго дня: чѣмъ теплѣе, тѣмъ лучше растетъ дерево; а свойство данной почвы сообщаетъ прозябанію вѣтви извѣстное направленіе и особенности. Но, тѣмъ не менѣе, подъ этимъ кажущимся подчиненіемъ прорастающаго зерна внѣшнимъ причинамъ натуралистъ увидитъ способность зерна утилизировать внѣшнія силы, управлять ими и извлекать для себя выгоду даже изъ борьбы съ ними.

Повидимому, физическое здоровье фабричныхъ рабочихъ есть первое условіе фабричной работы: чѣмъ лучше они питаются, тѣмъ они сильнѣе и тѣмъ лучше функционируетъ фабрика; и температура рабочихъ кладетъ свой особый отпечатокъ на ходъ дѣла: во Франціи желѣзнодорожная прислуга совершенно иная, чѣмъ въ Италіи и Испаніи; даже въ самой Франціи южная желѣзнодорожная компанія ярко отличается отъ сѣверной. Но, въ сущности, это значитъ, что изобрѣтеніе желѣзныхъ дорогъ въ различной степени пользуется силами служащихъ, которыми располагаетъ и особен-

ности которых обращаетъ въ свою пользу. Справедливо, конечно, думать, что причиною созрѣванія виноградной кисти была наличность двухъ факторовъ — температуры и почвы, съ одной стороны, и свойства зерна — съ другой. Несомнѣнно справедливо также, что фабричный продуктъ явился результатомъ совокупности трехъ факторовъ: во-первыхъ — климата и времени года; во-вторыхъ — расы и здоровья; въ-третьихъ — направленія предпринимателя (временно воплощающаго въ себѣ эксплуатируемое имъ предприятие). Но тогда можно сказать, что написанная мною страница есть результатъ трехъ условій: 1) существованія перьевъ, чернилъ и бумаги; 2) состоянія моей руки, не парализованной и не связанной; 3) моего умѣнія и желанія писать. Не будемъ же смѣшивать *причину съ основаніемъ*; не мѣшаетъ перечитать книгу Cournot на эту тему. Настоящее и единственное основаніе появленія виноградной, лозы — зерно; настоящее и единственное основаніе появленія фабричнаго продукта — наличность предпринимателя; настоящее и единственное основаніе для появленія этой страницы — полученное мной воспитаніе и заразительность многочисленныхъ примѣровъ, которые возбудили во мнѣ желаніе это написать.

III. Эти околичности нѣсколько длинны, но они показались мнѣ необходимыми. При ихъ освѣщеніи мы можемъ оцѣнить теперь геніальный *Calendrier Criminel*¹⁾, составленный Лакассанемъ. Этотъ ученый показалъ намъ, что ежемѣсячныя вычисленія пре-

¹⁾ *Revue scientifique* du 28 mai 1888, статья подъ заглавіемъ *La Criminalité en France*. Въ приложеніи два большихъ чертежа и подробная таблица.

ступленій противъ личности и противъ собственности выражаются въ двухъ годичныхъ кривыхъ, почти противоположныхъ другъ другу. Максимумъ преступленій противъ личности падаетъ на июнь¹⁾, minimum преступленій противъ собственности—на июнь и июль. Займемся первыми. Можно ли въ повышеніи температуры видѣть единственное объясненіе ихъ увеличенія лѣтомъ? Да, отвѣчаетъ Ферри, доказательствомъ этому служить то, что не только наиболѣе теплые мѣсяцы, но и наиболѣе теплые годы, и наиболѣе теплыя, т.-е. южныя, провинціи отличаются среди другихъ обиліемъ убійствъ, оскорбленій дѣйствіемъ и нанесеній ранъ²⁾. Развѣ совпаденіе этихъ трехъ условій не служитъ само по себѣ доказательствомъ?

Оно навѣрняка доказываетъ, что извѣстная часть излишка преступленій и проступковъ, падающихъ на наиболѣе теплые мѣсяцы, годы и провинціи объясняется жарой. Но это лишь часть, и притомъ, быть можетъ, небольшая. Но могли ли бы статистики засвидѣтельствовать, что то совпаденіе, которое мы констатируемъ теперь, имѣло мѣсто на протяженіи сотенъ или тысячъ лѣтъ? Я сильно сомнѣваюсь въ этомъ, если не лжетъ исторія.

¹⁾ Подобный же календарь былъ составленъ на основаніи вычисленія преступленій, совершенныхъ въ тюрьмахъ (*Criminalita carceraria*). Существуетъ, однако, нѣкоторая разница: maximum преступленій противъ личности падаетъ здѣсь на августъ, а не на июнь. См. соч. Marro, *I caratteri*. Таблица къ страницѣ 363.

²⁾ По этому поводу Колаянни представилъ, повидимому, очень вѣскія возраженія въ *Archives de l'Anthropologie criminelle* отъ 15 ноября 1886 года. Но въ слѣдующемъ выпускѣ Ферри вновь отвоевалъ часть своей позиціи.

Примемъ во вниманіе, что относительная мягкость нравовъ сѣверныхъ націй наблюдается лишь съ недавняго времени, что эта мягкость объясняется безспорно доказаннымъ историческимъ фактомъ современнаго перехода цивилизаціи къ сѣвернымъ широтамъ, что, если мы перенесемъ къ временамъ извѣщенной цивилизаціи Рима, которой угрожали съ сѣвера кровожадныя орды, или только къ эпохѣ крестовыхъ походовъ противъ альбигойцевъ, то мы повсюду увидимъ относительное обиліе кровавыхъ преступленій въ наиболѣе холодномъ климатѣ. Преступленія, сопровождающіяся насиліями, такъ мало зависятъ отъ климата и расы, что въ одной и той же странѣ, безо всякихъ измѣненій климата, они принимаютъ болѣе мягкія формы — сокращаются, подчиняясь цивилизаціи и вновь дѣлаются жестокими при возвращеніи къ варварству. Когда греческая цивилизація процвѣтала на югѣ Италіи и въ Великой Греціи, когда культура арабовъ царяла на югѣ Испаніи и культура римлянъ на югѣ Франціи, то убійства по преимуществу сосредоточивались въ сѣверныхъ частяхъ Италіи, Франціи и Испаніи ¹⁾).

Объясняется ли физически, по крайней мѣрѣ, движеніе цивилизаціи къ сѣверу? Ничуть. Причины этого явленія историческія, быть можетъ, случайныя, но, навѣрное, социальныя; это прежде всего счастливое сочетаніе удачныхъ [научныхъ открытій, промышленныхъ, военныхъ и политическихъ изобрѣтеній, которыя мы уже три столѣтія эксплуатируемъ

¹⁾ См. развитіе этой идеи въ моей *Criminalité comparée*, стр. 152 et seq.

въ Европѣ и которыя, благодаря успѣшному пользованію подчиненными и прирученными силами природы, дали возможность на неблагодарной прежде почвѣ съ успѣхомъ сдѣлать опытъ акклиматизаціи культурныхъ идей въ то время, какъ онѣ чахли въ своей колыбели. Возможно, что такое обиліе изобрѣтеній, одно за другимъ пущенныхъ въ дѣло, необходимо требуетъ большой единовременной затраты физической энергіи, которой не могло выработать населеніе первобытныхъ южныхъ городовъ. Нѣтъ сомнѣній, что еще долго эксплуатація этихъ нововведеній будетъ трудной и тяжелой; такъ всегда бываетъ вначалѣ. Лихорадочное оживленіе и оглушительный шумъ, присущіе современнымъ столицамъ, позволяютъ предполагать это. Трудно повѣрить, что Мемѳисъ и Вавилонъ подымались когда-нибудь до этого уровня. Но мы имѣемъ право надѣяться, что это лишь временный кризисъ, и что пользованіе новыми благами цивилизаціи, облегченное нашими дѣятельными усиліями, распространится вплоть до тропическаго пояса. Культурное возрожденіе Нильской долины и чудный прогрессъ Австраліи поддерживаютъ эту надежду.

Цивилизація перешла отъ роскошныхъ тропическихъ странъ къ умѣреннымъ и холоднымъ, въ сущности, потому же, почему богатство переходитъ отъ праздныхъ привилегированныхъ классовъ общества къ рабочимъ классамъ, явленіе, въ которомъ не участвуетъ ни одна физическая причина. Мнѣ представляется безконечно вѣроятнымъ, что дѣйствіе жары играетъ небольшую роль въ преобладаніи грубыхъ и жестокихъ преступленій южныхъ странъ. Прибавлю: въ преобладаніи ихъ лѣтомъ. Лѣтомъ

больше живутъ уличной жизнью, путешествуютъ, чаще встрѣчаются: отсюда болѣе многочисленныя нападенія, болѣе пылкія страсти, болѣе частые случаи убійства. Въ этомъ заключается настолько важное объясненіе явленій такого рода, что только при его помощи можно обосновать исключенія изъ мнимаго правила относительно климатическихъ вліяній. А исключенія эти многочисленны. Тотъ такъ-называемый законъ не примѣняется во Франціи ¹⁾, кромѣ Корсики и побережья Средиземнаго моря, какъ это видно изъ прекрасныхъ оффиціальныхъ картъ Ивернеса, относящихся къ распредѣленію кровавыхъ преступленій между нашими департаментами. Въ нихъ прежде всего бросается въ глаза темная окраска окрестностей большихъ городовъ въ департаментахъ Сены, устьеви Роны, Жиронды, Нижней Луары, Сѣвера, Нижней Сены, Роны. Чѣмъ населеннѣе городъ, даже сѣверный, другими словами, чѣмъ многочисленнѣе тамъ столкновенія между людьми, тѣмъ выше пропорція убійствъ, приходящихся на данное число жителей.

Изъ всѣхъ преступленій противъ личности наиболѣе замѣтному вліянію температуры подвержены изнасилованіе и посягательство на чувство стыдливости.

¹⁾ Я говорю о Франціи континентальной. Во французскихъ колоніяхъ онъ не примѣняется вовсе. Докторъ Корфъ тоже придерживается этого мнѣнія: «Безспорно, — говоритъ онъ, — что преступленія противъ личности слабо развиты и по количеству, и по качеству посягательствъ (если мнѣ позволять словомъ качество выразить важность преступленія) среди смѣшаннаго населенія нашихъ расположенныхъ между тропиками колоній (*Les Criminels* 1889). Онъ привелъ доказательства этому въ своей въ высшей степени интересной монографіи *Crime en pays Créoles*, Storck. Lyon.

У первобытныхъ народовъ довольно рѣзко намѣчаются періоды течки; у аннамитовъ течка, по Лоріону, приходится на апрѣль и сентябрь. По мѣрѣ того, какъ растетъ цивилизація извѣстнаго народа, это вліяніе исчезаетъ, но годичная кривая преступленія, о которомъ идетъ рѣчь, тѣмъ не менѣе остается очень правильной. Она представляетъ собою случай, который Лакассанъ считаетъ необъяснимымъ и который, мнѣ кажется, подтверждаетъ обнаруженное ею воздѣйствіе физическихъ факторовъ. Неподвижная въ февралѣ, цифра этого преступления повышается въ мартѣ и понижается въ апрѣлѣ. Нужно замѣтить, что годичная кривая температуры обыкновенно представляетъ аналогичное явленіе. И все-таки, хотя дѣйствіе внѣшней причины гораздо болѣе сильно и болѣе замѣтно здѣсь, чѣмъ въ другихъ случаяхъ, тѣмъ не менѣе едва ли позволительно изъ него выводить объясненіе этого преступления: до такой степени послѣднее еще больше зависитъ отъ плотности населенія, интенсивности городской жизни, прогресса культуры. Въ большихъ городахъ, каковъ, на примѣръ, Ліонъ, и ихъ окрестностяхъ, независимо отъ того, на сѣверѣ или на югѣ они находятся, количество этихъ преступленій доходитъ до maximum'a; въ странахъ болѣе южныхъ, но мало населенныхъ, земледѣльческихъ и религіозныхъ, оно опускается до minimum'a. Сверхъ того, замѣчается, что оно растетъ скорѣе пропорціонально длинѣ дня, а не высотѣ температуры ¹⁾: «потому что оно понижается въ іюлѣ и

¹⁾ *Etude medico-légale sur la statistique criminelle en France*, par le d-r Chaussinand, 1881. См. также *Archives*, книга 5-ая, статью Garraud et Bernard *Viols et attentats à la pudeur*.

испустѣ, съ уменьшеніемъ дня, несмотря на болѣе высокую иногда (всего чаще) температуру, чѣмъ въ ночь». Но могла ли бы длина дня вліять на это преступленіе, если бы параллельно съ ней не шло увеличеніе соціальной дѣятельности и, благодаря ей, умноженіе столкновеній между людьми?

Тѣ же соображенія примѣняются къ преступленіямъ противъ собственности. Что доказываетъ ихъ максимумъ зимой? Что холодъ заставляетъ воровать? Разумѣется, никто ничего подобнаго не скажетъ. Онъ доказываетъ, что нищета особенно сильно даетъ себя чувствовать въ этомъ сезонѣ¹⁾. Но почему же? А потому, что наша главная пища состоитъ изъ хлѣбныхъ продуктовъ и что со времени нашего перехода отъ пастушеской къ земледѣльческой фазѣ нашей цивилизаціи, благодаря разнымъ многочисленнымъ и сложнымъ изобрѣтеніямъ, мы запасаемся лѣтомъ провизіей на зиму. Но происходитъ ли то же самое у пастушескихъ племенъ? У охотничьихъ племенъ наблюдается обратное; такъ какъ зима изобилуетъ дичью, то именно зимой они, если можно такъ выразиться, собираютъ жатву, и можно предполагать, что именно лѣтомъ процвѣтаетъ у нихъ воровство. Для нихъ также, быть можетъ, лучшими урожайными годами являются тѣ, въ которые у насъ свирѣпствуетъ голодь.

Съ такимъ же успѣхомъ, какъ и календарь преступности, можно составить промышленный календарь (потому что нѣтъ промышленности, у которой бы не было своего дѣловаго и своего мертваго се-

¹⁾ Съ другой стороны, ночи зимой длиннѣе, а темнота благоприятствуетъ воровству.

зона), календарь рождаемости, календарь смертности и т. д. Не кажется ли, что по отношенію къ смертности, по крайней мѣрѣ, только вліяніе климата, времени года и расы даетъ себя чувствовать? Было бы ошибкой такъ думать, и этотъ примѣръ даетъ намъ случайный и въ своемъ родѣ цѣнный аргументъ. Несомнѣнно, высокая дѣтская смертность отъ 1 г. до 5 л., наблюдающаяся въ департаментахъ по побережью Средиземнаго моря (она втрое выше дѣтской смертности въ другихъ департаментахъ), происходитъ отъ тропической лѣтней жары въ этомъ поясѣ, и статистика открыла намъ тотъ важный фактъ, котораго до сихъ поръ не подозревали, что maximum дѣтской смертности, въ общемъ, приходится на августъ и сентябрь, а minimum на май и ноябрь. Но почему же на долю 14-ти департаментовъ, лежащихъ около Парижа, выпала та же печальная привилегія? Почему ею же отличаются страны съ развитой промышленностью? Отчего зависятъ такія странности, какъ то, что въ извѣстныхъ департаментахъ смертность женщинъ во всѣхъ возрастахъ превосходитъ мужскую смертность, въ то время, какъ въ другихъ департаментахъ наблюдается обратное? Одни лишь различія въ социальныхъ условіяхъ могутъ дать объясненіе этого факта.

Если группа фламандскихъ провинцій въ Бельгіи насчитываетъ на одну и ту же цифру населенія больше смертей, чѣмъ группа валлонскихъ провинцій (гдѣ говорятъ по-французски), то причины этого могутъ быть тоже только социальныя, потому что «эти бѣдные фламандцы» насчитываютъ еще и большое количество умалишенныхъ, убогихъ

и неграмотныхъ. Бертильонъ такъ глубоко вѣритъ въ преобладаніе общественныхъ причинъ даже въ дѣлѣ смертности, что, по его мнѣнію, общество могло бы и должно было бы дѣйствовать въ пользу уменьшенія ежегодной даже смертности, которую повсюду извѣстныя страны нашей территоріи.

Еще поучительнѣе было бы сравненіе календарей преступности и рождаемости. Если въ одной изъ статистическихъ таблицъ вы прочтете, что maximum законныхъ рожденій падаетъ на февраль и мартъ и minimum — на іюнь, іюль и декабрь, не старайтесь объяснить эту разницу вліяніемъ возбуждаемой весной похоти (дѣти, рожденные въ февраль, были зачаты въ маѣ) и охлаждающимъ дѣйствіемъ осени (дѣти, рожденные въ іюнь и іюль, были зачаты въ сентябрѣ и октябрѣ). Прежде всего это толкованіе не объясняетъ minimum'a рожденій въ декабрь, которымъ соотвѣтствуютъ зачатія въ мартъ, то-есть Великимъ постомъ; здѣсь даютъ себя чувствовать религіозные обычаи, — въ католическихъ странахъ въ это время года не вѣнчаются. Затѣмъ, de Foville¹⁾ сообщаетъ, что въ Скандинавскихъ земляхъ maximum и minimum уже не тѣ, и это зависитъ, говоритъ онъ, отъ того, что въ этихъ странахъ «наиболѣе трудовые для сельскаго населенія періоды совпадаютъ съ иными временами года, чѣмъ во Франціи».

Причины этихъ явленій, такимъ образомъ, гораздо болѣе экономическія, чѣмъ физическія²⁾.

¹⁾ *La France économique* 1887.

²⁾ Однако, они отчасти и физическія, что доказываютъ maximum и minimum незаконныхъ рожденій, почти совпадающихъ съ maximum и minimum законныхъ рожденій.

Между рождаемостью и климатомъ можно было бы установить довольно опредѣленную связь, такъ же, какъ между преступностью и климатомъ, и даже подобную же связь, потому что обиліе фактовъ, какъ и частота кровавыхъ убійствъ, совпадаютъ въ наше время, въ видѣ естественной компенсаціи, съ пребываніемъ въ теплыхъ климатахъ.

Большинствомъ экономистовъ (Мальтусомъ, Тальквистомъ) признано теперь, что, въ сущности, только соціальныя причины даютъ ключъ къ объясненію роста населенія ¹⁾.

Но мнѣ могутъ сказать: какъ же объяснить измѣненіе цифръ рождаемости параллельно съ измѣненіями извѣстныхъ физическихъ причинъ и какъ объяснить разницу процента увеличенія рождаемости у различныхъ расъ?

На этотъ счетъ мы ограничимся обнаруженіемъ одной неясности. Причинами высокой рождаемости въ Англіи и низкой во Франціи нельзя считать особенности англосаксонской или кельтической расы. Въ Ирландіи кельты очень плодовиты, такъ же какъ французы въ Канадѣ ²⁾.

¹⁾ *Recherches statistiques sur la tendance à la moindre fécondité des mariages* (Гельсингфорсъ, 1886): брошюра эта полна интереснѣйшихъ свѣдѣній и замѣчательна какъ по основательности критики, такъ и по обширности изслѣдованія.

²⁾ «Въ нашемъ слишкомъ культурномъ населеніи, говоритъ Lagneau (*Dictonnaire encyclopedique des sciences médicales*), раса не оказываетъ никакого вліянія на рождаемость». Последняя «зависитъ почти исключительно отъ соціальныхъ условій». Развѣ мы не можемъ сказать того же о преступности? Скажетъ ли кто-нибудь, что если число незаконнорожденныхъ дѣтей увеличивается во Франціи въ то время, какъ число законныхъ падаетъ, то это зависитъ отъ физическихъ или физиологическихъ причинъ? Нужно замѣтить, что пропорція незаконныхъ рождений

Некая раса, проходя черезъ извѣстныя фазы цивилизаціи, переживаетъ нѣсколько послѣдовательныхъ періодовъ плодовитости и бесплодія.

Достаточно какого-нибудь завоеванія, открытія новой земли или новаго рода пищи, чтобы пробудить отъ летаргіи самую бесплодную націю и сдѣлать плодovитой даже ея старость ¹⁾.

Если есть какое-нибудь вліяніе, являющееся, повидимому, исключительно физиологическимъ, то такъ открытое статистикой вліяніе средняго возраста брачующихся, родителей и преступниковъ на включеніе браковъ и на преступленія. Однако, что касается рожденій и браковъ, то мы несомнѣнно знаемъ, что степень цивилизаціи играетъ преобладающую роль среди причинъ, опредѣляющихъ средній возрастъ, въ какомъ вступаютъ въ бракъ и имѣютъ наибольшее число дѣтей ²⁾.

несколько выше (12 на 100, и на Сенъ даже 19) на сѣверѣ Франціи, какъ извѣстно, наиболѣе богатомъ и цивилизованномъ. Это тѣмъ болѣе прискорбно, что именно сѣверъ является страной, служащей образцомъ и фокусомъ всѣхъ подражательныхъ лучей.

¹⁾ Испанская, англійская, португальская, итальянская и нѣмецкая раса обязаны были удесятеренію своего населенія по ту сторону моря открытію Америки, или различныхъ океанскихъ острововъ, или завоеваніямъ американскихъ и островныхъ территорій. Открытіе картофеля вызвало быстрый ростъ населенія въ Ирландіи.

²⁾ Въ общемъ, прогрессъ цивилизаціи лишь до извѣстной степени отдаляетъ моментъ матримоніальнаго кризиса. Съ 1840 года въ Англии браки постепенно становятся все болѣе ранними; въ Швеціи—и Норвегіи они дѣлаются такими съ 1861—1865 гг., во Франціи—съ 1850 г. Но когда цивилизація, такимъ образомъ, ускоряетъ наступленіе возраста брачныхъ союзовъ, она неминуемо вмѣстѣ съ тѣмъ приводитъ къ уменьшенію ихъ плодовитости.

Отсюда тотъ кажущійся парадоксъ, что въ этой новой фазѣ уменьшеніе плодовитости идетъ рядомъ съ ранними браками.

Экономическія соображенія, нравы, понятія, искусственно развитыя потребности берутъ въ этомъ случаѣ верхъ надъ естественными импульсами. Въ Китаѣ, гдѣ неженатый молодой человѣкъ 20 лѣтъ вызываетъ удивленіе и гдѣ существуетъ поговорка, что «бездѣтный человѣкъ — яблоня безъ яблокъ», населеніе неизбѣжно должно увеличиваться скорѣе, чѣмъ во Франціи, гдѣ считается неприличнымъ жениться раньше 30 лѣтъ въ среднемъ и гдѣ развѣ только изъ жалости не смѣются надъ тѣми, у кого больше, чѣмъ трое или четверо дѣтей. Если максимальный возрастъ для бракосочетаній и дѣторожденія опредѣляется, такимъ образомъ, соціологическими причинами, то почему не можетъ зависѣть отъ нихъ также и возрастъ для maximum'a различныхъ преступленій? Возрастающая ранняя возмужалость нашихъ юныхъ убійцъ какъ нельзя лучше подтверждаетъ этотъ взглядъ, который и помимо этого доказанъ статистикой, преимущественно интернаціональной.

Возрастъ максимальной преступности, въ среднемъ 25 - лѣтній, сильно колеблется въ зависимости отъ страны и эпохи. Цивилизація стремится ускорить его наступленіе, и раса не играетъ здѣсь, повидимому, никакой значительной роли. Пропорція несовершеннолѣтнихъ преступниковъ на сотню общаго числа преступниковъ въ Пруссіи равняется 2, во Франціи — 10, въ Италіи—8, въ Бельгіи — 20

(Tallquist). Если зажиточность, какъ указываетъ цитируемый авторъ, съ одной стороны, обуславливаетъ ранніе браки, то, съ другой стороны, предусмотрительность обуславливаетъ уменьшеніе рождаемости, и одно бываетъ обыкновенно связано съ другимъ...

и въ Англіи—27; двѣ послѣднія цифры, въ сравненіи съ предыдущими, вполне опровергаютъ, замѣтимъ мимоходомъ, распространенный въ обществѣ предразсудокъ о запоздаломъ развитіи темперамента сѣверянъ, но прибавимъ, что пропорція преступленій, совершенныхъ малолѣтними въ Англіи подѣ вліяніемъ воспитанія, стоитъ на пути къ уменьшенію, въ то время, какъ во Франціи она все возрастаетъ; это тѣмъ болѣе прискорбно для насъ, что относительное число несовершеннолѣтнихъ вообще, благодаря безплодію французскихъ браковъ, у насъ понижается.

Но, когда такое сильное естественное вліяніе, какъ вліяніе возраста, само поглощается или значащую извращается соціальными причинами, то какъ усомниться въ томъ, что гораздо болѣе ничтожныя вліянія времени года, часа, дня и т. п. могутъ измѣниться или совсѣмъ исчезнуть подѣ вліяніемъ окружающаго общества?

Я могъ бы найти доказательство этого факта въ указанномъ уже мною наблюденіи, что по мѣрѣ перехода отъ среды менѣе населенной и менѣе культурной къ средѣ болѣе населенной и культурной, отъ деревень къ городамъ, отъ прошлаго къ настоящему, кривая самоубійствъ, рождаемости, браковъ, преступленій и т. д. становится все менѣе и менѣе чувствительной къ физическимъ вліяніямъ и даетъ въ этомъ пунктѣ все менѣе и менѣе замѣтныя колебанія. Возьмемъ для примѣра кривую путешествій. Разница между количествомъ дневныхъ и ночныхъ путешествій, зимнихъ и лѣтнихъ, уменьшилась со времени замѣны дилижансовъ и шарусныхъ судовъ желѣзными дорогами и паро-

ходами. Однако, мысль, что цивилизація парализуетъ вліяніе физическихъ факторовъ, вѣрна лишь отчасти.

Въ извѣстномъ отношеніи можно утверждать какъ разъ противоположное. Наступаетъ періодъ, когда цивилизація, достигнувъ апогея, находитъ для себя выгоднымъ не извращать, насколько это возможно, природы вещей и руководствоваться указаніями темперамента, климата, времени года и дня, вмѣсто того, чтобы игнорировать ихъ. Хотя промышленность, напимѣръ, въ меньшей степени, чѣмъ земледѣліе, зависитъ отъ дождя и хорошей погоды, отъ географическихъ и геологическихъ условій, но, тѣмъ не менѣе, ни та, ни другая, совершенствуясь, вовсе не стремятся освободиться отъ этихъ внѣшнихъ условій. Напротивъ, чѣмъ больше прогрессируетъ земледѣліе, тѣмъ больше приспособляетъ оно свои приемы, планы и дѣйствія къ состоянію погоды и составу почвы; чѣмъ болѣе развивается военное искусство, тѣмъ лучше приспособляется оно къ почвеннымъ, метеорологическимъ и другимъ условіямъ; чѣмъ выше поднимается архитектура, тѣмъ больше считается она съ климатомъ, сѣвернымъ или южнымъ расположеніемъ постройки и т. д. Но только считается такимъ образомъ съ природой—значить подчинять ее своимъ цѣлямъ, и отсюда вовсе не слѣдуетъ, что природа является активной участницей въ промышленномъ трудѣ. Точно такъ же, чѣмъ болѣе бракъ и отеческія чувства теряютъ свою непосредственность и облакаются въ соціальныя формы, тѣмъ болѣе, по крайней мѣрѣ, начиная съ извѣстнаго предѣльнаго пункта, принимаются серьезно

во вниманіе естественныя условія счастливаго союза и хорошей наслѣдственности.

Со середины этого вѣка, на примѣръ, во Франціи пооду была принята во вниманіе польза болѣ раннихъ браковъ, и статистическія цифры уже отмѣтили этотъ благотворный переворотъ. Не то же ли самое наблюдается въ дѣлѣ преступности?

Чѣмъ больше преступленіе становится промысломъ и при томъ требующимъ знаній, тѣмъ съ большимъ умѣньемъ хитрые мошенники и жестокіе убійцы выбираютъ наиболѣе благопріятныя часы, мѣсто и время года для осуществленія ихъ плановъ. Отсюда болѣе частая повторяемость извѣстнаго рода преступленій въ извѣстное время года и часы дня. Но это меньше всего доказываетъ, что время года и часъ дня являются сообщниками и активными соучастниками этихъ преступленій. То, что я сказалъ, тѣмъ болѣе справедливо, что пропорція профессиональныхъ или привычныхъ все больше усиливается, а пропорція преступленій случайныхъ уменьшается. Движеніе въ этомъ смыслѣ (къ несчастью) уже отмѣчено статистикой рецидивовъ, *правильный и повсемѣстный прогрессъ которыхъ является однимъ изъ самыхъ значительныхъ факторовъ нашего времени.* Кто изъ профессиональныхъ бродягъ не устраивается такъ, чтобы бродяжничать, нищенствовать и воровать лѣтомъ, а попадать въ тюрьму осенью или зимой?

Войны разгораются весной съ гораздо большей правильностью, чѣмъ та, съ которой убійство совершается лѣтомъ; развѣ можно сказать, что вплиніе температуры и всеобщаго расцвѣта вызываютъ желаніе драться? Такія явленія, какъ устрой-

ство бумажныхъ фабрикъ вблизи воды, а заводи желѣзныхъ издѣлій въ сосѣдствѣ съ залежами желѣза и каменнаго угля, наблюдаются гораздо правильнѣе, чѣмъ такія, какъ локалізація нападо- ній съ ножомъ въ рукахъ на югѣ Италіи или Испаніи; и тѣмъ не менѣе факторы промышлен- ности преимущественно соціальныя, а не физиче- скіе.

Позволимъ себѣ еще разъ сравнить рождаемость и преступность. Какъ ни одна семья, въ среднемъ, не производитъ такого количества дѣтей, какое она могла бы имѣть, такъ ни одинъ самый отчаянный рецидивистъ не совершаетъ всѣхъ преступленій, которыя могъ бы совершить. Итакъ, численность извѣстной націи и количество преступленій и про- ступковъ такой націи указываютъ на воздѣйствіе одной или нѣсколькихъ опредѣленныхъ причинъ. Криминалисты плохо объясняютъ сущность ихъ проблемы. Дѣло не въ томъ, чтобы узнать, почему данная нація даетъ то или другое число преступ- леній въ извѣстный періодъ, но въ томъ, почему она даетъ только это число преступленій.

Многіе возразятъ, быть можетъ, на мою аналогію, что къ воспроизведенію себѣ подобныхъ насъ толкаетъ естественная сила, въ то время, какъ такой силы, которая толкала бы насъ прямо на преступленіе, не существуетъ. Но это лишь кажущаяся разница. Никакой естественный импульсъ не возбуждаетъ въ насъ желанія стать отцомъ; если половое влеченіе въ результатѣ даетъ появленіе ребенка, то вначалѣ оно все же не имѣло въ виду этой цѣли. Точно такъ же мы имѣ- емъ врожденное стремленіе къ обезпеченному

существованію, которое не совѣтъмъ прямымъ путемъ приводитъ насъ къ воровству, мошенничеству, злоупотребленію довѣріемъ, а врожденное чувство гордости, въ извѣстныхъ случаяхъ, можетъ привести насъ къ убійству изъ мести.

Половое влеченіе, навѣрное, не меньше толкаетъ насъ къ адюльтеру, чѣмъ къ материнству; и тѣмъ не менѣе нужно замѣтить, что, все менѣе и менѣе располагая насъ къ материнству, оно все больше и больше влечетъ насъ къ адюльтеру. Странное зрѣлище, замѣтимъ въ скобкахъ, представляетъ собой общество богатое, дѣятельное, просвѣщенное и благоденствующее, но все болѣе бѣдное дѣтьми и избилующее пороками; общество, которое имѣетъ все, кромѣ дѣтей, накладываетъ на себя всѣ ненужныя обязанности, какія только въ силахъ выполнить, и которое оплачиваетъ всякую роскошь, кромѣ роскоши многочисленной семьи. Если бы, однако, человѣкъ слушалъ только себя и подчинялся только глубоко скрытому стремленію его существа, желанію себя увѣковѣчить, — то логика должна бы подсказать ему, что нужно вести себя иначе; чѣмъ больше овладѣваетъ имъ недовѣріе къ возможности загробной жизни, тѣмъ болѣе оно должно желать возродиться въ своихъ дѣтяхъ, потому что у него нѣтъ другого средства возродиться. Но зараза окружающихъ примѣровъ, искусственныхъ наслажденій такъ сильна, что заставляетъ его забыть это основное стремленіе; его предусмотрительность безпрестанно дѣлается все ниже и все недалновиднѣе, она распространяется на всѣ его минутныя прихоти, которыя нужно удовлетворить, но ограничивается лишь горизонтомъ его короткой жизни, — можно бы

сказать, что современное общество имѣетъ то число дѣтей, которое оно въ состояніи прокормить на средства, оставшіяся послѣ удовлетворенія всѣхъ истинныхъ потребностей.

Не такъ легко выразить одной формулой законъ преступности, но мнѣ кажется, что накопленіе искусственно привитыхъ потребностей и возрастающее стремленіе ихъ удовлетворить должны считаться однѣми изъ главнѣйшихъ причинъ преступности и бездѣтности. Сравненіе французскихъ департаментовъ, такъ же, какъ и сравненіе провинцій въ различныхъ европейскихъ государствахъ, открыло Тальквисту постоянное, полное соотвѣтствіе между относительной плодовитостью браковъ и количествомъ книжекъ сберегательныхъ кассъ и страхованій отъ пожара. Та же причина — прогрессъ предусмотрительности (такой, какимъ я его только что охарактеризовалъ), по его справедливому мнѣнію, объясняетъ эти параллельно идущія явленія ¹⁾.

Но страны со слабой рождаемостью отличаются какъ будто большимъ количествомъ преступленій противъ собственности и меньшимъ — противъ личности ²⁾, страны же съ высокой рождаемостью — наоборотъ.

¹⁾ Прогрессъ образованія также сопровождается возрастающимъ бесплодіемъ браковъ. Прибавимъ, что съ 1872 года число браковъ регулярно уменьшается во Франціи — съ 8,8 на 1000 жителей до 7,4 (*Revue scientifique*, 8 мая 1890).

²⁾ Въ большомъ атласѣ *Guerry* (моральная статистика) ясно видно, что англійскія провинціи со слабой рождаемостью значительно превосходятъ остальные числомъ преступленій противъ собственности. Во Франціи это преобладаніе выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: въ 18-ти департаментахъ, гдѣ рождаемость наиболѣе высока, на 100 преступленій противъ личности приходится 135 преступленій противъ собственности; въ 50-ти

То же объясненіе пригодно и въ слѣдующемъ случаѣ: корыстолюбіе — выраженіе предусмотрительности, направленной на стремленіе къ богатству, возрастая, должно увеличить воровство и уменьшить населеніе.

При изслѣдованіи вопроса о физическихъ факторахъ преступности поднимается общій вопросъ о томъ, какую роль играютъ эти факторы на полѣ общественной науки. Эта измѣнчивая проблема съ некоторыми вариантами воспроизводится въ правѣ, лингвистикѣ и т. д. Можно сказать, что пренія повсюду открыли преобладаніе «соціальныхъ факторовъ». Всѣ доводы Монтеस्कье были въ этомъ случаѣ разбиты. Если есть какая-нибудь отрасль человѣческой дѣятельности, благоприятствующая развѣтленію его точки зрѣнія, то это ни въ какомъ случаѣ не право, на которое были направлены его попытки, но языкъ, потому что эта сложная система сочетаній и расчлененій звуковъ является самымъ неблагоприятнымъ изъ всѣхъ видовъ дѣятельности, на которые мы тратимъ свои силы. Многіе дѣлали также попытки объяснить термическими, гигрометрическими и климатическими различіями фонетическія измѣненія, и эти законы фонетики настолько опредѣленны (приведенные Гриммомъ, напримѣръ), что своей точностью напоминаютъ законы физики ¹⁾.

другихъ департаментахъ, гдѣ она слабѣе, пропорція преступленій противъ собственности доходить до 175; въ 18-ти, гдѣ рождаемость еще слабѣе, пропорція = 202; а въ департаментахъ Соны, гдѣ рождаемость доходитъ до *minimum*'а, пропорція достигаетъ 445. Это очень знаменательное явленіе.

¹⁾ Скажу, между прочимъ, по этому поводу, что не знаю, почему развилась неудачная привычка считать лингвистику частью соціологіи. Если бы лингвистику прямо и сознательно ввели

По этому поводу одинъ итальянскій лингвистъ — Ascoli — (Италія отдаетъ замѣтное предпочтеніе такому рода толкованіямъ) — говоритъ о *филологическихъ изотернахъ* ¹⁾.

Однако, нѣтъ ничего болѣе неопредѣленнаго и недостаточнаго, чѣмъ этотъ призывъ къ точной наукѣ. Даже поползновеніе объяснить большинство спорныхъ явленій этнологическими вліяніями, устройствомъ горла и рта, свойственнымъ извѣстнымъ расамъ, не выдерживаетъ критики. Во всякомъ случаѣ иллюзія охарактеризовать каждую расу особенностями ея языка, или общей семьей языковъ, ей присущихъ, разсѣяна совершенно.

Когда примѣнять къ изученію языка, во всей его глубинѣ и ширинѣ, то, что до сихъ поръ еще не примѣнялось, то - есть принципъ подражанія, то тотчасъ откроется, что отдѣльные законы, установленные филологами, законы фонетики, привычки, аналогіи и другіе... объясняются общей, преимущественно соціальной, склонностью подражать частью окружающимъ, роднымъ и чужимъ, сознательно

въ соціологію, которая, на нашъ взглядъ, служитъ ея основаніемъ, то избѣжали бы опасности трактовать соціальную науку какъ науку натуралистическую и смѣшивать соціальныя явленія съ органическими. Тогда бы ясно различались моментъ рѣчи и моментъ *общенія*, и неизбѣжно пришлось бы признать, что элементарнымъ главнымъ соціальнымъ фактомъ является подражаніе, играющее такую важную роль въ образованіи и жизни языка и религіи.

¹⁾ См. интересный трудъ Rourdon, озаглавленный *Evolution phonétique du langage*, въ *Revue philosophique*, окт. 1888. Авторъ, какъ и многіе изъ современныхъ филологовъ, находитъ, что онъ слишкомъ, а, на мой взглядъ, недостаточно широко, распространяетъ принципъ подражанія, какъ ключъ къ истолкованію лингвистическихъ явленій.

или бессознательно, частью — самому себѣ, въ силу рефлексіи, когда стремленіе къ рѣчи имѣется.

Такимъ путемъ создается машинальная привычка говорить и вытекающія отсюда аналогичныя упрощенія.

Что же касается причинъ cadaго фонетическаго или грамматическаго измѣненія, которое дѣлается сознательно или бессознательно и которое входитъ ежедневно во всеобщее употребленіе, если удостоивается подражанія, то можно ли считать ихъ преимущественно физическими или органическими? Пить, если принять во вниманіе, что, съ одной стороны, эти постоянно дѣлаемые незначительныя лингвистическія нововведенія объясняются случайностями и интенсивностью общественной жизни, и что, съ другой стороны, у нихъ нѣтъ никакихъ шансовъ войти во всеобщее употребленіе, если высшіе классы общества и большіе города не усвоятъ ихъ.

Переходя съ юга на сѣверъ и съ сѣвера на югъ, изъ устъ галла въ уста кельта, и изъ устъ кельта въ уста германца, языкъ ломается, благодаря постоянному переходу однихъ согласныхъ въ другія, подобно тому, какъ блестящій лучъ преломляется подъ тѣмъ или другимъ угломъ, въ зависимости отъ состава кристалла, черезъ который онъ проходитъ. Но законы этого преломленія языка, при всей своей опредѣленности, не даютъ ключа къ тому, что есть наиболѣе существеннаго въ образованіи языка, какъ законы оптическаго преломленія не даютъ формулы образованія свѣта. Свѣтъ зависитъ сначала отъ горѣнія, которое появляется въ точкѣ исхожденія луча, затѣмъ отъ его фокуса и,

наконецъ, отъ упругости колебаній разсѣивающей его эѳирной сферы. Горѣніе относится къ свойству эѳира вибрировать такъ же, какъ изобрѣтательная способность въ нашихъ обществахъ, изучаемыхъ съ любой точки зрѣнія,—къ пассивной раздражительности. Если такова была или должна быть таковой участь фізіологическихъ и біологическихъ объясненій, то мы тѣмъ болѣе должны устранить ихъ, когда дѣло идетъ о вопросахъ религіи, права, искусства и промышленности, а также и преступности.

Первые міеологи (по примѣру первыхъ філологовъ и криминалоговъ) не преминули установить связь между различными особенностями боговъ, міеовъ и обрядовъ и особенностями климатовъ и расъ, какъ между слѣдствіемъ и причиной. Религіозный человѣкъ, по этой гипотезѣ, обожествлялъ повседневныя и необычныя явленія, особенно флору и фауну своей земли, слѣдуя тѣмъ приѣмамъ обожествленія, которые неизмѣнно внушались ему особенностями. Эта натуралистическая точка зрѣнія оказалась несостоятельной; она могла объяснить лишь измѣненія въ частностяхъ даннаго явленія, сущность котораго, при переходѣ отъ расы къ расѣ и отъ климата къ климату, не измѣнится и происхожденіе котораго объясняется главнымъ образомъ соціальными причинами. Эта точка зрѣнія понемногу уступаетъ мѣсто соціологическимъ теоріямъ: или той теоріи, по которой міеологія есть болѣзненный наростъ языковъ, или теоріи эвгемеризма Спенсера (въ которой неоспоримо то положеніе, что всякая выдающаяся, возвышающаяся надъ среднимъ уровнемъ яркая личность, всякій инициаторъ, всякій изобрѣтатель, сумѣвшій показать

соби, прославляется, и что всякое прославление, дошедшее до крайности, есть уже обожествление), или тѣмъ системамъ, которыя во всякомъ человѣческомъ божествѣ видятъ воплощеніе, если не изобрѣтателя, то, по крайней мѣрѣ, изобрѣтенія, открытія, какъ, напримѣръ, великое и плодотворное открытіе идеи прирученія животныхъ, символически выразившееся въ культѣ коровы; или, наконецъ, вообще всякому историческому объясненію послѣдовательности и измѣненій религій случайностями, родѣ побѣдъ и пораженій, борьбы или смѣшенія различныхъ цивилизацій. Можно было бы также замѣтить, что постоянный и всеобщій переходъ отъ кастовыхъ религій къ прозелитскимъ или переходъ каждой изъ этихъ религій отъ фазы замкнутости къ фазѣ общедоступности является въ общемъ лишь одной изъ трансформацій, производимыхъ великимъ общественнымъ явленіемъ, о которомъ мы будемъ говорить дальше—вытѣсненіемъ *подражанія* — *обычая*, неразрывно подчиняющагося фізіологической наследственности, *подражаніемъ* — *модой*, подражаніемъ свободнымъ и побѣдоноснымъ.

Почему же теорія Тэна о совмѣстномъ дѣйствіи климата, расы и времени, теорія, примѣненіемъ которой къ преступности является законъ трехъ факторовъ Ферри, не могла удовлетворить требованій историковъ? Потому что авторъ ея (который, впрочемъ, въ своихъ послѣднихъ историческихъ трудахъ, быть можетъ, своихъ *shefs d'oeuvre*'ахъ, очень остерегался ею пользоваться) удѣлилъ слишкомъ мало мѣста случайному, индивидуальному генію и особенно соціальнымъ причинамъ его появленія, развитія и плодотворности. Онъ обнару-

жилъ блестящій талантъ въ своей философіи искусства, при освѣщеніи физическихъ вліяній на скульптуру и живопись и, дѣйствительно, его теза, казалось, могла имѣть мѣсто въ этой области.

Однако, говоря намъ объ особенностяхъ голландской живописи въ эпоху ея расцвѣта, онъ не сообщаетъ намъ, почему, несмотря на то, что климатъ Голландіи нисколько не измѣнился, — ея искусство процвѣтало только въ эпоху ея политическаго и торговаго могущества. Успѣхи голландскаго книгопечатанія въ XVII вѣкѣ также, повидимому, можно объяснить физическими факторами; но не правда ли, что дѣйствительной причиной является свобода мысли, которая была тогда монополіей этой націи и которая вызвала къ дѣйствительности столько блестящихъ умовъ ¹⁾?

Расцвѣтъ изящныхъ искусствъ и каждая цивилизація проходятъ въ свое время, т.-е. тогда, когда въ обществѣ, широко воспользовавшемся открытіями

¹⁾ Еще нѣсколько словъ, чтобы вернуться къ работѣ Монтескье, вновь обработанной съ такимъ блестящимъ талантомъ въ эти послѣдніе годы Mougeonl'емъ. Если географическія условія имѣли на развитіе народовъ вліяніе, приписываемое имъ историками, то древніе мексиканцы и перуанцы, будучи жителями морского побережья и обладая большой площадью береговъ, должны бы были быть по преимуществу моряками, какъ карфагеняне, венеціанцы и жители Лондона. Однако же, они не были даже знакомы съ мореплаваніемъ. Замѣьте, что американцы могли пользоваться для коммерческихъ цѣлей (въ душѣ они всё были коммерсантами) Антильскимъ моремъ. Они должны бы были овладѣть этимъ моремъ. Тѣмъ болѣе, что, по недостатку вьючныхъ животныхъ, мореплаваніе необходимо должно было представляться имъ единственнымъ способомъ перевозки. И, несмотря на все это, они не были мореплавателями. Почему же? Это очень просто: имъ не посчастливилось придумать тѣхъ изобрѣтеній, которыя необходимы для мореплавателей.

и изобрѣтеніями, идущими отовсюду, начинается броженіе этихъ цивилизующихъ элементовъ объединенія.

Въ этомъ расцвѣтѣ отражается тотъ подъемъ духа, которымъ сопровождается и облегчается происходящая внутри общества работа.

Виродолженіе этой фазы самостоятельнаго развитія человѣческихъ обществъ, подъ какой бы то ни было широтой, художники вдохновляются красотами окружающей флоры и фауны (гораздо меньше, разумѣется, чѣмъ религіей), и все-таки источникъ искусства кроется не въ этомъ. Преступность для своихъ перемежающихся взрывовъ (не говоря о ея обычномъ теченіи) тоже имѣетъ свой опредѣленный часъ; она сильно проявляется въ моменты кризиса, когда цивилизующіе элементы несогласованы между собою. Только, вмѣсто того, чтобы содѣйствовать ихъ гармоніи, она нарушаетъ ее; ихъ броженіе она старается замѣнить броженіемъ революціонныхъ элементовъ.

IV. Все, сказанное мною о физическихъ вліяніяхъ вообще, позволяетъ мнѣ ограничиться лишь нѣсколькими словами о физическихъ вліяніяхъ въ частности. Побужденіе къ преступленію, социальнаго или другого происхожденія, проявляется только въ индивидуумѣ, болѣе или менѣе предрасположенномъ органически къ его воспріятію; а правильность статистическихъ цифръ показываетъ, что въ извѣстной расѣ эти врожденные предрасположенія развиваются въ пропорціи, остающейся приблизительно той же, несмотря на постоянное обновленіе населенія. Классифицированныя съ точки зрѣнія большаго или меньшаго роста

различныя категоріи населенія, какъ указалъ Кетле, распредѣляются по пропорціямъ, симметрически расположеннымъ вокругъ цифры средняго роста и повторяющимся почти безъ измѣненій. Классифицированныя съ какой бы то ни было точки зрѣнія, онѣ представляютъ іерархію не менѣе постоянную. *Нужно*, какъ будто бы, чтобы въ любой моментъ налицо было опредѣленное количество карликовъ и опредѣленное количество гигантовъ; точно такъ же *нужно*, чтобы въ каждый моментъ налицо было извѣстное число благородныхъ натуръ и извѣстное число натуръ развратныхъ. Въ этомъ заключаются естественныя компенсаціи.

Во всякомъ случаѣ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, подъ этой кажущейся неподвижностью замѣчается медленное движеніе: пропорціи низкорослыхъ людей, на примѣръ, не одинаковы въ различныя эпохи, какъ доказываетъ измѣреніе рекрутовъ. Затѣмъ, какъ усовершенствовавшаяся военная организація позволяетъ принимать на службу рекрутовъ, обладающихъ ростомъ, который считался раньше неудовлетворительнымъ, такъ легко можетъ случиться, что усовершенствованная общественная организація найдетъ когда-нибудь возможнымъ извлекать пользу изъ извѣстныхъ природныхъ недостатковъ. Наконецъ, если мы вернемся къ вопросу о причинахъ, мы увидимъ, что пропорція опасныхъ натуръ является результатомъ историческаго прошлаго.

Пропорція убійць выше въ Корсикѣ и Сициліи, чѣмъ въ Миланѣ и Бордо, но эта разница зависитъ не отъ расы; раса корсиканская, сицилійская (очень, впрочемъ, сложный металлъ, явившійся

результатомъ сплава многихъ металловъ, какъ вориноская мѣдь) отличались бы теперь совѣмъ инымъ составомъ, если бы духъ клана или *Маффія* не наложили бы на него съ давняго времени своего отпечатка, или, если бы идеи континента, врожденныя этому духу, проникли не вчера только, а нѣсколько вѣковъ тому назадъ на оба эти острова.

Это соображеніе значительно уменьшаетъ важность возраженія, выставленнаго Ферри противъ Колаянни. «Очевидно,—говоритъ онъ¹⁾,—между соціальной средой сѣверныхъ и южныхъ провинцій разница не такъ страшно велика, какъ между числомъ самыхъ тяжкихъ преступленій противъ личности въ этихъ провинціяхъ. Отсюда слѣдуетъ, что огромная разница въ числѣ убійствъ между этими провинціями зависитъ, главнымъ образомъ, отъ климата и расы». То, что Ферри называетъ идѣею расой, какъ это дѣлаютъ и многіе другіе авторы, есть не что иное, какъ результатъ историческихъ условій, сложное наслѣдіе вошедшихъ въ плоть и кровь историческихъ привычекъ. Несомнѣнно, что самое могущественное физиологическое вліяніе на преступность оказываетъ полъ. Женская преступность не съ виду только, но дѣйствительно значительно ниже мужской: на общую цифру населенія обоюго пола по оффиціальному отчету 1880 года, ежегодно насчитывается въ пять разъ болѣе осужденныхъ мужчинъ, чѣмъ женщинъ, а мужчинъ подсудимыхъ — въ шесть разъ больше.

Весьма поучительно сопоставить съ этими цифрами тѣ, которыя сообщаетъ Марро, ссылаю-

¹⁾ *Archives d'Anthropologie criminelle*, янв. 1887 г.

щійся на Теофиля Руссель, и которыми выражаемо отношеніе наказаній, заслуженныхъ мальчиками и дѣвочками въ общихъ школахъ. На сто мальчиковъ приходится 7, наказанныхъ за кражу, на 100 дѣвочекъ — *ни одной*.

Изъ ста мальчиковъ 54 были наказаны за ссоры и драку; изъ 100 дѣвочекъ — только 17. Окончательнымъ доказательствомъ врожденнаго нравственнаго превосходства женщинъ служить, по нашему мнѣнію, то, что это преимущество проявляется въ ней главнымъ образомъ въ дѣтскомъ возрастѣ и въ сельской обстановкѣ, т.-е. до того, какъ она подвергается вліянію развращающаго ее мужчины и особенно вліянію городской жизни.

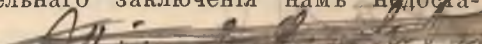
И дѣйствительно, изъ англійской статистики несовершеннолѣтнихъ и совершеннолѣтнихъ лицъ обоюго пола, осужденныхъ за время отъ 1861 до 1881 года, видно, что среди несовершеннолѣтнихъ женская преступность приблизительно въ 6 разъ ниже мужской, а среди взрослыхъ — женская преступность ниже только вдвое или втрое; по Майру, изъ статистики Баваріи видно, что причастность женщинъ къ преступленію больше замѣтна въ городскомъ и сплоченномъ населеніи.

Но развѣ не доказываютъ всѣ эти цифры того, что фізіологическое вліяніе, о которомъ идетъ рѣчь, несмотря на свое исключительное и неоспоримое могущество, побѣждается и нейтрализуется общественными вліяніями? ¹⁾.

¹⁾ Между мужской и женской преступностью разница больше въ Италіи и меньше въ Англии; больше въ деревняхъ и меньше въ городахъ. Messedaglia объясняетъ первое тѣмъ, что англійская женщина принимаетъ большее участіе въ общественной жизни.

Отмѣтимъ по этому поводу одну изъ особенностей статистики: число женщинъ, убитыхъ, втеченіе десяти лѣтъ молніей, приблизительно вдвое меньше числа мужчинъ. Зависитъ ли это отъ болѣе замкнутой, домашней жизни женщинъ? Во всякомъ случаѣ, это можетъ зависѣть лишь отъ особенностей ихъ соціальной и отнюдь, кажется, не физической жизни.

Въ общемъ, тотъ открытый статистикой фактъ, что извѣстныя времена года, извѣстные климаты совпадаютъ съ уменьшеніемъ или увеличеніемъ числа извѣстныхъ преступленій, не больше доказываетъ дѣйствительность *физическихъ причинъ* преступленія, чѣмъ открытый антропологіей фактъ преобладанія среди преступниковъ субъектовъ, владѣющихъ обѣими руками одинаково, лѣвшею, правою и проч., доказываетъ существованіе преступнаго типа въ біологическомъ смыслѣ слова. Но этого отрицательнаго заключенія намъ недостаточно ¹⁾.

Коляяни думаетъ, что здѣсь, какъ и вездѣ, главную роль играютъ экономическія условія. Въ этомъ онъ легко можетъ ошибиться. Участъ женщины въ этомъ отношеніи въ Великобританіи, навѣрное, не хуже, чѣмъ въ Италіи, и въ городахъ не хуже, чѣмъ въ деревняхъ, гдѣ хозяйка терпитъ столько лишеній. Миѣ кажется, что главное значеніе имѣетъ здѣсь разница понятій: не пужно забывать, напримѣръ, что относительно большая религіозность женщины, по сравненію съ мужской, ослабѣваетъ по мѣрѣ того, какъ она цивилизуется и начинаетъ жить городской жизнью. Вотъ отчасти почему, быть можетъ, чѣмъ больше она обогащается, тѣмъ скорѣе деморализуется, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время.

¹⁾ По поводу неудовлетворительности съ натуралистической точки зрѣнія, объясненія явленій свойствами расы и климата я отсылаю читателя къ основательнымъ и убѣдительнымъ доказательствамъ, собраннымъ Коляяни въ двухъ томахъ его *Sociologia criminale*.

Отклонивъ физическое и физиологическое объясненіе преступленія, намъ остается показать, въ какомъ направленіи надо искать законовъ преступленія. Мы найдемъ ихъ въ специальномъ примѣненіи общихъ законовъ, на которыхъ покоится, какъ намъ кажется, социальная наука.

II.

I. Прежде всего мы должны опредѣлить и анализировать вкратцѣ могущественный, всего чаще бессознательный, всегда немного загадочный факторъ, которымъ мы объясняемъ общественныя явленія, — подражаніе.

Чтобы судить о его могуществѣ въ чистомъ видѣ, нужно прослѣдить сначала формы его проявленія у идіотовъ. У нихъ склонность къ подражанію не сильнѣе, чѣмъ у насъ ¹⁾, но она дѣйствуетъ не встрѣчая препятствій ни въ понятіяхъ, ни нравственныхъ привычкахъ или въ волѣ.

Такъ, рассказываютъ объ идіотѣ ²⁾, который, «увидавъ, какъ рѣжутъ поросенка, взялъ ножъ и бросился съ нимъ на человѣка». У другихъ склонность къ подражанію выражается въ поджигательствахъ.

Всѣ главнѣйшіе акты общественной жизни совершаются подъ владычествомъ примѣра.

Женщины рожаютъ и не рожаютъ дѣтей изъ подражанія—намъ доказала это статистика рожденій.

¹⁾ Вообще извѣстно, что даже для сумасшедшихъ, страдающихъ такъ-наз. *импульсивнымъ помѣшательствомъ*, характерной является не сила побужденій, а слабость внутренняго противодѣйствія имъ.

²⁾ *La folie héréditaire*, par le D-r Saury.

Убиваютъ и не убиваютъ изъ подражанія: кому пришло бы въ голову драться на дуэли или объявить войну непріятелю, если не было извѣстно, что такъ всегда дѣлалось въ данной странѣ? Конечно жизнь самоубійствомъ — тоже изъ подражанія: извѣстно, что самоубійство — явленіе въ высшей степени подражательное; во всякомъ случаѣ, невозможно отказать въ этомъ признакъ «массовымъ самоубійствамъ побѣжденныхъ народовъ, которые прибѣгаютъ къ смерти, чтобы не терпѣть ига чужеземцевъ, какъ это было съ сидонійцами, разбитыми Артаксерксомъ - Оркусомъ, тирійцами, побѣжденными Александромъ, сагонтинцами — Цициномъ, ахейцами — Метелломъ¹⁾, какъ сомнѣваться послѣ этого, что воруютъ и не воруютъ, убиваютъ и не убиваютъ изъ подражанія?

Эту характерную силу общественной жизни слѣдуетъ изучать въ особенности въ нашихъ многолюдныхъ городахъ.

Она появляется наружу во время великихъ сценъ нашихъ революцій подобно тому, какъ во время сильныхъ бурь обнаруживается наличность атмосферическаго электричества, незамѣтнаго, но отъ этого не менѣе реальнаго въ промежуткахъ между ними.

Странное явленіе представляетъ собою *толпа*, — это собраніе разнородныхъ, незнакомыхъ другъ другу элементовъ²⁾. Тѣмъ не менѣе достаточно одной искры страсти, кѣмъ-нибудь брошенной и

¹⁾ *Le suicide dans l'armée*, par le D-r Mesnier.

²⁾ Разумѣется, необходимо, чтобы всѣ эти люди походили въ главномъ другъ на друга, чтобы объединяла ихъ національность, религія или общественное положеніе.

наэлектризовавшей эту смѣсь, чтобы вызвать въ ней что-то вродѣ внезапной, самопроизвольно зародившейся организаци. Безсвязность превращается въ связь, шумъ въ голосъ, и тысячи сплотившихся людей превращаются вскорѣ въ одно животное, въ безымяннаго и чудовищнаго звѣря, съ непреодолимымъ упорствомъ идущаго къ своей цѣли. Большинство явилось сюда чисто изъ любопытства, но лихорадка нѣкоторыхъ быстро охватила сердца всѣхъ и у всѣхъ усилилась до горячки. Прибѣжавшій исключительно за тѣмъ, чтобы противодействовать убійству невиннаго, однимъ изъ первыхъ заражается жаждой убійства, и, что еще болѣе странно, ему не приходитъ въ голову удивиться этому. Минуты надобности напоминать безсмертныя страницы Тэна о днѣ 14-го іюля и его послѣдствіяхъ въ провинціи ¹⁾.

Какимъ образомъ это происходитъ? Проще всего на свѣтѣ. Способъ дѣйствій толпы обнаруживаетъ силу, подѣ господствомъ которой она организовалась. Перенесемъ ко временамъ коммуны; человекъ въ бѣлой блузѣ, переходя черезъ площадь, проходитъ мимо возбужденной толпы; онъ кажется кому-то подозрительнымъ: тотчасъ же съ быстротой огня подозрѣніе передается другимъ, и что же проис-

Revolution

¹⁾ См. то, что касается сентябрьскихъ убійствъ (*Revolution*, т. 4, стр. 295 и слѣд.). Среди сентябрьскихъ мятежниковъ нѣкоторые пришли съ добрыми намѣреніями, но были захвачены круговоротомъ кроваваго вихря и моментально, осѣненные революціонною благодатью, совратились въ религію убійства. Нѣкто Garin, присланный своей партией спасать двухъ заключенныхъ, садится рядомъ съ «Мальяромъ» и судить вмѣстѣ съ нимъ въ теченіе 60 часовъ». Было, безъ сомнѣнія, не мало такихъ Грапеновъ въ Варфоломеевскую ночь.

водитъ? «Этого подозрѣнія достаточно, всякое сопротивленіе бесполезно, всякое доказательство бесплодно: увѣренность слишкомъ глубока»¹⁾).

Представьте каждого изъ этихъ людей въ отдѣльности у себя дома. Никогда ни у одного изъ нихъ простое подозрѣніе, не подкрѣпленное доказательствами, не могло бы превратиться въ увѣренность. Но они собраны вмѣстѣ, и подозрѣніе каждого изъ нихъ, благодаря дѣйствию подражанія, болѣе живому и быстрому въ минуты возбужденія, усиливается подозрительностью другихъ; отсюда происходитъ то, что какъ бы ни была слаба увѣренность въ виновности несчастнаго, она тотчасъ же дѣлается очень сильной, и для этого нѣтъ надобности даже въ тѣни доказательствъ. Взаимное подражаніе, когда основой его служатъ *сходныя* убѣжденія и особенно *подобныя* психологическія состоянія, является настоящимъ усиліемъ интенсивности, присущей этимъ убѣжденіямъ и этимъ состояніямъ, у каждого изъ тѣхъ, кто ихъ переживаетъ одновременно съ другими.

Когда, наоборотъ, подражая другъ другу, нѣсколько лицъ обмѣниваются *различными* состояніями, что такъ обычно въ соціальной жизни, когда, напримеръ, одинъ пробуждаетъ въ другомъ интересъ къ музыкѣ Вагнера, а тотъ, въ свою очередь, развивается въ первомъ любовь къ реалистическому роману, то, конечно, эти лица устанавливаютъ между собою связь взаимной ассимиляціи такъ же, какъ если бы они привили другъ другу два понятія или двѣ потребности, сходныя съ тѣми, которыми они

¹⁾ Maxime du Camp.

уже обладали, и эти понятія въ нихъ, такимъ образомъ, укоренились бы, но въ первомъ случаѣ ассимиляція для каждаго изъ нихъ является *уложеніемъ* его внутренняго состоянія, — въ этомъ и состоитъ дѣйствіе цивилизаціи, — во второмъ случаѣ ассимиляція въ каждомъ изъ нихъ лишь *усиливаетъ* внутреннюю жизнь. Между обоими случаями существуетъ то же различіе, что и въ музыкѣ между аккордомъ и диссонансомъ. Толпа обладаетъ простой и глубокой мощью сложнаго унисона. Этимъ объясняется, почему такъ опасно жить долго въ общеніи съ лицами, въ которыхъ встрѣчаешь свои собственные мысли и чувства; можно скоро дойти до *сектантства*, аналогичнаго со стаднымъ чувствомъ.

Воинственное помѣшательство, этотъ перемежающийся кризисъ народовъ, находитъ себѣ объясненіе въ сказанномъ выше.

Въ странѣ, гдѣ цивилизація увеличила сношенія между людьми, т.-е. развила силу раздражительности, тридцать или сорокъ милліоновъ людей обмѣниваются своими фантазіями и понятіями, страстями и желаніями; внутренній міръ каждаго изъ нихъ усложняется, вслѣдствіе разницы общественныхъ положеній, интересовъ, привычекъ и настроеній, стремящихся слиться воедино.

Отсюда — пылъ вождельвнй и лихорадочное стремленіе къ роскоши. Но въ то же время, въ одномъ отношеніи, ихъ внутренняя связь, благодаря ихъ сношеніямъ, должна усиливаться; я имѣю здѣсь въ виду чувство, которое внушаетъ враждебная или почитаемая таковой нація.

Эта ненависть, въ сравненіи съ совокупностью другихъ желаній, была бы у каждаго изъ нихъ,

важно въ отдѣльности, очень слабой; но она у насъ общая; они выражаютъ ее другъ передъ другомъ; подражательность дѣйствуетъ здѣсь особенно сильно и отъ времени до времени даетъ мѣсто высокимъ или экстравагантнымъ проявленіямъ того патріотизма, который въ нашъ разсудительный вѣкъ, къ великому недоумѣнію мудрецовъ, разгорается съ энергіей, соответствующей процессу цивилизаціи.

Но чему же тутъ удивляться? Это неизбежно ¹⁾.

Вернемся къ толпѣ; она интересна съ точки зрѣнія соціальной эмбриологіи, потому что показываетъ намъ, какимъ образомъ новое общество могло и даже должно было образоваться внѣ семьи; я не говорю — разъ образовавшись, удержаться безъ семьи. Я утверждаю, что существуютъ два различныхъ зародыша обществъ — семья и толпа; и смотря по тому, изъ какого источника нація главнымъ образомъ возникла и откуда происходили вліянія,

¹⁾ Происхожденіе самой непонятной популярности и непопулярности во время выборовъ даетъ другой прекрасный примѣръ той роли, которую играетъ подражаніе въ общественной жизни. Когда нѣсколько избирательныхъ голосовъ подъ рядъ поднимаютъ одно и то же имя или стоятъ за одну и ту же идею, голосъ одного департамента увлекаетъ за собой голосъ другого, и голоса за и противъ поднимаются какъ морской приливъ. Послѣ нѣсколькихъ баллотировокъ человѣкъ самый обыкновенный вдругъ дѣлается великимъ и повсюду возбуждаетъ искренній энтузіазмъ людей, не знающихъ его, но слышащихъ, какъ его не менѣе искренно превозноситъ толпа, которой онъ также совершенно неизвѣстенъ. Бываетъ и наоборотъ: къ человѣку сначала относятся подозрительно, потомъ съ явнымъ презрѣніемъ, затѣмъ смотрятъ на него, какъ на послѣдняго мошенника, и, наконецъ, негодованіе честныхъ рантъ становится такъ велико, что они убили бы его, если бы онъ имѣлъ несчастье имъ показаться. Исторія буланжизма въ этомъ отношеніи весьма поучительна.

подъ которыми она развивалась, она можетъ принять самыя различныя отѣнки. Разумѣется, обѣ формы происхожденія во многомъ сходятся: какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ общество возникаетъ по внушенію, а не по договору. Договоръ, какъ встрѣча нѣсколькихъ желаній, независимо другъ отъ друга появившихся и оказавшихся въ согласіи другъ съ другомъ, — чистая гипотеза. Напротивъ, внушеніе, какъ актъ, вызывающій стремленія, согласныя съ той высшей волей, въ которой они имѣютъ свой источникъ, — вотъ элементарное соціальное явленіе.

Всякая толпа, какъ и всякая семья, имѣетъ главу и безусловно ему подчиняется ¹⁾).

Но суевѣрное уваженіе и подчиненіе сына отцу у домашняго очага — одно, а мимолетное увлеченіе, вызванное вожакомъ толпы, — другое. Когда въ общественной жизни царитъ семейное, земледѣльческое или сельское начало, то въ ней господствуетъ исключительно подражаніе обычаю, съ преобладаніемъ чисто-личныхъ интересовъ и съ тѣмъ величественнымъ спокойствіемъ, которое такъ характерно для египтянъ и китайцевъ.

Когда на смѣну является стадность, то начинается дѣйствовать уже подражаніе — мода, внося сюда свою нивеллировку и свои измѣненія, свою ассими-

¹⁾ Въ *Etudes sur les moeurs religieuses et sociales de l'extrême Orient* Alfred'a Lyall (Thorin, 1885) можно видѣть, какъ даже въ Индіи, гдѣ узы крови на первый взглядъ кажутся единственнымъ соціальнымъ цементомъ, достаточно престижа извѣстнаго лица — прославившагося своей строгостью аскета, внушающаго ужасъ разбойника, чтобы собрать воедино подъ его покровительствомъ его товарищей и образовать новую касту.

яцію на большихъ разстояніяхъ и свои быстрыя трансформациі.

Въ деревенскихъ обществахъ господствуетъ семейное начало: тамъ населеніе поддерживается и увеличивается только въ силу своего естественнаго прироста; въ городахъ господствуетъ общество — толпа: со всѣхъ сторонъ стекаются туда люди, оторванные отъ своего крова и соединившіеся случайно.

Вотъ, отчасти, почему въ предыдущей главѣ я сочелъ нужнымъ придать такое большое значеніе разницѣ между сельской и городской формой грабжа.

Но безразлично знать, явилась ли склонность къ преступленію плодомъ плохого домашняго воспитанія или вреднаго вліянія товарищей. Неустойчиваго человѣка всегда толкаетъ на преступленіе или семья, или секта, или собраніе товарищей въ кафе; въ послѣднемъ случаѣ увлеченіе, которому онъ поддается до извѣстной степени, напоминаетъ народное движеніе, которое толкаетъ мятежника на убійство.

Послѣ этихъ нѣсколькихъ словъ о силѣ и формахъ подражанія слѣдовало бы изложить его общіе законы, которымъ преступленіе подчиняется, какъ и всякое другое общественное явленіе. Но рамки этого труда заставляютъ меня ограничиться лишь нѣсколькими краткими указаніями. Мы уже знаемъ, что примѣръ одного человѣка, приблизительно такъ же, какъ сила притяжанія тѣла, какъ бы разсѣиваетъ вокругъ него лучи, сила которыхъ, однако, ослабѣваетъ по мѣрѣ увеличенія разстоянія между нимъ и тѣми людьми, которыхъ кос-

нулся его лучъ. Слово *разстояніе* слѣдуетъ понимать здѣсь не въ геометрическомъ, а въ психологическомъ значеніи слова; умноженіе связей между людьми при помощи писемъ и печати, духовное общеніе всякаго рода между согражданами, разсѣянными по обширной территоріи, уменьшаетъ, въ этомъ смыслѣ, разстояніе между ними. Возможно, повторяемъ, что благородный примѣръ всего окружающаго общества, благодаря его отдаленности, можетъ нейтрализоваться въ душѣ бродяги вліяніемъ нѣсколькихъ товарищей.

Въ экономическомъ, лингвистическомъ, религіозномъ и политическомъ отношеніи наблюдается то же самое: по сосѣдству съ большими городами существуютъ еще деревни, имѣющія мало сношеній съ городомъ; въ нихъ сохраняются старинныя потребности и понятія, тамъ заказываютъ полотно ткачу, любятъ ѣсть черный хлѣбъ, говорятъ только на простонародномъ нарѣчій и вѣрятъ въ колдуновъ и въ колдовство. Это замѣчаніе никогда не слѣдуетъ терять изъ виду. Теперь, вмѣсто того, чтобы брать каждый примѣръ отдѣльно, разсмотримъ соотношеніе нѣсколькихъ примѣровъ и поищемъ результатовъ ихъ обмѣна. Прежде всего, какимъ бы низкимъ и презрѣннымъ ни былъ субъектъ, постоянное сношеніе съ нимъ очень высоко поставленныхъ и очень гордыхъ людей не преминетъ оставить въ послѣднихъ извѣстное смутное стремленіе ему подражать; доказательствомъ этого служить заразительность *произношенія*; самый высокообразованный хозяинъ, если онъ живетъ въ деревнѣ одинъ со своими слугами, кончаетъ тѣмъ, что заимствуетъ у нихъ нѣкоторыя интонаціи и даже обороты рѣчи,

такъ же, какъ самое холодное тѣло все-таки сообщаетъ свою теплоту тѣлу болѣе теплomu. Но какъ, въ общемъ, согрѣваніе теплаго тѣла холоднымъ почти ничтожно въ сравненіи съ значительнымъ согрѣваніемъ холоднаго теплымъ, такъ въ нашихъ обществахъ часто, даже всего чаще, дѣйствіе, производимое примѣромъ рабовъ на хозяина, дѣтей на взрослыхъ, свѣтскихъ людей на духовенство (во времена благоденстія нашей теократіи), невѣждъ на литераторовъ, наивныхъ на опытныхъ, бѣдныхъ на богатыхъ, плебеевъ на патриціевъ (въ блестящіе періоды господства аристократіи), поселенъ на горожанъ, провинціаловъ на парижанъ, — словомъ, дѣйствіе, производимое примѣромъ низшихъ на высшихъ, можно игнорировать и считаться только съ дѣйствіемъ обратнымъ, заключающимъ въ себѣ вѣрное объясненіе исторіи. Во всякую эпоху существуетъ чей-нибудь признанный всѣми (иногда несправедливо) авторитетъ; онъ составляетъ привилегію того, кто, будучи болѣе богатъ потребностями, идеями, даетъ больше примѣровъ для подражанія, чѣмъ получаетъ ихъ. Неравномѣрный обмѣнъ примѣрами, управляемый этимъ закономъ, имѣетъ своимъ результатомъ тяготѣніе соціального міра къ состоянію общей нивелировки, аналогичной тому универсальному однообразію температуры, которое стремится установить законъ испусканія тѣлами тепловыхъ лучей.

Иногда, и даже слишкомъ часто, бываетъ, что политическое и военное могущество находится въ рукахъ націи или класса, наиболѣе бѣднаго просвѣтительными примѣрами. Въ этомъ случаѣ подчиненная нація, или классъ, считая себя выше

господствующей націи, ограничивается подчиненіемъ и отказывается ассимилироваться.

Вотъ частая причина какъ притѣсненій, такъ и кровавыхъ революцій. Побѣдитель, прежде всего, сознательно или безсознательно, хочетъ, чтобы ему подражали, и если этого нѣтъ, онъ не вѣритъ въ реальность своей побѣды.

До такой степени ясно онъ всегда чувствуетъ, что подражательное условіе есть социальное дѣйствіе по преимуществу. Онъ старается поэтому всевозможными способами, грубымъ насиліемъ или открытымъ давленіемъ, навязать побѣжденному не только свое иго, но еще и свой типъ.

Филиппъ II, на примѣръ, примѣнилъ первый способъ къ андалузскимъ маврамъ. Это были самые трудолюбивые, самые богатые, самые культурные и не менѣе вѣрные, чѣмъ другіе, его подданные. Но они ревниво охраняли ихъ національные обычаи, ихъ костюмъ, пищу, жизненную обстановку, не позволяя себѣ проникаться испанскими нравами. Отсюда происходило все, что говорилось тогда противъ нихъ, и вся та ненависть, которую они внушали народу и духовенству побѣдителей. «Побѣдившій народъ, — вполне основательно замѣчаетъ по этому поводу Forneron, — всегда будетъ недоволенъ тѣми, кто пользуется покровительствомъ его законовъ, не сливаясь съ нимъ воедино»¹⁾, то-есть противъ тѣхъ, кто подчиняется, но не подражаетъ ему. Декреты Филиппа II, изданные въ 1566 году противъ мавровъ при одобреніи всѣхъ христіанъ, имѣли цѣлью

¹⁾ Тотъ же авторъ прибавляетъ: «тоже отвращеніе замѣчается теперь по отношенію къ евреямъ у христіанъ и къ китайцамъ у жителей восточной Америки».

сдѣлать подражаніе мавровъ христіанамъ вездѣ и по всемъ обязательнымъ. «Съ 1-го января слѣдующаго года,—говоритъ Форнеронъ,—мавры не могли имѣть ни арміи, ни рабовъ, ни костюмовъ по своему вкусу: они немедленно должны были облечься въ панталоны и куртки, и не скрывать подъ чадрой и фередже лица и плечи своихъ женщинъ, вынужденныхъ носить съ этихъ поръ токи и фижмы, забыть свой языкъ и втеченіе 6 ти мѣсяцевъ изучить испанскій и т. д.». Вотъ деспотизмъ, доведенный до безумія; извѣстно, сколько потоковъ крови пролилось, благодаря ему. Но развѣ среди эпохъ и націй, хвастающихся своей демократической вѣротерпимостью, не бывало, чтобы какая-нибудь господствующая секта, якобинская или пуританская, преслѣдовала, въ сущности, ту же цѣль, захватывая въ свои руки національное воспитаніе и передѣлывая по-своему души дѣтей или, попросту, безъ декретовъ и битвъ, отрѣшая отъ всѣхъ должностей и подвергая всѣмъ формамъ отлученія отъ церкви тѣхъ, кто упорно оставался инымъ, чѣмъ были они. Тѣмъ не менѣе, справедливо, что внушаемое такимъ образомъ подражаніе не распространяется и не проникаетъ глубоко; другими словами, *соціальное превосходство*, болѣе богатое просвѣтительными идеями, кончаетъ тѣмъ, что беретъ верхъ надъ политическимъ могуществомъ, даже въ томъ случаѣ, если послѣднее не принадлежитъ ему и даже ему враждебно; я исключая такіе случаи, какъ радикальное истребленіе, имѣвшее мѣсто по отношенію къ маврамъ въ XVI вѣкѣ. Исторія изобилуетъ иллюстраціями этой истины. Зайдите въ жилище крестьянина и присмотритесь къ его обстановкѣ: отъ

вилки и стакана до рубашки, отъ точила до лампы, отъ топора до ружья нѣтъ ни одной вещи изъ его мебели, одежды или инструментовъ, которая бы прежде, чѣмъ попасть въ его хижину, не была раньше, въ качествѣ предмета роскоши, въ употребленіи у королей, высшихъ военныхъ и духовныхъ сановниковъ, затѣмъ синьоровъ, буржуа, и, наконецъ, сосѣднихъ землевладѣльцевъ. Поговорите съ этимъ крестьяниномъ: вы не найдете у него ни одного представленія ни о правѣ, ни о земледѣліи, ни о политикѣ, ни объ ариѳметикѣ, ни одного семейнаго или патріотическаго чувства, ни одного желанія или стремленія, которое по происхожденію не оказалось бы открытіемъ или смѣлой инициативой, идущими съ верховъ общества и постепенно спускающимися до самаго его дна. Его французскій языкъ, на которомъ онъ начинаетъ правильно говорить,—эхо сосѣдняго города, который, въ свою очередь, перенялъ его изъ Парижа, точно такъ же и его мѣстное нарѣчіе, которымъ онъ еще пользуется (предположимъ, что дѣло идетъ о южной Франціи), или передано ему изъ сосѣднихъ замковъ, копировавшихъ провансальскіе дворы, или тотъ латинскій языкъ, на которомъ онъ началъ говорить послѣ Юлія Цезаря, потому что галльская аристократія вынуждена была говорить на языкѣ побѣдителей. Даже его ненависть къ старому порядку была внушена ему лицами, стоящими во главѣ стараго порядка; его потребность равенства исходитъ изъ якобинскихъ клубовъ, которые, въ свою очередь, усвоили ее изъ философскихъ салоновъ, гдѣ въ обществѣ красавицъ и остряковъ той эпохи обсуждались новыя произведенія Руссо. Его ревнивое пристрастіе къ землѣ перешло

иъ нему отъ крупныхъ феодальныхъ собственниковъ, которые всей душой были преданы землѣ и которыхъ его предки имѣли двойное основаніе копировать втеченіе цѣлыхъ вѣковъ, какъ своихъ сосѣдей и господъ. Соціальная іерархія всего больше благоприятствуетъ распространенію примѣровъ. Аристократія, это—какъ бы водоемъ, изъ котораго послѣдительно распредѣляются, падая одинъ за другимъ, каскады подражанія. Если крупная промышленность сдѣлалась теперь возможной, если проникновеніе въ сѣмья нѣдра народныхъ массъ населенія новыхъ потребностей, вкусовъ и одинаковыхъ понятій открыло ей широкіе и необходимые для нея рынки, то не обязанъ ли настоящій процессъ уравниванія нѣхъ прежнимъ неравенствамъ? Но подождемъ думать, что движеніе это остановится; въ эпоху демократіи дѣло аристократіи продолжается и притомъ нѣ болѣе широкою масштабѣ столицами ¹⁾). Послѣднія во многомъ походятъ на первую. Аристократія во

) И наоборотъ, дѣло столицъ продолжаетъ образованная ими же аристократія, которая ихъ переживаетъ. Въ сущности, все относительно, и подъ словомъ столица, когда рѣчь идетъ о лѣсахъ старой Германіи или о первобытномъ Лаціумѣ, слѣдуетъ разумѣть всякое мѣстечко, болѣе крупное, чѣмъ сосѣднія деревни. Тамъ всегда зарождается и образуется патріархатъ. Со своей обычной глубиной, Нибуръ отнесъ главную внутреннюю борьбу римской исторіи, борьбу плебеевъ съ патриціями, насчетъ различія между Римомъ-городомъ и Римомъ-деревней, которое и послужило источникомъ этой борьбы. Такая борьба, собственно, составляетъ сущность всякой исторіи. Каждый день передъ нашими глазами обостряется тотъ конфликтъ, который является ея послѣдней формой, это—состязаніе на выборахъ между крестьяниномъ и рабочимъ. Ея основаніе заключается въ человѣческомъ организмѣ, мускулы котораго, лучше питаемые деревенскою жизнью, соприкасаются съ нервами, которые городская жизнь развиваетъ до крайности.

дни своего величія блистаетъ геніальностью, роскошью, великодушіемъ, храбростью, любезностью, предприимчивостью, она покупаетъ эти блестящія качества дорогой цѣной безумія, преступленія, самоубійствъ, дуэли, незаконныхъ рожденій, всевозможныхъ пороковъ и болѣзней. Столица не менѣе роскошна, не менѣе тлетворна, не менѣе геніальна и пристрастна къ новизнѣ: она проявляетъ тотъ же эгоизмъ и ту же дерзость, она глубокимъ презрѣніемъ платитъ провинціи за ея глубокой восторгъ передъ нею и относится къ пей такъ же, какъ дворянство относилось когда-то къ простонародью, съ удовольствіемъ оплачивавшему его долги и его капризы; она страдаетъ меньшей рождаемостью и усиленной смертностью, и, благодаря язвамъ, которыя ее точатъ: туберкулезу, сифилису, алкоголизму, нищенству, проституціи, она неизбѣжно погибла бы, если бы, какъ и всякая существующая аристократія, не обновлялась притокомъ новыхъ элементовъ¹⁾.

Она поддерживается иммиграціей, какъ римскій патріархатъ—усыновленіемъ. Такимъ образомъ, современный моралистъ, чтобы предсказать, какова

¹⁾ Какъ дворянство стараго порядка, современная столица осталась хранительницей дуэли. Въ моей статьѣ по этому поводу, я пытался доказать, что дуэль стала, главнымъ образомъ, городскимъ явленіемъ и что безъ большихъ городовъ этотъ предразсудокъ исчезъ бы очень быстро. Съ 1880 до 1889 года изъ 598 рублей, внесенныхъ въ ежегодникъ Ferreus, 491, по моимъ расчетамъ,—парижскаго происхожденія; остальные 107 ведутъ происхожденіе изъ Марсели, Пима, Ліона, Лиможа и т. д., не существуетъ, такъ сказать, сельской дуэли, какъ будто потому, что сельская честь слишкомъ мизерна, чтобы заслуживать обращенія оружія противъ ея нарушителя. Преобладающая форма городской дуэли — литературная, довольно, поэтому, безобидная.

будетъ мораль будущаго, долженъ имѣть въ виду примѣры большихъ городовъ, какъ прежній моральность вполнѣ основательно изучалъ то, что происходило въ жизни дворовъ, салоновъ и замковъ.

III. Посмотримъ, какое отношеніе къ нашему предмету имѣетъ все сказанное. Какъ это ни странно, есть очень серьезныя основанія утверждать, что современные пороки и преступленія, гнѣздящіеся въ низшихъ слояхъ общества, проникли туда съ верховъ его.

Во всякомъ зарождающемся или возрождающемся обществѣ, когда производство вина рѣдко и затруднительно, пьянство сначала бываетъ лишь королевской роскошью, а потомъ аристократической привилегіей. Короли Гомера пьянствовали, навѣрное, больше, чѣмъ ихъ подданные, вожди мервинговъ—больше, чѣмъ ихъ вассалы; средневѣковые сеньоры—больше, чѣмъ ихъ крѣпостные.

Еще въ XVI вѣкѣ, въ Германіи, «извѣстная автобіографія рыцаря Швейнихена доказываетъ, что самое грубое пьянство не считалось позорнымъ для лица знатнаго происхожденія». Онъ рассказываетъ, какъ вещь самую обыкновенную, что три первыя ночи послѣ свадьбы онъ ложился въ постель совершенно пьянымъ, какъ и всѣ новобрачные ¹⁾.

Привычка курить,—такая распространенная теперь во всякой средѣ, можетъ быть, даже больше распространенная среди народа, чѣмъ среди привилегированныхъ классовъ, гдѣ начинаютъ уже противъ нея бороться, развилась такимъ же обра-

¹⁾ *Recherches sur divers sujets d'économie politique*, par Roscher.

зомъ. Яковъ I Англійскій, сообщаетъ Роше, обложилъ табакъ въ 1604 году очень высокимъ налогомъ, «потому что, гласить законъ, низшіе классы, зараженные примѣромъ высшихъ, портятъ себѣ здоровье, оскверняютъ воздухъ и заражаютъ почву ¹⁾).

Невѣріе массъ, кое-гдѣ составляющее контрастъ съ относительной религіозностью послѣднихъ отпрысковъ старой аристократіи, происходитъ, тѣмъ не менѣе, отъ послѣдней. Бродяжничество въ тысячахъ современныхъ видовъ—порокъ главнымъ образомъ плебейскій; но, заглянувъ въ прошлое, мы увидимъ, что не ошибаемся, если будемъ считать предшественниками нашихъ бродягъ и бродячихъ музыкантовъ благородныхъ пилигриммовъ и менестрелей среднихъ вѣковъ. Браконьерство, другой разсадникъ преступленія, игравшаго въ прежніе вѣка вмѣстѣ съ контрабандой роль, подобную роли современнаго бродяжничества, еще болѣе непосредственно связано съ жизнью сеньеровъ. Въ «Старомъ порядкѣ» Тэна указано значеніе браконьерства въ XVIII вѣкѣ во всѣхъ мѣстныхъ земляхъ. Это значеніе объясняется, несомнѣнно, тѣмъ, что охота была привилегіей феодаловъ, и бѣднякъ, съ оживленіемъ, смѣлостью и невѣроятнымъ увлеченіемъ принимавшій въ ней участіе, стремился къ ней не столько изъ бѣдности, сколько изъ смутнаго представленія, что охота его нѣкоторымъ образомъ облагораживаетъ.

Существовали браконьерскія предпріятія по примѣру большихъ королевскихъ охотъ; браконьеры,

¹⁾ При дворѣ Людовика XIII курили трубки. См. Quicherat, *Histoire du Costum*, p. 478.

тъ числѣ отъ 25 до 50 человекъ, обмѣливались смертельными ружейными выстрѣлами со стрѣлками охраны и учились, такимъ образомъ, разбою.

Отравленіе стало теперь преступленіемъ нещадь¹⁾; а въ XVII вѣкѣ оно еще было преступленіемъ высшихъ классовъ, какъ доказываетъ эпидемія отравленій, свирѣпствовавшая при дворѣ Людовика XIV, отъ 1670 до 1680 г., вслѣдствіе яда какого-то яда итальянцемъ Exili. Маркиза Бренвиллье — по прямой линіи прародительница Локусть изъ простонародія въ нашихъ деревняхъ. За столомъ всѣхъ прежнихъ королей, а затѣмъ и главныхъ сенаторовъ, въ средніе вѣка, вплоть до XVI вѣка, утвердился обычай не подносить хозяину ни одного блюда, не попробовавъ его раньше, изъ страха, не отравлено ли оно. Эта черта доказываетъ, насколько часто практиковалось это преступленіе при дворахъ и замкахъ, особенно въ Италіи. Въ средніе вѣка Италія была образцомъ для націй.

Обычное въ средніе вѣка убійство черезъ наемныхъ убійцъ и такъ-называемыхъ *bravi*, очень распространенное въ Италіи и Германіи, не было ли переходной фазой, которую оно должно было пройти, спускаясь изъ верхнихъ слоевъ общества въ нижніе?

Возможность убивать, изъ которой вывели потомъ право убивать, было во всякомъ первобытномъ обществѣ отличительной привилегіей высшихъ классовъ. *Великіе дни Оверни*, какъ бы ни были

¹⁾ Есть исключенія изъ этого правила; таково, напримѣръ, драматическое дѣло *Ain Fezza*, разборъ котораго заканчивается теперь, когда я исправляю корректурный листъ этой страницы.

они прекрасны въ превосходномъ разсказѣ Flechier, достаточно ясно доказываютъ, каковы были тенденции дворянства въ остальныхъ странахъ ¹⁾).

Очень поучительна эволюція политическаго убійства.

Были времена, когда короли и главы республикъ убивали собственноручно, Клавдій, напримѣръ.

¹⁾ Не только въ Оверни (Auvergne), но и во многихъ другихъ провинціяхъ собирались эти страшные суды; противъ кого же были направлены ихъ удары? Противъ бандитовъ изъ дворянства. Въ наше время исключительные суды учреждались, какъ это было въ 1810 г., для борьбы съ грабителями изъ самыхъ низшихъ слоевъ общества. Въ XVI вѣкѣ, во время религиозныхъ войнъ, короли, королевы, принцы, крупные собственники, дворяне, слѣдовательно, всѣ «порядочные» люди, считали себя въ правѣ убить сраженнаго врага не только на дуэли, но и убить его просто, изъ мести, изъ самолюбія, иногда даже изъ жадности (см. *Duels de Guise*, par Fougereon). По обилію дерзкихъ убійствъ прославился, напримѣръ, баронъ Витто, котораго сама кроткая Маргарита Валуа отправилась навѣстить въ монастырь Аггустинцевъ, чтобы поручить ему убить дю Гуаета, фаворита короля, который ее оскорблялъ. Филиппъ II награждалъ своихъ наемныхъ убійцъ орденами и чинами. Вареоломеевская ночь — просто одна изъ наиболѣе извѣстныхъ кровавыхъ оргій этого времени. Чѣмъ больше мы углубляемся въ прошлое, тѣмъ больше нравы сливокъ общества, я не говорю уже о подонкахъ его въ обыкновенное время, всюду напоминаютъ нравы корсиканскихъ и сицилійскихъ бандитовъ нашего времени. Прибавимъ, правда, что чрезмѣрное количество убійствъ на дуэли или убійствъ обыкновенныхъ во многихъ случаяхъ (очень трудно опредѣлить границу между убійствомъ и убійствомъ на дуэли) совершенныхъ въ XVI вѣкѣ и во дни фронды еще аристократіей, въ значительной мѣрѣ зависѣло отъ монополіи права носить шпагу, которая для нея оказывалась фатальной. При старомъ порядкѣ многіе дворяне, какъ наши корсиканцы, убивали изъ привычки носить оружіе, такъ что, когда при второй имперіи имъ это было запрещено, то преступность ихъ уменьшилась на три четверти. Къ привычкамъ носить оружіе присоединилась еще привычка ѣздить верхомъ по улицамъ, исчезнувшая лишь около конца XVI вѣка; она такъ же (см. Voltaire) имѣла большое вліяніе на убійства.

Мало того, они убивали преимущественно своихъ ближайшихъ родственниковъ; отцеубійство, братоубійство, *женоубійство*, дѣтоубійство, совершаемыя кровнокровно à la Тропманъ, были спеціальною меровинговъ, какъ можно видѣть изъ каждой страницы Григорія Тура. Позднѣе принцы убивали черезъ наемныхъ убійць; доказательства этого имѣются въ архивахъ Венеціи. Lamansky, который пользовался ими ¹⁾, нашелъ тамъ, отъ 1415 до 1768 года, болѣе ста постановленій Совѣта Десяти, относящихся къ подобнаго рода порученіямъ. Вотъ, наудачу, одинъ образецъ: «1448 г. 5 сентября. Совѣтъ Десяти поручаетъ Лоренцо Миньо найти какое-нибудь лицо, которому онъ могъ бы предложить убить графа Франческо (Сфорца) и которому, послѣ приведенія этого въ исполненіе, онъ можетъ обѣщати отъ 10-ти до 20 ти тысячъ дукатовъ» ²⁾.

Наконецъ, наступаетъ время (и повсюду, къ счастью, раньше, чѣмъ въ Венеціи), когда государственные люди начали краснѣть за подобныя поступки; въ это время царубійства и убійства тирановъ уже по собственному почину совершаются возбужденной толпой.

Нужно замѣтить, что сильное увеличеніе числа частныхъ убійствъ, насколько можно судить о прошломъ, не имѣя статистическихъ данныхъ, сдѣдало непосредственно за вспышками внѣшнихъ или междоусобныхъ войнъ, т.-е. послѣ крупныхъ злоупотребленій официальнымъ убійствомъ въ пользу

¹⁾ *Revue historique*, сент.-окт. 1882 г. См. статью *Assassinat politique à Venise*.

²⁾ Жанъ-Мари Висконти пользовался убійцами иного рода: онъ травилъ собаками миланскихъ буржуа.

государства. Не будетъ ли умѣстно предположить, что жестокость древнихъ карательныхъ мѣръ, такихъ кровопролитныхъ, служила ужаснымъ примѣромъ, торжественно преподаваемымъ высшими классами общества жестокимъ людямъ, и что излишества при публичномъ преслѣдованіи преступлений могли только еще болѣе разжечь и частную месть?

Поджогъ — это преступленіе низшихъ классовъ нашего времени — былъ преимуществомъ феодаловъ.

«Развѣ не извѣстно, что маркграфъ Бранденбургскій хвалился однажды, что втеченіе своей жизни сжегъ 170 деревень?» ¹⁾

Чеканка фальшивыхъ монетъ производится теперь въ какихъ-нибудь горныхъ вертепахъ и городскихъ подвалахъ, но раньше она долго была монополіей королей. Правительство ограничивается теперь распусканіемъ фальшивыхъ слуховъ. Презираемое теперь воровство имѣло блестящее прошлое. Montaigne, безъ особаго негодованія, сообщаетъ, что многіе изъ его знакомыхъ молодыхъ дворянъ, которымъ родители давали слишкомъ мало денегъ, пополняли свои ресурсы воровствомъ. Зачѣмъ имъ было особенно стѣсняться, когда, въ ту же эпоху, король Генрихъ III разорялъ и облагалъ данью по своему усмотрѣнію парижскихъ купцовъ; когда было въ обычаѣ, даже среди самыхъ дисциплинированныхъ войскъ, разорять захваченные города и вымогать огромные выкупы за военнопленныхъ, взятыхъ при помощи засады и измѣнъ, даже при

¹⁾ *L'Allemagne à les fin du moyen age*, par Jean Janssen, франц. пер. 1887 г.

междоусобныхъ войнахъ? Лишеніе свободы ¹⁾, еще недавно практиковавшееся разбойниками Сициліи, очень походить на этотъ приѣмъ вымогательства, какъ *abigeato* (угонъ скота) напоминаетъ военные набѣги — *razzia*.

Въ одной изъ нѣмецкихъ народныхъ пѣсенокъ XVI вѣка, сообщенныхъ Янсеномъ (*Janssen*), говорится, что «разбой дворянства нестерпимъ», что дворяне считаютъ воровство «почетнымъ занятіемъ» и что доходить до того, что разбою обучаются такъ же, какъ «обучаютъ грамотъ людей». Вернеръ Ролесвинкъ (*Werner Roleswinck*) даетъ намъ нѣсколько подробностей относительно того, какъ воровали молодые дворяне въ Вестфаліи (1487).

Когда они отправлялись въ деревню, то пѣли на простонародномъ нарѣчій ихъ страны: «Будемъ разорять и грабить безъ пощады! Лучшие люди страны умѣютъ хорошо это дѣлать».

Тѣ же нравы, въ менѣе вопіющихъ, но болѣе коварныхъ формахъ, приписываютъ, какъ и подобаетъ, легистамъ; здѣсь чувствуется разница между грабительствомъ городскимъ и сельскимъ. Во всѣхъ планахъ германской реформы XV вѣка говорится о «разбоѣ дворянства». Хроникеръ той же эпохи говоритъ, что, благодаря рыцарямъ-грабителямъ, дороги не безопасны. Гетцъ фонъ-Берлихингенъ и Франкъ фонъ - Зикингенъ — блестящія воплощенія аристократическаго грабительства XV вѣка.

¹⁾ Въ одномъ уголовномъ процессѣ, о которомъ сообщилъ мнѣ одинъ уважаемый археологъ, виконтъ de Gérard, разбиравшемся въ 1653—1654 годахъ въ сарлатскомъ судѣ, одинъ изъ потерпѣвшихъ цѣлыхъ 8 дней содержался въ подземной темницѣ въ цѣпкѣ нѣкоего М... на хлѣбъ и на водѣ, и былъ освобожденъ только послѣ уплаты крупной суммы.

Въ Италіи наблюдается тоже нѣчто подобное помѣщики грабятъ и требуютъ выкупа съ путешественниковъ, купцовъ и судохозяевъ. Франція въ этомъ отношеніи имѣетъ нѣкоторыя преимущества, наше дворянство и особенно наши короли, кромѣ исключеній, особенно размножавшихся, благодаря вліянію Италіи въ XVI вѣкѣ, отличаются среди остальныхъ замѣчательной кротостью и великодушіемъ. Правда, наши короли не брезгали произвольной конфискаціей имуществъ, и наши дворяне, даже въ XVII вѣкѣ, если судить по многочисленнымъ литературнымъ примѣрамъ того времени, имѣли очень растяжимыя понятія о деликатности.

Въ *Bourgeois gentilhomme* Дорантъ (Dorante), представляющій собой типъ эlegantнаго кавалера, моднаго щеголя, совершаетъ настоящее злоупотребленіе довѣріемъ въ ущербъ Журдену; онъ обязывается, отъ имени послѣдняго, снести Дорименѣ драгоцѣнный бриліантъ (довольно странное, впрочемъ, порученіе) и даетъ ей его отъ своего имени.

Вотъ маленькая продѣлка, которая въ то время не казалась предосудительной для придворнаго. И однако же, извѣстно, какимъ хорошимъ царедворцемъ былъ Мольеръ. Въ мемуарахъ Рошфора есть черта, доказывающая, что важные сеньоры времени Франціи дѣлали забаву не изъ убійства только, но и изъ воровства. Однажды, рассказываетъ онъ, былъ онъ въ веселой компаніи, «предложили пойти грабить на Pont Neuf: это развлеченіе ввелъ тогда въ моду герцогъ Орлеанскій». Рошфоръ говоритъ, однако, что онъ лично чувствовалъ къ нему нѣкоторое отвращеніе, тѣмъ не менѣе онъ наблюдалъ за ходомъ дѣла, забравшись на бронзоваго коня.

Остальные принялись хватать прохожихъ и забрали 4 или 5 штукъ плащей. «Но одинъ изъ ограбленныхъ на насъ донесъ, явилась полиція, и шефъ паши разбѣжались».

И подумать только, что послѣдніе потомки этихъ феодальныхъ карманниковъ стали теперь чистѣйшими представителями чести и гордости Франціи! Могло ли бы это случиться, если бы наслѣдственность была главнымъ «факторомъ» въ дѣлѣ нравственности? Кромѣ того, всюду въ Европѣ существовало право казны на пользованіе наслѣдствомъ иностранца, что было уже настоящимъ правомъ грабежа въ пользу сенъоровъ и въ ущербъ потерпѣвшимъ кораблекрушеніе у ихъ береговъ. Это распространеніе сверху въ нижніе слои общества одинаково присуще какъ городской, такъ и сельской преступности. Когда въ такой странѣ, какъ Сицилія, мы видимъ процвѣтаніе сельскаго грабительства, причемъ представители его постоянно вербуются изъ низшихъ земледѣльческихъ классовъ, мы можемъ быть увѣрены, что въ минувшую эпоху высшіе земледѣльческіе классы, которые теперь ограничиваются лишь покровительствомъ этому дерзкому грабительству, занимались имъ когда-то сами.

Точно такъ же, когда шайка взбунтовавшихся злодѣевъ терроризируетъ столицу и держитъ въ страхѣ правительство, то нужно вспомнить, что въ свое время государственные люди не стыдились пускаться въ ходъ рѣзню и вымогательство, противъ которыхъ они теперь принимаютъ мѣры репрессій ¹⁾.

¹⁾ По поводу исторіи испанской литературы Brunettière (*Revue des Deux Mondes*, мартъ 1891) замѣчаетъ, что рыцарскій романъ

Мнѣ нѣтъ надобности, въ концѣ-концовъ, напоминать, что во всеѣ эпохи ихъ благоденствія дворянъ монарховъ и аристократовъ, какъ теперь столица, были для остальной націи школами прелюбодѣянія, самовластиа и нравственной распущенности. Все преступленія противъ нравственности имѣютъ причиною примѣры, идущіе съ верховъ общества.

Изнасилованіе считалось еще большимъ, чѣмъ грабежъ, убійство и поджогъ, развлеченіемъ для военныхъ и правящихъ классовъ, когда городъ или замокъ брался приступомъ и тотчасъ же разорялся. Brantam весело рассказываетъ объ этихъ ужасныхъ оргіяхъ.

А сколько преступныхъ посягательствъ, совершенныхъ въ мирное время въ сферѣ промышленнаго и земледѣльческаго населенія, породилъ военный обычай насиловать и грабить въ военное время, считавшійся какъ бы правомъ войны?

Изъ всего этого вовсе не слѣдуетъ, что было время, даже въ эпохи самыя варварскія, когда убійство, воровство, изнасилованіе и поджигательство были исключительной монополіей высшихъ

былъ отцомъ уголовного романа, посвященнаго подвигамъ разбойниковъ и мошенниковъ. Отъ Амадиса до Картуша и Мадрена буквально одинъ шагъ. Развѣ эти послѣдніе не «странствующие рыцари» въ своемъ родѣ? Нельзя ли сказать, что по мѣрѣ того, какъ общество складывается, организуется и упорядочивается, лица, которые въ прошломъ были бы рыцарями, превращаются въ настоящихъ мошенниковъ? Не играетъ ли здѣсь роли своеобразный взглядъ на возможность, не ударяя палецъ о палецъ и не имѣя полушки, жить на дворянскую ногу,—какъ на своего рода *point d'honneur*? Въ наше время такое *point d'honneur* легко приводитъ къ тюрьмѣ и каторгѣ. Исторія говоритъ намъ о временахъ Карла V, когда такой взглядъ приводилъ къ завоеванію Мексики или Перу.

словитъ націи; но это доказываетъ, что когда человекъ, принадлежащій къ низшимъ слоямъ, оказывается убійцей, воромъ, stuprator'омъ или подражателемъ, онъ выгодно отличается отъ другихъ, благодаря внушаемому имъ ужасу,—въ нѣкоторомъ отношеніи облагораживался и, такъ сказать, со взломомъ входилъ въ правящіе круги. Во время варварства, т. е. общественной неурядицы, раздробленности и хронической враждебности, всякій дѣятельный, предприимчивый и отважный человекъ стремится сдѣлаться главой шайки, какъ въ эпоху мира и тѣсной общей жизни онъ хочетъ быть *главой дома*. Затѣмъ, если его преступный промыселъ имѣетъ успѣхъ, онъ уже хочетъ заставить величать себя королемъ, какъ это сдѣлалъ каламбрійскій разбойникъ Марконъ, провозгласившій себя въ 1560 году королемъ. Этотъ фактъ, часто наблюдаемый въ Италіи, можетъ отчасти служить объясненіемъ происхожденія не только христіанскаго, но и всякаго другого феодализма, на примѣръ, греческаго и индусскаго ¹⁾).

¹⁾ Не забудемъ, однако, что это зараженіе преступностью отъ аристократіи всегда вознаграждалось и, по большей части, съ избыткомъ, въ особенности же въ XVIII вѣкѣ, ея благотворнымъ вліяніемъ. Особый характеръ какъ добродѣтелей, такъ и пороковъ народа ведетъ свое начало отъ прежнихъ вождей. Если чувство рыцарской чести вульгаризовалось во Франціи, гдѣ оно выражается въ частыхъ дуэляхъ, если высокомерная гордость и независимость характеризуютъ теперь испанца, а энергія и любовь къ свободѣ—англичанина, то это не простой только вопросъ расы: позволительно видѣть въ этомъ результатъ вѣкового вліянія аристократіи на всѣ эти націи. Ясно, что, изъ подражанія когда-то правившимъ классамъ, всякій испанецъ хочетъ быть гвидальго и самый послѣдній французскій плебей дерзаетъ теперь на дуэли. Прежде поединокъ былъ аристократической привилегіей, какъ и рыцарская честь.

«Маленькіе (итальянскіе) государи, начавшіе съ какого-нибудь разбойничьяго подвига (рѣчь идетъ о XV вѣкѣ), очень многочисленны и отличаются жестокостью», говоритъ Gehbart. Развѣ эта преступная жестокость правящихъ классовъ въ Италиі въ XV и XVI вѣкахъ не могла способствовать объясненію печальнаго факта распространенности кровавой преступности среди современнаго итальянскаго народа? И не обязаны ли французы своей меньшей склонностью къ убійству относительно мягкому характеру своихъ предковъ?

IV. Если преступления распространялись некогда отъ высшихъ классовъ къ низшимъ, какъ и всѣ продукты промышленности, всѣ хорошія и дурныя понятія, и если дворянство въ эти далекія времена привлекало къ себѣ грубые и преступные элементы народа, то теперь можно видѣть, какъ преступленіе распространяется отъ большихъ городовъ въ деревни, отъ столицъ въ провинціи и какъ столицы и большіе города съ непреодолимой силой притягиваютъ къ себѣ всѣхъ выброшенныхъ за бортъ общественной жизни и деревенскихъ, и провинціальныхъ негодяевъ, которые стремятся туда съ цѣлью цивилизоваться, конечно, на свой ладь,—новый родъ облагораживанія ¹⁾).

¹⁾ Замѣтимъ мимоходомъ, что замѣна аристократіи столицами, этими социальными вершинами, предназначенными для того, чтобы распространить всевозможныя теченія подражанія, согласно закону ихъ пути сверху внизъ, само, быть можетъ, явилось результатомъ этого закона. Эмиграція изъ деревень въ города, давшая преобладающее населеніе большимъ центрамъ, можетъ быть, случайно соответствуетъ эмиграціи сельской аристократіи ко двору при старомъ порядкѣ. При Генрихѣ IV, какъ видно изъ книги Оливье де-Серра, французское дворянство про-

На нѣкоторое время этотъ фактъ выгоденъ для провинціи, она очищается, благодаря этой эмиграціи, и переживаетъ эру относительнаго спокойствія: никогда, быть можетъ, деревни и села не имѣли меньшихъ основаній бояться убійства и вооруженнаго грабежа, чѣмъ теперь. Но, къ несчастью, привлекательность большихъ городовъ для преступниковъ тѣсно связана съ ихъ вліяніемъ на остальную націю и съ обаятельнымъ могуществомъ ихъ примѣра во всемъ. Поэтому есть основанія опасаться, что выгода этого улучшенія провинціи недолговѣчна. Столицы передаютъ провинціи не только ихъ политическіе и литературные вкусы, ихъ умъ или глупости, покрой ихъ платья, фасонъ ихъ шляпъ и ихъ акцентъ, но еще и свои пороки

живало на своихъ земляхъ. Со времянъ Людовика XIII начинается центростремительное движеніе крупныхъ сановниковъ ко двору. Оно не безъ основанія осуждалось, но, осуждая его, всѣ и всюду безсознательно ему подражали. Мелкое дворянство, не имѣвшее возможности жить при дворѣ, вознаграждало себя за эту невозможность, концентрируясь въ сосѣдствѣ съ болѣе или менѣе большими городами, гдѣ оно копировало этикетъ и развлечения двора, или же собиралось въ наиболѣе богатомъ и гостепріимномъ замкѣ — миниатюрѣ и слѣлкѣ Версаля. Въ то же время богатые буржуа, финансисты нѣжились при парижскомъ дворѣ или вокругъ провинціальной аристократіи въ каждомъ изъ маленькихъ Сень-Жерменскихъ предмѣстій, въ которыхъ находилась большая часть французскихъ городовъ. (См. *La villesous l'ancien régime*, par Vabean). Наконецъ, рабочіе и даже крестьяне стали смотрѣть на городъ, какъ прежняя деревенская аристократія смотрѣла на дворъ. Дворъ былъ для послѣднихъ обѣтованнымъ раемъ, землей, по преимуществу изобиливающей доходными мѣстами и тонкими пріятными развлечениями; и именно благодаря такому очень долго господствовавшему убѣжденію, городъ сталъ понемногу для нашихъ хлѣбопашцевъ земнымъ раемъ, мѣстомъ, гдѣ можно ничего не дѣлать и имѣть средства, и пользоваться всеми наслажденіями.

и преступленія. Покушеніе на невинность дѣтей — преступленіе преимущественно городское, каѣъ показывается карта этого рода преступности: на ней можно видѣть, какъ, распространяясь, оно образуетъ грязное пятно вокругъ большихъ городовъ. Каждая разновидность убійства и воровства, придуманная гениемъ зла, прежде чѣмъ распространиться по всей Франціи, рождается или насаждается въ Парижѣ, Марсели, Ліонѣ и проч. Рядъ труповъ, разрѣзанныхъ на куски, фигурировалъ впервые въ 1876 г. въ дѣлѣ Биллуара; долгое время это разрѣзываніе труповъ локализовалось въ Парижѣ, Тулузѣ и Марсели, но потомъ перешло въ *Loir et Cher*, въ *Eure et Loir* ¹⁾.

Женская выдумка обливать купоросомъ лицо любовника—чисто-парижскаго происхожденія. Честь этого изобрѣтенія принадлежитъ вдовѣ Грасъ и относится къ 1875 году; я знаю деревни, гдѣ этотъ посѣвъ далъ богатую жатву и гдѣ крестьянки упражняются въ обливаніи купоросомъ ²⁾.

Въ 1881 году молодая актриса Клотильда У... въ Ниццѣ обливаетъ купоросомъ своего любовника. Когда ее спросили, съ какихъ поръ ей пришла въ голову мысль о мщеніи, она отвѣтила:

¹⁾ (См. *Contagion du meurtre* д-ра Aubry, ст. 137 и слѣд.). Въ Англии и даже по Франціи у Биллуара были предшественники, но онъ о нихъ, вѣроятно, не зналъ. Имя англійскаго Биллуара—Greenaer, ему предшествовали Теодоръ Гардель и Catherine Hayes. (См. *Les Causes célèbres de l'Angleterre* par Lewis, 1884). См. также *Derescage criminel*, Rayoux, съ примѣчаніями и комментаріями Лакассаня.

²⁾ Благодаря пеловкому движенію руки, случалось иногда, что онѣ обезображивали сами себя, обливъ купоросомъ собственное лицо.

«Въ тотъ день, какъ я прочла въ одномъ парижскомъ журналѣ статью о женской мстительности» 1).

Другимъ орудіемъ женской мести служить револьверъ: вслѣдъ за появленіемъ его въ одномъ громкомъ процессѣ въ Парижѣ послѣдовалъ аналогичный выстрѣлъ въ Оксеррѣ 2).

Въ 1825 году, въ Парижѣ, Генриетта Корнье совершила жестокое убійство ввѣреннаго ей ребенка; черезъ нѣкоторое время другія няньки послѣдовали непреодолимому влеченію перерѣзать горло дѣтямъ своихъ хозяевъ, безъ всякаго для того повода. Нѣтъ ни одного примѣра мошенничества, фигурирующаго на деревенскихъ ярмаркахъ, который не появился бы прежде всего на парижскомъ тротуарѣ. Послѣ дѣлъ Пранцини и Брадо,—говоритъ д-ръ Corge (Crime et suicide),—было нѣсколько попытокъ произвести то же самое надъ публичными женщинами. Но существуетъ и болѣе разительный примѣръ совершенія преступленія вслѣдствіе внушенія и подѣ влияніемъ подражанія, чѣмъ серія изувѣченій женщинъ, начавшаяся въ сентябрѣ 1888 года въ Лондонѣ въ Уайтчепельскомъ кварталѣ. Никогда, быть можетъ, пагубное вліяніе «Смѣси» въ журналахъ не проявлялось съ большей очевидностью. Журналы были наполнены описаніями подвиговъ Джека - потрошителя, и меньше, чѣмъ въ годъ, совершилось около 8 совершенно тождественныхъ преступленій на различныхъ модныхъ улицахъ въ самомъ центрѣ города. Но

1) Paul Aubry, op. cit.

2) Дѣло Clovis Hugues, послѣдовавшее за дѣломъ Francey.

это еще не все. Подобное же явление продолжается въ столицы и вскорѣ отзывается даже за границей: въ Сутамптонѣ — изувѣченіе ребенка; въ Бреффортѣ — жестокое изувѣченіе другого; въ Гамбургѣ — убійство маленькой дѣвочки съ извлеченіемъ внутренностей; въ Соединенныхъ Штатахъ — вспарываніе живота у 4 негровъ (Бирмингамъ) и вспарываніе живота и изувѣченіе одной мулатки (Мильвиль); въ Гондурасѣ — вспарываніе живота и т. д. Вслѣдъ за преступленіемъ Гуффе почти тотчасъ же совершается такое же преступленіе въ Копенгагенѣ... Заразныя эпидеміи переносятся съ тучами и вѣтромъ, эпидемія преступленій передается по телеграфу.

Правда, глядя на карту французской преступности, мнѣ могутъ возразить, что и на большомъ разстояніи отъ крупныхъ центровъ многія сельскія мѣстности идутъ по пути увеличенія преступности. Но изучимъ подробнѣе эту карту, присмотримся къ деталямъ—и, вмѣсто того, чтобы уклониться отъ предыдущихъ соображеній, мы вынуждены будемъ къ нимъ вернуться.

Мы увидимъ, что примѣръ большихъ городовъ оказываетъ не только прямое вліяніе, но также, и даже въ большей степени, косвенное, подобно вліянію старинной аристократіи, распространившемуся, благодаря привлекательности ея наслажденій, роскоши и пороковъ, — этой прелюдіи и подготовки къ воспріятію заразы ея преступности. Большіе города привлекаютъ деревни, потому что послѣднія начали съ подражанія имъ во всемъ. Прогрессъ этого подражанія можно измѣрить прогрессомъ сельской эмиграціи, которая, почти

цѣликомъ, направляется въ Парижъ и другіе большіе центры.

Внутренняя и внѣшняя эмиграція къ центру все время увеличивается, въ то время какъ пропорція сельскаго населенія, въ сравненіи съ общей цифрой населенія, все уменьшается и меньше, чѣмъ въ 25 лѣтъ, спустилась съ $\frac{3}{4}$ до $\frac{2}{3}$.

Итакъ, кто говоритъ о переселеніи, почти всегда говоритъ о смѣшеніи классовъ; а когда люди оказываются внѣ рамокъ въ социальномъ отношеніи, то они не замедляютъ оказаться и внѣ закона. Въ 1876 году было высчитано, что на 100.000 французовъ, оставшихся у себя на мѣстѣ, было только 8 преступниковъ; на такое же число эмигрировавшихъ къ центру пришлось 29 преступниковъ; а на то же число иностранцевъ, проживающихъ во Франціи, ихъ пришлось уже 41.

Человѣкъ тѣмъ неосмотрительнѣе, чѣмъ больше онъ оторванъ отъ семьи и почвы. Когда онъ находитъ себѣ семью и отечество, онъ тотчасъ же становится лучше: «На сѣверѣ, напримѣръ, натурализовавшихся иностранцевъ вдвое или втрое больше, чѣмъ въ Дубсѣ, и преступность среди нихъ въ три или четыре раза слабѣе»¹⁾.

Это не все; примѣръ крупныхъ центровъ дѣйствуетъ не только на людей молодыхъ, дѣятельныхъ и предприимчивыхъ, которые туда стремятся; онъ затрогиваетъ и незамѣтно кладетъ глубокой отпечатокъ на людей семейныхъ; и если кто-нибудь изъ нихъ, при помощи разведенія виноградниковъ, или при помощи индустріи, или спекуляціи

¹⁾ См. *La France criminelle*, Henri Joly, стр. 61.

разбогатѣть и станеть на ноги, то первое употребленіе, которое онъ сдѣлаеть изъ своего богатства, будетъ состоять въ подражаніи какому нибудь парижанину, насколько это будетъ досажимо при его первобытной наивности; затѣмъ онъ будетъ увлекать этимъ неуклюжимъ и стѣнителнымъ подражаніемъ всѣхъ своихъ сосѣдей. Такимъ образомъ, въ *pendant* къ *Bourgeois gentilhommes* стараго режима и въ качествѣ слѣдующаго номера появляется *giguax — citadins*. Это — Парижъ въ карикатурѣ, появившійся среди деревни. Такъ бываетъ со всѣми слишкомъ быстро разбогатѣвшими винодѣлами въ Геро, скотоводами въ Нормандіи и выскочками коммерческаго міра, разсѣянными всюду.

V. Посмотримъ еще разъ на карту. Я не говорю о той ¹⁾, гдѣ каждый департаментъ окрашенъ соотвѣтственно числу обвиняемыхъ въ преступленіяхъ и проступкахъ, имѣвшихъ тамъ мѣсто, безъ различія между мѣстными обвиняемыми и подсудимыми и пришельцами со стороны, Joly оказалъ намъ услугу, составивъ карту ²⁾, гдѣ намѣчены различными красками соотвѣтствующія числа обвиняемыхъ въ преступленіяхъ и проступкахъ изъ мѣстнаго населенія департамента, привлеченныхъ къ слѣдствію какъ въ предѣлахъ, такъ и внѣ пре-

¹⁾ Напримѣръ, первая карта Ивернеса, приложенная къ *Compte général* 1888 года, и представляющая итоги. *Criminalité générale* за время отъ 1878 до 1887 года.

²⁾ Она приложена къ *France criminelle*, къ тексту 44 стр. Матеріалы онъ взялъ изъ второй карты Ивернеса, приложенной къ *Compte générale* 1887 г. Но эта послѣдняя ограничивается цѣлыми цифрами, не приведенными въ связь съ количествомъ населенія.

дѣловъ послѣдняго. Такимъ образомъ, онъ отнесъ къ каждому департаменту всѣ преступленія, совершенныя его обитателями, внѣ его или внутри его, и отмѣтилъ только эти преступленія; склонность каждаго департамента къ добру и злу, такимъ образомъ, ясно опредѣляется. Замѣчательно, что эта карта, являющаяся точнымъ и полнымъ отраженіемъ преступности каждаго департамента, выясняетъ также и точное распредѣленіе послѣдней по всей странѣ. Это уже не простая шахматная доска, какую собой представляли старыя карты; тутъ большія массы начинаютъ принимать извѣстную физіономію. Какъ кажется, департаменты, одинаково или близкіе по окраскѣ, группируются приблизительно на пространствѣ одного и того же бассейна рѣки. Бассейнъ Сены очень теменъ, Парижъ, эта большая черная точка, ясно выступаетъ, какъ фокусъ темныхъ лучей. Напротивъ, весь бассейнъ Луары почти весь чистаго бѣлаго цвѣта. Луара орошаетъ департаменты Аллье, Шеръ, Ньевръ, Луареть, Луаръ и Шеръ Индръ и Луару, Мэнъ и Луару, Нижнюю Луару. Кромѣ Луарета, окрашеннаго въ сѣрый цвѣтъ, несомнѣнно, благодаря Орлеану, всѣ эти департаменты отличаются своей относительной нравственностью. То же самое замѣчается по всему бассейну Шаренты, включая и Вандею. Я могъ бы сказать то же самое и о бассейнѣ Гаронны, если бы соѣдство Бордо не бросало черной тѣни на департаментъ Жиронды; удивительно, что Тулуза, — городъ, правда, неподвижный и преданный старымъ традиціямъ, — не вліяетъ на окраску Верхней Гаронны. Всѣ департаменты, орошаемые Сеной, бѣлы,

кромѣ перваго, пограничнаго, и, какъ такового, довольно темнаго. На границѣ двухъ государствъ происходитъ нѣчто вродѣ преступнаго эндосмоса и экзосмоса иммиграціи и эмиграціи подозрительныхъ личностей, что и выражается въ высокихъ цифрахъ общаго итога судебной статистики ¹⁾.

Наконецъ, даже бассейнъ Роны въ большей своей части, на лѣвомъ берегу, по крайней мѣрѣ, даетъ лишь свѣтлые оттѣнки. Разумѣется, нужно исключить департаменты, въ которыхъ находятся Лионъ и Марсель.

Намъ, впрочемъ, нечего удивляться, что одинъ и тотъ же уровень нравственности царитъ на одномъ и томъ же судоходномъ пути и въ прилегающей къ нему области. Не будемъ забывать, что рѣки были когда-то единственными путями сообщенія между морями, естественными проводниками заразительныхъ примѣровъ, и въ отношеніи обычаевъ, промышленности, модъ, такъ же, какъ и нравственности, онѣ постепенно уравнивали прибрежную землю²⁾. Я упоминаю объ этомъ изъ боязни, чтобы какой-нибудь приверженецъ «физическихъ факторовъ» не основывался ошибочно на этомъ квази-гидрографическомъ распредѣленіи преступности во Франціи. Но особаго вниманія заслуживаетъ фактъ благоприят-

¹⁾ Въ повышенной преступности этого странствующаго персонала виноватъ не только плохой подборъ: извѣстно, что, независимо отъ безнравственности, всякій меньше стѣняется убить или обокрасть чужеземца, въ средѣ котораго онъ живетъ, у котораго онъ даже гоститъ, чѣмъ своего соотечественника.

²⁾ Другой примѣръ: посмотрите внимательнѣе на первую карту *Atlas de statistique financière* 1889 года, относящуюся къ сбыту крѣпкихъ напитковъ,—вы увидите на ней, что тотъ же самый цвѣтъ простирается на бассейнъ Дуары, Дордоньи и Гаронны.

ного воздѣйствія, производимаго на нравственность земледѣльческимъ или полупромышленнымъ богатствомъ черноземной земли, богатствомъ стариннымъ и прочнымъ, рожденнымъ трудомъ и землей¹⁾.

Таково правило, и тѣмъ яснѣе выступаетъ такое крупное исключеніе, какъ бассейнъ Сены вокругъ Парижа, и особенно Нормандія; это же исключеніе выдаетъ, по крайней мѣрѣ, отчасти вліяніе столицы, точно такъ же, какъ, въ меньшихъ размѣрахъ, такіа исключенія, какъ Жиронда, Рона, устья Роны, выдаютъ вліяніе Бордо, Ліона и Марсея. Нормандія, самая старинная изъ французскихъ земель, раньше и упорнѣе всѣхъ отличалась преступностью, несмотря на то, что была одной изъ лучшихъ въ матеріальномъ отношеніи. Еще лучше, что наиболѣе бесплодныя части Эйра и Кальвадоса, какъ указалъ Жоли, на западѣ этихъ двухъ департаментовъ — наименѣе преступны; это, на первый взглядъ, опровергаетъ наше предыдущее замѣчаніе, но это прекрасно объясняется меньшимъ соприкосновеніемъ этихъ земель съ деморализирующими вліяніями, сказывающимися въ болѣе плодородныхъ участкахъ. Здѣсь примѣръ быстро разбогатѣвшаго, при помощи спекуляціи на скотѣ, сельскаго хозяина (потому что старшее лицо, которому подражаютъ — теперь лицо *наиболѣе богатое*, а современный богачъ и есть *разбогатѣвшій*) вызываетъ въ его ближнихъ,

¹⁾ Земли, быстро обогащающіяся, бываютъ лучше въ нравственномъ отношеніи, если ихъ богатство является плодомъ усиленнаго труда. Двадцать лѣтъ тому назадъ бретанскіе департаменты считались среди тридцати наиболѣе преступныхъ: теперь они находятся въ числѣ 30 наилучшихъ. Въ этотъ промежутокъ времени Бретань обратила на себя вниманіе прогрессомъ земледѣлія.

недовольныхъ своимъ подчиненнымъ положеніемъ, жалкое соревнованіе, выражающееся въ подражаніи его комфорту, жадности, пьянству, его мальтузіанской предусмотрительности. Вотъ два слѣдствія одной и той же причины: прогрессъ жадности и возрастающее стремленіе походить *per fas et ne fas* на тѣхъ, кто обогащается. Сравнимъ то, что тамъ происходитъ, съ тѣмъ, что дѣлается на противоположномъ концѣ Франціи, въ Геро. Съ 1860 года, то-есть съ того времени, какъ началось быстрое и легкое обогащеніе этого департамента, числившагося среди самыхъ свѣтлыхъ, онъ окрашивается все темнѣе и темнѣе, такъ что теперь уже принадлежитъ къ самымъ темнымъ.

Округъ Монпелье, больше другихъ разбогатѣвшій, въ то же время и самый испорченный; въ этомъ округѣ главнымъ полемъ преступной заразы служить портъ Сеттъ¹⁾, самый богатый и благоденствующій въ странѣ. «Можно сказать, что три четверти обитателей Геро состоятъ изъ лицъ, быстро и непонятно разбогатѣвшихъ». Какую же роль, скажутъ мнѣ, можетъ играть здѣсь вліяніе большихъ городовъ, и особенно Парижа? Вольшую, чѣмъ можно подумать²⁾; слишкомъ быстрое обогащеніе является своего рода высшей деклассаціей, не менѣе опасной, чѣмъ другая (низшая деклассація) какъ для лица деклассированнаго, такъ въ особенности и для публики. Значить, есть и такой видъ деклассированныхъ, какъ и многіе другіе виды; большой городъ,

1) Henri Joly., loc. cit.

2) Несомнѣнно, что имѣетъ значеніе и иммиграція иностран-ныхъ рабочихъ, и алкоголизмъ, какъ и при устьяхъ Роны.

или примѣръ большого города, ихъ привлекаетъ и ослѣпляетъ; особенно примѣръ Парижа, гдѣ деклассированные этого вида изобилуютъ, какъ нигдѣ больше, потому что нигдѣ спекуляція, зачастую мошеническая, не создастъ ни такого колоссальнаго, ни такого быстрого обогащенія.

Это не должно заставить насъ забыть постоянно преобладающаго участія обычая и традиціи, родительскихъ и наслѣдственныхъ примѣровъ, въ своеобразной окраскѣ, присущей проявленіямъ порочности и преступности каждой провинціи, даже самой *модернизированной*. Городскому пришельцу никогда не подражаютъ въ такой степенности, какъ своему собственному отцу, который, въ свою очередь, подражалъ сосѣднему помѣщику или клерку. Эти два вида подражанія вышшимъ нужно скомбинировать вмѣстѣ, чтобы получить почти полное представленіе о дѣйствительности. Въ Нормандіи преступность и безнравственность современныхъ крестьянъ поразительно напоминаютъ во многомъ неурядицы нормандскаго духовенства, чернаго и бѣлаго, какими представляетъ ихъ намъ съ такимъ высокимъ безпристрастіемъ архіепископъ Эдъ Риго ¹⁾.

Эти развеселые капитулы и монастыри, по которымъ водить насъ этотъ святой челоуѣкъ, больше заслуживали бы визита Рабле. Пьянство и сластолюбіе, изнѣженность и жестокость, смѣсъ эпикурейства со скупостью и алчности съ лѣнью, — являются здѣсь побудительными причинами всѣхъ прегрѣшеній. Тамъ всѣ игроки, всѣ сутаги мало мстительны для своего времени, и еще меньше гостепріимны и

¹⁾ *Regisrum visitationum archiepiscopi Rothomagensis*. Rouen, 1852.

милосердны. Въ существѣ дѣла, все до сихъ поръ осталось постарому, несмотря на' внѣшніи видоизмѣненія... Въмѣсто сидра и алкоголя, тогда опьянялись виномъ. Роскошь у монаховъ состояла въ томъ, чтобы носить рубашки и имѣть подушки и занавѣски изъ полосатой шелковой матеріи, а монахини носили пояса съ металлическими украшеніями. Мы ушли впередъ съ тѣхъ поръ. Монахи и монахини, по крайней мѣрѣ, до назначенія въ ихъ епархію благочестиваго епископа и въ началѣ его архипастырской дѣятельности, держали при себѣ своихъ незаконнорожденныхъ дѣтей, какъ и ихъ правнуки впослѣдствіи. Въ заключеніе нужно замѣтить, что епископъ Риго нигдѣ не нашелъ полнаго состава монаховъ; гдѣ нужно было быть 20 монахамъ, насчитывалось всего 12—15. Ясно, что настоятели изъ экономическихъ соображеній, въ высшей степени эгоистическихъ ¹⁾, стремились насколько возможно ограничить предѣлы ихъ духовной семьи, какъ нормандскіе отцы семействъ ограничиваютъ теперь предѣлы своихъ семей, по крайней мѣрѣ, законныхъ. Въ дѣйствительности монастырское мальтузіанство имѣетъ еще не мало аналогій съ настоящимъ мальтузіанствомъ и, подобно послѣднему, не мѣшаетъ увеличиваться количеству внѣбрачныхъ дѣтей. Я не останавливаюсь на многихъ другихъ сопоставленіяхъ подобнаго рода. Отсюда, повидимому, вытекаетъ, что отъ среднихъ вѣковъ до нашего времени нормандецъ остался такимъ же, какимъ онъ былъ созданъ, быть можетъ, по образцу и подобію

¹⁾ Этотъ расчетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно ясенъ; см. стр. 92.

господствовавших когда-то классовъ, вліяніе которыхъ сказывается еще и теперь подъ дѣйствіемъ новѣйшихъ образцовъ.

Во Франціи есть провинціи, гдѣ вліяніе послѣднихъ не играетъ никакой замѣтной роли. Департаменты центральнаго плоскогорія, преимущественно Лозеры, даютъ темную окраску, которая невыгодно противопоставляется общей бѣлизнѣ департаментовъ равнины. Нужно остерегаться смѣшивать преступность этихъ горныхъ мѣстностей, хранительницъ прежнихъ нравовъ, съ преступностью городскихъ участковъ. Подражаніе старшимъ проявляется тамъ въ старинной формѣ подражанія аристократіи или домашнимъ; религіозный, жестокій и мстительный отецъ, чаще всего браконьеръ, и въ этомъ отношеніи копія своихъ прежнихъ аристократическихъ властителей¹⁾—вотъ типъ, къ которому стремится приблизиться сынъ, и до извѣстной степени эта горная преступность, цѣломудренно-жестокая, вся состоящая изъ мести и гнѣва, можетъ считаться слѣдствіемъ и вульгаризаціей преступности феодаловъ, съ которой познакомили насъ великіе дни Оверна. Къ той же категоріи принадлежитъ и Корсика. Можно было бы включить сюда и Бретань до современнаго смягченія ея нравовъ. Но эта архаическая форма преступности замѣтно исчезаетъ и всюду, гдѣ мы видимъ на картѣ постепенное сгущеніе краски, мы можемъ быть увѣрены, что подражаніе деревенскимъ предкамъ замѣнилось тамъ подражаніемъ городскимъ пришельцамъ или сосѣ-

¹⁾ По замѣчанію Joly, Лозера, несмотря на небольшое число своихъ обитателей, насчитываетъ больше, чѣмъ всякій другой департаментъ, нарушеній правилъ охоты и рыбной ловли.

дямъ, живущимъ на городскую ногу. Если бы для всей такой большой страны, какъ Франція, можно было разложить сырой материалъ общей суммы статистическихъ цифръ на его составные элементы, реальные и живые, то было бы ясно, какъ очень удачно выразился Joly, что подъ этими цифрами въ дѣйствительности скрываются тысячи очаговъ незамѣтной вредной заразы или не менѣе глубоко спрятанныхъ благотворныхъ воздѣйствій, то вспыхивающихъ, то погасающихъ и здѣсь, и тамъ, по деревнямъ и селамъ. Повышеніе и пониженіе, констатируемая статистикой, суть только алгебраическія выраженія этихъ маленькихъ положительныхъ и отрицательныхъ величинъ. Тогда выяснилось бы значеніе подражанія высшимъ. Оказалось бы, что каждый изъ этихъ очаговъ преступности представляетъ собою социальную вершину положительнаго или отрицательнаго свойства, что каждый изъ нихъ сумѣлъ стяжать себѣ, дурно ли, хорошо ли, благополучіе и авторитетъ, которые ярко выступаютъ на фонѣ населенія, до тѣхъ поръ погруженнаго въ рутину своихъ традиціонныхъ пороковъ или добродѣтелей. вмѣстѣ съ тѣмъ не трудно было бы замѣтить, что если эти центры и кажутся самопроизвольно возникшими, то эта ихъ самопроизвольность призрачна. Даже совпаденіе и сходство ихъ возникновенія указываетъ, что они заимствовали свое пламя или первую искру у какого-нибудь центрального очага, который называется большимъ городомъ¹⁾.

¹⁾ Заразительное вліяніе Парижа очень замѣтно въ департаментѣ Крѣзь. Этотъ департаментъ, если считать только тѣ преступленія, которыя были совершены въ его предѣлахъ и его кореннымъ населеніемъ, отличается бѣлизной. Но если считать

VI. Изученіе преступности нашихъ большихъ городовъ особенно заслуживаетъ нашего вниманія, какъ наиболѣе надежный путь къ познанію будущей преступности государствъ. Уголовная статистика даетъ въ этомъ отношеніи неутѣшительныя свѣдѣнія. Во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ этимъ особенно огорчаться. Въ дѣйствительности столицы—еще только образующаяся аристократія, какъ показываетъ ихъ быстрый ростъ. Отъ 1836 года до 1866 населеніе Парижа увеличилось вдвое, въ то время какъ населеніе всей Франціи—лишь на одну восьмую.

Какъ всякая растущая аристократія, столицы имѣютъ свои лихорадочные періоды роста и съ жаромъ предаются мотовству и всяческому излишествамъ. Ихъ фатовская самоувѣренность развивается на ряду съ священнымъ благоговѣніемъ передъ ними провинціаловъ. Но всякая аристократія, уже установившаяся и возмужавшая, становится скромнѣе, и въ то время, какъ уменьшаются ея преимущества, обнаруживаются ея положительныя качества; ничто не можетъ сравниться съ очарованіемъ аристокра-

преступленія, совершенныя въ Парижѣ, т.-е. внѣ границъ департамента Крѣзь, тѣми каменщиками, которые періодически эмигрируютъ изъ него и которые, въ постоянно возрастающей пропорціи, сосредоточиваются въ Парижѣ, то этотъ департаментъ оказывается въ 47 разрядѣ уже съ 1865 г. и особенно съ 64-го года эти рабочіе утратили желаніе вернуться въ родную землю. Годовая цифра этихъ рабочихъ, арестованныхъ въ Парижѣ, въ промежуткѣ между 1860 и 1886 годами, поднялась съ 172 до 543. Для Верхней Віенны эта цифра за то же время поднялась съ 78 до 268; для Нижней Сены—съ 304 до 1.057; для Вавъ—съ 98 до 371 и т. д. О рещрозращеніи нравственной порчи, благодаря этой причинѣ, можно вѣрно судить, если принять къ свѣдѣнію, что только одна треть, или около того, парижскаго населенія родилась въ Парижѣ. (Обо всемъ этомъ см. Joly, op. c.)

тического общества, когда оно теряет свое могущество. Начиная съ Людовика XIV, французское дворянство и духовенство пали подъ игомъ королевской власти и сдѣлались образцомъ мягкихъ и мирныхъ нравовъ. Этому примѣру, разумѣется, подражали, какъ и ихъ вѣжливости, и это благотворное воздѣйствіе, погашающее большую часть моральнаго зла, которое можно было бы вмѣнить правящимъ классамъ прошлаго, намъ объясняетъ, быть можетъ, почему наканунѣ революціи французская преступность, не считая періодовъ голода и нищеты и исключая районы деморализированныхъ бичемъ банкротства, повидимому, была очень слабой. «Грабители и воры во Франціи становятся все болѣе и болѣе рѣдки въ XVIII вѣкѣ»; въ эту эпоху «безопасность большихъ дорогъ изумляетъ англійскихъ путешественниковъ», особенно Юнга (Jung) ¹⁾.

Такъ, быть можетъ, въ свое время будетъ со столицами, этими аристократами нашихъ дней, послѣ какого-нибудь побѣдоноснаго возстанія въ провинціи, потому что столицы, какъ и аристократія, безсознательно стремятся сдѣлать себя бесполезными или безвредными самой продолжительностью своего вліянія. Опустѣвшія, разрушенныя, безсильныя, но не развѣнчанныя, не лишеныя былого ореола, онѣ сохраняютъ гегемонію въ дѣлѣ искусства и вкуса и престижъ аристократизма, пережившій паденіе дворянства. Ихъ лучшій цвѣтъ — чистота эстетическаго вкуса сохранится за все время ихъ постепеннаго паденія. Такъ было съ Аѣинами, подпавшими подъ иго Римской имперіи; такъ было въ свою

¹⁾ Babeau *la vie rurale dans l'ancienne France.*

очередь съ Римомъ послѣ вторженія варваровъ. А пока нужно сознаться, что съ точки зрѣнія порочности и преступности столицы представляютъ собой печальное зрѣлище. Разумѣется, какъ замѣчаетъ въ ихъ пользу Майръ, въ своей статьѣ *Statistica e vita sociale*, въ ихъ оправданіе можно привести то, что въ нихъ пропорція взрослыхъ людей отъ 18 до 50 л., т.-е. въ возрастѣ какъ наибольшей активности, такъ и наибольшей преступности, замѣтно выше, чѣмъ въ деревняхъ, гдѣ, наоборотъ, число дѣтей и пожилыхъ людей пропорціонально значительнѣе. Но въ этомъ заключается лишь смягчающее обстоятельство, поскольку оно въ то же время не является отягчающимъ; разумѣется, самой здоровой и самой дѣятельной части націи не стоило стремиться въ городъ для того только, чтобы направить свою силу и дѣятельность въ сторону порока. Помимо этого, указанное различіе, хотя и заслуживающее вниманія, слишкомъ незначительно, чтобы оправдать разницу сравниваемыхъ мною степеней преступности.

Прежде всего, что касается собственно преступленій (*crimes*), дѣяній, подлежащихъ суду присяжныхъ, то, если составить, по примѣру Bournet¹⁾, таблицу преступленій противъ собственности и таблицу преступленій противъ личности, отмѣтивъ для каждой изъ нихъ тремя различными кривыми годичную цифру обвиняемыхъ съ 1826 до 1882: 1) во всей Франціи; 2) въ сельскихъ районахъ; 3) въ городскихъ районахъ, то-есть во всякомъ поселеніи съ числомъ душъ свыше 2.000 человекъ, мы уви-

¹⁾ *La criminalité en France et en Italie* (1884), стр. 103 и сл.

димъ, что въ то время, какъ первая, и особенно вторая, втеченіе этого пятидесятилѣтія всё понижаются, третья повышается на первой и на второй картограммѣ одновременно. Я долженъ, впрочемъ, обратить общее вниманіе на то, что пониженіе числа преступленій въ деревняхъ есть оптический обманъ статистики и ничуть не указываетъ на дѣйствительное пониженіе преступности, въ настоящемъ смыслѣ слова. Многія изъ дѣяній, причислявшихся старымъ уголовнымъ кодексомъ 1810 года къ разряду преступленій, классифицировались послѣдующими законами, какъ проступки; къ этимъ коррекціонализациямъ въ законодательномъ порядкѣ присоединился съ каждымъ днемъ все болѣе входящій въ практику институтъ судейской коррекціонализаціи, который примѣняется прокуратурой съ согласія суда и подсудимаго ¹⁾). Къ этой оговоркѣ я прибавлю, что если бы, слѣдуя методу Bouquet, начали изучать отдѣльно преступность департамента Сены, другими словами, Парижа, отъ 1826 до 1882 года, то были бы поражены тѣмъ замѣчательнымъ фактомъ, который, какъ мнѣ кажется, мало согласуется съ гипотезой неминуемаго смягченія нравовъ вслѣдствіе прогресса цивилизаціи: это—ростъ кровавыхъ преступленій ²⁾).

¹⁾ За доказательствами этого факта рекомендую обратиться къ моей *Criminalité comparée*.

²⁾ Въ своей *Contribution à l'étude de la Statistique de la Criminalité de 1826 à 1880 (1884)* Socquet, несмотря на свою склонность защищать города, признастъ (стр. 17), что «кровавые преступления» значительно уменьшились въ деревняхъ и сильно увеличились въ городахъ. Онъ говоритъ о тяжкихъ преступленияхъ въ томъ смыслѣ, какъ это выраженіе понимается въ законѣ, и мы знаемъ, что нужно разумѣть подъ чисто-кажущимся

Они почти утроились въ Парижѣ, въ то время какъ на цѣлую треть уменьшились въ деревняхъ и лишь немного увеличились въ другихъ городахъ. Не восходя къ 1826 году, я констатирую, что въ 1857 году въ Парижѣ было 5 умышленныхъ убійствъ и 9 предумышленныхъ, а въ 1887 г. 16 умышленныхъ и 36 предумышленныхъ убійствъ; въ промежуткѣ между этими годами открывается серія другихъ цифръ въ прогрессіи, правда, неправильной, но въ общемъ возрастающей и, притомъ, замѣтно превышающей ростъ парижскаго населенія ¹⁾.

Сравнивая этотъ результатъ съ тѣмъ, который даютъ намъ кровавыя преступленія во всей Франціи между 1856 и 1888 годомъ, я позаботился отбросить цифры, относящіяся къ Корсикѣ, такъ какъ преступность этой страны вноситъ въ вычисленіе беспорядочность и спутываетъ ихъ. Сдѣлавъ это вычитаніе, я нашелъ, что пять лѣтъ между 1856 и 1860 годами дали въ общемъ 1.299 умышленныхъ и предумышленныхъ убійствъ, и что пять лѣтъ между 1876 и 1880 годами довели эту цифру до 1.533 ²⁾.

уменьшеніемъ ихъ, мы знаемъ также, что увеличеніе числа ихъ тамъ, гдѣ оно наблюдается, въ дѣйствительности гораздо выше, чѣмъ кажется.

¹⁾ См. *Compte général de l'Administration de la justice criminelle en France* за различные годы.

²⁾ Это, разумѣется, относится въ одинаковой степени къ намъ и къ нашимъ сосѣдямъ. Пингъ взялъ на себя задачу доказать увеличеніе преступности въ Пруссіи. Онъ достигаетъ этого безъ труда. Кромѣ того, говоритъ по этому поводу Georges Dudois, въ *Bulletin de la Société des prisons* (1886, стр. 874), всѣ чиновники, входящіе въ составъ администраціи неправительныхъ учрежденій, сходятся въ томъ, что (въ Пруссіи, какъ и во Франціи) моральное зло, прискорбнымъ выраженіемъ котораго

Это увеличеніе—приблизительно на одну седьмую, въ то время какъ кровавыя преступленія въ Парижѣ увеличились на одну треть, то-есть съ 14 поднялись до 45.

Есть основаніе вѣрить, что въ дѣйствительности увеличеніе это больше, чѣмъ кажется. Я долженъ сдѣлать по этому поводу одно примѣчаніе, которое, несмотря на всю его простоту, ускользнуло какъ будто бы отъ статистиковъ. Чтобы узнать, увеличилось или уменьшилось число убійствъ, грабежей или другихъ преступленій отъ одной эпохи до другой, одно время довольствовались цифрой выносимыхъ судами обвинительныхъ приговоровъ, относящихся къ этимъ преступленіямъ, не заботясь о томъ, что даже и окончившіяся оправданіемъ дѣла той же категоріи также свидѣтельствуютъ о совершеніи преступленія, правда, кѣмъ-нибудь другимъ, а не заподозрѣннымъ лицомъ, не обвиняемымъ, но это совершенно безразлично съ точки зрѣнія общей нравственности или безнравственности. Теперь это приняли къ свѣдѣнію и стали считаться не съ количествомъ осужденій, но съ общей цифрой предъявленныхъ обвиненій или возбужденныхъ предварительныхъ слѣдствій. Но достаточно ли этого? Разумѣется, нѣтъ. Дѣйствительно, теперь, какъ и раньше, принимаются въ расчетъ лишь тѣ дѣянія, которыя прошли черезъ руки прокурорскаго надзора, или въ силу постановленія судебного слѣдователя, или приказа объ арестѣ, отдавнаго обвинительной камерой. Но сколько жалобъ

преступность, проявляется не только въ ростъ цифръ преступленій, но и въ степени развращенности, которую обнаруживаютъ эти преступленія.

или протоколовъ, обнаруживающихъ очень серьезныя преступленія и проступки, предумышленные и умышленныя убійства, квалифицированныя кражи, отнесены въ разрядъ *оставленныхъ безъ послѣдствій* въ судебномъ портфель или прекращены по недостатку уликъ. Все это нужно включить въ общій подсчетъ преступности, если хотять, чтобы онъ былъ вѣренъ. Но, по собраннымъ нами свѣдѣнїямъ, этого никогда не дѣлалось. Если пополнить этотъ пробѣлъ, то обнаружится слѣдующее. Прежде всего общее число преступленій и проступковъ, оставшихся такимъ образомъ безъ преслѣдованія, не переставало увеличиваться. Средняя цифра такихъ преступленій за пятилѣтнїй періодъ между 1840 и 1850 гг. была 114.014; отъ 1861 до 1865 гг. — 134.554; отъ 1876 до 1880 — 194.740 и отъ 1880 до 1885 — 225.680... Если мы разложимъ эти цифры, то найдемъ, что средняя годовичная цифра предумышленныхъ убійствъ, не дошедшихъ до суда, была: въ 1861 — 65 г. — 217; въ 1876—80 — 231; въ 1880 — 85 — 253; средняя цифра умышленныхъ убійствъ была въ первый изъ этихъ періодовъ 223; во второй—322; въ третій — 322; въ тѣ же періоды побои и нанесенія ранъ, не подвергшіеся преслѣдованію, отмѣчаются послѣдовательно цифрами: 12.000, 16.397, 18.234 цифра поджоговъ (умышленныхъ или признанныхъ нечаянными): 12.683, 13.186, 16.470; кражъ: 41.369, 62.223, 71.769; мошенничествъ: 4.044, 5.998, 7.633; нарушеній довѣрія: 3.336, 6.453, 11.760; подлоговъ: 373, 696, 637; прибавьте сюда нарушеніе общественной нравственности: 800, 1.087, 1.088; оскорбленіе властей при исполненіи обязанностей: 1.843, 2.669, 2.217; и т. д.

Теперь сложим вмѣстѣ среднія цифры дошедшихъ и не дошедшихъ до суда преступленій и проступковъ каждой изъ разсмотрѣнныхъ нами эпохъ. Средняя цифра преступленій и проступковъ, недошедшихъ до суда, въ указанномъ выше порядкѣ такова между годами 1881 и 1865, 1876 и 1880 и 1880 и 1885: предумышленные убійства 175, 197 и 216; умышленные 105, 143, 186; удары и нанесенія ранъ 15.520, 18.446, 20.851; простыя кражи 30.087, 33.381, 35.466; мошенничества 3.314, 2.993, 3.502; нарушенія довѣрія 2.800, 3.378, 3.696 и т. д. ¹⁾

Сложимъ теперь объ серіи годовыхъ среднихъ. Въ общемъ получимъ:

				(Прибавимъ въ 1887 г.)
Предумышлен. убійства	392	428	469—	433
Умышленные . . .	328	465	508—	600
Побои, нанесен. ранъ	27.520	32.843	39.082—	41.039
Простыя кражи. . .	71.456	95.604	107.235—	105.344
Мошенничества. . .	7.358	8.991	11.135—	11.689
Злоупотреб. довѣріемъ	6.136	9.831	15.456—	16.048

Я опускаю другія не менѣе краснорѣчивыя цифры; достаточно и приведенныхъ для оцѣнки воображаемаго уменьшенія въ наши дни кровавыхъ преступ-

¹⁾ Эта серія идетъ такимъ образомъ въ слѣдующіе годы: 1886, 1887, 1888, — предумышленные убійства, 234, 234, 214; умышленные, 174, 186, 179; побои и нанесенія ранъ, 22.069, 21.065, 21.842; простыя кражи, 34.457, 35.349, 37.505; мошенничества, 3.595, 3.581, 3.718; злоупотребленіе довѣріемъ, 3.824, 3.919, 4.040 и т. д. Странно видѣть, какъ нѣкоторые журналы, влѣдъ за *Journal officiel* отъ 31 января 1891 года, радуются подобнымъ результатамъ. *Le Matin*, отъ 12 февраля 1891 года, ссылается на эти цифры, чтобы возстановить ходячее заблужденіе относительно предполагаемаго уменьшенія преступности.

лений; поразительный же ростъ преступлений, обнаруживающихъ лукавство и чувственность, не вызываетъ сомнѣній. Быстрое возрастаніе преступлений, соединенныхъ съ насиліемъ, какъ слѣдуетъ изъ вышеприведенныхъ цифръ, должно быть безспорно приписано вліянію большихъ городовъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны мы знаемъ, что, судя по дѣламъ, дошедшимъ до суда, пропорція городскихъ преступлений преобладаетъ, съ другой стороны представляется весьма вѣроятнымъ, что то же самое *à fortiori* относится и къ дѣламъ, не дошедшимъ до суда. Непрерывное увеличеніе числа послѣднихъ было бы необъяснимо, если бы дѣло шло только о сельскомъ населеніи. Именно въ большихъ городахъ встрѣчаются и умножаются условія, благопріятныя для инкогнито или бѣгства преступниковъ. Устранимъ одно второстепенное возраженіе: могутъ сказать, что среди убійствъ, не сопровождавшихся преслѣдованіемъ, было извѣстное число такихъ, относительно которыхъ доказано, что въ нихъ не нашлось состава преступления или правонарушенія. Это правда; но зато сколько необнаруженныхъ убійствъ среди смертей, признанныхъ случайными, цифра которыхъ болѣе, чѣмъ утроилась втеченіе 58 лѣтъ ¹⁾, и среди самоубійствъ,

¹⁾ Съ цифры 1781 за время отъ 1826 до 1830 года, среднее годовое число случайныхъ смертей поднялось до 13.309 за время отъ 1880 до 1885 года. Это огромное увеличеніе, можетъ быть, слишкомъ ужъ поспѣшно приписали расширенію машиннаго производства и лихорадкѣ прогресса. Я понимаю, что развитіе желѣзныхъ дорогъ подняло цифру произошедшихъ, благодаря имъ, случайностей съ 25 (за время отъ 1841 г. до 1845 г.) до 366 (за время отъ 1876 г. до 1880), что прогрессъ городской жизни поднялъ цифру мертвецовъ, найденныхъ на улицахъ, съ 873

цифра которыхъ поднялась съ 1.759 въ 1827 году, до 7.902 за 1885 годъ и до 8.202 за 1887 годъ?

Если мы предположимъ, что втеченіе этого полувѣка пропорція ошибокъ въ опредѣленіи причинъ смерти осталась одна и та же, и что лишь одно убійство на 1.000 (а это очень мало) ошибочно исключалось въ число тысячи случайныхъ смертей и самоубійствъ, то тогда цифра убійствъ очень замѣтно повысится. Но я думаю, что такихъ убійствъ гораздо больше. Затѣмъ, сколько еще настоящихъ самоубійствъ, будучи самоубійствами, являются въ то же время, только въ другомъ смыслѣ, настоящими убійствами. Сколько несчастныхъ, покончившихъ съ собой, въ сущности, убиты вѣроломствомъ ихъ соперниковъ, привычнымъ мошенникомъ-спекуляторомъ, разорившимъ ихъ, диффаматоромъ, который ихъ обезчестилъ, всѣми этими «честными» убійцами нашего времени, незамѣтно и безнаказанно изъ-за угла убивающими своихъ жертвъ ¹⁾.

Слѣдовательно, установить цифру предумышленныхъ и умышленныхъ убійствъ труд-

(отъ 1836 до 1840 года) до 2.619 (отъ 1876 до 1880 года). Но почему же за періодъ съ 1840 до 1880 года цифра лицъ, признанныхъ утонувшими по несчастному случаю почти удвоилась, поднявшись съ 2.887 до 4.130? Во всякомъ случаѣ, предположивъ даже, что только одинъ процентъ случайныхъ смертей оказался бы необнаруженнымъ убійствомъ, мы увидимъ, насколько понадобится увеличить цифру убійствъ. Прибавимъ еще, что за время отъ 1830 года до 1889 цифра неопознанныхъ труповъ въ моргѣ поднялась постепенно съ 325 до 906 (Mascé, *Mon musée criminel*).

¹⁾ Это тѣмъ болѣе правдоподобно, и цифра самоубійствъ-убійствъ этого рода должна потому еще больше увеличиться, что по статистикѣ пропорція самоубійствъ влѣдствіе разоренія или семейныхъ несчастій все возрастаетъ.

нѣю, чѣмъ установить ихъ побудительныя причины ¹⁾).

Эти послѣднія во Франціи измѣнили и, слѣдовательно, глубоко преобразили ихъ природу. Пропорція предумышленныхъ и умышенныхъ убійствъ изъ корысти, по оффиціальному отчету 1880 года, почти удвоилась: за время отъ 1826 до 1880 года процентъ ихъ увеличился съ 13⁰/₀ на 22⁰/₀, въ то время, какъ процентъ убійствъ изъ мести понижился съ 31 до 25. Значить, не въ большихъ ли городахъ по преимуществу, гдѣ убійца и жертва зачастую даже не знаютъ другъ друга, корысть является душой предумышленного и умышенного убійства? Съ этой точки зрѣнія Сена и Корсика представляютъ антитезу, и между предумышленными и умышенными убійствами двухъ этихъ департаментовъ Франціи, то-есть между сельскимъ убійствомъ изъ мести одного и городскимъ убійствомъ изъ корысти другого — общаго только имя. Городскія убійства преобладаютъ — это неизбѣжно. Но какъ бы ни былъ поразителенъ этотъ контрастъ, тѣмъ не менѣе остается справедливымъ, что одинъ и тотъ же законъ подражанія низшаго высшему объясняетъ эти противоположныя другъ другу категоріи преступленій. Культы семейной мести, переходящей по наслѣдству, дѣйствительно ошибочно считать примитивнымъ чувствомъ, врожденнымъ человѣку; ничто такъ мало не согласуется съ беззаботностью и забывчивостью дикарей, какъ эта настойчивая и упорная память объ обидѣ. Насколько

¹⁾ *Compte général de l'Administration de la justice criminelle en France, 1880.*

естественна немедленная месть, настолько неестественна месть черезъ долгое время. Повышенная семейная гордость, обнаруживающаяся въ *vendette*, по происхожденію могла быть только аристократической. Вотъ почему древніе народы, представлявшіе себѣ свои божества въ видѣ ихъ вождей, смотрѣли на мщеніе, какъ на наслажденіе боговъ. По возрѣніямъ некультурныхъ или всего на три четверти культурныхъ обществъ развитъ въ себѣ упорство коллективной мести — значить облагородить себя. Убійства изъ мести такъ часты въ Корсикѣ, Сардиніи и Испаніи только потому, что семейное начало тамъ еще замѣчательно крѣпко. По мѣрѣ того, какъ эта солидарность, имѣющая старинное аристократическое происхожденіе, вытѣсняется индивидуализмомъ современнаго города, потребность наслаждаться жизнью идетъ на смѣну потребности вызывать уваженіе и страхъ, потребность богатства замѣняетъ потребность мести. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ городахъ процвѣтаетъ убійство изъ корысти. Но среди преступленій противъ личности къ пассиву крупныхъ центровъ должно въ особенности относиться изнасилованіе и посягательство на невинность дѣтей. Съ непрерывающейся правильностью, которая служитъ статистическимъ показателемъ всякой подражательной пропаганды ¹⁾, годовая цифра этихъ возмутительныхъ дѣяній возросла во Франціи съ 136 за 1836

¹⁾ Эта правильность наблюдается каждый разъ, когда какой-нибудь новый продуктъ, новая промышленная выдумка, пускается въ обращеніе и передается все далѣе и далѣе: статистика распространенія этого предмета, напримѣръ, табаку, кофе и т. д. идетъ съ такою правильностью, что можно заранѣе предвидѣть

годъ, до 791 за 1880 годъ; она увеличилась въ пять разъ. Socquet (op. cit) вынужденъ былъ признать, что это чрезмѣрное увеличеніе ложится главнымъ образомъ на города, и особенно то, что отвѣтственность городовъ за это преступленіе значительно превосходитъ отвѣтственность деревень. Департаменты, занимающіе здѣсь первое мѣсто, соответственно своему населенію, какъ разъ тѣ, которые заключаютъ въ себѣ крупные центры: департаментъ Сены, Сѣверный, Нижней Сены, Жиронды, Роны, устье Роны и т. д. Последнее мѣсто принадлежитъ сельскимъ департаментамъ ¹⁾.

Это преступленіе исключительно мужское и старческое, такъ же какъ и исключительно городское; чѣмъ больше оно распространяется, тѣмъ болѣе, повидимому, увеличивается возрастъ его совершителей; пропорція осужденныхъ въ возрастѣ 60 лѣтъ и выше все растетъ и обнаруживаетъ воздѣйствіе патологической причины. Не является ли то обстоятельство, что привычка къ распутству, подъ владычествомъ возбужденій города, укоренилась и стала общей какъ для юношей, такъ и для вполнѣ сложившихся мужчинъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, у пожилыхъ людей и стариковъ сдѣлалась

будущія цифры. Если бы кто-нибудь усомнился въ подражательномъ характерѣ самоубійства и въ томъ, что подражаніе отчасти вліяетъ на цифру сумасшествій, то ему нужно было бы только прослѣдить правильное поднятіе кривой самоубійствъ и случаевъ помѣшательства.

¹⁾ См. работу Поля Бернарда (Bernard), ученика Лакассаня, *Les attentats à la pudeur sur les petites filles* (Lion, Stork, 1887).

причиной чудовищныхъ извращеній полового чувства, какъ слѣдствія развратной жизни ¹⁾).

Изумительно на первый взглядъ, что посягательства на невинность подростковъ немного сократились (съ 137 до 108), въ то время какъ посягательства на невинность дѣтей моложе 14-ти лѣтъ стали чаще въ 5 разъ.

Что это значить? Въ сущности, это сокращеніе и это учащеніе имѣютъ здѣсь одно и то же значеніе. Дѣйствительно, совершенные безъ насилія, то есть съ согласія субъекта надъ лицами старше 13 лѣтъ, относимыми къ категоріи подростковъ, тѣ же самые акты, которые преслѣдовались бы, если бы совершались при помощи насилія, остаются безъ послѣдствій. Слѣдовательно, мы не можемъ сомнѣваться, судя по возрастающему количеству насилій надъ дѣтьми, что и подростки дѣлаются предметами все болѣе и болѣе многочисленныхъ покушеній. Если это такъ, то пониженіе числа преслѣдованій по суду за покушеніе на невинность подростковъ лишь доказываетъ, что послѣдніе все рѣже и рѣже оказываютъ сопротивленіе, проникаясь развращенностью окружающихъ. Ростъ числа посягательствъ на невинность дѣтей не даетъ,

¹⁾ Въ послѣдніе годы замѣтно небольшое уменьшеніе этихъ преступленій, но было бы несвоевременно основывать серьезныя надежды на числовомъ колебаніи, можетъ быть, случайномъ, можетъ быть, чисто-кажущемся, такъ какъ это преступленіе одно изъ тѣхъ, относительно которыхъ прокурорскому надзору предоставляется самое широкое усмотрѣніе. Если снисходительность публики доходить и до сердца судей то нѣтъ ничего удивительнаго, что они относятъ теперь къ *оставленнымъ безъ послѣдствій* протоколы, которые нѣсколько лѣтъ тому назадъ были бы поводомъ для возбужденія слѣдствія.

вирачемъ, основаній думать, что дѣти больше сопротивляются; доказательствомъ противнаго служить снисходительность присяжныхъ именно къ этому преступленію, влѣдствіе того, что показанія жертвы всего чаще бываютъ благопріятны для обвиняемаго. Но здѣсь согласіе не избавляетъ отъ судебного преслѣдованія.

Значительная часть преступленій и проступковъ, совершенныхъ подростками обоюго пола, — другая характеристическая черта городской преступности. Раннее проявленіе у молодыхъ людей порочности, талантливости и всякаго рода способностей, какъ извѣстно, чаще встрѣчается въ городской средѣ, чѣмъ въ деревенской; это объясняется замѣчательной чувствительностью дѣтей къ воздѣйствію раздражанія. Все болѣе и болѣе пополняемый преступниками отъ 16 до 21 года бюджетъ преступленія мы можемъ приписать вліянію крупныхъ центровъ.

Число мальчиковъ этого возраста, осужденныхъ или обвиняемыхъ, учетверилось меньше, чѣмъ въ 50 лѣтъ: отъ 5933 за 1831 годъ оно поднялось до 20480 за 1880 г. Число дѣвушекъ этого возраста почти утроилось: въ тотъ же промежутокъ времени оно съ 1046 дошло до 2830. Этотъ *прогрессъ* продолжался: въ 1885 году цифра мальчиковъ равнялась 25539, а цифра дѣвочекъ—3149. Это прямо ужасно ¹⁾.

¹⁾ Англія въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, выгодно отличается отъ континента. Изъ составленной Коляяни статистической таблицы (см. его *Sociologia criminale*, т. II, стр. 77—95) видно, что на этой островной территоріи пропорція несовершеннолѣтнихъ преступниковъ-мужчинъ въ промежутокъ между 1861 и 1881 годами съ 7373 спустилась до 4688, а пропорція несовершеннолѣтнихъ женщинъ съ 1428 до 795. То же

Въ общемъ, всѣ эти цифры указываютъ на измѣненность нашихъ нравовъ.

Прогрессія вытравленій плода и дѣтоубійства подтверждаетъ этотъ выводъ. Что же касается вытравленія плода, то открыть его настолько трудно, что попытка опредѣлить его цифру является довольно химеричной. Замѣтимъ только, что, несмотря на необъяснимыя колебанія, оно замѣтно повышается (8 въ 1826 году, 20 въ 1880), и что на одинъ миллионъ деревенскихъ жителей (отъ 1876 до 1880 года) насчитывалось 4 такихъ обвиняемыхъ, а на миллионъ парижанъ ихъ приходилось 14 ¹⁾).

Дѣтоубійство ускользаетъ отъ правосудія рѣже, чѣмъ вытравленіе плода; съ 1831 года, по крайней мѣрѣ, оно точно также идетъ, непрерывно повышаясь, до 1863 года (въ среднемъ за время отъ 1831 года до 1835—94; за время отъ 1850 до 60—214), и если, послѣ этого времени, оно немного повышается, то только потому, что законъ 1863 года относитъ вытравленіе плода, которое раньше квалифицировалось, какъ дѣтоубійство, къ простымъ проступкамъ; впрочемъ, пониженіе это довольно слабо и за нимъ опять слѣдуетъ повышение (средняя цифра за періодъ отъ 1856 до 1860 года—186; отъ 1876 до 1880 года—194) ²⁾).

Я хорошо знаю, что, по нашимъ статистическимъ даннымъ, на одно и то же количество сельскихъ

исключительное пониженіе замѣчается въ Испаніи. Нужно замѣтить, что чѣмъ меньше рождаемость, тѣмъ хуже воспитываются дѣти. Въ Англійи семьи остались сильными и многочисленными.

¹⁾ Socquet, op. cit. См. главнымъ образомъ *Recherches sur l'avortement criminel* д-ра Gaillot, ученика Лакассаня (Lyon, 1884).

²⁾ *Compte général de l'Administration de la Justice criminelle en France*, 1880.

и городскихъ жителей деревни дали бы большее количество этихъ преступленій, чѣмъ города; но это отъ того, что наша статистика принимаетъ во вниманіе лишь мѣсто рожденія обвиняемыхъ, не считаясь съ тѣмъ, въ городѣ или въ деревнѣ они жили до совершенія преступленія; а сколько дѣтушекъ-матерей, родившихся въ деревнѣ, никогда не стали бы преступницами, если бы не жили нѣкоторое время въ какомъ-нибудь городѣ! И сколько сельскихъ жителей подчиняются внушенію и вліянію городовъ, даже оставаясь на мѣстѣ!

Статистика, повторяю еще разъ, это — іероглифы, которые нужно еще разобрать съ помощью познаній, взятыхъ нами изъ другого источника. Распространеніе дѣтубійства такъ тѣсно связано съ распространеніемъ безнравственности, несомнѣннымъ очагомъ которой является городская жизнь, что каково бы ни было происхожденіе преступника, за преступленіемъ нельзя признать сельскаго происхожденія.

Было бы ошибочно думать, вмѣстѣ съ нѣсколькими выдающимися приверженцами итальянской позитивной школы, что взаимнымъ соотношеніемъ между преступленіями противъ личности и преступленіями противъ собственности управляетъ обратный законъ, и что тамъ, гдѣ увеличивается число однихъ, уменьшается число другихъ. Относительно Франціи, карты Ивернеса, приложенныя къ его официальному отчету о статистикѣ преступленій за время отъ 1826 до 1880 года, обнаруживаютъ скорѣе замѣтное согласіе, чѣмъ несогласіе въ географическомъ распредѣленіи этихъ двухъ видовъ преступленій по департаментамъ:

таблицы Листа ¹⁾ для германской имперіи еще меньше подтверждают этот предполагаемый антагонизмъ. Между этими двумя видами преступности установлено не обратное, а прямое соотношеніе. Для Италіи Бодіо составилъ очень подробныя карты ²⁾, которыя, по внимательномъ разсмотрѣніи, ниже не подтверждаютъ тезисовъ его соотечественниковъ. Я нашель, на примѣръ, что окрашенная на картѣ въ бѣлое область Сіенны, бѣлая также и на картѣ *убійствъ и преступленій противъ собственности*, что окраска Римской провинціи въ большей или меньшей степени, но все-таки постоянно темна на обѣихъ картахъ, такъ же какъ окраска Сардиніи, Сициліи и т. д.

Корсика, правда, какъ будто подтверждаетъ предположеніе, о которомъ идетъ рѣчь: совершенно черная на картѣ убійствъ, она совершенно бѣлая на картѣ кражъ. Но это лишь хорошій примѣръ тѣхъ иллюзій, къ которымъ располагаетъ насъ статистика. Можно подумать, благодаря этому, что этотъ островъ является однимъ изъ тѣхъ департаментовъ Франціи, гдѣ собственность всего болѣе уважается. Но нѣтъ департамента, гдѣ она уважалась бы меньше. Седьмая часть острова покрыта лѣсомъ и кустарникомъ только потому, что закоренѣлая привычка жителей къ грабежу и мародерству мѣшаетъ обработыванію почвы.

Я скажу то же самое о Парижѣ, къ которому возвращаюсь теперь послѣ моего отступленія. Преступленія противъ собственности, повидимому, убави-

¹⁾ *Archives de l'Anthropologie criminelle*, изданіе 2-е, карты приложены къ таблицамъ.

²⁾ *Archives de l'Anthropologie criminelle*, изданіе 5-е.

лись тамъ на половину (средняя годовая цифра за время отъ 1825 до 1827 года съ 519 упала до 261 за время отъ 1876 до 1882 года). Но примемъ во вниманіе законы 1832 и 1862 года, переименовавшіе въ проступки столько прежнихъ преступленій, и институтъ судебной коррекціонализаціи, примѣняющейся, главнымъ образомъ, къ имущественнымъ преступленіямъ. Посмотримъ теперь таблицу проступковъ, и мы увидимъ, что цифра простыхъ кражъ, для которыхъ прокурорскій надзоръ не нашелъ удобнымъ указывать на отягчающія вину обстоятельства, не переставала расти въ Парижѣ, такъ же, какъ цифра мошенничествъ и злоупотребленій довѣріемъ ¹⁾).

Нѣсколькихъ указаній будетъ достаточно: за время отъ 1865 до 1885 года цифра простыхъ кражъ почти регулярно возрастала съ 3205 до 5364; цифра мошенничествъ съ 532 до 809; цифра злоупотребленій довѣріемъ съ 921 до 983.

Въ общемъ, продолжительное вліяніе большихъ городовъ на преступность выразилось, намъ кажется, въ постепенной замѣнѣ не столько насилія хитростью, сколько метительнаго и дикаго насилія насиліемъ корыстнымъ, вѣроломнымъ и утонченнымъ. Благодаря большимъ городамъ, или возбуждаемой ими лихорадочной жаждѣ наслажденій, всякая здоровая цивилизація неминуемо придетъ къ смѣшенію стремленій, враждебныхъ другъ другу, если противъ этого не будутъ приняты мѣры. Что же удивительнаго въ томъ, что большіе города накладываютъ свою печать на преступленіе? Что уди-

¹⁾ См. различные томы *Compte général de l'Administration de la Justice criminelle en France*.

вительнаго даже въ томъ, что они его вызываютъ. Они же вызываютъ и безуміе, и даже больше — геніальность, этотъ другой предполагаемый неврозъ, въ созданіи котораго природа, конечно, играетъ бѣльшую роль, чѣмъ въ созданіи преступности. Въ своемъ *Uomo di genio* ¹⁾, любопытной книгѣ, настолько же содержательной и не менѣе интересной, чѣмъ *Uomo delinquente*, Ломброзо помѣстилъ карту Италіи, представляющую географическое распредѣленіе артистическихъ талантовъ и геніевъ по полуострову. Меня поразили тотъ фактъ, что всѣ они распредѣляются вокругъ старыхъ столицъ, Флоренціи, Рима, Генуи, Милана, Пармы, Палермо, Венеціи и т. д. Вполнѣ возможно, что во всѣхъ странахъ происходитъ то же самое. У насъ, навѣрное изъ статистическихъ вычисленій Якоби слѣдуетъ, что число замѣчательныхъ людей, выдвигаемыхъ каждымъ департаментомъ, стоитъ въ прямомъ соотношеніи съ сплоченностью населенія и съ пропорціей преобладанія городского населенія. Это не одна только хорошая сторона городской медали, но какова ея обратная сторона! ²⁾

Несмотря на все это, наша мысль была бы понята невѣрно, если бы изъ нея вывели заключеніе,

1) Подъ этимъ названіемъ Ломброзо выпустилъ въ свѣтъ (въ 1888 г.) пятое изданіе *Genio et Follia*, очень распространенное.

2) Фактъ, который, если бы онъ былъ точно установленъ и обоснованъ на удовлетворительныхъ статистическихъ данныхъ, могъ бы насъ успокоить, это — уменьшеніе *военной преступности*. Это новая тема, съ которой докторъ Коррѣ (*Archives d'Anthropologie criminelle*, 15 марта 1891 г.) выступилъ однимъ изъ первыхъ. Онъ задался мыслью вычислить отдѣльно собственно военныя преступленія и преступленія противъ общаго права. Оставивъ въ сторонѣ первыя, которыя насъ мало касаются и пропорція которыхъ то же, впрочемъ, уменьшилась почти на одну треть за 50 лѣтъ, онъ нашелъ, что французская армія насчитываетъ по

что, по нашему мнѣнію, цивилизація притупляетъ и развращаетъ человѣка.

Какъ бы выгодно ни отличалась метительность, какъ болѣе благородный мотивъ, отъ корысти, она все-таки угрожаетъ (хотя совсѣмъ иначе) безопасности личности и имущества. Если сравнить эпоху варварства и эпоху цивилизаціи, то всякій долженъ радоваться, что родился во вторую эпоху. Во времена племенной жизни ни въ одной странѣ Европы не проливалось столько крови, какъ въ Шотландіи; теперь же она отличается исключительной мягкостью нравовъ¹⁾.

одному преступленію или проступку противъ общаго права на 466 человѣкъ въ 1839 году; на 483 чел. въ 1849 году; на 437 чел. въ 1865—66 годахъ и на 738 въ 1885 и 1886 годахъ. Улучшеніе зависитъ, конечно, отъ обязательной для всѣхъ службы. Прежде право замѣщенія себя другими наполняло полки замѣстителями изъ подонковъ общества. По мѣрѣ того, какъ стирались различія между націей и арміей, нужно было ожидать, что дурныя или хорошія особенности, свойственныя послѣдней, станутъ менѣе рѣзкими. Итакъ, военная преступность, самоубійства (если не дуэли) военныхъ уменьшились. Слѣдовательно, хотя военная преступность, несмотря на свое уменьшеніе, и остается выше преступности остальной націи (какъ бы ни оспаривалъ этого д-ръ Коррѣ), нужно все-таки радоваться этой новой, уже настолько замѣтной, по крайней мѣрѣ, во Франціи, тенденціи: вѣдь, престижъ арміи въ средѣ нашего народа сталъ не менѣе заразителенъ, чѣмъ престижъ столицъ, и раздѣлил съ послѣдними наслѣдство аристократіи стараго режима. Настоящіе современные аристократы это — офицеры нашихъ полковъ, которымъ все больше и больше все подчиняются и подражаютъ, такъ какъ все служатъ или служили въ солдагахъ. Разница между *военнымъ* и *статскимъ* соответствуетъ до извѣстной степени разницѣ между *горожаниномъ* и *сельскимъ жителемъ*. Полкъ это — очень сплоченный и хорошо организованный городъ.

1) На 100000 жителей Италія насчитывала отъ 10 до 11 убійствъ въ 1880 году, Испанія насчитывала ихъ 7 или 8; Франція—1 или 2; Шотландія же *меньше, чѣмъ* $\frac{1}{2}$.

Съ тѣхъ поръ, какъ Италія рѣшительно и неощежно вошла въ теченіе современной жизни, она ежечасно отмѣчаетъ уменьшеніе кровавыхъ преступленій и преступленій противъ собственности; доказательствомъ служатъ статистическія таблицы Бодіо. Испанія, по мѣрѣ ея обновленія, отмѣчаетъ то же. Двѣ уже указанныя географическія карты преступности, составленныя Листомъ, представляютъ въ Германіи постепенную градацію темныхъ красокъ, по мѣрѣ того, какъ переходишь отъ запада къ сѣверу, то-есть отъ областей болѣе просвѣщенныхъ и богатыхъ къ восточнымъ славянскимъ областямъ, гдѣ царятъ относительная бѣдность и невѣжество. Какъ въ преступленіяхъ, противъ личности, такъ и въ преступленіяхъ противъ собственности (устранивъ значеніе побудительныхъ причинъ), эти послѣднія провинціи, едва вышедшія изъ состоянія варварства, берутъ верхъ надъ провинціями запада и сѣвера. Даже Берлинъ даетъ сравнительно небольшое для столицы число преступленій¹⁾, за исключеніемъ преступленій противъ нравственности, въ отношеніи которыхъ онъ, какъ и Парижъ во Франціи, занимаетъ первое мѣсто. Бросивъ взглядъ на сравнительную уголовную статистику Европы²⁾,

¹⁾ *Archives d'Anthropologie criminelle*, изд. 2, стр. 187, и изд. 5. Таблица Бодіо о международной статистикѣ преступности. См. также содержательную брошюру Боско *Gli Omicidi in alcuni stati d'Europa*. (Римъ, 1880).

²⁾ По Wyzewa (*Revue des deux Mondes* 1 мая 1891 года, *La vie et les moeurs en Allemagne*) въ Берлинѣ, уже 20 лѣтъ тому назадъ, начало образовываться новое общество дѣловыхъ людей изъ подозрительныхъ финансистовъ, чиновниковъ и служащихъ разныхъ учреждений, которое, вмѣстѣ съ партіей рабочихъ, ввело новые нравы, «распространяющіеся теперь все дальше и дальше по остальной Имперіи». Старое, мирное и честное общество от-

тотчасъ можно замѣтить, что наиболѣе кровожадныя страны наименѣе культурны: южная Италія, южная Испанія, Венгрія и т. д. То же самое, повидимому, было и раньше. Въ средніе вѣка Германія была самой некультурной страной въ Европѣ. Она же была и одной изъ самыхъ преступныхъ. Мужская преступность должна была быть тамъ, дѣйствительно, ужасающей, хотя по отношенію къ женской преступности этой страны и той же эпохи было найдено слѣдующее свидѣтельство Конрада Сельта, публициста XV вѣка. Разсказавъ о страшныхъ пыткахъ, которымъ подвергались женщины (ихъ зашивали въ мѣшки и зарывали живыми въ землю, замуровывали въ стѣну и т. д.), онъ прибавляетъ: «Всѣ эти наказанія и мученія не мѣшаютъ имъ совершать одно преступленіе за другимъ: ихъ возвращенный умъ богаче на выдумки новыхъ злодѣяній, чѣмъ умъ судей—на изобрѣтеніе пытокъ».

Какъ же согласить моральное усовершенствованіе, которое всюду вноситъ съ собою культура, съ деморализаціей, распространяемой большими городами, этими вершинами и источниками цивилизаціи. Противорѣчіе сводится, я думаю, къ простому недоразумѣнію. Но прежде чѣмъ думать о разрѣше-

ступило. Такъ какъ примѣръ нѣмецкой столицы сталъ такъ заразителенъ, то интересно посмотрѣть на новый видъ, принятый тамъ преступностью, и преступная армія въ Берлинѣ—настоящая, съ военной организаціей, армія. Въ этомъ отношеніи, такъ же какъ благодаря пожарнымъ трубамъ, почтѣ и трамваямъ, Берлинъ въ недалекомъ будущемъ станетъ первымъ изъ городовъ: «нѣтъ ни одного вида европейскаго или американскаго мошенничества, которое не воспроизводилось бы тамъ знаменитыми специалистами, объединенными какъ слѣдуетъ для общаго дѣла». Полиція отстала отъ преступления: она слѣдуетъ традиціямъ и не соответствуетъ требованіямъ новаго времени.

ніи этого затрудненія, мы должны сдѣлать нѣсколько разъясненій, послѣ которыхъ оно разрѣшится само собой. Прежде чѣмъ рѣшить эту животрепещущую проблему о соотношеніи между ходомъ цивилизаціи и движеніемъ или измѣненіемъ преступности, нужно ее точно опредѣлить. Выразимъ ту же мысль иначе. Принимая во вниманіе, что преступность въ своихъ характерныхъ формахъ и выраженіяхъ есть проявленіе распространенія подражательности, нужно узнать, благопріятствуютъ или мѣшаютъ прогрессу распространенія преступности другія многочисленныя формы распространенія подражательности, которыя вкратцѣ называются цивилизаціей, — распространеніе школьныхъ знаній, домашнихъ и церковныхъ вѣрованій и обрядовъ; политическихъ идей при помощи журналовъ; чувства товарищескаго долга, благодаря соприкосновенію съ товарищами; промышленныхъ и артистическихъ способностей и талантовъ, черезъ посредство ателье, бюро, ремесль и т. д. Или, еще лучше, нужно бы сначала узнать, если бы это было возможно, какія изъ этихъ различныхъ областей примѣровъ, называющихся наукой, религіей, политикой, коммерціей, индустріей, благопріятствуютъ и какія мѣшаютъ распространенію преступления.

VII. Наша постановка вопроса уже сама по себѣ показываетъ, что преступленіе, на нашъ взглядъ, есть соціальное явленіе особаго рода, но, въ концѣ-концовъ, все-таки такое же соціальное, какъ и всякое другое ¹⁾).

1) Аристотель въ своей политикѣ выражается такъ: «Разведеніе скота, агрикультура, *разбой*, рыбная ловля, охота,—вотъ естественныя для человѣка формы промышленности, которыми

Это — тунеядствующая вѣтвь общественнаго дерева, но, какъ и всѣ другія его вѣтви, она питается общимъ сокомъ и подчиняется общимъ законамъ. Мы видѣли, что, взятая въ отдѣльности, она растетъ согласно закону подражанія съ *верху* въ *низъ*, какъ и всѣ остальные плодоносныя и полезныя вѣтви того же ствола. Мы могли бы прибавить, что также, какъ онѣ, она трансформируется и развивается, благодаря періодическимъ прививкамъ новыхъ отпрысковъ и новыхъ черенковъ *подражанія моды*, которые обновляютъ и питаютъ, иногда вновь восстанавливаютъ запасъ *подражанія обычая*, но сами стремятся укорениться и увеличить наслѣдіе привычекъ и традицій. Всякая индустрія точно такъ же питается совокупностью различныхъ усовершенствованій, нововведеній — сегодня, традицій — завтра; всякая наука, всякое искусство, языкъ, религія подчиняются этому переходу обычая въ моду и наоборотъ — моды въ обычай, но въ обычай распространенный. Потому что съ каждымъ такимъ шагомъ впередъ районъ господства подражанія увеличивается, поле соціальной ассимиляціи человѣческаго братства расширяется, и это, какъ намъ извѣстно, далеко не самый благотворный результатъ дѣйствія подражанія съ моральной точки зрѣнія.

Нѣкоторыя разъясненія здѣсь необходимы. Что мы видимъ въ началѣ или, скорѣе, въ каждомъ началѣ

онъ пользуется для обезпеченія своего существованія». Если бы экономисты постигли, что всякое богатство, пріобрѣтенное помимо труда, обязано своимъ появленіемъ грубому или утонченному грабежу, то они получили бы правильное представленіе объ огромной роли преступленія въ функціонированіи соціального организма.

исторіи? Сколько семей или семейныхъ группъ, столько и языковъ, культовъ, зачатковъ законности, артистическихъ и ремесленныхъ пріемовъ, видовъ морали, столько же, прибавимъ еще, видовъ порока и преступленія. И, наконецъ, что мы видимъ, когда одинъ и тотъ же цивилизующій двигатель долгое время волновалъ всѣ эти племена? На всемъ континентѣ, гдѣ царила раньше первобытная раздробленность, распространился одинъ и тотъ же языкъ, общая религія или наука, общій кодексъ законовъ, форма правленія, промышленность, искусство, мораль, наконецъ, одинаковая форма безнравственности и преступности ¹⁾.

Какимъ образомъ произошло это измѣненіе? Намъ объясняетъ это обзоръ этихъ эпохъ, потому что недостаточно сказать, что война или побѣда создали, наконецъ, это единство; они его только вызвали. Побѣда объясняетъ подчиненность, но не ассимиляцію побѣжденнаго. Но, разрушивъ преграды между племенами, она объединяетъ ихъ въ города, позднѣе города сливаются въ федераціи, еще позднѣе изъ федерацій она организуетъ государства, и въ государства, все болѣе и болѣе обширныя, она открываетъ съ каждымъ вѣкомъ все болѣе и болѣе широкій доступъ иноземнымъ вліяніямъ, сливающимся съ вліяніемъ обычаевъ старины. Но дверь для вторженій извнѣ остается открытой лишь на нѣкоторое время, такъ же, какъ и для смѣшенія

¹⁾ Въ свою очередь, если вначалѣ все было различно для каждаго отдѣльнаго мѣста, то все оставалось въ теченіе вѣковъ неизмѣннымъ; было много различій, но мало дифференціаціи; и, наконецъ, все становится одинаковымъ въ данный моментъ, но все очень быстро измѣняется: различія во времени и различія въ пространствѣ кажутся другъ для друга противовѣсами.

словъ, кумировъ, правъ, ремесль, правилъ, вкусовъ, пороковъ и преступленій; и всегда можно увидѣть, что языкъ, религія, законъ, мораль, эстетика, форма правонарушеній и разбоя, распространивъ свое владычество, благодаря обогащенію ихъ фонда, ревниво закрываются своими расширившимися, но ставшими снова непроступными, оплотами, и продолжаютъ свое существованіе, подчиняясь авторитету одного только обычая. Отсюда это странное сопротивленіе, которое діалектъ или культъ, мѣстный, провинціальный или національный, выставляетъ навстрѣчу нарѣчію или убѣжденіямъ, занятымъ у ближайшихъ сосѣдей, въ промежуткахъ между благодетельными эпидеміями моды.

Въ первобытной Германіи, на примѣръ, до вторженія въ предѣлы римской имперіи каждый маленькій народецъ имѣлъ свой катихизисъ, свои законы и т. д. Слѣдствіемъ вторженія было то, что они сами поддались вліянію моды, которая сдѣлала престижъ побѣжденныхъ предметомъ подражанія. Всѣ ихъ постановленія тогда приняли отчасти отпечатокъ христіанскихъ и римскихъ вліяній, такъ же, какъ ихъ языкъ, вслѣдствіе всеобщаго увлеченія примѣромъ побѣжденныхъ. Тѣмъ не менѣе ихъ новая религія, новыя нарѣчія, новые гражданскіе и уголовные законы и т. д. не замедлили стать для нихъ такими же дорогими, какъ и обычаи ихъ предковъ. Но я оставляю въ сторонѣ эти темныя времена меровинговъ и каролинговъ, замѣтивъ, во всякомъ случаѣ, что царствованіе Карла Великаго ознаменовалось, какъ эра вторженій, всеобщимъ потрясеніемъ юридическихъ, политическихъ, промышленныхъ и иныхъ основъ подъ всемогущимъ напоромъ новыхъ вѣяній.

Но затѣмъ границы воздвигаются вновь, и каждая національность начинаетъ вновь замыкаться на себя самой; но если понимать подъ словомъ національность социальную величину, а не политическую выкройку, то будетъ ясно, что со времени мервинговъ національности, то есть группы въ достаточной мѣрѣ приспособленныхъ другъ къ другу индивидуумовъ, уменьшились количественно, но увеличились въ объемѣ. Эпическій моментъ крестовыхъ походовъ до Людовика внятно отличаетъ другой сильный ураганъ подражанія во всемъ внѣшнимъ примѣрамъ; это тотъ періодъ, когда нѣсколько новыхъ широкихъ теченій подражанія, идущихъ отъ нѣсколькихъ изобрѣтеній или капитальныхъ открытій, на примѣръ, реставрированнаго римскаго права, вновь найденныхъ сочиненій Аристотеля, идей готическаго стиля или такъ-называемый *chanson de geste*, заливаютъ и оставляютъ свой осадокъ на всѣхъ мѣстныхъ обычаяхъ, на всѣхъ мѣстныхъ философскихъ и теологическихъ доктринахъ, мѣстныхъ литературныхъ и архитектурныхъ произведеніяхъ, затапливая одни и воскрешая другія. Затѣмъ слѣдуетъ періодъ относительнаго спокойствія при Людовикѣ Святомъ, когда расширившіяся государства организуются каждое отдѣльно, когда высшія школы юриспруденціи, философіи, архитектуры, поэзіи сосредоточиваются и замыкаются въ самихъ себѣ, преобразуются и пріобрѣтаютъ постоянныя особенности, наслѣдственно передаваемыя въ качествѣ національныхъ или мѣстныхъ традицій. Эпоха Возрожденія, открытіе Америки и эпоха Реформаціи кладутъ конецъ этой созидательной работѣ, и въ потокѣ безчисленныхъ нововведеній бы-

стро примѣняется языкъ, убѣжденія, наука, литература, искусство, коммерція.

Вмѣсто преобразованія, могъ бы произойти полный разгромъ, если бы XVII вѣкъ не явился вовремя связать въ снопы отдѣльные колосья этой жатвы и если бы не освятила ее традиціонная основательность его успѣховъ. Затѣмъ наступаетъ XVIII вѣкъ и съ такимъ же энтузіазмомъ, только въ болѣе широкихъ размѣрахъ, возобновляетъ дѣло XVI вѣка; но не замѣчается ли уже теперь нѣкоторое пониженіе уровня космополитизма, вызваннаго нашими французскими философами, и стремленіе конца нашего вѣка обособить націи, правда, очень увеличившіяся, такъ же, какъ предыдущая эпоха стремилась объединить ихъ?

Слѣдовало бы примѣнить законъ этого неправильнаго, но продолжительнаго ритма къ каждой отдѣльной вѣточкѣ и вѣтви соціальной дѣятельности, если бы это не грозило завести насъ слишкомъ далеко¹⁾.

Отсюда можно было бы вывести много заключеній; я отмѣчу только одно изъ самыхъ простыхъ, но заслуживающихъ не меньшаго вниманія съ точки зрѣнія будущаго морали. Путешественникъ, идущій черезъ дикій или варварскій архипелагъ или континентъ, встрѣчаетъ тамъ повсюду мелкія племена, до такой степени привязанныя къ дѣдовскимъ обычаямъ, что на первый взглядъ у нихъ все кажется

1) Было бы совершенно ошибочно видѣть въ этомъ ритмѣ случай ритмическаго колебанія, какъ понимаетъ его Спенсеръ, то есть дѣйствіе, за которымъ наступаетъ противодѣйствіе. Не будемъ смѣшивать *дѣйствіе* и *противодѣйствіе*, съ одной стороны, съ *объясненіемъ* и *укорененіемъ*, съ другой: тамъ второе уничтожаетъ первое, здѣсь первое находитъ себѣ продолженіе и дополненіе во второмъ.

самобытнымъ. Каждое изъ нихъ увѣрею, что оно должно имѣть исключительно ему принадлежащій языкъ, имѣть собственный уголъ, то-есть, что называется «*boire dans son verre*», особенныя религіозныя, политическія и артистическія понятія и т. д.

Но въ то же время этотъ путешественникъ замѣчаетъ, что на очень большомъ пространствѣ, несмотря на различіе расъ, эти разныя племена, герметически въ себѣ замкнутыя въ данный моментъ, имѣютъ извѣстный комплексъ общихъ корней, у ихъ религій—общій источникъ легендъ и мистерій, въ ихъ искусствѣ—общіе формы, приемы и задачи и т. д. Если при наличности этого замѣчательнаго сходства онъ захочетъ удержать гипотезу объ ихъ самобытности, съ которой онъ началъ, то онъ встрѣтитъ то же затрудненіе, которое встрѣчали всѣ до Дарвина¹⁾, чтобы согласовать сходство между отдѣльными особями одного и того же рода, семейства и порядка съ гипотезой объ ихъ независимомъ происхожденіи. Это затрудненіе какъ будто устраняется, когда гомологіи и аналогіи между людьми, открытыя сравнительной анатоміей обществъ, объясняются предполагаемымъ тождествомъ человѣческой природы и предполагаемой неизмѣнностью ея необходимаго вездѣ и всегда развитія. Но въ частности эта теорія приводитъ къ абсурду, что и обнаруживается при помощи наблюденій надъ нашими цивилизованными и получивилизованными обществами, гдѣ встрѣ-

1) Замѣтимъ мимоходомъ, что законъ Мальтуса и Дарвина о стремленіи всякаго рода къ распространенію и безконечнымъ видоизмѣненіямъ несомнѣнно долженъ быть пополненъ поправкою о стремленіи не обратномъ, но постепенномъ и чередующемся съ первымъ, къ закрѣпленію.

чаются подобныя же гомологіи и аналогіи, причина которыхъ обрисовывается съ достаточной для насъ ясностью. Съ энергіей, свойственной всякому унаслѣдованному отъ предковъ обычаю, католицизмъ цѣлыми вѣками держится въ Ирландіи и Бретани; но мы тѣмъ не менѣе не знаемъ именъ тѣхъ миссіонеровъ, которые внесли и пропандировали его тамъ подъ защитой широкаго идейнаго движенія, воспріимчиваго къ новому, враждебнаго старинѣ, какъ и всѣ наши революціонные кризисы. Во всемъ свѣтѣ первыя машины были введены на заводахъ и фабрикахъ всякаго рода, ставшихъ меньше, чѣмъ въ столѣтіе тамъ, гдѣ туристъ ихъ теперь видитъ, наслѣдственными и неискоренимыми мѣстами промышленнаго труда.

Но мы знаемъ, что паровую машину изобрѣлъ Уайтъ, что мало - по - малу изъ небольшого уголка Англіи она распространилась повсюду, и вездѣ, гдѣ рабочіе почитаютъ ее теперь, какъ старую знакомую, они раньше смотрѣли на нее непріязненно.

Нѣтъ ни одной ткацкой, вязальной или швейной машины, которую не постигла бы та же участь. Какъ ни національна нѣмецкая музыка, она пришла въ Германію изъ Италіи; какъ ни характерна для Греціи греческая скульптура, зерно ея занесено было въ Грецію съ Востока; при всей своей своеобразности этрусское искусство идетъ изъ Финикіи. Многіе выраженія и обороты нашего языка, употреблявшіеся сначала изъ любви къ новшествамъ, удержались позднѣе только благодаря пристрастію къ архаизмамъ. Нѣтъ ни одного литературнаго нововведенія, которое, распространяясь, не стало бы классическимъ, иначе говоря, традиціоннымъ.

Особенно настаивать на этомъ нѣтъ надобности: мы можемъ заключить, что всякое общественное явленіе, то-есть всякая личная инициатива, всякая своеобразная манера мыслить, чувствовать и дѣйствовать, пущенная кѣмъ-нибудь въ обращеніе, имѣетъ тенденцію распространиться въ качествѣ моды какъ среди первобытныхъ, такъ и среди культурныхъ людей и, распространившись, сдѣлаться кореннымъ обычаемъ какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ.

Для насъ важнѣе всего то, что не только языкъ, догматы, орудія и промышленные и артистическіе таланты стремятся сдѣлаться общими и такимъ образомъ утвердятся, но и чувства и привычки положительнаго или отрицательнаго свойства.

Сколько африканскихъ племенъ, среди которыхъ пьянство дошло до того, что стало цѣлымъ учрежденіемъ, получили отъ насъ, менѣе чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ, первый стаканъ водки, выпитый ими съ гримасами! Сколько милліоновъ европейцевъ похожи въ этомъ отношеніи на дикарей! Скверная привычка курить, занесенная въ Европу и весь Старый Свѣтъ нѣкоторыми американскими племенами, такъ укоренилась у насъ, что сигара въ Испаніи стала тѣмъ же, чѣмъ была трубка у краснокожихъ— національной эмблемой. Бутылка во всѣхъ странахъ, издавна предающихся пьянству, стала тоже чѣмъ-то вродѣ фетиша, какъ ружье въ Сициліи и Корсикѣ является объектомъ священнаго уваженія ¹⁾ въ качествѣ орудія традиціонныхъ убійствъ, или какъ кремневый ножъ у жрецовъ ацтековъ, служив-

¹⁾ Не уступаютъ «ни ружья, ни жены», говоритъ одна сицилійская пословица. Ружье упоминается раньше жены.

ній для вскрытія челоуѣческихъ жертвъ по требованіямъ обрядовъ, былъ предметомъ религіознаго почитанія. Изображеніе мужского члена, которое носили на шеѣ дѣти во времена Римской имперіи, символизировало культъ религіи наслажденій, начавшійся въ Сиріи, охватившій Римъ и все вокругъ него и пустившій крѣпкіе корни. Эпидемія какъ въ дѣлѣ пороковъ, такъ и въ дѣлѣ добродѣтелей немедленно дѣлается *diатезой*.

Всякая варварская или культурная добродѣтель, гостепріимство или честность, храбрость или трудолюбіе, цѣломудріе или благотворительность, прежде чѣмъ утвердятся въ какомъ-нибудь народѣ, непременно были сперва занесены къ нему извнѣ. Нѣтъ жестокости, причуды, формы разврата, суевѣрія, каковы, на примѣръ, антропофагія, ритуальное убійство стариковъ и больныхъ, татуировка, чародѣйство, разгадываніе сновъ и предзнаменованій, убійство политическихъ преступниковъ или конфискація ихъ имуществъ, допросъ съ пытками, дуэль, инквизиція и такъ далѣе, которые повсюду, гдѣ они встрѣчаются водворившимися подобно конституціональной болѣзни, не развились изъ чужеземнаго зародыша, занесеннаго вѣтромъ общественности. Не нелѣпость ли дуэль? А какимъ значеніемъ она пользуется у многихъ поколѣній въ цивилизованныхъ обществахъ и на цѣлыхъ континентахъ! ¹⁾

¹⁾ Она импонируетъ даже ученымъ, которые занимаются этимъ вопросомъ. Въ своей брошюрѣ *Du duel au point de vue medico légal* (Storck, Lion, 1890) д-ръ Тессье признаетъ, что дуэль *обязательна* въ арміи. Точно римская армія, никогда не знавшая дуэли, не отличалась храбростью и дисциплиной. Этотъ трудъ заключаетъ въ себѣ, впрочемъ, нѣсколько интересныхъ данныхъ, каковы, на примѣръ, слѣдующія: въ 1878 году во Франціи было

Возможно ли, однако, сомнѣваться въ томъ, что она была, какъ и всякая ордалія, всякая денежная пеня, индивидуальнымъ изобрѣтеніемъ, совершенно не заслуживающимъ своего громаднаго успѣха? Разумѣется, идея Суда Божія, въ видѣ борьбы между двумя жалобщиками, не могла самопроизвольно зародиться въ нѣсколькихъ мѣстахъ заразъ, въ то время, когда достаточно было бы обратиться къ суду, чтобы избѣжать поединка.

Было бы ошибочно думать, что всѣ народы, у которыхъ мы находили мѣстный обычай сѣдять плѣнниковъ, приносить въ жертву стариковъ, продавать или убивать новорожденныхъ, безчеловѣчно обращаться съ рабами и вообще имѣть рабовъ или пристраживаться къ кровавымъ играмъ цирка, къ *auto da fe*, къ бою быковъ, жестоки отъ природы; или, что народы, предающіеся педерастіи, каковы арабы или греки, отъ природы развратны; или что народности и классы, занимающіеся по національному обычаю конокрадствомъ, контрабандой, ростовщичествомъ, финансовыми спекуляціями, родились ворами. Истина въ томъ, что они сдѣлались такими, такъ какъ имѣли несчастье допустить проникновеніе къ нимъ извнѣ микробовъ какого-нибудь дурного примѣра. Было бы такой же ошибкой считать, что крѣпость, честность и врожденное цѣломудріе нѣкоторыхъ культурныхъ

647 дуэлей между невоенными; затѣмъ, на 77 поединковъ въ среднемъ приходится одинъ убитый; максимумъ дуэлей падаетъ на весну, *minimum*—на осень. Кто станетъ объяснять этотъ *minimum* и *maximum* вліяніемъ физическихъ факторовъ? Если никто, то почему же, спрашивается, это объясненіе имѣло больше успѣха въ примѣненіи къ самоубійству и убійству?

народовъ Европы защищаютъ ихъ отъ вторженія и утвержденія у нихъ извѣстной жестокости, разврата и гнусности, при одномъ упоминаніи о которыхъ ихъ коробить.

Чѣмъ цивилизованнѣе народъ и чѣмъ больше подчиняется онъ владычеству моды, тѣмъ внезапнѣе и стремительнѣе несетя лавина примѣровъ отъ высшихъ слоевъ городского населенія въ самые послѣдніе закоулки сель и деревень. Населеніе Римской имперіи, мирно расположившееся вокругъ своего голубого моря, было самымъ мягкимъ, самымъ человѣчнымъ, даже самымъ изнѣженнымъ, какое только можно было видѣть до XVIII вѣка во Франціи, но и оно не могло отказать себѣ въ удовольствіи посмотрѣть въ большой праздникъ рѣзни тысячъ гладиаторовъ, потому только, что таковъ былъ римскій обычай, заимствованный, вѣроятно, изъ Тарента. Подобно этому, XVIII вѣкъ закончился для насъ рѣзней французской революціи, причемъ каждое убійство въ Парижѣ, повторяясь въ немъ же, повторялось въ видѣ рѣзни и грабежа во всей Франціи. Это было не что иное, какъ *мода*, но она замѣтно стремилась перейти въ традицію при помощи авторитета «великихъ предшественниковъ».

Несчастье въ томъ, что какъ только для каго-нибудь преступленія или порока оказывается возможность прикрываться авторитетомъ предковъ, они начинаютъ считаться извинительными, даже уважаемыми и патріархальными и снискиваютъ себѣ всеобщія симпатіи и снисхожденіе присяжныхъ: таковы нанесенія ранъ ножомъ (*coltellate*) въ Италіи, убійства изъ мести въ Корсикѣ, *sfregio* въ Неаполѣ,

или въ известной коммерческой средѣ, поддѣлки торговыхъ документовъ, или поджогъ имущества самимъ хозяиномъ съ цѣлью полученія страховой преміи. Есть округа и кантоны, гдѣ это послѣднее преступленіе до такой степени вошло въ обычай, что страховыя общества отказываются возобновлять страхованія отъ пожара.

Sfregio настолько же въ обычаяхъ у неаполитанскихъ любовниковъ, насколько купоросъ у французскихъ обманутыхъ любовницъ. Оно позволяетъ первымъ насильно заставить обвѣнчаться съ собой подъ угрозой шрама на лицѣ, вторымъ — подъ угрозой ожога, еще болѣе обезображивающаго. Первый и второй способы носили сначала эпидемическій характеръ, а затѣмъ, первый, по крайней мѣрѣ, приобрѣли характеръ мѣстный.

Ударъ бритвою по лицу женщины до такой степени націонализировался въ окрестностяхъ Неаполя, что, по словамъ Гарофало¹⁾, «есть деревни, гдѣ ни одна молодая дѣвушка, кромѣ такихъ, которую охраняетъ ея некрасивая наружность, не имѣетъ шансовъ избѣжать его, если она не рѣшится на бракъ съ первымъ сдѣлавшимъ ей предложеніе». Тѣмъ не менѣе присяжные были до того снисходительны къ этому обычаю, что дѣла такого рода пришлось изъять изъ ихъ компетенціи. Императорскій Римъ считалъ игры въ циркѣ и амфитеатрѣ до такой степени невинными, что искренно и благородно возмущался человѣческими жертвоприношеніями у друидовъ, приблизительно такъ же, какъ мы приходимъ въ ужасъ отъ обычая полигаміи у

¹⁾ *La criminalogic*, во французскомъ переводѣ. 1888 г., стр. 280.

арабовъ, забывая о проституціи въ нашихъ городахъ, или какъ Англія боролась противъ торговли неграми, но не постѣснялась заживо хоронить тысячи женщинъ и дѣтей въ своихъ каменноугольныхъ коняхъ. Чтобы замѣтить возмутительный характеръ обычая, надо смотрѣть на него со стороны и издалека. Мы упрекаемъ дикарей въ томъ, что они отравляютъ свои стрѣлы, а сами изопряемъ свой умъ въ придумываніи неслыханно разрушительныхъ снарядовъ, митральезъ и торпедъ, которыя могутъ во мгновеніе ока взорвать самое крѣпкое военное судно или скосить на полѣ битвы двѣсти тысячъ человѣкъ въ теченіе одного часа. Ничто не можетъ сравниться съ прогрессомъ нашей военной и политической жестокости, кромѣ глубины его бессознательности; наша политическая печать внушаетъ только презрѣніе къ смерти; призывъ къ убійству и прославленіе убійства никого не удивляетъ. Но такая узаконенная преступность развивается главнымъ образомъ окольными путями. Вторженіе безнравственныхъ софизмовъ въ область морали, обмана — въ область честности столь же постоянны, сколько и нечувствительны.

Салонное остроуміе, какъ извѣстно, упражняется на крайней границѣ приличій и ловко отодвигаетъ эту границу все дальше и дальше, такъ что въ одинъ прекрасный день въ самомъ утонченномъ обществѣ люди заговорятъ о неприличнѣйшихъ въ мірѣ вещахъ, сохраняя всѣ приличія. Роль остроумія въ веселыхъ собраніяхъ свѣтскаго общества та же, что роль ловкости въ серьезныхъ дѣлахъ.

Она дѣйствуетъ на границѣ между порядочностью и безнравственностью и отодвигаетъ эту границу

такъ далеко, что въ самой цивилизованной и дѣловой средѣ можно позволить себѣ вполнѣ честно дѣлать величайшія подлости при всеобщемъ одобреніи. Если бы не было правосудія, то развѣ пристрастіе къ окрашиванію вина фуксиномъ у вино-торговцевъ, т.-е. отравленіе потребителей, не сдѣлалось бы вскорѣ упорной привычкой, такимъ же упорнымъ обычаемъ въ винныхъ погребахъ, какъ *clauses de styles* въ нотаріальныхъ актахъ?

VIII. Въ результатѣ пороки и преступленія, какъ и обязанности, и привычки порядочности, какъ слова и понятія, какъ все какія бы то ни было раздражательныя дѣйствія, подчиняются этому закону безграничной прогрессіи и безконечнаго упорства, который одновременно господствуетъ въ общественномъ и органическомъ мірѣ. Но этотъ законъ и здѣсь, и тамъ выражаетъ только стремленіе, иногда находящее поддержку, иногда, напротивъ, сопротивленіе при встрѣчѣ съ подобными же стремленіями, то благопріятствующими имъ, то конкурирующими съ ними. Возможно, мнѣ кажется, формулировать послѣдній выводъ изъ этихъ поддержекъ и конфликтовъ, и мы увидимъ тогда, что вопросъ о томъ, какимъ образомъ преступность то поддерживается, то задерживается просвѣщеніемъ, наукой, религіей, промышленностью и богатствомъ, искусствомъ и красотой, долженъ разрѣшиться при помощи общихъ законовъ, управляющихъ взаимнымъ соотношеніемъ религіи съ наукой, или науки съ промышленностью, или видовъ промышленности между собой. Но эти отвлеченныя формулы ничего не объясняютъ; перейдемъ лучше къ частнымъ и понятнымъ подробностямъ. Два снопа лучей раз-

личныхъ примѣровъ, исходящихъ отъ двухъ различныхъ и часто очень отдаленныхъ другъ отъ друга очаговъ мозга, начинаютъ скрещиваться между собой въ мозгу человѣка. Такимъ образомъ два луча *подражанія* встрѣчаются другъ съ другомъ. Можно, дѣйствительно, дать названіе луча группѣ людей, поочередно копирующихъ одинъ другого, передающихъ, такъ сказать, изъ рукъ въ руки одну какую-нибудь идею, потребность или пріемы, начиная съ изобрѣтателя ихъ и кончая индивидуумомъ, интересующимся ими. Они сцѣпляются какъ атомы эфира, которые передаютъ другъ другу одно и то же свѣтлое колебаніе. Предположимъ, что дѣло идетъ объ ученоемъ, въ которомъ встрѣтились два такихъ луча. Одинъ, идущій къ нему отъ Кювье, приноситъ ему убѣжденіе въ независимомъ происхожденіи каждаго вида, другой, идущій отъ Дарвина, убѣждаетъ его въ общемъ происхожденіи видовъ ¹⁾.

Очевидно, что одинъ изъ этихъ лучей долженъ остановиться въ немъ и уже не двигаться дальше, потому что оба эти воззрѣнія противорѣчатъ другъ другу; одно говоритъ: да, другое: нѣтъ. Если бы онъ тогда же случайно безсознательно отнесся къ

1) Зараженіе людей убѣжденіями и желаніями другъ отъ друга такъ похоже на зараженіе дѣйствіемъ и такъ смѣшивается съ послѣднимъ, что какъ первому, такъ и второму я считаю возможнымъ дать названіе — подражанія. Подражаніе убѣжденіямъ и подражаніе желаніямъ, правда, произвольны, въ то время какъ подражаніе дѣйствіемъ произвольно, но они тоже производятся сознательно и одинаково связаны съ тождествомъ личности. Сущность личности часто лучше выражается въ фатальныхъ для нея убѣжденіяхъ и страстяхъ, чѣмъ въ самыхъ обдуманныхъ дѣйствіяхъ. Вотъ почему какъ тѣ, такъ и другія обусловливаютъ, по-нашему, полную отвѣтственность.

этому противорѣчію, какъ это часто бываетъ съ неменѣе крупными противорѣчіями между извѣстными религіозными догматами и извѣстными научными теоріями, которые иногда безъ затрудненія совмѣщаются въ нѣкоторыхъ сложныхъ умахъ, то не было бы вопроса объ остановкѣ.

Но рано или поздно всякое противорѣчіе даетъ себя знать. Наоборотъ, если въ мозгу какого-нибудь астронома скрещивается идея Ньютона о всемірномъ тяготѣніи и идея Леверье относительно открытія Нептуна, то его первое убѣжденіе усилится, потому что второе, независимо отъ перваго, утверждаетъ опредѣленно то, что утверждаетъ и первое, говоритъ *да* тамъ, гдѣ первое говоритъ тоже *да*, что и принято называть согласованіемъ.

Интерференція въ этомъ случаѣ является созиданіемъ, въ предыдущемъ—разрушеніемъ. Представимъ себѣ врача, страстно любящаго путешествовать по желѣзной дорогѣ,—это желаніе спеціальное, и оно перешло къ нему по прямой линіи отъ первыхъ путешественниковъ, вошедшихъ въ вагонъ; онъ въ то же время съ жаромъ старается излѣчить своихъ кліентовъ,—желаніе профессиональное, переданное ему по восходящей линіи врачей, начиная отъ Гиппократата. Эти два желанія сталкиваются въ немъ; они тоже противорѣчивы, но въ иномъ смыслѣ, а именно въ томъ, что одно мѣшаетъ другому идти къ цѣли. Каждое изъ нихъ по отношенію къ цѣли другого является препятствіемъ. Удовлетворить одно значитъ *не* удовлетворить другое; одно хочетъ, чтобы было *да*, другое—чтобы было *нѣтъ*. Если, наоборотъ, оба желанія согласуются, какъ это можетъ быть, напримѣръ, съ

желаніями провинціального кандидата правъ быть депутатомъ и жить въ Парижѣ, то можно сказать, что одно подтверждаетъ другое, такъ какъ осуществленіе перваго совпадаетъ съ осуществленіемъ второго.

Я извиняюсь въ томъ, что такъ долго останавливаюсь на такихъ простыхъ и ясныхъ случаяхъ, но они одни только позволяютъ мнѣ разобраться въ этихъ трудныхъ и запутанныхъ вопросахъ.

Представимъ себѣ теперь человѣка не только убѣжденнаго и стремящагося, но и дѣйствующаго; вотъ когда должно проявиться противорѣчіе между его убѣжденіями и желаніями. Приходится ли ему говорить, или дѣйствовать, онъ долженъ выбирать между противорѣчивыми понятіями и страстями, которыя имъ овладѣваютъ. Но развѣ онъ встрѣчаетъ въ этотъ моментъ новыя затрудненія? Нѣтъ, все то же, только подъ другими названіями. Чтобы выразить одно понятіе или одно убѣжденіе, къ его услугамъ являются два слова или два способа выраженія: *два луча словеснаго подражанія*, различное происхожденіе которыхъ часто бываетъ вполне возможно установить, отыскавъ ихъ у двухъ извѣстныхъ писателей, которые ввели ихъ въ употребленіе; эти два луча тоже сталкиваются. Почему же? Потому что для оратора весь вопросъ заключается въ томъ, который изъ двухъ ораторскихъ приемовъ лучше; слѣдовательно, утверждать, что одинъ лучше, значитъ отрицать это въ другомъ. Подобно этому, чтобы осуществить извѣстное желаніе, сфабриковать какой-нибудь продуктъ, удовлетворить потребность тратить деньги, дѣловому человѣку, фабриканту и потребителю предоставляются

два средства, два приема, два пункта; эти средства и приемы принадлежать различнымъ изобрѣтателямъ. Таковы, на примѣръ, колесо или винтъ для парохода, мѣдные или стальные жернова для размалыванія зерна, газъ или электричество для освѣщенія, рожь или маисъ для пищи и т. д. Вопросъ въ томъ, который изъ приемовъ или пунктовъ выгоднѣе; избрать одинъ значитъ найти его выгоднымъ, а другой—не выгоднымъ. Поэтому если не принимать во вниманіе цѣли, которой они въ данный моментъ удовлетворяютъ, то приемъ, пунктъ, орудіе, трудъ, дѣленіе вовсе не противорѣчатъ другъ другу, какъ не противорѣчатъ другъ другу понятія, носящіяся *въ воздухъ*, независимо отъ всякихъ положительныхъ или отрицательныхъ предположеній. Такъ, во всѣхъ случаяхъ, гдѣ не приходится конкурировать съ винтомъ, колесо можетъ употребляться свободно, и распространеніе винта не будетъ служить ему препятствіемъ.

Точно такъ же булыжный жерновъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда дѣло идетъ о размалываніи зерна, и электричество, если дѣло это касается освѣщенія, могутъ свободно развиваться, не встрѣчая препятствій въ распространеніи мѣдныхъ жернововъ и газа; употребленіе одного слова не мѣшаетъ употребленію другого, независимо отъ ихъ смысла, если они не синонимы. Точно такъ же развитіе самоубійства мѣшаетъ развитію убійства лишь тамъ, гдѣ, какъ, на примѣръ, на востокѣ, то и другое являются двумя различными средствами отомстить за себя врагу: пытаются найти у насъ въ Европѣ, вмѣстѣ съ Ферри и Марселли, обратный законъ въ ходѣ этихъ двухъ бичей человѣчества,

столь глубоко различныхъ между собой — значить обманывать себя.

Эта иллюзія и была разрушена ¹⁾.

То же самое, если развитіе труда въ какой-нибудь странѣ оказываетъ сопротивленіе развитію воровства и наоборотъ, то это дѣлается въ зависимости отъ того, насколько трудъ и воровство являются двумя различными средствами для добыванія денегъ, *предоставленными одновременно одному и тому же лицу*. У дегенерантовъ и лѣнтыевъ, нежелающихъ работать, ни этотъ выборъ, ни это столкновеніе двухъ мнѣній не имѣютъ мѣста.

Поскольку рѣчь идетъ о дегенерантахъ и лѣнтыяхъ, прогрессъ полезной дѣятельности не задерживаетъ прогресса туеядства; возможно даже, что первая косвенно благопріятствуетъ второму, если, напримѣръ, благодаря чрезмѣрному напряженію промышленныхъ и интеллектуальныхъ силъ, она истощаетъ рабочіе и интеллигентные классы и увеличиваетъ среди нихъ количество случаевъ вырожденія и неизлѣчимой лѣни. Такъ, развитіе желѣзныхъ дорогъ ничуть не повредило пользованію лошадьми, потому что если, съ одной стороны, оно уничтожило дилижансы, то, съ другой, помогло увеличить число короткихъ путешествій въ каретѣ или омнибусѣ, для которыхъ безразлично, какой силой пользоваться — паровой или лошадиной.

Какъ бы то ни было, мы можемъ установить слѣдующій принципъ: каждый разъ, какъ статистика открываетъ намъ между двумя одновременными пропагандами замѣтное обратное соотношеніе, какъ,

¹⁾ См. нашу *Criminalité comparée*.

напримѣръ, между религіей и наукой, просвѣщеніемъ и отравленіемъ виноторговцами кліентовъ, между эмиграціей въ извѣстную страну и самоубійствомъ, между предупрежденіемъ дѣторожденій и рождаемостью, такъ, что одна развивается за счетъ другой, то это значитъ, что одна предполагаетъ отрицаніе тамъ, гдѣ другая настаиваетъ на утвержденіи, хотя иногда и трудно бываетъ отличить, гдѣ именно скрывается это глубоко лежащее и неясное противорѣчіе. И наоборотъ, гдѣ статистика обнаруживаетъ намъ между двумя одновременными пропагандами совершенно ясную параллель, какъ, напримѣръ, между распространеніемъ страхованій и поджогами, бродяжествомъ и воровствомъ, городской жизнью и преступленіями противъ нравственности, то мы можемъ быть увѣрены, что одна предполагаетъ утвержденіе тамъ, гдѣ другая тоже утверждаетъ, и что одна преслѣдуетъ тѣ же цѣли, что и другая; въ обоихъ предположеніяхъ (остается еще только третье предположеніе распространенія разнородныхъ примѣровъ, скрещивающихся безъ ущерба другъ для друга, какъ звуковыя волны въ воздухѣ) общество совершало надъ собой логическую работу. Оно стремилось упразднить антитезу и утвердить синтезъ и сдѣлало шагъ впередъ къ логическому единству, мечта о которомъ составляетъ смыслъ его жизни, какъ смыслъ жизни философа заключается въ медленной и дорогой для него обработкѣ его системы, «быть можетъ, и обманчивой, но всегда, навѣрное, плѣнительной».

IX. Я сказалъ, что въ своей непрестанной борьбѣ и состязаніи подражаній общество совершаетъ логическую работу; но не лучше ли было бы назвать

но телеологической? Скажемъ и то, и другое; но логика освѣщаетъ телеологию, какъ геометрія или алгебра освѣщаютъ механику, а не наоборотъ. Говоря правду, нѣтъ дѣйствія, которое не выражало бы собой скрытаго убѣжденія. Мыться—для мусульманина значить свидѣтельствовать объ истинности Корана; подавать милостыню—для христіанина значить свидѣтельствовать о божественной природѣ Христа и безсмертіи души; работать — для земледѣльца значить утверждать, что земля—мать всякаго богатства; лѣпить, писать красками, сочинять стихи—для художника значить утверждать, что назначеніе природы состоитъ въ томъ, чтобы служить источникомъ темъ для статуй, пейзажей и стиховъ для скульптора, живописца или поэта.

Точно такъ же всякая, даже просто теоретическая идея, противорѣчащая какому-нибудь изъ этихъ утвержденій, дойдя до лица, самыя завѣтныя убѣжденія котораго она отрицаетъ, рискуетъ тѣмъ, что источникъ ея дѣятельности изсякнетъ; и нѣтъ силы, болѣе могущественной, чѣмъ это непрестанное вліяніе, отъ котораго никто себя не охранить. И развѣ порочныя и преступныя дѣйствія не предполагаютъ, какъ и всякія другія, только, быть можетъ, въ меньшей степени, существованія какого-нибудь особаго убѣжденія, извѣстной жизненной, если не міровой, теоріи, привитой преступнику? Послѣдній, даже если онъ суевѣренъ, какъ это бываетъ въ Италіи, имѣетъ свой оптимизмъ и свой пессимизмъ, очень давняго происхожденія, которое, не заключая въ себѣ ничего научнаго, просто слишкомъ послѣдовательно; онъ думаетъ только о деньгахъ, о чувственномъ наслажденіи, о власти; онъ не только практи-

куетъ, но и исповѣдуетъ право убивать и грабить, какъ другіе—право трудиться, и безъ Дарвина онъ представляетъ себѣ жизнь, какъ борьбу за существованіе, гдѣ убійство чередуется съ грабежомъ. Я не хочу намекнуть этимъ на то, что популяризація теоріи Дарвина послужила, быть можетъ, закваской преступности, по крайней мѣрѣ, въ ея высшей и очищенной формѣ; потому что всякая научная система, матеріалистическая или спиритуалистическая, есть актъ вѣры въ божественность знанія и въ долгъ пожертвовать ему своей жизнью, точно такъ же, какъ всякое произведеніе искусства съ чертами чувственности или аскетизма, реалистическое или идеалистическое, есть актъ вѣры въ божественность искусства и въ долгъ ради него умерщвлять свою плоть и умереть за него¹⁾.

¹⁾ Думая, что человѣкъ науки обязанъ отвѣчать за преступленія, которыя можетъ вызвать чтеніе его произведеній въ какомъ-нибудь негодяѣ, авторъ *Disciple* становится на столько же ложную, сколько и бабальную точку зрѣнія, совершенно недостойную его блестящаго таланта. Ему меньше, чѣмъ кому-либо другому, приличествуетъ считать преступнымъ отрицаніе свободной воли, отрицаемой всѣми его романами, содержаніе которыхъ состоитъ въ иллюстрированіи всемогущества психологической наследственности. Чтобы продолжить *Disciple*, онъ долженъ былъ бы для своего послѣдующаго труда изучить недоброкачественное дѣйствіе, производимое на читателей романистами, а не философами. Его собственныя произведенія, я боюсь въ этомъ за него, съ ихъ изобиліемъ тончайшихъ анализовъ, изъ которыхъ выводится глубоко видѣрящаяся мысль, что только для любви, даже для призраковъ любви, стоило родиться на свѣтъ, должны были ввести въ соблазнъ многихъ молодыхъ людей и многихъ женщинъ; и я сомнѣваюсь, чтобы на совѣсти авторовъ теорій детерминизма было столько прелюбодѣній или другихъ преступленій этого рода, которыя могли привести къ злодѣяніямъ болѣе серьезнымъ и другого характера.

Во всякомъ случаѣ, навѣрное, уже не свойство научнаго ума или артистическаго чувства способно вдохновлять преступленіе; эти теоріи рисковали бы тогда тѣмъ, что изсякнутъ ихъ источникъ, и если дарвинизмъ приведетъ къ нигилизму, а реализмъ — къ порнографіи, то ни Дарвинъ, ни Золя за это не отвѣчаютъ.

Точно такъ же не религіозному чувству свойственно поддерживать грубое *credo* преступной души; оно является его болѣе яркимъ обличителемъ и еще болѣе сильнымъ противникомъ. Пускай христіанство проповѣдуется лицомърами и вырождается иногда, очень рѣдко, впрочемъ, въ суевѣріе, способствующее даже преступленію, пускай онъ выражается въ ношеніи на шеѣ разбойниками образковъ и въ молитвѣ за успѣшный исходъ *женоубійства*, тѣмъ не менѣе убійцы и воры даже въ Западной Европѣ въ общемъ отличаются своей относительной нерелигіозностью¹⁾.

¹⁾ Статистика Марро по этому поводу (*op. cit.*) основывается на слишкомъ незначительныхъ цифрахъ, чтобы имѣть болѣе или менѣе солидный вѣсъ въ этомъ вопросѣ. Изъ нея можно вывести только то, что изъ преступниковъ правильно посѣщало церковную службу 45%, а изъ обыкновенныхъ людей — 57% (въ Италіи). Среди преступныхъ женщинъ эта разница выступаетъ еще болѣе рѣзко, въ виду того, что религіозный вопросъ имѣетъ для женщинъ большее нравственное значеніе, чѣмъ для мужчинъ. Не правда ли, что значительную часть огромной разницы между мужской и женской преступностью слѣдуетъ отнести на счетъ большей религіозности женщинъ по сравненію съ мужчинами? Женская преступность даетъ пропорцію, которая колеблется между $\frac{1}{10}$ и $\frac{1}{3}$ мужской преступности.

Въ *Revue philosophique* (май 1890) я сличилъ относящіяся къ этому вопросу противорѣчивыя объясненія Колаянни и Жоли и задумалъ, предпочитая все-таки объясненіе второго, какъ исключительно религіозное, объясненію перваго, какъ исключительно экономическому, что я могу замѣнить оба объясненія моимъ

Но есть чувство, которое, становясь общимъ, можетъ согласоваться съ однимъ дорогимъ для преступниковъ принципомъ, если оно развивается въ душѣ, не встрѣчая достаточнаго противовѣса. Это то, что можно назвать чувствомъ меркантильнымъ — исключительнымъ культомъ золота и непосредственныхъ наслажденій. Точно такъ же, хотя привычка къ промышленному труду, всюду, гдѣ она конкурируетъ съ привычкой къ воровству и отличается тѣмъ, что отбрасываетъ послѣднюю, какъ противорѣчивое и низкое средство для достиженія той же цѣли или выраженія того же взгляда на жизнь, но легко можетъ случиться, что промышленность, удвоивъ свое стремленіе къ этой цѣли или вѣру въ этотъ взглядъ на жизнь, можетъ вызвать ростъ пре-

личнымъ и совѣмъ инымъ толкованіемъ: нравственность женщины, какъ нравственность негровъ въ нашихъ колоніяхъ до ихъ освобожденія, зависитъ отъ ихъ подчиненности; и вотъ почему: чѣмъ больше эмансипируется женщина, переходя изъ сельской среды въ городскую, изъ менѣе цивилизованной страны, какова Англія, на примѣръ, Италія, въ болѣе цивилизованную, какова Франция, тѣмъ больше увеличивается ея преступность и тѣмъ больше приближается она къ мужской. Но по зрѣломъ размышленіи эта гипотеза удовлетворила меня еще меньше, чѣмъ гипотеза Жоли: пускай себѣ французская женщина эмансипировалась уже полвѣка тому назадъ, ея относительная преступность все-таки понизилась съ 20 до 14 на сто осужденныхъ или обвиняемыхъ, въ то время какъ, по моей гипотезѣ, она должна была подняться. Но это пониженіе прекрасно согласуется съ объясненіемъ Жоли, потому что уже полвѣка тому назадъ разстояніе, существующее у насъ между двумя полами съ точки зрѣнія религіозныхъ убѣжденій и дѣйствій, шло, разумѣется, все увеличиваясь. Мы видимъ, что въ Бретани, гдѣ мужчины наши такъ же религіозны, какъ женщины, женская преступность почти сравнялась съ мужской, какъ и въ самыхъ цивилизованныхъ кругахъ общества, гдѣ женщина почти такъ же мало религіозна, какъ и мужчина.

ступности. Точно такъ же распространеніе желѣзныхъ дорогъ, возбуждая страсть къ путешествіямъ, увеличило косвеннымъ образомъ количество общественныхъ и принадлежащихъ частнымъ лицамъ экипажей и въ результатѣ развило ѣзду въ нихъ, хотя вагонъ и исключаетъ надобность пользоваться общественнымъ или частнымъ экипажемъ, всюду, гдѣ они соперничаютъ между собою, исторія промышленности полна такими примѣрами. Хотя печатный станокъ и вытѣсняетъ переписчика всюду, гдѣ имъ приходится соперничать, но печать, развивая любовь къ чтенію и пристрастіе къ буквѣ, увеличила, въ концѣ-концовъ, число переписчиковъ, занятыхъ писаніемъ и переписываніемъ въ бюро. Хотя механическія ткацкія фабрики убили всѣ мелкія предпріятія ткачей въ своемъ сосѣдствѣ и всюду, гдѣ произведенія тѣхъ и другихъ вступаютъ въ серьезное состязаніе въ умѣ потребителя, но прогрессъ первыхъ, развивая потребность одѣваться, и понятіе о личномъ достоинствѣ, связанномъ съ заботой о костюмѣ, вызвалъ увеличеніе числа вторыхъ во многихъ селахъ, куда произведенія фабрикъ не успѣли еще проникнуть, но гдѣ потребность въ нихъ уже даетъ себя чувствовать; потому что потребности и понятія, вызванныя тѣмъ или другимъ родомъ производства, развиваются съ большей быстротой, чѣмъ это послѣднее, такъ какъ люди заражаются другъ отъ друга скорѣе, чѣмъ растетъ сбытъ товаровъ. Это несоотвѣтствіе въ быстротѣ двухъ видовъ раздражательнаго распространенія: распространенія цѣлей и распространенія средствъ, распространенія идей и распространенія способовъ ихъ выраженія заслуживало бы вниманія экономистовъ; въ ихъ

области оно объяснило бы очень многое¹⁾. Въ нашей области его не слѣдуетъ терять изъ виду, когда приходится изучать соотношеніе между преступностью и просвѣщеніемъ, воспитаніемъ, богатствомъ, трудомъ и т. д.

Безполезно повторять то, что уже говорилось повсюду о доказанной теперь недѣйствительности первоначальнаго обученія, самого по себѣ разсматривавшагося отдѣльно отъ религіознаго и моральнаго воспитанія. Такой результатъ не долженъ быть для насъ неожиданнымъ. Умѣнье читать, писать, считать, разбираться въ нѣкоторыхъ элементарныхъ понятіяхъ географіи или физики ни въ чемъ не противорѣчить затаеннымъ понятіямъ, выражающимся въ преступныхъ наклонностяхъ, и ничѣмъ не противорѣчить преслѣдуемой этими наклонностями цѣли; этого совершенно недостаточно для того, чтобы внушить ребенку, что существуютъ лучшія средства для достиженія его цѣли, чѣмъ преступленіе. Это только поможетъ преступленію найти новые ресурсы для усовершенствованія своихъ

¹⁾ Напримѣръ, распространеніе финикійской торговли по побережью Средиземнаго моря, венеціанской—въ христіанскомъ мірѣ, англійской—въ цѣломъ свѣтѣ оно объяснило бы тѣмъ, что потребность потребленія извѣстныхъ продуктовъ развивается всегда быстрее, чѣмъ потребность и умѣние производства соотвѣствующихъ предметовъ. Всегда и вездѣ догадливая нація пользовалась болѣе или менѣе долгимъ промежуткомъ, протекающимъ между возникновеніемъ двухъ потребностей у народовъ, среди которыхъ производился сбытъ товаровъ. Этимъ народамъ, чтобы употреблять то, чего они еще не умѣютъ или не хотятъ производить, остается только выбирать между двумя слѣдующими рѣшеніями: согласиться на цѣну, предлагаемую иностраннымъ фабрикантомъ, или покорить его съ помощью военной силы и вынудить фабриковать продукты за безцѣнокъ

пріемовъ, ставшихъ менѣе жестокими, но болѣе коварными, а иногда даже укрѣпить его. Въ Испаніи, гдѣ пропорція неграмотныхъ составляетъ двѣ трети всего населенія, приблизительно только около половины ихъ насчитывается среди преступниковъ¹⁾. Марро констатировалъ, что среди преступниковъ, обслѣдованныхъ имъ очень внимательно, пропорція лицъ, получившихъ первоначальное образованіе, достигаетъ 74⁰/₀, въ то время какъ среди людей съ безупречной нравственностью, съ которыми онъ ихъ сравниваетъ, эта пропорція составляетъ лишь 67⁰/₀. Но развѣ смягченіе грубыхъ свойствъ человѣческаго разума при помощи высокой культуры не должно бы было имѣть моральнаго воздѣйствія на его природу? До возвышенныхъ и трудно достигаемыхъ истинъ можно дойти только медленнымъ, размѣреннымъ шагомъ, не поддаваясь усталости и избѣгая ложныхъ шаговъ; нѣтъ болѣе высокой моральной дисциплины, чѣмъ этотъ трудный путь и этотъ порывъ сердца къ конечной цѣли, который не имѣетъ ничего общаго съ соннымъ спокойствіемъ низкой души. Что требуется въ этомъ случаѣ отъ статистики? Я знаю, что во Франціи либеральныя профессіи давали очень низкій процентъ преступниковъ, пока ихъ смѣшивали вмѣстѣ съ собственниками и рантье, но когда ихъ отдѣлили отъ послѣднихъ, то этого уже не наблюдалось. Тогда нашли, что пропорція ихъ преступленій сильно

Этотъ послѣдній способъ, часто встрѣчающійся въ исторіи, осуществляется въ частной жизни въ видѣ воровства, мошенничества или убійства изъ корысти.

¹⁾ *La criminalidad en Espana*, par Imeno Agius, Revista de Espana, октябрь 1885 г., февраль 1886 г.

увеличилась, выразившись въ 28 на 100.000 чело-
ловѣкъ, въ то время какъ на 100.000 земле-
дѣльцевъ приходится лишь 16, а на ту же цифру
рантье и собственниковъ 6 преступниковъ. Я знаю
также, что въ Пруссіи и, быть можетъ, въ Италіи,
статистика выяснила тѣ же результаты. Но развѣ
это доказываетъ что-нибудь кромѣ того, что нрав-
ственная польза, приносимая высшимъ образова-
ніемъ, обращается въ недостатокъ, если она слу-
житъ только для добыванія денегъ тамъ, гдѣ кон-
куренція сильнѣе и опасности многочисленнѣе,
чѣмъ гдѣ бы то ни было? Нужно замѣтить, что изъ
такъ-называемыхъ либеральныхъ профессій та, къ
которой принадлежатъ люди безъ высшей теоретиче-
ской подготовки,—нотариатъ, съ нѣкотораго времени
отличается ужасающимъ прогрессомъ преступности.

Число исключенныхъ изъ сословія представителей
адвокатуры, колебавшееся еще въ 1881 году между
18 и 25 въ годъ, дошло постепенно до 75 въ годъ
въ 1887 году.

Одинъ новый писатель¹⁾ въ наслажденіи, доставляе-
момъ произведеніемъ искусства, видитъ противовѣсъ
наслажденію, которое получается отъ осуществленія
какого-нибудь славнаго предпріятія военнымъ или
гражданскимъ государственнымъ дѣятелемъ; этимъ
онъ объясняетъ упадокъ военныхъ и политическихъ
способностей у народовъ, среди которыхъ процвѣ-
таетъ литература и искусство; онъ прибавляетъ, что
уменьшеніе жестокихъ преступленій въ данной средѣ
съ момента проникновенія туда литературнаго вкуса
объясняется тѣмъ же. Это сопоставленіе не лишено

1) Emile Hannequin, *Critique scientifique*, Didier, 1888.

справедливости. Извѣстно, что потребность въ сильныхъ ощущеніяхъ не стремится больше къ удовлетворенію путемъ изнасилованія или убійства, совершаемыхъ на дѣлѣ, если она уже удовлетворена чтеніемъ, какъ это бываетъ у любителей реалистическихъ романовъ, принадлежащихъ къ разряду самыхъ нетребовательныхъ читателей. Современная литература, далекая обыкновенно отъ того, чтобы стать побудительной причиной преступленія, какъ думали раньше, благодаря свойству ея темъ (я не говорю о литературѣ, состоящей изъ подробныхъ отчетовъ о засѣданіяхъ суда присяжныхъ), могла бы сдѣлаться отвлекающимъ отъ преступленія средствомъ. Къ несчастію, нельзя сказать того же по отношенію къ ея дѣйствию на порочныя наклонности, которыя она, несомнѣнно, возбуждаетъ, а вѣдь порочность часто предрасполагаетъ къ преступленію. Но прогрессъ преступности идетъ медленно, чѣмъ связанный съ нимъ прогрессъ порочности. Впрочемъ, даже и на порочность самая безнравственная литература оказываетъ скорѣе кажущееся, чѣмъ дѣйствительное вліяніе, хотя это вліяніе, несомнѣнно, существуетъ, потому что здѣсь, какъ и вездѣ, «мечта замѣняетъ дѣйствіе».

Х. Я не замедлю указать на облагораживающее вліяніе домашняго воспитанія на дѣтей. Что же касается труда, о которомъ мы сказали лишь нѣсколько словъ мимоходомъ, то этотъ вопросъ заслуживаетъ болѣе продолжительнаго вниманія. Полетти¹⁾ установилъ по этому поводу оригинальную

¹⁾ *Il sentimento nella scienza del diritto penale* (Udine, 1882).

теорію, которая уже оживленно обсуждалась во Франціи и Италіи ¹⁾).

Не возобновляя этого исчерпаннаго уже вопроса, мы должны сказать, въ чемъ именно, на нашу взглядъ, состоитъ вытекающая изъ него истина. Полетти соглашается съ тѣмъ, что общее число пороковъ и преступленій утроилось въ теченіе полувѣка во Франціи, и съ тѣмъ, что приходится констатировать такое же повышеніе во всѣхъ нашихъ цивилизованныхъ странахъ; правда, онъ считаетъ необходимымъ вывести отсюда, что прогрессъ нашей промышленной цивилизаціи связанъ съ прогрессомъ преступности, но его восторгъ передъ нашей промышленной цивилизаціей отъ этого не страдаетъ. Почему же? Потому что, по его мнѣнію, если индустрія и вызываетъ преступность, но все же она сама растетъ скорѣе, чѣмъ эта преступность, а меньшій ростъ преступности уже подразумѣваетъ ея дѣйствительное относительное уменьшеніе. Во Франціи (статистика этой страны и подала мысль разсматривать этотъ вопросъ именно такимъ образомъ) съ 1826 года до 1878 ввозъ увеличился со 100 до 700, вывозъ приблизительно настолько же, стоимость движимаго и недвижимаго имущества, оставленнаго по наслѣдству, судя по публикаціямъ, поднялась приблизительно со 100 до 300. Изъ этихъ и подобныхъ этимъ сравненій можно вывести, что народное богатство Франціи, другими словами — ея производительная дѣятельность, въ этотъ промежутокъ времени учетверилось, а ея преступность увеличилась лишь со 100 до 254; значитъ, на равное число актовъ созиданія приходилось въ 1878 году

¹⁾ *Revue philosophique*, наша статья объ уголовной статистикѣ

меньшее количество актов разрушенія, чѣмъ ихъ было въ 1826 году; отсюда чистая прибыль преступности, если мнѣ позволять перевести такъ мысль Полетти, замѣтно понизилась, въ то время какъ ея валовая прибыль увеличилась. Здѣсь двѣ ошибки: одна состоитъ въ томъ, что зло, которое случайно, косвенно и временно связано съ индустріей, разсматривается какъ ея логическое, постоянное и неизбежное слѣдствіе; другая — въ слѣпомъ самообманѣ мыслью, что это зло есть, въ сущности, добро. Первое заблужденіе обнаруживаетъ слишкомъ мрачный взглядъ на промышленность, второе — слишкомъ большое пристрастіе къ ней. Первая ошибка ставитъ его въ противорѣчіе со Спенсеромъ, по словамъ котораго ¹⁾, въ промышленномъ обществѣ должно быть «очень небольшое, если не совершенно ничтожное количество» преступниковъ, и если статистика противорѣчитъ въ этомъ Спенсеру, то не менѣе вѣрно то, что трудъ, по его мнѣнію, за исключеніемъ зловреднаго вліянія, производимаго въ нѣкоторыхъ случаяхъ потребленіемъ его продуктовъ, является самымъ могущественнымъ двигателемъ нравственного усовершенствованія.

Вторая ошибка создаетъ противорѣчіе съ разумомъ. Предположимъ на минуту, что цивилизація вызываетъ преступленіе, какъ колебаніе эѳира вызываетъ свѣтовое ощущеніе; но изъ того, что, по знаменитому психофизическому закону, ощущеніе

(январь 1883). *Вся школа позитивистовъ въ Италіи*, Ферри и Гарофало въ особенности, согласилась съ формулированными въ этой статьѣ мнѣніями.

¹⁾ *Principes de sociologie*, т. III, стр. 814.

растетъ только какъ логарифмъ его возбужденія, вовсе не слѣдуетъ, что если я зажигаю девять свѣчекъ, вмѣсто трехъ, или 27, вмѣсто 9, то я буду видѣть хуже, потому что интенсивность моего зрѣнія увеличивается лишь отъ двухъ до трехъ и отъ трехъ до четырехъ. Нельзя судить о преступности націи и эпохи, какъ судятъ о безопасности способовъ передвиженія; имѣютъ, конечно, право говорить, что, несмотря на ежегодное и съ каждымъ годомъ растущее число случайно убитыхъ и раненыхъ, желѣзныя дороги становятся все менѣе и менѣе опаснымъ способомъ передвиженія, потому что число смертныхъ случаевъ и увѣчій, по отношенію къ числу пройденныхъ локомотивомъ километровъ, постепенно уменьшается. Но почему можно степень опасности путешествій выражать не количествомъ несчастныхъ случаевъ, взятыхъ отдѣльно, по отношеніемъ этого количества къ разстоянію? Основаніе этого состоитъ въ томъ, что, дѣйствительно, существуетъ неизбѣжная и нерасторжимая связь между ростомъ числа путешествій и происходящихъ время отъ времени крушеній. Даже въ томъ случаѣ, если бы всѣ дѣловые люди и путешественники возымѣли твердое и опредѣленное желаніе избѣгать крушеній, послѣднія неизбѣжно происходили бы; въ то время какъ если бы весь міръ вполне серьезно и разъ навсегда рѣшилъ, чтобы не было преступленій, то ихъ не было бы. Предположимъ, что предусмотрительность и осторожность дѣловыхъ людей и путешественниковъ будетъ всегда одинакова, число крушеній будетъ все-таки увеличиваться соотвѣтственно увеличенію количества поѣздовъ. Но если при постоянно оди-

наковомъ уровнѣ общественной нравственности и всѣхъ остальныхъ условій увеличится количество труда, то только будетъ расти преступленіе? А priori можно предсказать противное; а posteriori доказательство можно найти тамъ, гдѣ случайно встрѣчаются условія, желательныя для наблюденія надъ изолированнымъ вліяніемъ труда на преступность, независимо отъ вмѣшательства всякихъ другихъ вліяній. Можно думать, что съ 1860 по 1867 годъ нравственность почтовыхъ чиновниковъ осталась все той же и трудъ ихъ не измѣнился, но интенсивность его сильно увеличилась; число денежныхъ писемъ увеличилось въ $2\frac{1}{4}$ раза, въ то время какъ число такихъ писемъ, ежегодно исчезавшихъ, другими словами, украденныхъ, постепенно опустилось съ 41 до 11. Значитъ, сознаніе профессиональнаго долга растетъ тѣмъ больше, чѣмъ чаще представляются случаи его выполнить, и вслѣдствіе этого оно должно все больше и больше брать верхъ надъ силой дурныхъ инстинктовъ, при условіи, что она остается все той же.

Всякій педагогъ очень удивился бы, если бы его спросили, не увеличивается ли въ его классѣ число наказаній по мѣрѣ того, какъ этотъ классъ становится трудолюбивѣе?

Но дѣло въ томъ, что трудъ бываетъ разный; если въ какомъ-нибудь классѣ, наиболѣе трудолюбивомъ, трудъ распределенъ плохо, — непосилень для однихъ, которыхъ онъ утомляетъ и которымъ разбиваетъ нервы, недостаточенъ для другихъ, которые отъ него отвыкаютъ, или если онъ плохо направленъ, благодаря неумѣло поставленнымъ занятіямъ сочиненіями и вреднымъ чтеніемъ, возбу-

ждающимъ чувственность, тщеславіе и жажду преждевременныхъ наслажденій или соперничества въ виду предстоящей награды; въ такомъ случаѣ легко можетъ быть, что прогрессъ труда сопровождается прогрессомъ невоздержанности, порочности и всевозможныхъ школьныхъ недостатковъ. Аналогичное явленіе происходитъ въ нашихъ городахъ, гдѣ безумное стремленіе къ роскоши превышаетъ стремленіе къ труду и гдѣ преступленія противъ нравственности увеличились въ 6 и 7 разъ въ то время, какъ народное богатство увеличилось только втрое или вчетверо. Соціалисты, значить, правы, ставя на счетъ неправильнаго распредѣленія или ложнаго направленія производительной дѣятельности моральное зло, которое увеличивается вмѣстѣ съ нею и съ другой стороны, не уменьшается, когда она ослабѣваетъ. Въдь, начиная съ той эпохи, которой Полетти закончилъ свое изслѣдованіе имущественной состоятельности французскаго народа, оно перестало уже расти и начало быстро понижаться, даже слишкомъ быстро, въ то время какъ преступность продолжаетъ идти впередъ, замѣтно развиваясь. Въ концѣ концовъ, отъ закона, установленнаго этимъ почтеннымъ ученымъ, не остается ничего, что и обнаружила статистика.

Преступность, по замѣчанію Гарофало, такъ мало пропорціональна коммерческой дѣятельности, что Англія, гдѣ порочность и преступность уменьшаются, является самой замѣчательной націей по необычному развитію торговли, а Испанія и Италія, по количеству преступленій превышающія всѣ главнѣйшія государства Европы, остаются далеко позади ихъ въ смыслѣ развитія коммерческой дѣя-

тельности. Прибавимъ, что во Франціи наиболѣе трудолюбивый классъ — безъ сомнѣнія, классъ земледѣльческій, и что онъ, при сравненіи одинаковыхъ цифръ населенія, оказывается однимъ изъ наименѣе преступныхъ, несмотря на неблагоприятныя условія жизни ¹⁾).

Заключить отсюда, что трудъ — самъ по себѣ противникъ преступленія, и если благоприятствуетъ иногда послѣднему, то косвенно и отнюдь не безусловно, что соотношеніе между трудомъ и преступностью таково же, какъ соотношеніе между собой двухъ видовъ труда, противоположныхъ другъ другу. Еще разъ: *криминалогія* — это не что иное, какъ часть соціологіи, какъ мы ее понимаемъ. Обще законы, выработанные политической экономіей относительно производства товаровъ, должны быть примѣнены къ развитію преступности, если хотятъ уяснить себѣ перипетіи этого спеціального вида индустріи. Это тѣмъ болѣе вѣрно, что, локализуясь въ извѣстныхъ категоріяхъ дегенерантовъ и лицъ деклассированныхъ, преступленіе все чаще и чаще дѣлается ихъ карьерой. На этотъ счетъ мы встрѣчаемъ кажущееся затрудненіе. Съ одной стороны, преступники все

¹⁾ *Jacobi* не находитъ возможнымъ судить о нравственномъ уровнѣ какого-нибудь народа по цифрѣ его преступности. Въ дѣйствительности, отвѣтилъ бы я, этотъ уровень долженъ быть гораздо ниже въ тѣхъ странахъ, гдѣ статистика, какъ она указываетъ, обнаружила самые печальные результаты. Въ странахъ, гдѣ у многихъ людей есть зобъ, говоритъ самъ Якоби, даже тѣ, у которыхъ нѣтъ его, обладаютъ болѣе толстой шей, такъ что портные дѣлаютъ тамъ рубашки съ болѣе широкими воротами. Точно такъ же, какъ въ развращенныхъ странахъ, сами моралисты развращены болѣе, чѣмъ въ другихъ.

рѣже и рѣже образуютъ сообщества для совмѣстныхъ дѣйствій, какъ это можно вывести на основаніи данныхъ статистики 1826 года до нашего времени путемъ сравненія числа обвинительныхъ приговоровъ съ числомъ обвиняемыхъ. Эти два числа, изъ которыхъ первое неизбѣжно превышаетъ второе, мало-по-малу сближаются, откуда можно вывести, что совершаемое отдѣльно преступленіе носить характеръ случайный, менѣе привычный и менѣе профессиональный. Но, съ другой стороны, правильная, непрерывная и фатальная прогрессія рецидивовъ во всѣхъ европейскихъ странахъ доказываетъ совершенно обратное. Замѣчу мимоходомъ, что при старомъ режимѣ, напротивъ, число сообщниковъ одного преступленія было выше, но что собственно рецидивъ игралъ небольшую роль въ преступности того времени. Во время голода и неурожая шайки, организовавшіяся въ группы отъ 40 до 50 человѣкъ, разоряли и грабили все, но онѣ тотчасъ же рассыпались.

Въ сущности, это обратное соотношеніе между численнымъ преобладаніемъ шаякъ и рецидивомъ ничуть не страшно. Первое объясняется непрерывнымъ прогрессомъ полицейскихъ мѣръ, но никакъ не прогрессомъ нравственности; второе дѣйствительно опасно.

Болѣе случайная и общая преступность прошлаго носила характеръ эпидемической болѣзни; современная преступность, болѣе ограниченная и укоренившаяся, прогрессирующая медленно и продолжительно, имѣетъ видъ конституціональной болѣзни.

Гдѣ рецидивъ прогрессируетъ всего скорѣе? Въ большихъ городахъ, потому что, дойдя до известнаго предѣла скученности и пространства, это море людей позволяетъ преступникамъ отыскивать тѣ же вертепы, какими они пользовались въ прошломъ, только подъ видомъ кафе и контрабандныхъ убѣжищъ. «Въ 40 городахъ, имѣющихъ болѣе 30.000 жителей,—гласитъ одинъ оффиціальный отчетъ,—на 307 человекъ приходится 1 рецидивистъ, въ то время какъ въ городахъ съ менѣе густымъ населеніемъ одинъ рецидивистъ приходится только на 712 жителей». Но главнымъ образомъ въ городахъ, насчитывающихъ болѣе 100.000 жителей, пропорція рецидивистовъ, относительно общей цифры всего населенія или только осужденныхъ, подымается до значительнаго уровня. Преступность тамъ огромна, но въ противоположность обыкновеннымъ шайкамъ, главное правило которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы жить отдѣльно и собираться вмѣстѣ только тогда, когда нужно дѣйствовать, эта скрытая армія дѣйствуетъ вразсыпную, подъ бдительнымъ окомъ полиціи, и собирается прокучивать вмѣстѣ добычу. Но тѣмъ не менѣе эта корпорація теперь процвѣтаетъ и легко понять почему. «Отчего вообще зависитъ,—говорилъ я въ одномъ изъ моихъ предыдущихъ сочиненій,—процвѣтаніе какого-нибудь ремесла? Прежде всего оттого, что оно приноситъ доходъ, затѣмъ оттого, что затраты на него невелики, наконецъ, и главнымъ образомъ, оттого, что умѣнье имъ заниматься и необходимость въ немъ стали появляться чаще. Слѣдовательно, всѣ эти условія соединились въ наше время для того, чтобы покровительствовать промышленности особаго

рода, состоящей въ томъ, чтобы обирать всѣ другіе виды промышленности ¹⁾).

«Въ то время, какъ въ теченіе 50-ти лѣтъ безконечно увеличилось число предметовъ, ради которыхъ стоитъ украсть или смошенничать, и число наслаждовій, которыя достаются путемъ воровства, насилія, мошенничества, злоупотребленія довѣріемъ, обмана и убійства, тюрьмы провѣтривались, безпрестанно улучшались въ смыслѣ питанія, помѣщенія и комфорта, судьи и присяжные съ каждымъ днемъ становились все снисходительнѣе. Выгоды, значить, увеличились, а рискъ уменьшился до того, что въ нашихъ цивилизованныхъ странахъ профессія карманнаго вора, бродяги, специалиста по подлогамъ, банкрота, даже убійцы стала одной изъ самыхъ безопасныхъ и самыхъ выгодныхъ изъ тѣхъ, между которыми предстоитъ выборъ для лѣнтяя. Въ то же время социальная революція увеличила число деклассированныхъ и недовольныхъ — этотъ

¹⁾ Обирать ихъ, то-есть эксплуатировать ихъ *безъ взаимности*; только этимъ преступность и отличается отъ другихъ ремеслъ. Мы сказали бы, что она представляетъ собой индустрію, пользующуюся прогрессомъ всѣхъ другихъ индустрій, въ силу «закона сбыта» Жана-Баттиста Сэя, согласно которому производство какого-нибудь новаго продукта вызываетъ производство другихъ, иногда даже, какъ мы уже сказали, производство тѣхъ самыхъ прежнихъ продуктовъ, которые новый долженъ собой замѣстить. Съ этой точки зрѣнія между преступленіемъ и всякимъ другимъ ремесломъ существуетъ полная аналогія. Но преступное ремесло отличается тѣмъ, что не служитъ никакому другому ремеслу, кромѣ контрабандныхъ профессій, которыя имъ живутъ. Правда, это послѣднее исключеніе очень растяжимо: развѣ мелкая пресса не живетъ судебной хроникой? и если бы преступленіе приостановилось въ своемъ развитіи, то развѣ не сократился бы до чрезвычайности количество ея экземпляровъ?

разсадникъ преступленія и бродягъ, цифра которыхъ учетверилась съ 1826 года¹⁾, и такъ какъ инстинкты милосердія не развились еще въ нашемъ дѣловомъ обществѣ, то оставшіеся еще честными послѣ совершенія перваго преступленія обвиняемые и «отбывшіе наказаніе, колеблющіеся между примѣромъ большого и честнаго, но негостепріимнаго общества и примѣромъ небольшой преступной партіи, которая готова принять ихъ въ свою среду, кончаютъ тѣмъ, что роковымъ образомъ скользятъ по этой наклонной плоскости, какъ дѣвушки-матери кончаютъ проституціей».

Я спрашиваю себя, до какой же цифры поднялась бы преступность среднихъ вѣковъ, если бы столько причинъ заразъ поддерживали отвагу преступниковъ, которые должны были быть исключительно неустрашимыми, чтобы осмѣливаться пренебрегать наказаніями того времени. Женщины-прелюбодѣйки существовали даже въ ту эпоху, когда ихъ побивали камнями и когда общественное мнѣніе преслѣдовало ихъ своимъ негодованіемъ; что же страннаго въ томъ, что теперь ихъ такъ много?

О преступленіи, какъ и о всякой другой индустріи, можно сказать, что самыя очевидныя препятствія и выгоды не всегда бываютъ для него и самыя существенными; вслѣдствіе всего сказаннаго выше это значитъ, что самыя глубокія и безусловныя *противорѣчія* и *подтвержденія*, которыя больше всего подходятъ для разрушенія или подкрѣпленія какого-нибудь предположенія, входящаго

¹⁾ *Revue philosophique*, статья по поводу уголовной статистики, январь 1883 года.

въ общій планъ дѣйствій, не всегда оказываются и самыми дѣйствительными. Для развитія какой-нибудь индустріи выплачиваемая ею премія рѣдко оказывается лучшимъ средствомъ; точно такъ же какъ рѣдко оказывается лучшимъ средствомъ для разрушенія какой-нибудь индустріи обложеніе ея налогомъ.

Я соглашусь также съ Ферри, признавъ, что суровость наказаній не можетъ служить лучшимъ средствомъ для борьбы съ преступностью, и прибавлю еще, что перспектива, открытая преступникамъ, въ видѣ болѣе благоустроенныхъ тюремъ, не можетъ служить наилучшимъ объясненіемъ роста преступности. Покровительственныя и запретительныя мѣры тѣмъ не менѣе остаются могущественнымъ оружіемъ въ рукахъ правительствъ, даже единственнымъ, при помощи котораго они могутъ свободно и быстро дѣйствовать на пользу выгодныхъ для нихъ индустрій и въ ущербъ тѣмъ, которыя имъ кажутся незаслуживающими довѣрія; доказательствомъ можетъ служить примѣръ Германской имперіи и Соединенныхъ Штатовъ. Полицейскіе и уголовные законы аналогичны запретительнымъ пошлинамъ: умѣло направляемые твердой властью, они даютъ замѣтный результатъ, иногда скорѣе поверхностный, чѣмъ глубокій, но часто рѣшительный.

Если бы можно было управлять геніальностью, то самымъ вѣрнымъ средствомъ для искорененія даннаго вида преступленія, какъ и для того, чтобы достигъ процвѣтанія данной индустріи, было бы, разумѣется, содѣйствіе усиленному развитію великихъ открытій, этихъ могущественныхъ центровъ

лучеиспусканія примѣровъ, безъ замѣтной связи съ преступностью или трудомъ.

Къ несчастью, нѣтъ ничего неожиданнаго этихъ великихъ идей и нѣтъ ничего болѣе непредвидѣннаго, чѣмъ ихъ послѣдствія, потому что противорѣчія и согласованія, которыя они вносятъ въ установленные обычаи и господствующія понятія, косвенны и неопредѣленны, сложны, запутанны и остаются такими вплоть до того дня, какъ принявъ реальную форму, они обнаруживаются. Когда Паринъ открылъ двигательную силу водяныхъ паровъ, кто могъ бы догадаться, что это открытіе было зародышемъ промышленнаго мущества Англии, условіемъ *sine qua non* открытія Уайта? Могъ ли Христофоръ Колумбъ, открывая Америку, думать, что его чудесное путешествіе въ результатѣ дастъ замѣтное пониженіе преступности въ Англии? Тѣмъ не менѣе, по изслѣдованіямъ историка Пика (Pike), это едва ли можно оспаривать. Съ открытіемъ Новаго Свѣта, вслѣдствіе очищающаго дѣйствія эмиграціи, которую оно вызвало, онъ связываетъ серьезный прогрессъ нравственности, пониженіе жестокости и грубости нравовъ въ Англии въ концѣ XII и XIII вѣковъ. Американское эльдорадо всѣхъ авантюристовъ и пекателей *vita nova* производило обаяніе, подобное обаянію Святой земли въ средніе вѣка. Транзатлантическая колонизація была современнымъ крестовымъ походомъ и, подобно крестовымъ походамъ среднихъ вѣковъ, она оздоравливала континентъ.

XI. Вліяніе богатства и бѣдности на преступленіе составляетъ вопросъ, одновременно и отлич-

ный и зависящій отъ вопроса, касающагося вліянiя труда ¹⁾).

Это излюбленное поле сраженiя двухъ соперничающихъ фракцій позитивной николы—фракціи социалистической и фракціи ортодоксальной.

По мнѣнiю Турати и Колаянни, настоящей причиной преступленiй, совершаемыхъ бѣднякомъ, служить его бѣдность, какъ по Ферри настоящей причиной многочисленныхъ преступленiй, совершаемыхъ лѣтомъ, служить высокая температура.

Но если Ферри не добился признанiя своей гипотезы, то добился ли онъ, по крайней мѣрѣ, опроверженiя гипотезы своихъ противниковъ? Въ *Socialismo e criminalità* онъ пускаетъ для этого въ ходъ все свои силы, какъ и Гарофало во своей *Criminologia*. Въ довольно интересной таблицѣ ²⁾ первый изъ этихъ авторовъ показываетъ намъ, что во Франціи съ 1844 по 1858 годъ *повышенiе* или *пониженiе* цѣнъ на хлѣбъ, мясо и вино ежегодно соотвѣтствовало *пониженiю* и *повышенiю* насильственной или чувственной преступности. Годы, на которые падаетъ наибольшее количество убійствъ, какъ разъ тѣ же, въ которые больше всего пьютъ. Такимъ образомъ, благосостоянiе могло бы быть источникомъ преступленiй противъ личности; но зато оно отплатило бы уменьшенiемъ преступленiй противъ собственности. Гарофало не хочетъ признавать даже этой послѣдней уступки. «Вполнѣ справедливо, говоритъ онъ, что воровство—эта самая грубая форма

¹⁾ Я позволяю себѣ отослать читателя къ моей статьѣ *Misere et criminalité*, опубликованной въ *Revue philosophique*, май 1890 года.

²⁾ *Socialismo e criminalità*, стр. 77.

посягательства на чужую собственность болѣе широко распространено среди низшихъ классовъ общества, но оно уравнивается подлогами, банкротствомъ и взяточничествомъ высшихъ классовъ, эти злодѣянiя—не что иное, какъ видоизмѣненiя того же *естественнаго преступленiя*. Опираясь на это увѣренiе, онъ ссылается на итальянскую статистику 1880 года, изъ которой онъ не безъ усилiй разсчитываетъ сдѣлать сомнительные выводы, состоящиe въ томъ, что 14.524 преступленiя приходятся на долю пролетарiевъ и 2.011 на долю собственниковъ, что составляетъ пропорцiю соотношенiя между 88-ю и 12-ю, въ то время какъ пропорциональное соотношенiе между пролетарiями и собственниками всего итальянскаго населенiя равняется соотношенiю между 29 и 10. На богатыхъ падаетъ, значитъ, бѣднѣшая въ пропорциональномъ отношенiи часть общей суммы преступленiй въ Италiи. Я позволяю себѣ придать совсѣмъ особое освѣщенiе одному отрывку изъ оффицiальнаго отчета по уголовной статистикѣ во Францiи 1887 года, гдѣ сказано, что ежегодно на сто тысячъ жителей, принадлежащихъ къ классу домашней прислуги, т.-е. къ одному изъ самыхъ бѣдныхъ классовъ, приходится двадцать обвиняемыхъ ¹⁾. На 10.000 лицъ,

¹⁾ Обратимъ по этому поводу вниманiе на быстрое увеличенiе числа домашней прислуги. Въ Парижѣ оно съ 112.031 въ 1871 г. поднялось до 178.532 въ 1881 г. Это тѣмъ болѣе прискорбно, что, особенно по словамъ Parent Duchâtelet, этотъ классъ значительно пополняетъ контингентъ проститутокъ, такъ же, какъ и преступниковъ. Но удивительно ли, что въ то время, какъ потребность въ равенствѣ, отрицанiе всякаго господства надъ людьми, дѣлаетъ такiе успѣхи, многiе стремятся еще къ относительному рабству. Не заключаетъ ли въ себѣ эта потребность равенства,

принадлежащихъ къ либеральнымъ профессіямъ, включая сюда рантье и собственниковъ, приходится 12 обвиняемыхъ. Что же касается самаго бѣднаго класса — бродягъ и праздношатающихся, то они даютъ 139 обвиняемыхъ. Въ дѣйствительности насчитывается еще 24 человѣка обвиняемыхъ изъ торговой и 26 изъ промышленной среды, что составляетъ уже очень высокую цифру, принимая во вниманіе значительныя преимущества этихъ двухъ профессій, которыми они пользовались въ промежуткѣ между двумя указанными датами, и только 14 изъ земледѣльческой среды, цифра очень невысокая, если имѣть въ виду относительную бѣдность крестьянъ. Но нельзя ли согласовать между собою эти, повидимому, несогласимые результаты?

Не будемъ забывать, что желаніе разбогатѣть — обычный и притомъ все болѣе и болѣе преобладающій двигатель преступленія, какъ и единственный двигатель промышленнаго труда. Обладаніе богатствомъ должно отдалить отъ преступленія самаго нечестнаго человѣка, и отъ промышленнаго труда — человѣка самаго трудолюбиваго (потому что желаніе обладать тѣмъ, что уже имѣешь, само себѣ противорѣчитъ), если, по крайней мѣрѣ, удовлетвореніе этого желанія не вызвало стремленія обладать еще болѣе, что бываетъ часто, но лишь до извѣстной степени и не всегда.

Въ дѣловой средѣ, гдѣ, благодаря взаимному лихорадочному зараженію, скорѣе процессъ наживы,

о которой идетъ рѣчь, больше гордости, чѣмъ искренняго желанія; согласуется ли такое желаніе съ возрастающей лѣнью и жадностью, которыя заставляютъ обращаться къ прибыльному ремеслу домашней прислуги?

чѣмъ само богатство, является преслѣдуемой цѣлью, богатство похоже на крѣпкій ликеръ, который скорѣе возбуждаетъ, чѣмъ утоляетъ, жажду; несомнѣнно поэтому, рядомъ съ оживленностью этой среды идетъ и ея преступность, равносильная преступности домашней прислуги. Точно такъ же и въ испорченной средѣ большихъ городовъ, мѣстахъ скопленія рабочаго люда, покушенія на цѣломудріе тѣмъ чаще, чѣмъ легче достигается удовлетвореніе чувственныхъ наслажденій. Но можно было бы возвести въ принципъ то, что тамъ, гдѣ богатство является препятствіемъ къ дѣятельности, оно служитъ также и препятствіемъ къ преступленію, приблизительно такъ же, какъ политическая власть перестаетъ быть опасной въ моментъ, когда она перестаетъ быть жизнедѣятельной и честолюбивой; то же наблюдается и среди сельскихъ мелкихъ и крупныхъ собственниковъ, среди рантье и даже среди большей части либеральныхъ профессій тамъ, гдѣ онѣ, какъ во Франціи, не слишкомъ жадны и не такъ лихорадочно дѣятельны. Довольный своимъ относительнымъ благосостояніемъ, человѣкъ отдыхаетъ тамъ въ умственномъ полубездѣльѣ, скорѣе артистическомъ, чѣмъ механическомъ, скорѣе почетномъ, чѣмъ продажномъ, и воздерживается путемъ преступленій увеличить свои доходы, желаніе которыхъ въ немъ довольно умѣренно. Французскій крестьянинъ въ общемъ раздѣляетъ эту умѣренность желаній, богатый своей трезвостью, своимъ стоицизмомъ, своей бережливостью и своимъ кускомъ земли, котораго онъ, наконецъ, добился; онъ счастливѣе милліонера, финансиста или политика, направляемаго своими милліонами на то, чтобы при помощи

ихъ сѣять подозрительныя спекуляціи, мошенничества и взяточничество въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Наиболѣе зажиточные крестьяне—въ общемъ самые честные люди. Не будемъ говорить ни о богатствѣ и бѣдности, ни о благосостояніи и недостаткѣ, будемъ говорить о счастьѣ и несчастьѣ и поостережемся отрицать старую какъ мѣръ истину, что злого человѣка можно простить, потому что онъ часто бываетъ ни больше, ни меньше, какъ несчастный. Въ качествѣ дѣтей нашего вѣка, признаемся, чего бы это ни стоило нашему *сыновнему* самолюбію (потому что нѣтъ болѣе уважаемаго отцовства, чѣмъ это), что при всей своей блестящей внѣшности наше общество несчастливо, и если бы у насъ не было другихъ доказательствъ его великихъ страданій, кромѣ многочисленныхъ преступленій, не говоря даже о самоубійствахъ и о все возрастающемъ числѣ случаевъ помѣшательства, не слушая криковъ зависти, страданія и ненависти, которые преобладаютъ въ шумѣ нашихъ городовъ, мы все-таки не могли бы сомнѣваться въ его страданіяхъ.

Отъ чего же оно страдаетъ? Отъ своего внутренняго смятенія, отъ своего несвязнаго и непрочнаго существованія, отъ внутреннихъ противорѣчій, которыя возбуждаются въ немъ даже его неслыханными успѣхами, открытіями и изобрѣтеніями, которыя поспѣшно появляются одни за другими, становятся пищей для противоположныхъ другъ другу теорій и источниками необузданныхъ, эгоистическихъ и антагонистическихъ потребностей. Въ этомъ хаотическомъ движеніи одно великое *Credo*, одна общая великая цѣль, еще заставляетъ себя ждать;

это мірозданіе до Fiat Lux. Знаніе расширяетъ понятія, оно вырабатываетъ высшее пониманіе вселенной, на основаніи котораго она, надѣюсь, кончитъ тѣмъ, что водворитъ между нами согласіе. Но гдѣ же высокое пониманіе жизни, жизни человѣчества, которое оно готово поставить на первый планъ? Индустрія увеличиваетъ число продуктовъ, но гдѣ общее дѣло, которое она порождаетъ? Предустановленная гармонія общаго блага была мечтой Бастіа, слабой тѣнью мечты Лейбница. Граждане какого-либо государства обмѣниваются научными или иными свѣдѣніями, но на пользу ихъ соперническихъ интересовъ; чѣмъ больше они взаимно освѣдомляютъ другъ друга, тѣмъ больше питаютъ этимъ свои главныя несогласія, которыя въ другое время могли быть такими же глубокими, но никогда не были бы такими сознательными и ощутительными, а потому и такими опасными. Въ чемъ же они всё соглашаются? Во имя чего они всё вмѣстѣ трудятся? Если бы мы стали искать желаніе, общее имъ всѣмъ, изъ - за котораго они не спорили бы, то нашли бы только одно: вести войну съ сосѣдомъ.

Нашъ вѣкъ не придумалъ ничего лучшаго, чѣмъ это старинное и жестокое разрѣшеніе проблемы интересовъ, которое состоитъ въ установленіи порядка съ помощью безпорядка и въ созиданіи мира отдѣльныхъ лицъ при помощи войны между націями. Предположите всеобщій миръ, обезпеченный окончательнымъ тріумфомъ государства, какъ это было при Римской имперіи, и скажите, какимъ образомъ безъ внѣшнихъ войнъ мы избѣжали бы войнъ междоусобныхъ?

Время отъ времени, когда, благодаря быстрому распространенію избирательныхъ правъ, умножившіяся массы избирателей, подобно озерамъ, которыя неожиданно превратились въ моря и поражаются своимъ собственнымъ половодьемъ, вдохновляются великимъ всеобщимъ движеніемъ, можно подумать, что изъ нихъ произойдетъ Мессія.

Но это лишь шагъ на мѣстѣ, раскачиваніе грандіозныхъ качелей. Въ извѣстныя эпохи, въ Египтъ при фараонахъ, въ средніе вѣка христіанства, общій порывъ всѣхъ сердецъ былъ не только воинственнымъ; сюда примѣшивалось единоедушное стремленіе къ воображаемой конечной цѣли, которая водворила между ними согласіе, къ пункту, находящемуся внѣ и превыше реального міра, къ загробной жизни, къ чему-то вродѣ *не явно присущаго средоточія* стремленій. Дѣйствовали сообща не для того только, чтобы уничтожить врага, но чтобы возродиться для счастья, созданнаго мечтой. Теперь, какъ на «возрожденіе», какъ на единую спасительную мечту, какъ на путеводную звѣзду, можно рассчитывать только на искусство, на философію, на высшую культуру разума и воображенія, на эстетическую жизнь, и, дѣйствительно, это безграничная Америка, которая открывается людямъ и даетъ имъ нераздѣльныя богатства, безконечно растяжимыя, безъ разрушенія границъ, безъ распрей и борьбы, черезъ долгое время послѣ того, какъ долины Far West и Ла-Плата будутъ воздѣланы и заселены гостепріимными земледѣльцами. Именно культъ искусства пластическаго и, правда, поверхностнаго былъ господствующей страстью и защитой Римской имперіи, если мы будемъ судить объ этомъ

по чрезвычайному обилію статуй, фресокъ, монументовъ, артистической домашней утвари, которые создаютъ странный контрастъ между провинціальными городами тѣхъ и нашихъ временъ. Но наше время не удовольствовалося бы этимъ праздникомъ чувствъ; оно проповѣдуетъ болѣе серьезное искусство, болѣе интенсивныя наслажденія разума; это еще только попытка, и пройдутъ многіе годы, прежде чѣмъ большинство людей водворится въ этомъ будущемъ земномъ раю, предполагая, что оно войдетъ туда когда бы то ни было.

XII. Вопросъ о томъ, уменьшаетъ или нѣтъ цивилизація—общее названіе для воспитанія, обученія, науки, искусства, промышленности, богатства, политическаго строя и такъ далѣе — преступность, вопросъ двусторонній. Въ немъ заключаются два понятія, или, вѣрнѣе, всякая цивилизація проходитъ двѣ стадіи; первая, когда изобрѣтенія и обновляющія инициативы въ безпорядкѣ смѣшиваются другъ съ другомъ, какъ это мы видимъ теперь въ Европѣ. Вторая—когда этотъ притокъ изсякаетъ и его элементы начинаютъ пріобрѣтать стройность и систему. Слѣдовательно, всякая цивилизація можетъ быть очень богатой и не быть при этомъ стройной, какъ наша, напримѣръ; или очень стройной, не будучи особенно богатой, какъ это было въ античномъ городѣ или средневѣковой коммунѣ. Но съ помощью ли богатства, или съ помощью порядка она устраняетъ преступность? Несомнѣнно, благодаря ея порядку. Этотъ порядокъ въ религіи, наукѣ, во всѣхъ формахъ труда и власти, во всѣхъ различныхъ видахъ просвѣтительныхъ начинаній, которыя взаимно оказываютъ другъ другу внутрен-

ною или внѣшнюю поддержку,—этотъ порядокъ является невидимымъ союзомъ противъ преступности. И тогда, если бы даже каждая изъ плодоносныхъ вѣтвей соціального дерева, продолжаю мою метафору, лишь слабо боролась съ паразитической вѣтвью, ихъ соглашенія было бы достаточно, чтобы отобрать отъ нея всѣ питательные соки. Пока республиканскій Римъ сохранялъ свою цивилизацію, довольно простые элементы которой легко соединялись въ компактную массу, римская нравственность еще держалась. Но по окончаніи пуническихъ войнъ, когда азіатскій культъ Цибелы проникаетъ вмѣстѣ съ греческимъ искусствомъ въ Римъ, начинается появляться безпорядокъ, неурядица умовъ и желаній. Развращенность выражается въ извѣстныхъ признакахъ; на примѣръ, обвиненіе въ растратѣ казенныхъ денегъ Сципіона Азіатскаго, который не могъ защищаться и былъ помилованъ лишь изъ снисхожденія; обнаруженіе тѣхъ кровавыхъ оргій и вакханалій, благодаря которымъ совершено было столько знаменитыхъ казней; эпидемія поджоговъ, которую строго преслѣдовалъ Сенатъ. Если нравы великаго античнаго города никогда не могли исправиться, то не потому ли, что постоянное вторженіе туда экзотическихъ религій и разнородныхъ цивилизацій не давали ему времени привести въ порядокъ этотъ хаосъ? Стоицизмъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вновь расцвѣлъ при Имперіи во второмъ вѣкѣ нашей эры, попробовалъ это сдѣлать, но его попытка отчасти аналогична подобной же попыткѣ протестантизма во времена не менѣе безпокойныя; она проповѣдывала возвращеніе къ первоисточникамъ и соглашеніе между стоическими добродѣтелями, под-

держиваемыми только примитивнымъ патриотизмомъ и новымъ космополитизмомъ, предпріятіе такое же невозможное, какъ и введеніе добродѣтелей перво-бытной церкви въ среду современнаго общества или согласованіе догматовъ Моисея съ современными энциклопедическими познаніями.

Вторженіе христіанизма въ Имперію ¹⁾ успѣло несравненно лучше слить въ одно цѣлое части ея разрозненныхъ и безформенныхъ элементовъ, по крайней мѣрѣ, въ Византійской имперіи, которая тоже, несмотря на свое старческое недоуміе, имѣла свою постепенно развивавшуюся и своеобразную цивилизацію, которая выразилась въ своемъ долготлѣтіи. Слѣдовательно, Византія по сравненію съ Римомъ нравственна, несмотря на свою плохую репутацію.

Но въ умственной разбитости или извращенности дѣйствій выражается не прогрессъ цивилизаціи, а бѣдность переходныхъ эпохъ. Съ неоспоримымъ учащеніемъ случаевъ умственнаго расстройства, которое наблюдается въ наше время ²⁾, можно сравнить

¹⁾ Какъ и вторженіе французскаго раціонализма въ XVIII в., которое было инымъ образомъ плодотворно для *будущаго*, чѣмъ протестантская реформа.

²⁾ Если бы чрезвычайное учащеніе случаевъ безумія, наблюдаемыхъ въ лѣчебницахъ и на дому (которые за время отъ 1836 до 1869 года, по статистикѣ Якоби, поднялись до 245 со 100), было обязано главнымъ образомъ психіатріи и увеличивающейся заботливости семей или администраціи въ уходѣ за сумасшедшими, то было бы замѣтно, что увеличеніе числа сумасшедшихъ въ лѣчебницахъ приблизительно соотвѣтствуетъ увеличенію числа больныхъ извѣстными болѣзнями въ госпиталяхъ. Потому что никому, навѣрное, не придетъ въ голову, что прогрессъ госпитальнаго лѣченія наблюдается особенно въ убѣжищахъ для умалишенныхъ и что города, государство,

уменьшеніе числа процессовъ вѣдѣмъ, характеризующихъ конецъ XVI вѣка. Цивилизація этой эпохи была такой же блестящей, какъ и наша. Колдуны и колдуньи были невропаты, къ которымъ обращались тоже немного сумасшедшіе кліенты. Всеобщее обращеніе къ колдовству, договоры съ дьяволомъ, шабашъ,—все это доказываетъ отчаяніе общества, которое не знаетъ уже, «какому святому молиться». Наше общество кончаетъ самоубійствомъ или безуміемъ, наши отцы стучались въ двери ада.

Нужно ли проклинать эти критическія эпохи? Нѣтъ, потому что онѣ составляютъ необходимый переходъ къ будущему, въ большинствѣ случаевъ лучшему. Не нужно, впрочемъ, также пугаться или чрезмѣрно огорчаться при видѣ того, какъ размножаются среди насъ тѣ странныя существа, которыхъ психіатры называютъ *дегенерантами*, неуравновѣшенные умы и души безъ задерживающихъ центровъ. Вотъ почему священный огонь генія кажется психіатрамъ подозрительнымъ, и когда они замѣчаютъ гдѣ-нибудь его блескъ, подобный взрыву подземнаго газа, то ждутъ какой-нибудь вспышки безумія у потомковъ. Но мы попробуемъ спросить себя: можно ли назвать вѣрнымъ и удачнымъ слово *вырожденіе*, употребляющееся для обозначенія цѣпи аномалій, изъ которыхъ многія состоятъ въ наиболѣе живомъ блескѣ ума? Въ этомъ ли проявляется

частныя лица болѣе охотно строятъ и дѣлаютъ пожертвованія на дома умалишенныхъ, чѣмъ на госпитали и обыкновенныя больницы. Слѣдовательно, по таблицѣ Якоби (*Selection*), число сумасшедшихъ, пользовавшихся уходомъ въ убѣжищахъ для умалишенныхъ, возросло втрое или вчетверо скорѣе, чѣмъ число больныхъ въ госпитальныхъ лѣчебницахъ. Доказано, значить, что прогрессъ безумія не кажущійся, но дѣйствительный.

соціальное вырожденіе? Но соціальный прогрессъ обязанъ своимъ существованіемъ скопленію этихъ вырожденій. Заключается ли въ этихъ аномаліяхъ хотя физическое выраженіе? Я не соглашаюсь съ этимъ и не знаю, не основательнѣе ли было бы видѣть въ этихъ аномаліяхъ и этихъ анатомическихъ и фізіологическихъ особенностяхъ, являющихся, говорятъ, *признаками дегенерантовъ*, попытку вырваться изъ оковъ расы, согласно всемогущему стремленію къ видоизмѣненіямъ, которое составляетъ сущность жизни и единственное оправданіе ея монотонныхъ повтореній.

Это стремленіе ограничивается правильнымъ типомъ вида или расы, узкой оболочкой однообразно повторяющихся признаковъ, куда индивидуальность, если она хочетъ повторяться вѣчно безъ уклоненій, должна заключить себя, какъ въ желѣзную клѣтку. Но если бы это стремленіе было когда-нибудь задушено, то прогрессъ нашей жизни, какъ и прогрессъ нашихъ обществъ, остановился бы. Всякое индивидуальное измѣненіе—новая раса въ проектѣ, новый видъ въ зародышѣ ¹⁾).

Нельзя ли съ этой точки зрѣнія истолковывать аномаліи, особенности, отмѣченныя антропологами у сумасшедшихъ, преступниковъ и геніальныхъ людей, примѣняя къ нимъ общія соображенія Дар-

¹⁾ Изслѣдуйте какое-нибудь индивидуальное измѣненіе; оно состоитъ въ болѣе или менѣе замѣтной атрофіи или гипертрофіи какого-нибудь органа. Представьте себѣ эту особенность, этотъ недостатокъ, развившійся до послѣднихъ предѣловъ, и, въ силу закона органическихъ взаимоотношеній, вы увидите, что за этимъ послѣдуетъ всеобщая передѣлка всей организаціи чело-вѣка. Къ этому безсознательно клонится всякая нововведенная индивидуумомъ особенность.

вина относительно *измѣненій видовъ животныхъ и растений*, самаго основательнаго, быть можетъ, изъ его трудовъ? Не дѣйствовала ли цивилизація, особенно въ періодъ лихорадки своего роста, на человѣческой типъ, какъ культивированіе дѣйствуетъ на типы животныхъ и растений? Культивированіе—это видъ цивилизаціи животныхъ и растений, какъ цивилизація—видъ культивированія челоуѣка.

Слѣдовательно, съ одной стороны, культивируясь, раса теряетъ плодovitость, отличавшую ее въ естественномъ состояніи, но, съ другой стороны, «животныя и растенія, говоритъ великій натуралистъ, видоизмѣнялись безконечно больше, чѣмъ всѣ тѣ формы, оставшіяся въ естественномъ состояніи, которыя принимаютъ за другіе виды». Всякій культивированный видъ тотчасъ обнаруживалъ способность «къ неустойчивой и неопредѣленной измѣнчивости», нѣчто вродѣ плодотворнаго уклоненія отъ типа, которое вскорѣ пріобрѣтаетъ самыя чудесныя и опредѣленныя приспособленія. Подобно этому, раса, цивилизуясь, уклоняется отъ типа но въ то же время и освобождается, со всѣхъ сторонъ разбиваетъ свои границы и иногда выходитъ за ихъ предѣлы.

Возможно, въ концѣ-концовъ, что природа творила человѣческой мозгъ, не имѣя въ виду требованій цивилизаціи, и что поэтому прогрессъ цивилизаціи несетъ съ собою прогрессъ сумасшествія. Но, благодаря этому, мозгъ понемногу приспособляется къ своему высшему назначенію.

Природа тѣмъ болѣе не творила человѣческой глазъ для чтенія, письма и пристального разсматриванія на разстояніи 20 сантиметровъ предметовъ

отсюда частая близорукость, распространяющаяся по мѣрѣ распространенія познаній; но это не достаточный поводъ для того, чтобы сжечь наши книги; нужно замѣтить, что зрѣніе, въ концѣ-концовъ, приспособляется къ своимъ новымъ обязанностямъ.

XIII. Во всемъ предыдущемъ я поставилъ себѣ задачей показать, что по способамъ ли своего распространенія и укорененія, или по природѣ своихъ несогласій и согласованій съ другими видами дѣятельности, преступленіе подчиняется общимъ законамъ, которыми управляются общества. Но мы изучили такимъ образомъ лишь соотношенія между различными группами *сосуществующихъ* подражаній, особенно между группой труда и группой преступления.

Остается дополнить эту картину, указавъ вкратцѣ, что изобрѣтенія, *последовательныя* подражанія, результаты которыхъ составляютъ исторію преступления, замѣняли или присоединялись другъ къ другу, согласно законамъ соціальной логики, относящимся къ смѣнѣ и накопленію изобрѣтеній и вообще *последовательныхъ* подражаній ¹⁾. Другими словами, рѣчь идетъ о томъ, чтобы выдѣлить аналогіи между историческими видоизмѣненіями преступности и видоизмѣненіями индустріи, я могъ бы даже прибавить права, языка, религіи и т. д. Но такъ какъ эти соображенія имѣютъ только второстепен-

¹⁾ Я придаю здѣсь общій смыслъ словамъ—изобрѣтеніе и подражаніе (*invention et imitation*), потому что имѣю въ виду лишь имѣвшія успѣхъ изобрѣтенія, которымъ подражали на болѣе или менѣе обширномъ пространствѣ и въ теченіе болѣе или менѣе долгаго времени; остальные не имѣютъ соціального значенія.

ный интересъ съ точки зрѣнія примѣненія карательныхъ мѣръ, то я и не буду о нихъ распространяться.

Я ограничиваюсь сначала лишь указаніемъ на то, что всякая социальная трансформация, разсматриваемая въ своихъ внутреннихъ, элементарныхъ подробностяхъ, всегда состоитъ въ *логическомъ соединеніи или логической совокупности* двухъ изобрѣтеній, изъ которыхъ одно, новѣйшее, противорѣчитъ другому или согласуется съ нимъ, противодействуетъ ему, болѣе успѣшно достигая той же цѣли или порождая цѣль, противоположную цѣли послѣдняго, или содѣйствуетъ ему, прибавляя къ нему усовершенствованія, не измѣняющія его природы, или усиливая и распространяя потребности, т.-е. цѣль, къ которой онъ стремится. Вотъ простое и общее правило, не допускающее никакихъ исключеній, которое преобладаетъ въ социальной трансформации; ясно, что и преступленіе ему подчиняется. Въ каждомъ шагѣ исторіи убійства, на примѣръ, мы видимъ, какъ бронзовый топоръ борется съ каменнымъ и желѣзный съ бронзовымъ, мушкетъ съ самострѣломъ, револьверъ съ пистолетомъ, и въ каждомъ шагѣ исторіи передвиженія съ мѣста на мѣсто мы видимъ, какъ цѣльное колесо замѣняется колесомъ со спицами, экипажъ безъ рессоръ — рессорнымъ, дилижансъ—локомотивомъ ¹⁾).

¹⁾ Или какъ въ каждомъ моментѣ развитія языковъ мы видимъ, какъ говорящій быстро дѣлаетъ выборъ между двумя выраженіями, старымъ и новымъ, и какъ въ результатѣ получается измѣненіе языка, вслѣдствіе подобныхъ же безчисленныхъ выборовъ. Вѣроятно, такимъ именно образомъ слово *article* замѣнило слово—*declinaison*, а слово *caballus*—слово *equus* и т. д. въ образованіи романскихъ языковъ. Не состоитъ ли также и

Или же мы наблюдаемъ, какъ убійство изъ сыновней любви постепенно побѣждается на какомъ-нибудь островѣ новыми религіозными идеями, христіанскими, буддистскими, мусульманскими, которыя не позволяютъ смотрѣть на убійство старыхъ родителей, какъ на первый долгъ хорошаго сына; точно такъ же паломничество къ могилѣ какого-нибудь святого постепенно вытѣсняется каждой изъ новыхъ доктринъ или новыхъ модъ, уменьшающихъ вѣру въ святость паломничества и въ его необходимость ¹⁾.

Мы знаемъ еще, что именно вслѣдствіе небольшихъ прибавленій, всегда состоящихъ изъ новаго приѣма, присоединеннаго къ группѣ старыхъ приѣмовъ, грабежъ со взломомъ или фабрикація банковыхъ билетовъ безпрестанно совершенствуются, какъ фотографія или электрической телеграфъ; или развитіе угона скота въ одной странѣ, и похищеніе документовъ у ихъ владѣльца — въ другой, зависятъ тамъ отъ степени содѣйствія, которое оказываетъ этимъ преступленіямъ ввозъ новыхъ породъ домашнихъ животныхъ или выпускъ новыхъ коммерческихъ документовъ, передаваемыхъ другъ другу въ руки, способствующія развитію алчнаго стремленія къ новому виду богатства; точно такъ же совершенствуется и металлургія при каждомъ новомъ спо-

политическая жизнь изъ борьбы двухъ мнѣній, повторяющейся каждую минуту и при каждомъ случаѣ, изъ которыхъ одно говоритъ *да*, а другое возражаетъ *нѣтъ*? Существуетъ ли борьба между тремя борцами? Нѣтъ, никогда не бываетъ больше двухъ соперничающихъ элементовъ налицо при всякомъ измѣненіи.

¹⁾ Мы видимъ также, какъ какое-нибудь слово выходитъ изъ употребленія, потому что мысль, которую оно выражаетъ, замѣняется другой, овладѣвшей вниманіемъ мыслью.

собѣ примѣненія желѣза, вслѣдствіе котораго подымается спросъ на этотъ металлъ.

Благодаря попеременному или скомбинированному дѣйствію этихъ различныхъ логическихъ операций, преступность въ каждой странѣ годъ отъ году измѣняетъ свой видъ и свою окраску. Глядя на вещи со стороны, можно подумать, что извѣстные виды преступленій существовали во всѣ времена. Но нельзя сказать того же о различныхъ видахъ промышленности.

Всегда существовало производство пищевыхъ продуктовъ, одежды, жилищъ, оружія, украшеній, произведеній искусства.

Но развѣ менѣе вѣрно, что способы питанія, вооруженія и т. д. существенно измѣнились со времени троглодитовъ до нашего времени, и не меньше видоизмѣнились способы отравленія, поджоговъ, мошенничества и даже убійства? Развѣ менѣе вѣрно въ особенности то, что индустрія, повидимому, оставшаяся такой же, какъ была, и сохранившая тѣ же приемы, глубоко измѣнилась, если она не отвѣчаетъ на тѣ же самыя потребности, но примѣняется къ новымъ функціямъ, если, на примѣръ, извѣстныя постройки, употреблявшіяся раньше для помѣщенія греческихъ статуй боговъ, служившія мѣстомъ для совершенія молебствія, служатъ теперь помѣщеніемъ для сутягъ и льстятъ тщеславію какого-нибудь частнаго владѣльца, или если ковры, которые дѣлались когда-то для арабовъ, молчаливо собиравшихся въ своихъ палаткахъ, фабрикуются теперь для того, чтобы стлать ихъ подъ ноги дамамъ, болтающимъ въ какомъ-нибудь салонѣ. То же самое происходитъ и съ преступленіемъ: воровство,

ударъ ножомъ, поджогъ бываютъ разные. Поджогъ въ былыя времена изъ мести чужого дома и поджогъ своего собственнаго дома изъ корысти имѣють общимъ только названіе.

Я говорилъ уже, насколько само самоубійство бываетъ различно, смотря по тому, является ли оно актомъ религіознаго фанатизма, какъ въ Индіи средствомъ отомстить врагу, или геройскимъ способомъ реалибитаціи своего имени, какъ въ Китаѣ, или слѣдствіемъ отчаяннаго положенія, какъ въ Европѣ. Въ началѣ образованія обществъ ненависть и голодъ, а больше всего любовь порождали всѣ преступленія; позднѣе преобладающими двигателями дѣлаются уже болѣе сложныя страсти, религіозный фанатизмъ, фамиліная мечь, супружеская ревность, чувство мужской или женской чести, наконецъ, желаніе роскоши, комфорта, оргійныхъ забавъ и городскихъ удовольствій. Что въ томъ, что въ различныхъ эпохи убивали и крали однимъ и тѣмъ же способомъ, что, впрочемъ, не совѣмъ вѣрно?

Измѣнилась душа преступленія. Французская статистика 1880 года, сообщая намъ, насколько измѣнилась менѣе, чѣмъ въ 50 лѣтъ, пропорція различныхъ факторовъ преступности: мести, ревности, тщеславія, корыстолюбія, обнаруживаетъ силу внутреннихъ причинъ, производящихъ это измѣненіе. И, наоборотъ, часто бываетъ, что одна и та же потребность удовлетворяется промышленностью при помощи самыхъ разнородныхъ продуктовъ, а преступностью—самыми, повидимому, различными дѣйствіями. Въ этомъ случаѣ наблюдается настоящій преступный метампсихозъ. Полинезійскій воинъ, который скупааетъ отрубленныя головы,

чтобы сдѣлать себѣ поддѣльный трофей и присвоить себѣ славу за небывалые подвиги, немногимъ отличается отъ европейца, который за деньги или цѣной какой-нибудь подозрительной сдѣлки покупаетъ себѣ орденъ.

Не нужно забывать этого внутренняго переворота извѣстныхъ преступленій подѣ обманчивымъ постоянствомъ ихъ внѣшности, если хотятъ справедливо судить о прошломъ. Имѣемъ ли мы, на примѣръ, право сожалѣть о тѣхъ временахъ, когда общества не интересовались необходимостью наказывать за убійства или разграбленіе и предоставляли семьѣ убитаго мстить за его смерть или за нанесенный ей матеріальный ущербъ?

Вмѣсто того, чтобы приписывать этимъ временамъ нелѣпое равнодушіе къ своимъ самымъ важнымъ интересамъ, мы лучше бы сдѣлали, если бы въ этой особенноти ихъ судопроизводства сьумѣли увидѣть доказательство того, что ихъ обычная преступность глубоко отличается отъ нашей. Всегда и вездѣ, у самыхъ новыхъ народовъ, когда убійство или даже дерзкій грабежъ совершался вслѣдствіе такой причины, что всѣ могутъ ждать повторенія преступленія, если оставить его безнаказаннымъ, всѣ невольно подають голосъ за то, чтобы наказать виновнаго. Извѣстенъ законъ Линча въ Америкѣ.

Во всѣхъ обществахъ, въ періодъ ихъ образованія, самопроизвольно устанавливается подобный этому обычай, соотвѣтствующій дѣятельности современнаго прокурора. Я заключаю отсюда, что такъ какъ у извѣстныхъ народовъ и въ извѣстныя эпохи, у германцевъ, на примѣръ, убійства и грабежи наказывались только семьей жертвы, то эти дѣянія

были вообще актами мести, вызванными ненавистью одной семьи къ другой, какъ въ Корсикѣ.

То же относится и къ убійствамъ, совершаемымъ аннамитами въ Кохинхинѣ и арабами въ Алжирѣ; гнѣвъ, ревность и мстительность, по словамъ Logion и Kosher,—ихъ обильные источники. Доказательствомъ служить указанный двумя этими учеными фактъ, что аннамиты и арабы убиваютъ другъ друга, но не европейцевъ.

Напротивъ, съ нашего времени и у насъ въ Европѣ преступность, если и не такая высокая, опасна совсѣмъ съ другой стороны; несомнѣнно извѣстно, что убійца, ворвавшійся со взломомъ къ старой дамѣ, чтобы ее убить и обокрасть, ворвался бы такимъ же образомъ къ первому встрѣчному, если его оставить на свободѣ. Каждый заинтересованъ, значить, въ томъ, чтобы его наказали; и если наше общество беретъ на себя заботы о его преслѣдованіи, то намъ тутъ еще нечѣмъ хвалиться. Это доказываетъ, въ сущности, что корыстолюбіе стало обычнымъ факторомъ убійства. Впрочемъ, когда опасный для всѣхъ разбойникъ появлялся въ античномъ мірѣ, то чувство общей опасности всегда возбуждаетъ всѣхъ противъ него, какъ противъ чудовища, которое нужно истребить, противъ героя мстителя или Геркулеса. Ненависть къ преступленію переносятъ на него черезъ посредство мифа или легенды. Затѣмъ правило чисто-семейныхъ преслѣдованій было не безъ важныхъ исключеній. У германцевъ, на примѣръ, были преступленія, преслѣдуемая и наказываемая смертью всей націей. Но какія это были преступленія? Деэртирство, трусость, позорное поведе-

ніе ¹⁾. Ясно, что эти преступленія были единственными, примѣръ которыхъ считался заразительнымъ, способнымъ распространяться, а не оставаться на одномъ мѣстѣ. Если бы и тогда на убійство толкала корысть, то его не преминули бы причислить къ этому перечню, въ которомъ оно занимало бы теперь почетное мѣсто. Изъ одного эдикта Шильдеберта отъ 596 года мы узнаемъ, что въ его время въ Галліи были разбойники и мошенники, которые убивали и грабили на большихъ дорогахъ; согласно этому эдикту, они были лишены преимущества откупаться денежными штрафами: по судебному приговору они заковывались въ цѣпи и подвергались казни. Этотъ актъ королевской воли, несомнѣнно, только урегулировалъ прежнюю практику. Но признанная только въ ту эпоху необходимость смягчить законодательными текстами старый германскій законъ подтверждаетъ все, что было сказано выше объ усиленіи и измѣненіи преступности въ эпоху меровинговъ ²⁾.

¹⁾ Тониссенъ, въ своемъ прекрасномъ сочиненіи *La loi salique*, говоритъ, что этотъ листъ, снабженный свѣдѣніями Тацитомъ, быть-можетъ, неполонъ, но когда самъ онъ пытается перечислить преступленія, которыя нельзя наказывать денежными штрафами по салическому закону и за которыя полагается смертная казнь, то находитъ такихъ только пять: «измѣну, дезертирство, трусость, царубійство, развратъ».

²⁾ Читая *Origines indo-europennes*, Pictet, среди собранныхъ тамъ предположеній удивляешься, видя, насколько аналогіи, относящіяся къ названію *убійство* и *воровство*, но особенно убійство, во всѣхъ арійскихъ нарѣчіяхъ опредѣленны, многочисленны и неоспоримы. Это, разумѣется, подтверждаетъ тотъ взглядъ, который разсматриваетъ убійство, и притомъ убійство безъ корыстной цѣли, какъ обычное преступленіе варваровъ. Наоборотъ, *подлогъ*, злоупотребленіе довѣріемъ, даетъ, въ смыслѣ

Этотъ все менѣе и менѣе высокомѣрный, мстительный и страстный и все болѣе и болѣе сластолюбивый, расчетливый и корыстолюбивый характеръ, который приняла преступность, переходя отъ варварства, я не говорю отъ дикости, къ цивилизаціи, присоединяется къ общимъ причинамъ, которыя при каждомъ общественномъ стрѣе обусловливаютъ въ цивилизованномъ человѣкѣ (по сравненію съ варваромъ) преобладаніе расчета надъ страстью, стремленія къ богатству надъ гордостью. Особенно гордость, гордость крови, гордость скорѣе фамиліальная, чѣмъ индивидуальная, представляетъ собою какъ бы очень крутую психологическую гору, которую умноженіе всѣхъ общественныхъ отношеній, въ концѣ-концовъ, обнажаетъ и постепенно дѣлаетъ болѣе, низкой въ то время, какъ наносъ искусственныхъ потребностей и утонченныхъ наслажденій непрестанно нарастаетъ у ея подножія. Всѣ искусства, вся промышленность носятъ на себѣ слѣды этого великаго духовнаго движенія. Живопись, скульптура, музыка, архитектура, поэзія одинаково начали съ того, что единственной темой считали прославленіе короля, героя или бога, а единственнымъ двигателемъ — артистическую славу, и кончили онѣ всѣ тѣмъ, что стали стремиться удовлетворять потребностямъ комфорта и тонкихъ наслажденій, распространившихся въ обществѣ, или гнаться не только за почетнымъ, но и за матеріальнымъ успѣхомъ, который завоевалъ даже сердца артистовъ. Всякій промыселъ (за исключеніемъ, разумѣется, тѣхъ промысловъ, которые удовлетворяютъ наиболѣе грубымъ потребностямъ, мѣсто лишь для рѣдкихъ и сомнительныхъ филологическихъ столкновеній.

ностямъ и которые я сравниваю съ кражей съѣстныхъ припасовъ и съ антропофагіей, вызванной голодомъ) и всякая промышленность также начинаютъ съ того, что работаютъ на великихъ міра и по большей части для славы ремесленника, и точно такъ же кончаютъ тѣмъ, что служатъ вкусамъ всѣхъ и каждая за денежное вознагражденіе. Насколько роскошь варварскихъ временъ стремится къ пышности и тщеславію, настолько же роскошь позднѣйшихъ временъ стремится къ изяществу, граціи¹⁾, изнѣженности и простотѣ. Какъ прежніе убійцы представляли опасность лишь для тѣснаго круга людей, имѣющихъ съ ними личные счеты, такъ полезность прежнихъ промысловъ оцѣнивалась, и вполнѣ основательно, лишь небольшимъ числомъ лицъ, нѣсколькими семействами, которымъ производитель исключительно посвящалъ свой трудъ. Теперь все общество заинтересовано въ процвѣтаніи всякой новой промышленности такъ же, какъ и въ появленіи новыхъ видовъ преступности.

Замѣтимъ, что эти измѣненія безповоротны. Впослѣдствіи мы будемъ имѣть еще случай повторить это замѣчаніе. Теперь уже непонятно было бы, по крайней мѣрѣ, послѣ воцаренія новаго общества на обломкахъ старой цивилизаціи, возвращеніе нашей корыстной, сластолюбивой и утонченной преступности къ страстной, гордой и грубой преступности нашихъ предковъ, какъ непонятенъ былъ бы переходъ отъ современныхъ драмъ къ трагедіямъ *Rotrou* и даже Расина и мистеріямъ среднихъ вѣковъ, или отъ нашихъ жанровыхъ картинъ къ фрескамъ мо-

¹⁾ См. Rocher и Baudriliart, *Histoire du luxe*.

настырскихъ капелль, или отъ нашихъ желѣзно-дорожныхъ служащихъ къ *братьямъ* среднихъ вѣковъ, которые изъ милосердія дѣлали мосты и дороги, и къ каменщикамъ, строившимъ готическіе соборы, или даже отъ нашихъ аналитическихъ нарѣчій, удобныхъ для всеобщаго употребленія, къ прежнимъ синтетическимъ нарѣчіямъ, сложнымъ, звучнымъ и торжественнымъ, пригоднымъ только для аристократіи празднаго и болтливаго населенія. Эта *безповоротность* характерна для всѣхъ, не только органическихъ, но и физическихъ трансформаций. Ни одно существо не вернулось назадъ по пути своего развитія, ни одна рѣка не вернулась къ своимъ истокамъ. Почему? Чаще всего мы этого не знаемъ; но какъ будто въ томъ, что касается общественной жизни, ходъ законовъ подражанія прекрасно объясняетъ невозможность этого возвращенія; эту невозможность предполагаетъ необходимость ихъ примѣненія.

XIV. Переходя отъ одной цивилизаціи къ другой или просматривая послѣдовательныя сферы одной и той же цивилизаціи, мы видимъ, какъ извѣстныя дѣянія переходятъ изъ разряда крупныхъ преступленій въ разрядъ незначительныхъ проступковъ и дѣлаются, наконецъ, если не похвальными, то, по крайней мѣрѣ, дозволенными, на примѣръ (отъ среднихъ вѣковъ до насъ): религіозное свободомысліе, богохульство, бродяжество, браконьерство, контрабанда, прелюбодѣяніе, содомія; или, наоборотъ, изъ законныхъ и иногда даже похвальныхъ, какими они были раньше, дѣянія становятся сначала нѣсколько порочными, затѣмъ преступными, на примѣръ (отъ древности до среднихъ вѣковъ): абортъ, дѣтоубій-

ство, педерастія, «блудъ». Этотъ двойной путь трансформациі, который состоитъ не такъ, какъ предъидущій, въ измѣненіи факторовъ одного и того же дѣянія, называемаго проступкомъ, но въ различной квалификаціи этого дѣянія, то какъ дозволеннаго, то какъ наказуемаго, этотъ путь совершается подъ вліяніемъ бессознательной послѣдовательности, которая предшествуетъ всѣмъ трансформациямъ обществъ и которая стремится согласовать въ нихъ убѣжденія съ потребностями, а убѣжденія и потребности съ дѣйствіями. Отсюда, когда какое-нибудь новое убѣжденіе, какова христіанская вѣра, или новая потребность, какова политическая свобода, возрастаютъ чрезмѣрно, и происходитъ то всеобщее безпокойство, указывающее на переломъ старой системы стремленій и понятій, главнаго закона жизни. Отсюда же идетъ направленіе мнѣній или страстей, стремящихся, какъ морскіе приливы и отливы, къ возстановленію прерваннаго движенія. Трансформациа, о которой идетъ рѣчь, можетъ сравниться съ той, которая происходитъ подъ давленіемъ тѣхъ же причинъ въ оцѣнкѣ естественныхъ и сфабрикованныхъ продуктовъ. Когда христіанство распространилось въ Римской имперіи, то храмы, статуи боговъ, чувственные картины, амфитеатры, даже самыя бани, имѣвшія раньше огромную цѣнность, достаточное доказательство неслыханной расточительности, быстро обезцѣнились до того, что на нихъ стали смотрѣть какъ на громоздкіе предметы, которые иногда нужно было съ большими издержками разрушать. Позднѣе также достаточно было одной ереси, чтобы свести до минимума цѣнность изображеній святыхъ, которые наполняли

восточную имперію, и поднять противъ нихъ молотъ иконоборцевъ. На биржахъ и въ торговыхъ домахъ знаютъ, что вовсе не такъ - называемый законъ спроса и предложенія повышаетъ и понижаетъ цѣну на акціи какой-нибудь компаніи, на картины какого-нибудь художника или на мебель извѣстной эпохи, но то, что является объясненіемъ этого мнимаго закона: распространенный въ публикѣ ложный или вѣрный взглядъ на извѣстный предметъ или ея капризный вкусъ. Книга, цѣнившаяся раньше на вѣсъ золота, не находитъ покупателей. Александрійская бібліотека безконечно цѣнилась александрійцами, но для Омара она была только помѣхой. Несомнѣнно, что если потребности и дѣйствія согласуются съ понятіями, то понятія, въ свою очередь, съ теченіемъ времени примѣняются къ потребностямъ и дѣйствіямъ ¹⁾, но лишь съ теченіемъ времени. Неправда, что природа дѣйствій, которыя считаются полезными или вредными, добродѣтельными или преступными, и ихъ соотвѣтствующая оцѣнка опредѣляются природой и относительной интенсивностью потребностей, свойственныхъ извѣстному возрасту.

Они скорѣе стоятъ въ соотношеніи съ идеаломъ чести или съ контръ-идеаломъ безчестія, причемъ какъ тотъ, такъ и другой строятся *по поводу*, а не по образцу общихъ потребностей, и притомъ по-

¹⁾ У аеинянъ, по словамъ Лизіаса, оскорбленіе судьи даже при исполненіи имъ его обязанностей было наказуемо лишь тогда, когда наносилось внутри зданія суда, гдѣ предсѣдательствовалъ этотъ судья. Это объясняется, по словамъ Тониссена, закоренѣлой привычкой аеинянъ къ злословію и откровенной болтливости.

требностей прежнихъ, а не современныхъ. Честь и безчестность извѣстнаго времени отвѣчаютъ потребностямъ предыдущей эпохи, чувства переживаютъ свои причины и укореняются послѣ исчезновенія послѣднихъ. Рыцарская честь никогда не давала себя чувствовать такъ живо, какъ при Людовикѣ XIII, когда рыцарство уже утратило свой *raison d'être*. Въ какую другую эпоху такъ процвѣтала дуэль, хотя общественное мнѣніе никогда не противилось этой эпидеміи такъ сильно, какъ тогда?

Развитіе религіозныхъ вѣрованій такъ же, какъ и научныхъ истинъ, по большей части не зависитъ отъ параллельнаго развитія потребностей, хотя и ощущая ихъ противодѣйствіе, и подчиненіе второго первому, то-есть человѣческихъ поступковъ человѣческой мысли, кажется мнѣ преобладающимъ фактомъ въ исторіи. Если пожелаютъ найти, напри- мѣръ, какое дѣяніе считалось для каждой среды общественной жизни наиболѣе преступнымъ, то увидятъ, что таковымъ было дѣяніе, наиболѣе противорѣчившее господствующей догмѣ. Найдутъ также, что драгоцѣннѣйшимъ благомъ всегда считается то, которое удовлетворяетъ наиболѣе согласующуюся съ этой догмой потребность. Въ періодъ теократическій прикасаться къ предметамъ *табу*, къ *нечистому* животному или человѣку, поклоняться иному божеству, чѣмъ божество племени или селенія, допустить, чтобы угасъ священный огонь, богохульствовать, издѣваться надъ погребеніемъ родителей (ставшихъ послѣ смерти богами), не приносить на ихъ могилахъ въ жертву людей или животныхъ— вотъ самыя важныя преступленія. Для послѣдователя Зороастра самымъ важнымъ пре-

ступленіемъ было закапываніе въ землю мертвыхъ; слѣдовало выставять ихъ трупы собакамъ или хищнымъ птицамъ. У грековъ величайшимъ преступленіемъ считалось не завернуть мертваго въ саванъ. Въ тѣ же эпохи божественный талисманъ (полотно Минервы въ Аѣинахъ, щиты, упавшіе съ неба, въ Римѣ, черный камень въ Меккѣ), реликвія божества, святого, предметъ культа — вотъ величайшія сокровища. Сокровищемъ по преимуществу считалось въ средніе вѣка то, что мы теперь называемъ, благодаря лингвистическому пережитку, церковными сокровищами. Далѣе, одной изъ наиболѣе прибыльныхъ формъ мошенничества того времени былъ промыселъ торговцевъ поддѣльными реликвіями или индульгенціями, какъ теперь промыселъ торгующихъ процентными бумагами. Мебель, даже свѣтская, должна была дѣлаться по образцу церковной, парадные стулья имѣли форму церковныхъ сѣдалищъ. Нравственныя чувства настолько зависятъ отъ религіозныхъ вѣрованій въ разсматриваемый нами періодъ, что не только въ Египтѣ и въ Индіи, но отчасти и вездѣ, въ тѣ времена, когда человѣческая жизнь за предѣлами своего племени ставилась ни во что, уваженіе къ жизни животнаго доходило до того, что убійство или пораненіе извѣстныхъ животныхъ считалось въ высшей степени важнымъ преступленіемъ. Задолго до того, какъ появились гуманисты, существовали уже *анималисты* (*animalitaire*), какъ называетъ ихъ Летурно. Это потому, что суевѣрныя идеи внушались уродливымъ, причудливымъ или загадочнымъ видомъ четвероногихъ или пресмыкающихся, служившихъ предметами

всеобщаго почитанія. Впрочемъ, распространеніе религіозныхъ вѣрованій имѣло прекрасные результаты. Когда въ какомъ-нибудь племени, гдѣ стѣсняются убивать соплеменниковъ только, но никакъ не чужеземца, водворяется новая религія, то не только соотечественника, но и *единовѣрца* считается нужнымъ охранять, а убить его считается преступнымъ.

«Какимъ образомъ, — говоритъ Магометъ, — правовѣрный могъ бы убить другого правовѣрнаго?» Онъ не говоритъ только «другого араба». Если дѣтубійство неизвѣстно въ Кохинхинѣ до такой степени, что даже не предусматривается аннамитскимъ уголовнымъ кодексомъ, то это потому, что дѣвушка-мать тамъ ничуть не считается обезценной, наоборотъ, ей легче найти себѣ мужа изъ семьи, гдѣ хотятъ имѣть дѣтей, чтобы увѣковѣчить культъ предковъ ¹⁾).

Вотъ суевѣріе, которое нанесло ударъ одному предразсудку и одному преступленію.

Въ монархической фазѣ обществъ величайшимъ преступленіемъ считается оскорбленіе величества, возстаніе противъ королевской власти, величайшимъ счастьемъ — милость короля, его улыбка или подарокъ. Все наиболѣе цѣнное изъ одежды и утвари дѣлалось по образцу королевскихъ дворцовъ.

Отмѣтимъ, впрочемъ, что эта фаза присоединяется къ предыдущей, но не смѣняетъ ее. Этому противятся теократическія чувства. Можно довольно справедливо судить о природѣ преступленій, считающихся самыми важными для различныхъ эпохъ, по преступленіямъ, которыя всего чаще наказыва-

¹⁾ См. статью д-ра Лоріона (op cit.)

лись смертью. Изъ архива королевскаго двора, по словамъ Оливекрона, видно, что въ XVII вѣкѣ «дворъ немилосердно преслѣдовалъ смертной казнью колдовство, нечестивыя и богохульныя рѣчи противъ Бога, клятвопреступленіе, содомскій грѣхъ», но что «смертная казнь за убійство могла замѣняться штрафомъ въ пользу короля». Тотъ же контрастъ наблюдается въ XVI, XVII, XVIII вѣкахъ въ Англіи и во Франціи. Въ Англіи, гдѣ такъ щедро сыпались смертные приговоры, «очень немногія лица были казнены за убійство». Въ феодальный періодъ самымъ крупнымъ преступленіемъ была *измѣна* (*felonie*), то-есть оскорбленіе верховной власти, самымъ важнымъ преимуществомъ—рыцарскія шпоры; все, что не носило на себѣ отпечатка царственности, было лишено всякой цѣны. До XVI вѣка существовали *преступленія феодальныя, уже исчезнувшія съ тѣхъ поръ, между прочимъ, охота и рыболовство, которыя являются обыкновенными проступками или особаго рода правонарушеніями. Въ нашъ вѣкъ демократизма и индивидуализма самымъ важнымъ преступленіемъ считается убійство, чѣмъ бы ни вызвала его жертва; наиболѣе желательныя блага у насъ — избирательное право, чувственные наслажденія и комфортъ; все изобличаетъ стремленіе къ реализму, индивидуализму, популярности. Даже искусство складывается по этому образцу и измѣняетъ цѣнность своихъ произведеній ихъ популярностью. Во времена Бутелье (XV вѣкъ) стачка рабочихъ въ виду увеличенія заработной платы считалась преступленіемъ ¹⁾; теперь она

¹⁾ См. Du Boys, *Histoire du Droit criminel chez les peuples modernes*, t. 1.

стала проявленіемъ права, почти обязанности. Нужно замѣтить, что въ Аѳинахъ лѣнь бѣдняка считалась преступленіемъ; у богача преступленіемъ считалось расточеніе отцовскаго наслѣдія на роскошь и развратъ. Этотъ послѣдній законъ можетъ находиться противорѣчащимъ демократическому духу аѳинянъ; но античная демократія понимала иначе, чѣмъ наша, культъ семьи и считала аристократію болѣе, чѣмъ кого-либо, обязанной хранить свои семейные очаги.

Я отмѣчаю, не особенно настаивая на этомъ, очевидно безповоротный въ высшей степени характеръ измѣненій, которымъ въ широкой мѣрѣ подверглась преступность съ изучаемой нами точки зрѣнія, другими словами, въ связи съ переворотомъ понятій, возврата къ которымъ теперь нельзя даже себѣ и представить. Такъ, по крайней мѣрѣ, обстоитъ дѣло въ извѣстныхъ случаяхъ, когда, напримѣръ, демократическое направленіе (въ монархической или иной формѣ, безразлично) замѣняетъ направленіе феодальное, и особенно, когда болѣе возвышенная религія замѣняетъ низменный культъ, болѣе совершенная наука или индустрія замѣняетъ науку или индустрію рудиментарную. Несомнѣнно, что ни одна нація, серьезно обратившаяся къ христіанству, не оставитъ его для грубаго культа, вродѣ культа полинезійцевъ, и не станетъ вновь называть преступленіемъ то, что считалось таковымъ раньше, напримѣръ, прикосновеніе къ предмету *табу*. Не менѣе извѣстно, что нація, которая дошла до извѣстной степени просвѣщенія, не станетъ наказывать кого бы то ни было за то, что онъ «сглазиль» урожай или убилъ кого-нибудь

посредствомъ магическихъ заклинаній; извѣстно также, что общество, воспитанное при извѣстномъ уровнѣ нашей современной роскоши, медленнаго наслоенія столькихъ открытій и изобрѣтеній индустрии, которыя вошли во всеобщее употребленіе, не заблагоразсудить заключить въ тюрьму женщину за то, что она носитъ шелковыя платья. Здѣсь, какъ и во всѣхъ подобныхъ примѣрахъ, которые можно насчитывать тысячами, ясно, что невозможность возврата прежнихъ понятій о преступленіи зависитъ отъ невозможности замѣнить наши убѣжденія, наши познанія и нравы, наши понятія и способности, то-есть просто наши открытія и изобрѣтенія, прежними открытіями и изобрѣтеніями. Но существуетъ также много такихъ измѣненій, происшедшихъ въ представленіи о преступленіи, причиной которыхъ было, помимо новыхъ открытій, и изобрѣтеніе, подражательное распространеніе старыхъ, уже извѣстныхъ раньше. Въ этомъ новомъ смыслѣ безповоротность трансформаций, о которыхъ идетъ рѣчь, еще болѣе очевидна, потому что волны подражанія всегда приливаютъ и не знаютъ отлива. Мы знаемъ, что по мѣрѣ того, какъ сосѣднія или отдаленныя другъ отъ друга націи развиваются, вліяя другъ на друга, главенствующая мораль каждой изъ нихъ расширяется и стремится охватить собой всѣ остальные, и это простое расширение сферы долга заставляетъ появляться или исчезать многія преступленія. Когда населеніе какой-нибудь приморской страны входитъ въ продолжительныя сношенія съ иностранцами, плавающими по ихъ морю, то оно перестаетъ считать дозволеннымъ убійство и обращеніе въ рабство потерпѣв-

шихъ кораблекрушеніе, и даже захватъ судовъ, сѣвшихъ на мель у его берега; они издають законы и наказанія для борьбы съ этими дикими поступками и съ тѣхъ поръ никогда уже не рѣшаются нарушать этого постановленія ихъ кодекса. Не будемъ забывать, что величайшимъ преимуществомъ цивилизаціи было то, что она не столько совершенствовала наши естественныя чувства справедливости и милосердія, сколько расширяла возможно дальше границы ихъ примѣненія за предѣлы семьи, племени, города, отечества. Въ исторіи человѣчества не было ничего болѣе замѣчательнаго, чѣмъ это послѣдовательное раскрытіе новыхъ горизонтовъ понятій о преступности, первоначально замкнутыхъ въ кругу домашняго очага, что они никогда не вернутся въ свою прежнюю колыбель. Первый шагъ къ освобожденію былъ во многомъ самымъ труднымъ, и нельзя достаточно отблагодарить наивныхъ изобрѣтателей — такъ какъ здѣсь необходимо было укрѣпленіе извѣстныхъ понятій, — которые придумывали самыя геніальныя средства для обхода затрудненій. Символическими формулами усыновленія, извѣстными церемоніями вродѣ смѣшенія капель крови, чтобы закрѣпить союзъ, они дали возможность семьямъ искусственно расширяться, разумѣется, тогда, когда уже установилась извѣстная степень соціальнаго сходства между семьей и тѣми внѣшними элементами, которые нужно было присоединить къ ея очагу. Особенно своеобразенъ былъ приѣмъ, который наблюдалъ Марко Поло у татаръ: семьи, желающія соединиться, устраивали свадьбу двухъ умершихъ, какъ будто бы они были живы, и съ этого момента ихъ сближали уже узы родства

или свойства. Эти милые и благотворные фикции стоят фикцій нашихъ законовъ - ловушекъ, гдѣ сидитъ въ засадѣ умъ юриста. Прибавимъ, что, благодаря этимъ и другимъ средствамъ, подражательный прогрессъ цивилизаціи имѣлъ слѣдствіемъ не одно только увеличеніе преступленій, въ видѣ дѣяній, не считавшихся прежде преступленіями.

Онъ произвелъ также и обратное дѣйствіе, отмѣну преступленій, считавшихся раньше таковыми, хотя невѣжество и является главнымъ источникомъ предразсудковъ, которые заставляютъ считать проступками безвредныя дѣйствія, и хотя невозможно, чтобы, соприкасаясь между собою все чаще и чаще, общества не просвѣщали другъ друга все больше и больше. Такимъ образомъ, или въ силу законовъ подражанія, которые мы уже знаемъ, или въ силу законовъ изобрѣтенія (которые требуютъ, чтобы болѣе простыя изобрѣтенія предшествовали болѣе сложнымъ или примитивныя—болѣе совершеннымъ), метаморфозы понятія о преступности образуютъ рядъ звеньевъ, порядокъ которыхъ нельзя измѣнить.

Спросимъ себя теперь, есть ли во всѣхъ этихъ трансформацияхъ твердая точка опоры? Мы сказали два-три слова о теоріи *естественнаго преступленія*, намѣченной Гарофало: онъ разумѣетъ подъ этимъ терминомъ оскорбленіе (все равно, когда бы и гдѣ бы оно ни было нанесено) извѣстнаго средняго чувства человѣколюбія или справедливости, границы котораго очень трудно опредѣлить даже приблизительно. Несмотря на неясныя границы, въ которыя его можно заключить, это понятіе, какъ мы уже сказали, содержитъ въ себѣ, въ сущности, неоспоримую истину. Но она требуетъ болѣе точ-

наго опредѣленія, и наша точка зрѣнія даетъ намъ для этого средства. Всѣ черты сходства между живыми существами бываютъ органическаго происхожденія, т.-е. результатомъ наслѣдственной передачи; есть много такихъ, которыя анатомы называютъ *функциональными аналогіями* и о которыхъ они, впрочемъ, говорятъ свысока и съ величайшею небрежностью; эти черты встрѣчаются у животныхъ и растеній, принадлежащихъ къ неродственнымъ семействамъ, или, по крайней мѣрѣ, появляются въ силу какихъ угодно причинъ, только не благодаря кровнымъ узамъ. Таково слабое сходство между крыломъ насѣкомаго и птицы. Таковъ фактъ, что животныя всѣхъ породъ, развиваясь по особымъ законамъ прогресса, имѣютъ голову, органы чувствъ, желудокъ, члены тѣла и т. д. Все это имѣетъ свое значеніе, но ни одинъ анатомъ не окажетъ этимъ чертамъ сходства чести поставить ихъ на одну доску съ часто неясными и неуловимыми, сходственными чертами, появившимися благодаря наслѣдственной передачѣ, и которыя онъ называетъ гомологіями. Точно такъ же подобія, существующія между членами обществъ, не всегда бываетъ социальнаго происхожденія и причина ихъ не подражаніе; много такихъ подобій, самопроизвольное появленіе которыхъ обязано собой, въ различныхъ обществахъ, зависимости отъ одинаковыхъ органическихъ потребностей, борьбѣ съ одинаковыми внѣшними условіями, которыя необходимо использовать ¹⁾.

¹⁾ Въ этомъ случаѣ, замѣтимъ, наблюдается повторяемость по передачѣ изъ рода въ родъ (наслѣдственность) вмѣстѣ съ повторяемостью *par ondulation* (форма повторяемости, присущая всѣмъ физическимъ факторамъ), которая объясняетъ необъясни

Два, даже не родственные между собой, языка имѣютъ общія черты въ отличіи именъ существительныхъ отъ глаголовъ, въ склоненіяхъ и спряженіяхъ; двѣ религіи, не связанные даже общимъ миеологическимъ источникомъ, могутъ обладать миеами о солнцѣ и лунѣ и обожествлять мужскую храбрость и женскую плодовитость. Точно такъ же, независимо отъ всякой традиціи, два государства могутъ быть одинаково республиканскими или монархическими. Можно, если угодно, называть *естественной религіей* тотъ общій фондъ, которымъ обладаютъ всѣ религіи, точно такъ же, какъ и все, что остается въ нихъ почти неизмѣннымъ, несмотря ни на какія трансформациі, хотя и не въ одинаковой степени; скажутъ, можетъ быть, что это—вѣра въ общее божественное начало или вѣра въ будущую жизнь. Такъ и говорилось, но не безъ многочисленныхъ опроверженій. Можно также, хотя и не безъ натяжки во всякомъ случаѣ, называть *естественнымъ языкомъ* совокупность пріемовъ рѣчи, лингвистическихъ изобрѣтеній, посредствомъ которыхъ соприкасаются между собой, сами того не дозрѣвая, всѣ нарѣчія и не перестаютъ еще соприкасаться. Я, наконецъ, не вижу, почему бы не называть *естественными преступленіями* дѣянія, которыя совершаются подъ давленіемъ органическихъ импульсовъ человѣческой природы, поскольку она всегда и вездѣ остается одной и той же, и которыя, въ силу ихъ противорѣчія съ основными условіями общественной жизни, всегда и вездѣ осуждаются и

мыя сходства подражаніемъ. Изъ трехъ формъ повторяемости, которыя я различаю, одна, по крайней мѣрѣ, всегда лежитъ въ существѣ каждаго подобія.

влекутъ за собой безчестіе. Прибавлю, что названіе *естественныя права*, примѣненное къ разряду полномочій, безъ которыхъ общественная жизнь была бы невозможной, справедливо въ такой же степени, и что оно имѣетъ свое право на существованіе въ вышеуказанномъ смыслѣ. Точно такъ же я думаю, что можно было бы установить понятіе *естественной наказуемости*; такъ оно прежде всего заслуживаетъ этого названія. Замѣчательно, что египтяне краснокожіе и африканскіе негры, независимо другъ отъ друга, ввели обычай отрѣзать носы виновнымъ въ прелюбодѣянїи женщинамъ, обычай, по моему предположенію, вызванный желаніемъ обезобразить тѣхъ, кого красота довела до грѣха.

Весталки ацтековъ, какъ и римскія весталки, зарывались живыми въ землю, когда нарушали обѣтъ цѣломудрїя. Съ другой стороны, тальонъ не только былъ распространенъ повсемѣстно, и при томъ или въ формѣ уподобленія ¹⁾ (что бываетъ чаще), или иногда, какъ мы видѣли выше, въ формахъ символическихъ, но и съ исключительной живучестью сохраняется, несмотря на всѣ метаморфозы уголовного права. Даже и теперь не объясняется ли сопротивленіе нѣкоторыхъ народовъ полной отмѣнѣ смертной казни тѣмъ, что она примѣнялась исключительно къ убійцамъ? Такимъ образомъ, я не отрицаю основной идеи естественнаго преступленія, но, объясняя ее, я вмѣстѣ съ тѣмъ намѣчаю тѣсныя границы и да простятъ мнѣ, если, не раздѣляя въ

¹⁾ Т.-е. въ формѣ уподобленія наказанія преступленію: око за око, зубъ за зубъ. Это — такъ-называемый тальонъ матеріальный.

этомъ вопросѣ того пренебреженія, съ которымъ анатомы относятся къ функціональнымъ аналогіямъ, я не буду останавливаться на нихъ слишкомъ долго.

Но въ то же время это объясненіе само нуждается въ объясненіи и развитіи. Эти не имѣющія подражательнаго происхожденія черты сходства, къ которому безсознательно примѣняютъ понятіе *естественнаго*, можно разсматривать подъ тремя углами зрѣнія во всякой области соціальныхъ явленій. Такъ, нѣкоторыми самопроизвольными подобія разсматриваются въ качествѣ присущихъ всякому началу тѣхъ независимыхъ другъ отъ друга соціальныхъ эволюцій, которыя ими сопровождаются. Въ этомъ смыслѣ естественный языкъ, естественная религія, естественный законъ, естественное управленіе, естественная промышленность, естественное искусство могли бы существовать въ чистомъ видѣ лишь въ первобытныя времена и шли бы, безпрестанно измѣняясь, какъ перспектива картины, которая все больше и больше раскрывается, благодаря все болѣе тщательной разработкѣ изображенія. Или, напротивъ, намъ говорятъ объ этихъ такъ-называемыхъ естественныхъ предметахъ, какъ о предметахъ скорѣе идеальныхъ и раціональныхъ, какъ о конечныхъ причинахъ въ Аристотелевскомъ смыслѣ слова; но именно въ концѣ своего развитія, а не въ началѣ появленія различные языки должны были бы обнаружить свою подчиненность единой естественной грамматикѣ, различныя гражданскія и уголовныя законодательства — свою подчиненность единому естественному праву и т. д.

Наконецъ, вмѣсто того, чтобы отмѣчать неподражательное сходство извѣстныхъ опредѣленныхъ или

начавшихся, или законченныхъ состояній, можно скорѣе признать сходство ихъ послѣдовательнаго развитія, и, вмѣстѣ съ нашими эволюціонистами, попытаться слить въ одну формулу развитія, общую для самыхъ разнообразныхъ обществъ, послѣдовательный рядъ ихъ трансформаций. Я признаю, что изъ трехъ этихъ интерпретацій, принимаемыхъ, впрочемъ, въ различной степени, я предпочитаю вторую. Я считаю ее болѣе согласной съ фактами въ сущности, менѣе мистической, несмотря на обманчивую внѣшность, и единственной, которая можетъ согласоваться съ стремленіями разума, причемъ послѣднія сами являются положительными реальностями, данными опыта. Если это первый шагъ къ тому позитивному идеализму, который нужно видѣть въ теоріи Гарофало о естественномъ преступленіи, то я поздравляю его съ такимъ названіемъ и поспѣшу принять его не какъ выводъ изъ прежнихъ понятій о преступности (потому что такой выводъ былъ бы чрезвычайно неточенъ), но какъ планъ будущихъ понятій о преступности, которымъ предстоитъ, мы надѣемся, упроститься и исправиться въ этомъ смыслѣ или въ смыслѣ болѣе интеллектуалистическомъ, но близкомъ къ этой идеѣ.

XV. Какъ факторы и природа преступленій, такъ и приемы ихъ совершенія сильно измѣнялись годъ отъ году; и эта послѣдняя трансформация, въ качествѣ болѣе совершенной, чѣмъ предыдущія, заслуживаетъ поэтому нѣкотораго вниманія. Приемы совершенія преступленія сообразуются съ общимъ курсомъ соціальной эволюціи. Замѣтимъ сначала, что земледѣльческая промышленность отличается отъ промышленности въ собственномъ смыслѣ слова

своей характерной связью съ традиціонными обычаями. Сельская преступность тѣми же чертами отличается отъ городской. Во-вторыхъ, прогрессъ индустріи состоялъ въ томъ, чтобы добиться максимума пользы при минимальной затратѣ человѣческой силы, то-есть замѣнить человѣка все болѣе и болѣе послушными и дешевыми орудіями, другими словами, силами и матеріалами сначала органическими, затѣмъ неорганическими, и довольно часто, если войти въ детали, сначала силами и матеріалами животными, затѣмъ растительными, затѣмъ физическими и, наконецъ, химическими ¹⁾.

Оставаясь неизмѣннымъ, этотъ порядокъ достаточно часто повторяется, чтобы быть замѣченнымъ. Жернова для размалыванія зерна, равнѣ приводившіяся въ движеніе рабами, затѣмъ — лошадьми, теперь вертятся силою вѣтра и воды. Передвиженіе совершалось раньше на спинахъ рабовъ, въ паланкинахъ или на спинахъ лошадей, ословъ, верблюдовъ, слоновъ или въ экипажахъ, запряженныхъ лошадьми; позднѣе обратились къ помощи водяныхъ паровъ,

¹⁾ Разница эпохъ, какъ понимаютъ ее археологи, есть не что иное, какъ неполное осуществленіе этого закона, если принять во вниманіе то, что каменному, грубому и первобытному вѣку, затѣмъ вѣкамъ *бронзовому* и *железному* (эти послѣднія вещества добыты уже химическимъ путемъ) предшествовали вѣкъ *деревянный*, когда единственнымъ оружіемъ и утварью была палка, а еще раньше — вѣкъ, когда человѣкъ ограничивался пользованіемъ своими собственными полуживотными силами или силами своихъ ближнихъ, которые отъ него зависѣли. Но вмѣсто того, чтобы считать эту послѣдовательность періодовъ просто общимъ дѣленіемъ исторіи и доисторическихъ временъ на эпохи, будетъ гораздо правильнѣе и интереснѣе видѣть въ ней прежде всего серію фазъ, пережитыхъ каждой индустріей отдѣльно и въ самыхъ различныхъ эпохи.

добываемыхъ путемъ горѣнія каменнаго угля (ископаемыхъ растений) ¹⁾; въ будущемъ, быть можетъ, обратятся къ сжатому воздуху и электричеству. Жертвы богамъ были сначала человѣческими, затѣмъ—животными и растительными, прежде чѣмъ стать исключительно металлическими. Вопросъ всегда былъ въ томъ, чтобы за самую ничтожную цѣну получить возможно больше. Рогъ домашнихъ животныхъ служилъ раньше для многихъ цѣлей: въ качествѣ рамъ для оконъ, сосудовъ для питья и т. д.; онъ замѣняетъ большую часть услугъ, которыя оказываетъ теперь стекло. Для освѣщенія зажигали раньше сало или жиръ (Неронъ вспомнилъ объ этомъ, когда приказалъ сжечь христіанъ для иллюминаціи своихъ празднествъ) прежде, чѣмъ вошли въ употребленіе факелы съ масломъ изъ оливокъ или изъ другихъ маслянистыхъ плодовъ, наконецъ, дошли до минеральнаго масла или газа. Бурдо въ своихъ *Силахъ промышленности*, отмѣтилъ паразительные примѣры этого рода. Начали запечатывать письма сперва животными продуктами, воскомъ пчель, затѣмъ сургучомъ — продуктомъ растительнымъ, или облатками, или клеємъ. Отъ животнаго угля перешли къ растительному и т. д.

Преступленіе шло аналогичнымъ путемъ. Къ животному яду, употреблявшемуся обыкновенно дикарями, которые смачивали свои стрѣлы ядомъ змѣй,

¹⁾ Здѣсь есть и исключенія. Навигація, напримѣръ, пользовалась руками гребцовъ, затѣмъ—парусомъ и затѣмъ—паромъ. Третій способъ—растительнаго происхожденія—долженъ бы былъ быть, повидимому, на второмъ мѣстѣ. Но въ дѣйствительности этотъ случай входитъ въ общее правило максимальной пользы при минимальной затратѣ силъ.

къ услугамъ отравителей прибавились яды растительные, прославившіеся въ средніе вѣка, теперь же потребляются яды минеральные, фосфоръ и мышьякъ. Первые убійцы должны были убивать и душиť своихъ жертвъ собственными руками, позднѣе они пускали на нихъ разъяренныхъ собакъ или настигали ихъ стрѣлами, которыя направлялъ эластическій лукъ изъ дерева; позднѣе стали направлять противъ нихъ взрывы пороха или динамита.

Прогрессъ охоты, связанный съ прогрессомъ войны, выясняетъ и прогрессъ убійства; убійца, какъ и воинъ, началъ съ охоты на людей. Первые Немроды сами преслѣдовали дичь, затѣмъ они заставили собакъ преслѣдовать и ловить ее или хищныхъ птицъ, затѣмъ обратились къ стрѣламъ изъ лука и пулямъ изъ ружья. Гончая собака появилась раньше лягавой; послѣдняя стала возможной лишь послѣ усовершенствованія метательныхъ орудій и служить ихъ аксессуарами. Въ эпоху, куда не достигаетъ свѣтъ исторіи, мы имѣемъ право думать, что человекъ для борьбы и человекубійственныхъ состязаній бралъ себѣ на помощь, прежде всякихъ достаточно усовершенствованныхъ метательныхъ орудій, укрощенную силу свирѣпыхъ животныхъ, какъ, на примѣръ, собакъ, тогда еще наполовину шакаловъ, а также тигровъ и львовъ, прирученныхъ, какъ при дворцахъ ассирійскихъ царей ¹⁾.

Неизвѣстно, для чего еще могла служить дикая, едва укрощенная собака на этой зарѣ человечества, если не для того, чтобы сражаться за своего хозя-

¹⁾ Многіе римскіе императоры, какъ извѣстно, ѣздили на триумфальныхъ колесницахъ, запряженныхъ ручными львами.

ина. Собака *нападающая* предшествовала собакамъ *защитающей*. Это не все; убійство по порученію, черезъ наемныхъ убійць, которое соотвѣтствуетъ индустріи, развивающейся при помощи труда рабовъ, должно было существовать раньше, чѣмъ убійство при помощи собакъ, тигровъ или львовъ.

Что касается воровства, то максимальная польза при минимальной затратѣ силъ достигалась менѣе измѣненіями приемовъ (хотя и они очень измѣнились), чѣмъ измѣненіями предметовъ воровства.

Сначала похищались цѣлыя стада, какъ и теперь въ Сициліи, затѣмъ цѣлый урожай, что было уже менѣе трудно и настолько же прибыльно, наконецъ, деньги, банковые билеты, личные документы, которые въ небольшомъ объемѣ замѣняютъ собой достаточное количество головъ скота. Но если въ мошенничествѣ въ собственномъ смыслѣ слова видятъ только родъ воровства, то историческое усовершенствованіе приемовъ воровства соотвѣтствуетъ усовершенствованію его объектовъ ¹⁾.

Между кражей скота, даже кражей барановъ Полиема Уллиссомъ, самымъ хитрымъ изъ античныхъ героевъ, и кражей нѣсколькихъ милліоновъ лукавымъ финансистомъ нашихъ дней такое же разстояніе, какъ между смертью Цезаря подъ кинжаломъ Брута и взрывомъ бомбы нигилиста подъ царскимъ поѣздомъ.

¹⁾ Мошенничество шагъ за шагомъ развивается за счетъ обыкновеннаго воровства по тѣмъ же причинамъ, по какимъ косвенные налоги съ каждымъ днемъ приобретаютъ все большее значеніе по сравненію съ прямыми налогами. Потому что они являются въ означенномъ смыслѣ самой совершенной формой налога. Это измѣненіе кажется уже безповоротнымъ.

Еще одно слово объ убійствѣ. По статистикѣ Бурне ¹⁾, я нахожу, что въ Италіи на 2983 кровавыхъ преступленій, совершенныхъ въ 1888 году, самая большая пропорція приходится на убійства ножомъ, стилетомъ, кинжаломъ, затѣмъ палкой, земледѣльческими и другими острыми или тупыми орудіями, которыя требуютъ болѣе или менѣе значительной затраты человѣческой силы.

Ихъ общая сумма поднимается до 1815, въ то время какъ убійства огнестрѣльнымъ оружіемъ поднимаются всего до количества 824. Въ Корсикѣ и Сициліи наоборотъ. Въ Корсикѣ, особенно въ періодъ отъ 1836 до 1846 г., мы насчитываемъ 371 убійство при помощи ружья или пистолета и 69 при помощи ножа или стилета. Точно такъ же убійство въ Италіи, Испаніи и даже Франціи ²⁾ въ отношеніи пріемовъ какъ будто отстаётъ отъ убійства въ Корсикѣ и Сициліи.

Не отстали ли въ преступленіи всего больше тѣ націи, которыя стоятъ впереди въ промышленномъ отношеніи? Какъ бы то ни было, все это не мѣшаетъ прогрессу военныхъ орудій идти такъ же быстро, какъ и прогрессъ фабричныхъ машинъ, въ силу того же научнаго прогресса, что мы въ Европѣ знаемъ слишкомъ хорошо.

У многихъ воинственныхъ народовъ, которыхъ еще не охватила зараза окружающей промышлен-

¹⁾ *La criminalité en France et en Italie.*

²⁾ Въ періодъ отъ 1856 до 1873 года мы находимъ во Франціи 457 убійствъ, совершенныхъ при помощи ножей, стилетовъ или сабель, и только 273 были совершены съ помощью ружья и револьвера; отъ 1836 до 1880 роль пистолета увеличивается, а роль стилета уменьшается.

ности, прогрессъ въ дѣлѣ вооруженія уже очень замѣтенъ. Сколько островитянъ, оставшихся во всѣхъ другихъ отношеніяхъ дикарями, уже пользуются ружьями. Нужно замѣтить еще, что самое грубое орудіе, преимущественно потому, что оно же является и самымъ древнимъ, считается и самымъ благороднымъ. Ножъ больше почитается въ Италіи, чѣмъ ружье ¹⁾.

Въ дѣлѣ вооруженія, какъ и въ дѣлѣ земледѣлія, прогрессъ, очевидно, безповоротенъ. Доказывать это бесполезно.

XVI. Резюмируя всю эту главу, мы имѣемъ право, мнѣ кажется, заключить, что преступность безъ малѣйшаго сомнѣнія предполагаетъ, какъ и всякая другая отрасль общественной дѣятельности, существованіе извѣстныхъ физиологическихъ и даже физическихъ условій, но что въ качествѣ, собственно, индустріи они прежде всего объясняются общими законами подражанія въ своей мѣстной окраскѣ, какъ и въ своей особой для каждой эпохи силѣ, въ своемъ географическомъ распредѣленіи, какъ и въ своихъ историческихъ трансформацияхъ, въ измѣнчивой пропорціи ея различныхъ двигателей, какъ послѣдовательности ея измѣняющихся приемовъ. Мы уже указали какъ важно, съ точки зрѣнія уголовной отвѣтственности, доказать эту мысль, откуда слѣдуетъ, что преступленіе есть актъ, идущій отъ индивидуума не только какъ живого существа, но какъ личности, такой, какою можетъ создать ее только общество, творящееся по образу

¹⁾ У аннамитовъ и китайцевъ обезглавленіе саблею считается національнымъ искусствомъ, которое было бы позорнымъ допустить выйти изъ употребленія.

своему, личности тѣмъ болѣе тождественной себѣ самой, по крайней мѣрѣ, до известной степени, чѣмъ больше она ассимилировалась съ окружающими; тѣмъ болѣе сознательной и независимой, чѣмъ больше она чувствительна къ воспріятію примѣровъ, какъ легкое бываетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ глубже оно дышитъ. Говорять, что наше тѣло — часть сгущеннаго воздуха, живущая въ воздухѣ: не могли ли бы мы съ такимъ же правомъ сказать, что наша душа — часть воплощеннаго общества, живущая въ обществѣ же? Рожденная имъ, она имъ и живетъ, и если перечисленные мною аналогіи нѣсколько, можетъ быть, затянувшіяся, справедливы, то отвѣтственность личности за преступленіе должна признаваться въ меньшей степени, чѣмъ ея гражданская, неоспариваемая и, навѣрное, неоспоримая отвѣтственность.

Остановимся поэтому на этомъ важномъ пунктѣ.

Я ничуть не отрицаю, что въ большей или меньшей степени физическія или фізіологическія возбужденія опредѣляютъ желаніе; но ихъ воздѣйствіе, будучи лишь частичнымъ, ничуть не мѣняютъ отвѣтственности преступника. Напротивъ, они сами со своей стороны состояются въ доказательствахъ его вмѣняемости. Несомнѣнно, что если бы только они одни и дѣйствовали на индивидуума, то онъ вовсе не былъ бы отвѣтственнымъ въ социальномъ отношеніи, потому что это обнаружило бы въ немъ существо, глубоко чуждое обществу другихъ людей; но онъ все-таки могъ бы оставаться отвѣтственнымъ индивидуально. Я хочу этимъ сказать, что въ этомъ случаѣ условіе социальнаго сходства, котораго требуетъ наша теорія отвѣтственности, не было бы

выполнено въ дѣйствительности, но условіе личнаго торжества, являющееся главнымъ реквизитомъ, могло бы быть налицо, несмотря на неизбѣжность внѣшнихъ вліяній. Можно, конечно, видѣть въ календарѣ преступности и во всѣхъ статистическихъ таблицахъ вообще, гдѣ указывается связь между явленіями физическаго или органическаго порядка и ростомъ извѣстныхъ преступленій, *соціологическое* подтвержденіе психофизиологической гипотезы объ ассимиляціи воли съ рефлексивнымъ дѣйствіемъ. Воля, по этой теоріи, отличается отъ рефлексивнаго дѣянія только количествомъ психическихъ элементовъ, тѣхъ воспоминаній, которыя опредѣляютъ первоначальное возбужденіе отъ заключающей его реакціи, которую называютъ волевой, когда исчезаетъ представленіе о сложной связи, соединяющей оба эти предѣла. Статистика могла бы вернуть намъ это утраченное представленіе, или, скорѣе, дала бы намъ возможность пріобрѣсти представленіе, котораго мы раньше никогда не имѣли, заставивъ насъ прикоснуться рукой къ нашимъ скрытымъ порывамъ. Но, допустивъ это и въ извѣстныхъ отношеніяхъ доказавъ, мы должны признать, что отвѣтственность, построенная на принципѣ свободной воли, рушится. Однако, построенная на личномъ тождествѣ, на индивидуальномъ *характерѣ*, она существуетъ при условіи наличности соціальнаго сходства, потому что полученное возбужденіе дѣйствуетъ только потому, что соответствуетъ требованіямъ характера; такое соответствіе является необходимымъ посредникомъ между первымъ и послѣднимъ звеномъ цѣпи. Сверхъ того, никто не узналъ бы истинной природы рефлексивнаго дѣя-

нія, даже самага простаго и неизмѣннаго, если бы въ немъ видѣли только проявленіе причинности безъ всякой конечной цѣли. Этого элементарный рефлексъ, рефлексъ организма, по выраженію Рише, является средствомъ возбужденія въ виду осуществленія интересовъ вида, физическаго организма. Когда налицо желаніе, «рефлексъ приобрѣтенія», то реакція дѣлается средствомъ достиженія частныхъ цѣлей личности.

Не будемъ забывать этой загадочной особенности личности, въ особенности же воздержимся отъ ея полного отрицанія. Не является ли зачастую единственнымъ средствомъ использовать наше невѣжество признаніе неизвѣстнаго? Какъ бы то ни было, волевой актъ всегда зависитъ отъ насъ, будь онъ даже просто-напросто высшимъ рефлексомъ. Но онъ имѣетъ, сверхъ того, отношеніе и къ обществу и, какъ таковой, заставляетъ насъ считаться съ нимъ, когда вызвавшія его причины отчасти или по преимуществу соціальны.

Я не хотѣлъ бы кончить, не предупредивъ, что развитыя ниже аналогіи между преступленіемъ и другими соціальными дѣйствіями, особенно индустріей, не должны заставлять насъ забывать это различіе. Преступленіе—явленіе соціальное, какъ и всякое другое, но въ то же время и антисоціальное, какъ ракъ, участвующій въ жизни организма, но содѣйствующій его умерщвленію.

И дѣйствительно, если Мичлерлихъ могъ сказать, что *жизнь есть гніеніе*, горькая истина, подтвержденная до извѣстной степени новыми химиками, по мнѣнію которыхъ «химическое разложеніе при гніеніи и при внутренне-органическомъ сгораніи пред-

ставляютъ самую полную аналогію», точно такъ же, слѣдовательно, было бы справедливо сказать, что гніеніе есть жизнь, но жизнь убивающая. Преступленіе — промышленность, но промышленность отрицательная, чѣмъ и объясняется его давность: послѣ перваго же продукта, забытаго трудолюбивымъ племенемъ, должна была образоваться шайка грабителей ¹⁾.

Родственное и современное индустріи, которую оно эксплуатируетъ, преступленіе не кажется болѣе, чѣмъ она, позорнымъ по происхожденію.

Они развивались параллельно другъ другу, переходя оба отъ общей формы къ двойной. Вначалѣ индустрія была производствомъ неоплачиваемаго труда, представляемаго даромъ хозяину его подчиненными и господину его рабами; принимая форму обмѣна услугами, она стала коммерціей. Преступленіе, дѣлаясь взаимнымъ, стало войной, обмѣномъ нанесенія ущерба. Какъ мѣна и продажа — взаимная форма передачи, такъ дуэль — взаимная форма убійства ²⁾. И война есть взаимная форма не только

¹⁾ Едва умъ ребенка начинаетъ утверждать, какъ тотчасъ же начинаетъ и отрицать. Эти отрицательныя положенія черпаютъ свои основанія въ логикѣ, какъ и положенія утвердительныя; но они не способны къ такому же развитію, если принять во вниманіе теорію силлогизма. Тѣмъ не менѣе отрицаніе — одинъ изъ полезнѣйшихъ ферментовъ разума.

²⁾ Какъ самоубійство — его возвратная форма. Новые криминалисты охотно выходятъ за предѣлы своего предмета, чтобы заняться вопросомъ о самоубійствѣ, которое относится къ ихъ наукѣ, какъ предметъ города къ самому городу. Я не вижу, почему они не займутся въ такой же степени дуэлью, другимъ, не менѣе опаснымъ явленіемъ. Очень жаль, что не хватаетъ данныхъ для статистики дуелей въ арміи. Разумѣется, большая частота дуелей въ арміи, сравнительно съ гражданскимъ насе-

убійства, но грабежа, воровства и поджигательства; она высшее и самое полное, насколько это возможно, выраженіе обоюднаго преступленія. Несчастье въ томъ, что послѣ появленія этой сложной преступности преступленіе простое, преступленіе въ тѣсномъ значеніи слова, не исчезло. Но то же можно сказать и о первобытной индустріи, выполняемой рабами, которая не безъ сопротивленія уступаетъ мѣсто индустріи свободной, вознаграждаемой, и въ извѣстныхъ странахъ постоянно продолжаетъ идти рядомъ съ послѣдней. Не менѣе вѣрно, что индустрія—природный врагъ рабства, и милитаризмъ—природный врагъ разбоя. Спенсеръ, какъ мы видѣли выше, имѣлъ основанія въ развитіи милитаризма усматривать источникъ уголовной репрессіи.

Это навѣрное такъ, потому что война беретъ начало отъ преступленія, солдатъ происходитъ отъ разбойника, какъ рабочій отъ раба,—вопросъ въ томъ, чтобы произошла эта смѣна.

Это происхожденіе несомнѣнно. Чѣмъ больше мы углубляемся въ прошлое, тѣмъ неопредѣленнѣе становится граница между арміей и разбойничьей шайкой. Еще въ XVI вѣкѣ въ цивилизованныхъ государствахъ Европы не боялись считать разбой правомъ военнаго успѣха. Испанская армія, самая дисциплинированная въ то время, «насчитываетъ въ своихъ рядахъ, говоритъ Форнеронъ, убійць и разбой-

леніемъ, должна быть не менѣ замѣтна, чѣмъ частота самоубійствъ. Если верховная власть примѣра несомнѣнна въ отношеніи къ самоубійству, эпидеміи, которая часто въ нѣсколько дней опустошала фанатическое или терроризированное населеніе, то она еще болѣе очевидна въ отношеніи къ дуэли.

никовъ, которые обязались быть покорными иногда: разбойники, грабившіе по каталонскимъ горамъ, въ тѣ времена, когда ремесло кажется наиболѣе невыгоднымъ, составляютъ товарищество подъ начальствомъ кого-нибудь изъ предводителей, который получаетъ званіе капитана, и вступаютъ всѣ разомъ въ какой-нибудь старый полкъ. Полезное преступленіе доставляетъ чинъ офицера».

До XVII столѣтія даже во Франціи на королевскіе гарнизоны въ городахъ «смотрѣли какъ на настоящій бичъ ¹⁾, и насколько теперь города стремятся имѣть полкъ, настолько раньше они уклонялись отъ этой опасности; было драгоцѣнной привилегіей не имѣть его».

Нѣмецкія, итальянскія и швейцарскія шайки, которыя были на жалованьѣ у Франціи, вели себя во время религіозныхъ войнъ и фронды, какъ въ завоеванной землѣ. Французскія войска поступали не лучше. Всѣ они занимались вымогательствомъ и разореніемъ беззащитныхъ деревень. Арміи, даже правильно организованныя, повсюду стали внушать своимъ соотечественникамъ такой же страхъ, какъ и врагамъ ²⁾.

Съ этой стороны особенно поучителенъ Эукидидъ: то, что онъ сообщаетъ намъ объ отдаленныхъ временахъ Греціи, можетъ быть обобщено. Когда среди острововъ архипелага появляется одно такое же гнѣздо пиратовъ, какъ и другіе, которое начи-

¹⁾ Babeau, *La ville sous l'ancien régime*, t. 2.

²⁾ «Китайскіе рекруты, — говоритъ Морисъ Жаметель, — оказываются въ большинствѣ случаевъ разбойниками, которые спѣшатъ воспользоваться представившимся имъ случаемъ продолжать свои подвиги подъ знаменемъ Сына Неба».

наетъ забиратьъ власть надъ всей группой острововъ, благодаря значенію своихъ пиратскихъ подвиговъ, то оно дополняетъ свою власть, очищая море отъ своихъ прежнихъ коллегъ. Такъ поступилъ Миносъ, по словамъ греческаго историка. «Онъ изгналъ злодѣевъ, занимавшихъ острова, и на многіе изъ нихъ послалъ свои колоніи». Ясно, что ссылка не современное изобрѣтеніе. «Навѣрное,— прибавляетъ Фукидидъ,— тѣ изъ грековъ и варваровъ, которые жили на континентѣ по сосѣдству съ моремъ или занимали острова, не раньше усвоили обычай переѣзжать другъ къ другу на корабляхъ, чѣмъ предались пиратству. Самые могущественные представители націи становились во главѣ ихъ. Они осаждали города, незащищенные стѣнами, и разоряли ихъ.

Въ этомъ занятіи не было еще ничего позорнаго, оно могло даже стяжать нѣкоторую славу.

Греки вели даже на сушѣ междоусобный разбой, и этотъ старый обычай еще держится въ большей части Греціи въ Локридѣ и Озолахъ, въ Этоміи, Аккарпаніи и на всей этой части континента. Обычай постоянно носить оружіе на материкѣ остался среди жителей еще со временъ разбоя» ¹⁾.

¹⁾ Не могло ли бы случайно это происхожденіе войны отъ преступленія быть въ числѣ причинъ обнаруженнаго статистикою факта, что во всѣхъ странахъ наблюдается замѣтное преобладаніе военной преступности надъ преступностью гражданской? Во всякомъ случаѣ есть много другихъ причинъ, которыя состязаются между собой въ объясненіи этого факта. Армія составлена изъ элементовъ исключительно мужскихъ, молодыхъ, неженатыхъ, она образуетъ населеніе, дошедшее до высшей степени сплоченности: всѣ условія, располагающія къ преступленію, — налицо. Затѣмъ къ правонарушеніямъ общаго харак-

Странно, дѣйствительно, видѣть, какъ исторически развиваясь съ возрастающей полнотой и величественностью, бокъ-о-бокъ идутъ, съ одной стороны, этотъ обмѣнъ богатствъ, конкуренція въ сферѣ производства и торговли, съ другой — обмѣнъ преступленіями, разрушительные удары, война.

Огромное разстояніе, которое кладетъ разница простого и сложнаго, односторонняго и обоюднаго между войной и преступленіемъ, не должно насъ поэтому удивлять; это обычный методъ спеціальной логики. Между рабскимъ и наемнымъ трудомъ, оброкомъ и продажей, служеніемъ женщины мужчинъ въ примитивномъ бракѣ и ихъ взаимнымъ союзомъ въ бракѣ современномъ, между почтеніемъ, — вѣжливостью лишь съ одной стороны и вѣжливостью — взаимнымъ почтеніемъ и т. д. лежитъ не

тера военные прибавляютъ еще свои спеціальные пороки и преступления. Какъ бы то ни было, мы констатируемъ, что на 10.000 человѣкъ французская нація даетъ въ среднемъ годовую цифру изъ 40 преступленій, а французская армія — 107 преступленій. Итальянская армія даетъ ихъ 189. Отъ 1878 до 1883 ростъ военной преступности въ Италіи быстро усиливался: съ 3491 преступленій или преступниковъ — она поднялась до 5451, въ то время какъ гражданская преступность осталась приблизительно такой же, какъ и была. (Setti, *L'Esercito e la sua criminalità*, Milan, 1886). Напомню, что самоубійство въ арміи распространено гораздо больше, чѣмъ въ остальной націи, дуэль — тоже самое. (*О самоубійствѣ въ арміи* д-ра Менье, Парижъ, 1881). Въ 1862 г., самоубійство во французской арміи было *вчетверо выше* на одну и ту же цифру населенія, чѣмъ во всей странѣ; но такъ какъ, постепенно понижаясь въ арміи, оно повышалось въ остальной націи до того, что въ теченіе 50 лѣтъ угроилось, то въ 1878 г. это зло въ арміи было уже только на *половину* сильнѣе, чѣмъ во всей остальной Франціи. Пропорція самоубійствъ, впрочемъ, повышается въ арміи по мѣрѣ того, какъ повышаются ступени іерархической лѣтвицы, такъ и въ націи, по мѣрѣ того, какъ повышаются ступени лѣтвицы соціальныхъ условій.

меньшая бездна, чѣмъ между убійствомъ и поединкомъ.

Извѣстно, что преступленіе, по крайней мѣрѣ, теперь, не приноситъ пользы ничему и вредить всему, въ то время какъ война имѣетъ свои глубокія основанія, близкія сердцу обществъ; и несмотря на ошибочный взглядъ на это Спенсера, развитіе военнаго дѣла у какого-нибудь народа находится гораздо чаще въ прямомъ, чѣмъ въ обратномъ соотношеніи съ развитіемъ индустріи. Можно ли вывести отсюда, что до псаявленія первыхъ войнъ убійство и воровство приносили свою пользу? Да, если правда, что простое — дорога къ сложному. Развѣ не необходимо нужно было пройти черезъ рабство, чтобы дойти до взаимопомощи между трудящимися, черезъ паденіе ницъ подчиненныхъ передъ синьоромъ или королемъ, чтобы перейти къ обычному сниманію шляпъ на улицѣ? Развѣ не нужно было пройти черезъ порядокъ приказаній и послушанія, домашнюю, политическую и религіозную автократію, чтобы перейти къ институту контрактовъ, взаимныхъ правъ и обязанностей?

Безъ наступательнаго шествія впередъ и безъ самовольнаго грабежа на зарѣ исторіи появились ли бы когда-нибудь позднѣе завоеванія и большія государства, постоянное условіе высокой, мирной и честной цивилизаціи? Дѣло въ томъ, что преступленіе стало зломъ, ничѣмъ не возмѣщаемымъ, съ тѣхъ поръ, какъ его съ успѣхомъ замѣнили милитаризмъ и война. Армія является гигантскимъ средствомъ осуществить при помощи грабежа и убійства въ широкихъ размѣрахъ всеобщее желаніе удовлетворить чувство ненависти, мести или зависти,

которыя одна нація питаетъ къ другой. Предосудительныя въ своей индивидуальной формѣ, эти низменныя страсти, жестокость и жадность кажутся похвальными въ своей коллективной формѣ. Почему же? Прежде всего потому, что они успокоиваютъ небольшія внутреннія несчастія, вынося ихъ наружу; затѣмъ потому, что они ведутъ къ воинственному разрѣшенію этого затрудненія и территоріальному распространенію мира, который слѣдуетъ за войной. Въ результатѣ, милитаризмъ фильтруетъ преступныя страсти, разсѣяныя въ каждой націи, очищаетъ ихъ съ помощью ихъ концентраціи и оправдываетъ ихъ, заставляя ихъ бороться другъ съ другомъ, въ высшей формѣ, которую они такимъ образомъ приобретаютъ.

Война въ конечномъ подсчетѣ увеличиваетъ поле мира, какъ преступленіе увеличивало нѣкогда поле честности. Такова иронія исторіи.

Но если это такъ, то я не могу отказаться отъ одного соображенія: въ такое время, какъ наше, когда милитаризмъ распространился такъ сильно, не вдвойнѣ ли тяжело констатировать также и распространеніе преступности? Казалось бы, что если бы наша преступность стала уменьшаться, какъ этого можно было бы ожидать, то такое уменьшеніе было бы не слишкомъ большимъ вознагражденіемъ за наше вооруженіе и за наши войска, которыя ежедневно возрастаютъ.

КОМИССИЯ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ДОМАШНЯГО ЧТЕНИЯ, СОСТОЯЩАЯ ПРИ УЧЕБНОМЪ ОТДѢЛѢ ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ТЕХНИЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ.

Москва, Большая Никитская, д. Рихтеръ, кв. № 6.

Правила для сношеній читателей съ Комиссіей при занятіяхъ по программамъ систематическаго курса.

I. Для отдѣльныхъ лицъ.

1) Читатели могутъ пользоваться руководствомъ при занятіяхъ систематическими программами Комиссіи, обращаясь къ Комиссіи за разъясненіемъ встрѣтившихся при чтеніи недоразумѣній и вопросовъ; на отвѣтъ должна быть прилагается почтовая марка.

2) Желающіе пользоваться указаніями Комиссіи въ означенныхъ предѣлахъ уплачиваютъ по 2 рубля за годичный курсъ по каждому изъ слѣдующихъ семи отдѣловъ: науки математическія, физико-химическія, биологическія, философскія, общественно-юридическія, исторія и исторія литературы. Читатели, выбирающіе какую-либо часть одного изъ перечисленныхъ семи отдѣловъ (напримѣръ, астрономію, общую физиологію, русскую исторію, гражданское право и т. п.), платятъ за руководство по 1 р.

Нормой времени для прохожденія отдѣла принято 4 годичныхъ курса, причемъ теченіе каждаго годичнаго срока считается съ мѣсяца записи въ число читателей. Читателю, не успѣвшему къ сроку закончить прохожденіе назначенной на 1 годъ части курса и сообщившему въ концѣ годового срока Комиссіи о ходѣ своихъ занятій, срокъ можетъ быть продолженъ безъ новаго взноса.

Примѣчаніе. Лица, не могущія уплачивать означенныхъ взносовъ по недостатку средствъ, могутъ быть освобождены отъ платы за пользование руководствомъ Комиссіи, по представленіи объясненій о своемъ имущественномъ положеніи.

3) Для большей успѣшности руководства занимающіеся приглашаются сообщать, кромѣ своего имени и адреса ¹⁾, съ обозначеніемъ отдѣла или отдѣловъ, по которымъ они хотятъ заниматься: а) возрастъ, б) какое и гдѣ получили образованіе, в) званіе или сословное положеніе, г) главное занятіе, е) знаютъ ли иностранные языки и какіе и проч.

4) Комиссія предлагаетъ лицамъ, занимающимся подъ ея руководствомъ, слѣдующія льготныя условія по приобрѣтенію книгъ черезъ ея посредство:

а) Комиссія принимаетъ на себя порученія по покупкѣ всѣхъ книгъ, указанныхъ въ Программахъ (какъ необходимыхъ, такъ и рекомендуемыхъ и справочныхъ) и находящихся въ продажѣ, съ уплатой *вз разсрочку*. При покупкѣ книгъ, отмѣченныхъ въ Программахъ звѣздочкой, нужно высылать при заказѣ не менѣе 80% ихъ стоимости, а при покупкѣ прочихъ — не менѣе 80%. При этомъ читатели пользуются уступкой съ номинальной стоимости книгъ въ такомъ размѣрѣ, какой условленъ Комиссіей съ различными книгопродавцами (московскіе читатели — не болѣе 10%).

б) Книги, отмѣченныя въ Программахъ звѣздочкой, читатели могутъ возвращать по минованіи надобности, получая обратно стоимость книгъ, за вычетомъ по 5% съ ихъ номинальной цѣны за каждый мѣсяцъ, въ теченіе котораго книга находилась у читателя; такимъ образомъ, книга, стоящая 1 рубль, по истеченіи мѣсяца со дня полученія ея читателемъ, принимается обратно за 95 коп., по истеченіи 2 мѣс. — за 90 коп. и т. д. По истеченіи 20 мѣсяцевъ книга обратно не принимается.

в) По желанію, книги могутъ быть высылаемы въ переплетахъ; стоимость переплетовъ — 20 или 25 коп. При выпискѣ книгъ необходимо отмѣчать, какія должны быть въ переплетахъ. Съ правомъ обратнаго возвращенія высылаются только *переплетенныя книги*.

Примѣчаніе. Теченіе сроковъ начинается съ 1 и 15 чиселъ, слѣдующихъ за высылкой книгъ читателямъ. *Всѣ почтовые расходы по пересылкѣ книгъ должны быть оплачиваемы читателями.* Книги должны быть возвращаемы назадъ въ пользу исправности и безъ помятокъ, съ указаніемъ фамиліи и адреса лица, которое возвращаетъ книги.

¹⁾ Въ случаѣ перемѣны адреса жительства нужно немедленно сообщать Комиссіи новый адресъ.

б) Въ промежутокъ отъ 15 мая до 15 сентября прекращаются письменныя сношенія Комиссiи съ читателями, касающіяся руководствъ занятиями, всякаго рода разъясненiй и т. п. Прочiя же сношенiя (запись въ число читателей, высылка книгъ, получение ихъ отъ читателей обратно и т. п.) продолжаютъ *круглый годъ*.

б) Черезъ посредство Комиссiи читатели могутъ приобретать лишь книги, указанныя въ Программахъ того курса (а московскiе читатели — того курса и отдѣла), на руководство по которому они записались.

II. Для группъ.

Независимо отъ изложеннаго порядка содѣйствiя со стороны Комиссiи по приобретению книгъ читателями, Комиссiя находитъ возможнымъ, для удобства и въ интересахъ занимающихся подъ ея руководствомъ лицъ, составлять и высылать имъ тотъ или другой подборъ указанныхъ въ ея „Программахъ“ книгъ на слѣдующихъ установленныхъ условiяхъ:

1) Книги выбираются или по усмотрѣнiю Комиссiи или по желанiю занимающихся подъ ея руководствомъ читателей. Въ послѣднемъ случаѣ Комиссiя оставляетъ за собой право ограниченiя такого выбора.

2) Книги отпускаются и обратно принимаются Комиссiей не иначе, какъ безъ помарокъ и переплетенными.

3) Книги высылаются по требованiю не отдѣльнаго лица, а лишь группы лицъ, занимающихся (хотя бы и по различнымъ отдѣламъ) подъ руководствомъ Комиссiи, которая всѣ сношенiя съ означенной группой ведетъ черезъ одно лицо, входящее въ составъ группы и несущее всю отвѣтственность за группу въ ея обязанностяхъ передъ Комиссiей.

4) Всѣ расходы по пересылкѣ книгъ означенная группа принимаетъ на себя

б) Высылаемыя Комиссiей книги считаются купленными поименно извѣстными ей читателями, составляющими группу; при покупкѣ читатели уплачиваютъ 20% номинальной стоимости книгъ въ видѣ задатка.

б) Книги могутъ быть возвращены Комиссiи, которая обязывается въ этомъ случаѣ вернуть задатокъ, удержавъ изъ него лишь то, что причтется за книги испорченныя или невозвращенныя и, сверхъ того, за каждый мѣсяцъ пользования 2% съ общей номинальной стоимости забранныхъ книгъ въ погашенiе расходовъ Комиссiи. Сумму, превышающую размѣръ задатка, лица, пользовавшiяся книгами, обязаны уплатить Комиссiи.

7) Удерживать книги разрѣшается не долѣе 6 мѣсяцевъ со дня ихъ полученiя, причемъ, однако, лица, желающiя пользоваться ими болѣе продолжительное время, могутъ ходатайствовать объ этомъ передъ Комиссiей. Въ противномъ случаѣ книги считаются окончательно купленными, и лица, удержавши ихъ для себя, должны немедленно же, по истеченiи означенныхъ 6 мѣсяцевъ пользования ими, произвести окончательный расчетъ съ Комиссiей, причемъ Комиссiя дѣлаетъ съ номинальной стоимости книгъ ту скидку, какая условлена съ книжными магазинами, доставляющими книги.

Издавъ четыре выпуска программъ для четырехгодичнаго систематическаго курса наукъ, Комиссiя намѣрена выпускать серiи эпизодическихъ программъ по отдѣльнымъ вопросамъ различныхъ наукъ съ дѣлью руководства занятиями по этимъ программамъ. Желающе пользоваться руководствомъ по какой-либо эпизодической программѣ уведомляютъ о томъ Комиссiю по означенному выше адресу, сообщая: 1) свою фамилию, имя и отчество, 2) точный адресъ, 3) возрастъ, 4) родъ занятiй, 5) мѣсто окончанiя или прохожденiя учебнаго курса или степень домашней подготовки. По полученiи отъ Комиссiи извѣщенiя, что руководство для нихъ открыто, они вносятъ плату за руководство въ размѣрѣ, указанномъ особо для каждой программы (отъ 1 р. до 5 р.), и затѣмъ благоволятъ присылать въ Комиссiю письменныя работы на предложенныя въ программѣ темы для отзыва, въ указанномъ въ программѣ порядкѣ, а равно и отдѣльные запросы въ связи съ занятiями по этимъ темамъ. По полученiи первой работы Комиссiя оставляетъ за собой право измѣнить планъ и порядокъ занятiй, намѣченный въ программѣ, примѣнительно къ обнаруженной въ работѣ степени подготовленности. При несогласiи подписчика на это измѣненiе внесенная имъ плата подлежитъ возвращенiю. При каждомъ запросѣ и работѣ прилагается на отвѣтъ 7-коп. марка. Дальнѣйшiя подробности о ходѣ руководства означены особо для каждой программы въ концѣ листа.

Желающiе подписчики могутъ получать чрезъ посредство Комиссiи указанныя въ программахъ книги по номинальной ихъ стоимости, оплачивая почтовые расходы по ихъ пересылкѣ. Книги могутъ быть возвращены въ Комиссiю, причемъ за мѣсячное пользованiе удерживается 5% съ номинальной стоимости книги.

